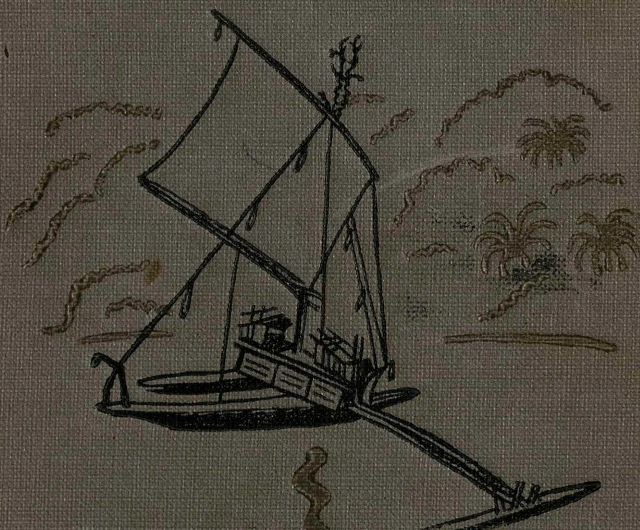
Н. Н. Миклухо-Маклай

W 511/263

ПУТЕШЕСТВИЯ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

1935

W 511/263

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

*

Возвращайте книги в установленные сроки.

*

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

*

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

ЦК ВЛКСМ
ДЕТИЗДАТ

Н. Н. Миклухо-Маклай
(1846—1888)

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

W 511/263

ПУТЕШЕСТВИЯ

Дневники путешествий
на Новую Гвинею и острова Адмиралтейства
в 1871—1883 годах

Вводная статья
А. Б. Пиотровского

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

91
М—59

Для старшего возраста

Отв. редактор К. Шавров. Худож. редактор Ю. Петров. Техн. редактор Е. Дорфман. Корректор С. Шаталов. Сдано в наб. 19/VII 1936 г. Подписано к печати 26/IX 1936 г. Индекс Д—7. Лендетиздат № 89. Ленгорлит № 21633 Тир. 25.000 экз. Заказ № 4316. Бумага 82×110 1/32 Печ. л. 36 3/4 (36 3/4+1 вклейка) Уч. авт. 21,61. 175.400 тип. знаков в 1 бум. л. Бум. л. 18 3/8. Типография „Ленинградская Правда“, Ленинград, Социалистическая, 14.

Цена 6 р. 50 к., переплет 1 р. 50 к.

Всесоюзная Библиотека имени В. И. Ленина
31774-36
2020125473

ОТ РЕДАКЦИИ

В семидесятых и восьмидесятых годах прошлого века в иностранных и русских газетах часто появлялись сообщения об исследователе Новой Гвинеи, долгие годы прожившем среди папуасов, — русском путешественнике Николае Николаевиче Миклухо-Маклае.

В этих газетных заметках нередко бывало больше выдумки, чем правды. Газетные корреспонденты рассказывали всяческие небылицы о жизни Маклая на Новой Гвинее. Одна газета именовала его папуасским королем, другая сообщала, что он нашел богатейшие россыпи золота, а третья — печатала «достоверные сведения» о том, что Маклай убит и съеден дикарями.

Гораздо реже, чем эти вздорные выдумки, появлялись в печати статьи самого Миклухо-Маклая. Это были обычно краткие научные сообщения, написанные сжатым, точным языком ученого, или отрывки из путевых дневников, которые день за днем вел Маклай во время своих далеких путешествий.

Миклухо-Маклай не обработал сам и не опубликовал всего собранного им материала. Для этого у него нехватило времени. Вся его короткая жизнь —

он умер в 1888 году, сорока двух лет отроду — прошла в путешествиях. Он совершил, начиная с 1871 года, четыре путешествия на Новую Гвинею; он объехал многие острова Океании, подолгу жил на Яве, жил в Сингапуре и в Австралии. В Россию, в Петербург, он приезжал ненадолго в перерыве между двумя путешествиями.

Была еще одна сторона деятельности Миклухо-Маклая, которую он сам считал не менее важной, чем свою научную работу: в последние годы своей жизни он вел переговоры с местными колониальными властями в Океании и с русским правительством. От колониальных чиновников он требовал, чтобы они обуздали произвол торговцев, обиравших туземцев, а перед царским правительством ставил вопрос об организации на Новой Гвинее или на каком-либо другом из островов Океании русской колонии, — но не обычной колонии, а такой, в которой туземцы были бы свободны, автономны и управлялись бы по своим собственным законам.

Конечно, царской России ни к чему была колония, населения которой нельзя эксплуатировать, и Маклай добился лишь того, что прослыл утопистом и чудаком.

Долго, почти тридцать пять лет после смерти Миклухо-Маклая, пролежали его бумаги неразобранными. Только после Октябрьской революции, в 1923 году, в Москве был напечатан первый том его трудов, подготовленный к печати известным географом Д. Н. Анучиным. В этот том вошла часть дневников Маклая и некоторые его статьи о папуасах.

О путешествиях Миклухо-Маклая написано несколько книжек для детей и для юношества. Тут и

«Человек с луны» Васильевой, и «Один среди дикарей» Пименовой и многие другие. В основу всех этих книг положены подлинные дневники Миклухо-Маклая. Писатели пересказали их, более или менее далеко отклонившись от подлинника. Книги получились чрезвычайно интересные.

Однако мы полагаем, что подлинные дневники знаменитого путешественника, в которых он сам подробно рассказывает о своей жизни и о своих исследованиях в далеких тропических странах, будут еще интереснее для молодого читателя. Дневники Миклухо-Маклая помогут читателю представить себе не только природу островов Океании, не только быт туземцев, — они дадут ему возможность услышать живой голос великого путешественника.

В наше издание входят дневники путешествий Миклухо-Маклая на Новую Гвинею и острова Адмиралтейства. [1]

Дневники подверглись некоторому сокращению. В тех немногих случаях, когда длинноты отдельных фраз и некоторые грамматические шероховатости затрудняли чтение, мы позволили себе отступить от подлинного текста.

Большинство иллюстраций — это рисунки самого Миклухо-Маклая; некоторые фотографии и рисунки заимствованы из книг о Новой Гвинее О. Финша,

[1] Текст дневников дан по следующим источникам: новогвинейские дневники — по их первому изданию (издательство «Новая Москва», 1923 г.); дневник путешествия в 1876 году по островам Адмиралтейства — по журналу «Известия Русского географического общества», т. XIV, 1878 г., дневник посещения острова Андра в 1879 году — по журналу «Северный вестник», № 12 за 1887 г. и № 1 за 1888 г.

Б. Хагена, Р. Паркинсона и др.; зарисовки туземных орудий и предметов утвари сделаны художником С. М. Дудиным.

В приложенной статье ученого этнографа А. Б. Пиотровского даны краткие сведения о жизни Миклухо-Маклая и научном значении его исследований. Более подробно в статье говорится о тех путешествиях Маклая, которые в опубликованных дневниках не описаны.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МИКЛУХО-МАКЛАЙ

1846—1888

1

Николай Николаевич Миклухо-Маклай родился 5 июля 1846 года в селе Рождественском, близ города Боровичей Новгородской губернии. Отец его был инженером. Он умер, когда Николаю было всего одиннадцать лет. Тогда же мальчика отдали в немецкую петербургскую школу, а через год перевели во вторую гимназию. Однако Миклухо-Маклай гимназии не кончил: он плохо мирился со школьной дисциплиной, нередко вступал в споры с преподавателями и был исключен из шестого класса под предлогом неуспешности в некоторых предметах.

Семнадцати лет отроду Миклухо-Маклай поступил вольнослушателем в Петербургский университет на физико-математический факультет, но и здесь не поладил с начальством, и уже в 1864 году был уволен на том основании, что неоднократно нарушал правила, установленные для вольнослушателей. К увольнению Миклухо-Маклая из университета была причастна и полиция. В архиве университета сохранилась бумага петербургского обер-полицеймейстера с требованием взять у Миклухо-Маклая

подписку в том, что он не будет более являться в университет. В своей автобиографии Николай Николаевич пишет, что из Петербургского университета он был исключен без права поступления в другие русские университеты.

Потеряв возможность учиться в России, Миклухо-Маклай в том же 1864 году уехал заграницу, в Германию, и с этих пор начались его скитания по заграничным университетам. Сначала Миклухо-Маклай поступил на философский факультет Гейдельбергского университета, потом на медицинский факультет в Лейпциге, а оттуда перебрался в Иену. В Иене он снова поступил на медицинский факультет и слушал там лекции выдающихся ученых того времени — биологов, антропологов, медиков и др.

Шестидесятые годы прошлого века были годами расцвета естественных наук. Открытия Чарлза Дарвина произвели в биологии настоящую революцию. В основу всего дальнейшего развития естественных наук легло Дарвиново учение об изменчивости, о постепенном развитии растений и животных, включая и человека, из более простых форм в более сложные. Краеугольным камнем учения Дарвина была теория естественного отбора. Дарвин учил, что в борьбе за существование выживают организмы, наиболее приспособленные к условиям окружающей среды.

Миклухо-Маклай особенно увлекся сравнительной анатомией. Эта наука изучает сходство и различие животных форм, стремится установить родство между организмами различных видов. Дарвинизм влил новое содержание в анатомию, и с этого времени биологи стали считать своей главной задачей — уяс-

нить себе происхождение различных животных видов и весь путь их развития.

В 1866 году Миклухо-Маклай предпринял свое первое путешествие за пределы Европы, на Канарские острова. Он был в то время ассистентом известного зоолога, пропагандиста Дарвиновой теории, профессора Эрнста Геккеля. Экспедиция проработала около четырех месяцев на острове Ланцероте. Миклухо-Маклай занимался там анатомией губок и изучением мозга хрящевых рыб.

В следующем году для продолжения сравнительно-анатомических работ Миклухо-Маклай отправился с доктором Дорном в Мессину, на остров Сицилию.

Доктор Дорн был ревностным пропагандистом морских зоологических станций. На таких станциях, по идее Дорна, ученые изучают морских животных в условиях окружающей их естественной среды, а не только на лабораторном столе. Впоследствии Дорн основал образцовую зоологическую станцию в Неаполе. Миклухо-Маклай тоже горячо сочувствовал этой идее, и много лет спустя ему удалось организовать зоологическую станцию в Сиднее, в Австралии.

В феврале 1868 года Миклухо-Маклай предпринял путешествие на берега Красного моря. В то время такое путешествие было делом не только трудным, но и очень опасным. Арабы относились ко всем европейцам чрезвычайно враждебно, и, чтобы не быть убитым или проданным в рабство, Миклухо-Маклай был вынужден выдавать себя за ученого арабского доктора: он носил чалму и бурнус, брил голову, тщательно соблюдал все мусульманские рели-

гиозные обряды. Прежде чем отправиться в путешествие, Миклухо-Маклай изучил арабский язык, — благодаря этому обман его вполне удался, и в арабском докторе никто не заподозрил европейца. Однако молодому ученому понадобилось немало хладнокровия и выдержки, чтобы до конца играть взятую на себя роль. Путешествие было очень трудным: нередко Маклаю приходилось голодать, не раз ему грозил солнечный удар, когда при тридцатипятиградусной жаре он собирал морских животных на коралловых рифах; не избег он и лихорадки и цынги.

Это путешествие было для него «боевым крещением». Оно приучило его бороться с лишениями, не считаться с жарой, развило в нем выдержку и осторожность — качества, необходимые в общении с туземцами.

В июле 1869 года Миклухо-Маклай вернулся через Константинополь в Россию. Однако в России он прожил недолго. Вскоре его всецело захватила мысль о новом путешествии. Молодого ученого привлекала богатейшая фауна Тихого океана. Изучение тихоокеанской фауны казалось ему особенно важным, — именно там он рассчитывал найти ответ на ряд сложных вопросов эволюции животных и, в частности, на важнейший вопрос о зависимости организации животных от условий окружающей среды.

Миклухо-Маклай рассчитывал также, что путешествие в Тихий океан даст ценный материал для освещения одного из самых жгучих вопросов антропологии (науки о человеке) — вопроса о единстве человеческого рода. В то время в антропологии велась ожесточенная борьба между «моногенистами»,

которые утверждали, что человеческие расы произошли от одного ствола, и «полигенистами», пытавшимися доказать, что человеческие расы произошли от нескольких независимых друг от друга стволов. Белый человек и черный человек — утверждали полигенисты — представляют две различные породы, настольке же несхожие между собой, как сова и орел.

Отсюда полигенисты делали вывод, что человеческие расы неравноценны: одни люди — белые — самой природой предназначены для господства, другие — цветные — неспособны развиваться и обречены на подчинение.

Из русских ученых того времени к числу горячих последователей теории единства человеческого рода принадлежал академик Бэр. Он указывал, что аргументы полигенистов не опираются на проверенный фактический материал и что для решения вопроса о том, действительно ли существуют «низшие» расы, которые по самому своему анатомическому устройству неспособны к культурному развитию, — необходимо глубокое и всестороннее изучение людей различных рас, от европейцев до жителей тропических стран.

«Является желательным и, можно даже сказать, необходимым для науки изучить полнее обитателей Новой Гвинеи», писал Бэр в одной из своих статей.

Под влиянием Бэра Миклухо-Маклай и наметил первым этапом своей экспедиции в Тихий океан Новую Гвинею. В 1870 году он обратился в Русское Географическое общество с проектом экспедиции, рассчитанной на семь-восемь лет, причем первый

год он предполагал провести в тропиках, а потом постепенно продвигаться на север, до берегов Охотского и Берингова морей. «Первым же полем моей деятельности, — писал Миклухо-Маклай, — будет Новая Гвинея».

Программа экспедиции была задумана очень широко: в нее входили не только исследования по специальности Миклухо-Маклая — зоологии и сравнительной анатомии, — но также и по метеорологии и по антропологии и этнографии. Однако этот проект не встретил сочувствия в Географическом обществе, большинству членов которого экспедиция в далекий Тихий океан представлялась чем-то неинтересным и ненужным.

Лишь после многих хлопот Миклухо-Маклай добился разрешения отправиться в Тихий океан на одном из военных судов. Ему выдали субсидию в 1350 рублей, в остальном же он был всецело предоставлен собственным силам.

27 октября 1870 года Миклухо-Маклай выехал из Кронштадта на корвете «Витязь», который отправлялся в кругосветное плавание и по пути должен был высадить ученого на Новой Гвинее.

2

«Витязь» пересек Атлантический океан, зашел в Рио-де-Жанейро, а оттуда направился вокруг мыса Горн в Вальпарайсо. Из Вальпарайсо он взял курс на остров Пасхи и 24 июня 1871 года лег в дрейф на рейде местечка Ангароа.

Маленький, площадью всего в 118 квадратных километров, остров Пасхи, принадлежащий южно-

американской республике Чили, лежит совершенно уединенно в юго-восточной части Тихого океана. Свое название он получил от голландского адмирала Роггевейна, который открыл его в день Пасхи, 6 апреля 1722 года. Туземное название острова — Рапа-Нуи. Остров пустынен и бесплоден. Его экономическое значение ничтожно, но на этом островке уже первые путешественники нашли остатки интересной древней культуры: колоссальные (до 15 метров высоты) каменные статуи и деревянные дощечки с вырезанными на них письменами, которые не расшифрованы еще и до сих пор.

К сожалению, Миклухо-Маклаю не пришлось даже высадиться на берег: «Витязь» простоял у острова Пасхи всего только два часа, так как в это время года капитан считал небезопасной стоянку у острова, имеющего лишь открытые рейды.

Следующей стоянкой «Витязя» был остров Питкерн. К этому острову корвет прибыл 2 июля. Лихорадка не позволила Миклухо-Маклаю съехать на берег, но все же он вышел на палубу, чтобы полюбоваться красивым, покрытым зеленью, возвышенным островком.

Несмотря на то, что корвет держался довольно далеко от берега, к нему подъехали туземцы на небольших узких пирогах. Они были одеты в рубашки и длинные штаны и все говорили по-английски. Островитяне привезли фрукты, овощи, свиней, кур, уток. Все это они выменяли на старое белье, платье, посуду, порох, краски; от денег они отказывались. В тот же вечер «Витязь» продолжал свой путь, и таким образом Миклухо-Маклаю удалось только мельком познакомиться с питкернцами. А между

тем ему очень хотелось познакомиться с ними поближе, потому что история заселения острова чрезвычайно романтична.

История эта вкратце такова.

23 декабря 1787 года из английского порта Спитхед отплыл военный корабль «Bounty» («Великодушие») со специальным заданием перевезти с архипелага Таити на Антильские острова хлебное дерево. Капитан «Bounty» Блай, спутник Кука в его последнем путешествии, был опытным мореплавателем, но отличался чрезвычайной жестокостью. Вскоре среди матросов началось глухое брожение. 28 апреля 1789 года на корабле вспыхнул мятеж. Матросы арестовали капитана и большинство офицеров корабля, посадили их в шлюпку и, снабдив солониной и несколькими боченками пресной воды, предоставили их своей судьбе. Только немногие из офицеров, те, которые хорошо обращались с матросами, не разделили участи капитана и были оставлены на корабле. С большим трудом капитан Блай и его спутники добрались до острова Тимора и оттуда вернулись в Англию.

Узнав о мятеже, правительство послало в Тихий океан фрегат «Пандору» для поимки бунтовщиков. После долгих поисков — на Таити, в бухте Матавай, в туземной деревне «Пандора» обнаружила двух офицеров с «Bounty» из числа тех, которых пощадили мятежники.

Эти офицеры рассказали, что, оставив шлюпку Блая на произвол судьбы, мятежники отправились к архипелагу Таити. В тот же день они достигли острова Тубуай. Здесь они предполагали высадиться на берег, но, встретив сопротивление туземцев, вы-

нуждены были бежать и направились в бухту Матавай на острове Таити. Однако в эту бухту часто заходили европейские суда, и потому скрываться в ней было небезопасно.

Несколько месяцев блуждало судно от острова к острову в поисках убежища. Наконец, утомленные постоянными столкновениями с туземцами, мятежники вернулись обратно в бухту Матавай. Бо́льшая часть матросов немедленно съехала на берег, чтобы запастись провизией. На «Bounty» остались лишь немногие матросы, принимавшие наиболее активное участие в мятеже, во главе с руководителем восстания — Христианом. Не доверяя товарищам, которые давно уже выражали недовольство Христианом, мятежники подняли паруса и уплыли в море прежде, чем съехавшие на берег матросы могли угадать их намерение.

Матросы, оставшиеся на Таити, поступили по-разному: одни расселились по таитянским деревням и зажили мирной жизнью, другие же, из страха перед смертной казнью, ожидавшей их в случае поимки, решили построить судно, вернуться в Европу и под чужими именами начать новую жизнь за пределами Англии. После нескольких месяцев упорного труда они построили небольшое судно, которое назвали «Решение», и пустились в свое опасное путешествие. Судьба их осталась навсегда неизвестной.

Что же касается тех мятежников, которые отправились на «Bounty» дальше, то их долго не удавалось разыскать. Прошло двадцать пять лет, вся история была уже давно забыта, когда английская эскадра, крейсировавшая в Тихом океане, подошла к маленькому уединенному острову Питкерн, лежа-

щему в 1200 милях к западу от Таити. Командир эскадры Стайн решил найти место, удобное для якорной стоянки, и исследовать заброшенный островок. Приближаясь к берегу, он был очень удивлен, увидав хижины, плантации и двух туземцев, спускавших на воду лодку. Изумление его достигло крайних пределов, когда туземцы, подойдя к кораблю, заговорили с матросами по-английски. Из рассказов этих туземцев выяснилось, что они — потомки мятежников с «Bounty». Один из них оказался сыном Христиана.

Основанная мятежниками колония существует до сих пор.

Продолжая свой путь, «Витязь» подошел рано утром 8 июля к острову Мангарева. Корвет бросил якорь недалеко от главного селения, расположенного у подошвы живописной горы Дуф. Около полудня на корвет приехали с острова два миссионера. Сопровождавшие их туземцы привезли на продажу фрукты, жемчуг, перламутр. Все это они старались выменять на старое белье и платье; особенно ценились ими рубашки. Кроме вещей, они соглашались принимать также серебряные чилийские доллары. О ценности денег туземцы имели самое неясное представление: многие не хотели брать золотых монет, требуя непременно серебряных.

Несколько дней стоянки корвета Миклухо-Маклай провел на берегу, занимаясь антропологическими измерениями.

Возобновив запас пресной воды и провизии, «Витязь» продолжал свое плавание к берегам Новой Гвинеи. По дороге корвет заходил еще в Папеити на острове Таити и в Апию на острове Уполу в архи-

пелаге Самоа. (На Самоа Миклухо-Маклай нанял двух слуг, о которых он так много пишет в своем дневнике, — шведа Ульсона и полинезийца Боя.) Затем «Витязь» зашел на остров Ротуму и в порт Праслин на Новой Ирландии.

Седьмого сентября 1871 года, на триста шестнадцатый день плавания, корвет бросил якорь в заливе Астролябии у северо-восточного берега Новой Гвинеи.

3

Остров Новая Гвинея, изучение которого стало с этого времени главным делом жизни Миклухо-Маклая, — это второй по величине остров на земном шаре. Площадь его равна 804 500 квадратным километрам.

В глубине острова возвышаются высокие, выше снеговой линии, горы. Природа Новой Гвинеи поражает взгляд европейца роскошью и разнообразием форм. Весь остров порос непроходимыми лесами, — пальмами, фикусами, мангровыми деревьями, панданусами, араукариями.

Русский ботаник В. Арнольди пишет о новогвинейских панданусах:

«Трудно представить себе что-либо более оригинальное, чем эти деревья. Они стоят точно на подпорках, так как от их стволов вырастают многочисленные корни, которые углубляются в землю. Их листья, узкие и длинные, обыкновенно снабжены острыми шипами по краям и сидят винтообразно на концах ветвей дерева».

Высших животных — млекопитающих — на Новой Гвинее мало: одни только кабаны, мыши и ле-

тучие мыши. Как и в Австралии, тут водятся сумчатые: кенгуру и кускус. На Новой Гвинее водятся также огромные ящерицы-вараны. Зеленый варан достигает метра длины; кожей его туземцы обтягивают свои барабаны.

В реках много крокодилов, которые, впрочем, не опасны, так как никогда не нападают на человека.

Мир птиц здесь богаче, чем в каком-либо другом месте земного шара: только на Новой Гвинее и на близлежащих островах водятся райские птицы с ярким оперением. В новогвинейских лесах множество попугаев, больших казуаров, венценосных голубей и других птиц.

Новая Гвинея славится гигантскими бабочками; размах их крыльев достигает двадцати сантиметров. Туземцы охотятся на этих бабочек с настоящим луком и стрелами, только маленькими.

Коренные жители Новой Гвинеи папуасы, пигмеи и меланезийцы. Все эти племена сходны между собой. Папуасы живут главным образом внутри острова, меланезийцы же населяют исключительно морское побережье. «Пигмеями» называют малорослые племена, живущие разбросанно, мелкими группами, в разных частях Новой Гвинеи.

Все туземцы острова занимаются земледелием (огородничеством). Важное значение в их хозяйстве имеет добывание саго. Саго — это крахмал, получаемый из сердцевины саговой пальмы. Туземцы едят эту мучнистую массу в печеном или вареном виде.

Подсобные отрасли хозяйства туземцев — охота и рыбная ловля. Охотничье оружие новогвинейцев — лук, стрелы и копья. Охотятся они главным обра-

зом на кабанов. Туземцы отправляются на кабанью охоту целыми деревнями и устраивают большие облавы, выжигая траву и кустарник. Пойманных на охоте поросят берут с собой в деревни и выкармливают как домашних животных. Кроме свиньи, единственное домашнее животное — собака; собачье мясо туземцы едят, и оно считается лакомым блю-

Новогвинейский пандэнус

дом. Рыбу ловят чаще всего по ночам с лодки-пироги, острогой, при свете факелов. Лодки у новогвинейцев долбленые, из целого ствола дерева.

По уровню развития техники все новогвинейские племена не вышли из того состояния, которое в науке называется новым каменным веком, или неолитом, то есть эпохой шлифованных каменных орудий. Главное орудие новогвинейцев — это камен-

ный топор. Им рубят деревья, выдалбливают из древесных стволов лодки и т. д. Шлифуются топоры на точильном камне (песчанике).

Первобытному уровню хозяйства новогвинейских туземцев соответствует и их общественное устройство. Все туземные племена Новой Гвинеи живут родовым, первобытно-коммунистическим строем. У многих племен все члены рода живут в одном «длинном доме» (до полутораста метров длины). Земля принадлежит всему роду, и члены рода обрабатывают ее сообща. За убийство сородича обязаны мстить все члены рода убитого всем членам рода убийцы.

Чтобы стать полноправным членом рода, юноша должен пройти сложный обряд посвящения. Во время этого обряда туземцы устраивают пышный праздник. На пир сходятся мужчины из соседних деревень, — женщины и дети к участию в торжестве не допускаются.

Каждый род имеет своего старшину; однако власть его невелика: все важные дела решает совет старших членов рода.

4

В то время, когда Маклай предпринял свое путешествие, Новая Гвинея была для европейцев почти неведомой страной.

«Рифы около ее берегов, — говорит Элизе Реклю, — болота, леса и даже самая ее громадность охраняли ее от белых завоевателей».

Первым европейцем, посетившим Новую Гвинею, был португальский мореплаватель Иоргэ де Менезес,

корабль которого в 1526 году прибило бурей к северному берегу острова. В 1545 году остров посетил испанский мореплаватель Иньиго Ортез де Ретез, который и назвал остров Новой Гвинеей: здешние туземцы показались ему похожими на негров африканской Гвинеи. В XVIII и начале XIX века берега Новой Гвинеи посетили многие знаменитые путешественники: Кук, Дантркасто, Дюперре, Дюмон Дюрвиль и другие.

В 1824 году во владение островом вступили Англия и Голландия. Голландия захватила западную часть острова, Англия — восточную. С этого времени английские ученые начали энергично изучать Новую Гвинею. В 1835 году Блэквуд составил карту юго-восточных береговых областей. В 1850 году Оуэн Стэнли открыл горы, названные его именем. В 1858 году Новую Гвинею посетил знаменитый английский натуралист Альфред Рэссель Уоллес. Он положил начало более глубокому изучению фауны и флоры Новой Гвинеи.

И все-таки к началу 1870-х годов, когда Миклухо-Маклай предпринял свое путешествие, не только внутренняя часть Новой Гвинеи была еще совершенно не исследована, но даже и берега были изучены далеко недостаточно. В частности побережье залива Астролябии, которое Маклай избрал местом своей высадки, до него не посетил ни один европеец. (Дюмон Дюрвиль, открывший этот залив в 1827 году во время кругосветного плавания на корвете «Астролябия», не высаживался на берег, а производил съемку берега с корабля).

Туземцы встретили русских моряков с видимым страхом и недоверием. Правда, они пускали их

в свои деревни, не выказывали никакой неприязни к ним и при встречах клали в знак миролюбия оружие на землю, но самым тщательным образом прятали женщин и детей. За все время стоянки корвета в заливе Астролябии моряки не видели ни одной женщины. Папуасы не доверяли белым и очень боялись их. Стоило, например, зажечь спичку, чтобы они бросались бежать. И все-таки, решив поселиться на берегу, Маклай подвергал себя громадному риску. После ухода корвета с многочисленным экипажем, с пушками на борту, туземцы могли по-своему расправиться с путешественником. Но Миклухо-Маклай был не из тех людей, которые отступают перед опасностью.

Несмотря на то, что командир «Витязя» всячески отговаривал его оставаться на Новой Гвинее, Маклай не отказался от своего намерения и просил командира как можно скорее приступить к постройке дома.

В несколько дней матросы корвета выстроили для него хижину на сваях.

Маклай ни на минуту не упускал из вида, что он может погибнуть. Перед уходом корвета он указал командиру «Витязя» место, где он зароет свои бумаги в том случае, если ему будет грозить смерть. Он заранее позаботился о том, чтобы после его смерти результаты исследований, ради которых он рисковал жизнью, были бы сохранены для науки.

15 сентября 1871 года корвет снялся с якоря, оставив на берегу Миклухо-Маклая и двух его слуг— Ульсона и Боя.

В своем дневнике Маклай подробно рассказывает, как прожил он среди папуасов этот первый год; ка-

кие трудности и лишения пришлось ему перенести; как, измученный болезнью, умер его слуга полинезиец Бой; как удалось ему постепенно приобрести доверие и дружбу туземцев.

Ни постоянная лихорадка, ни многочисленные трудности в работе не сломили энергии Маклая. Это первое его путешествие на Новую Гвинею дало большие и ценные материалы, и научный подвиг Миклухо-Маклая скоро стал широко известен

Прошло больше года со дня высадки Маклая на берег залива Астролябии, когда в одной австралийской газете появилось известие, будто в залив заходило купеческое судно и нашло в живых только слугу Маклая, шведа Ульсона. Слух об этом дошел до Петербурга, и клиперу «Изумруд», находившемуся в кругосветном плавании, поручено было зайти на Новую Гвинею.

Один из офицеров «Изумруда» описал по возвращении свое путешествие в интересной статье, помещенной в «Вестнике Европы» за 1874 год («В поисках за Миклухо-Маклаем»).

«Находясь в трех или четырех милях от порта Константина, — говорится в статье, — моряки направили на берег подзорные трубы и бинокли, выискивая признаки отшельника, хотя в душе все отчаялись найти его живым».

Наконец один из офицеров заметил русский флаг, развевавшийся между ветвями громадных деревьев. Он пришел в такое волнение от своего открытия, что едва мог сообщить о нем командиру. Клипер прибавил ходу, и скоро моряки увидели дом, увидели, как от берега отвалили две пироги и направились навстречу клиперу. В одной из них сидел

худой, обросший бородою, в истрепанном платье европеец, который к общей радости оказался мнимо-умершим Маклаем.

На следующий день Маклай объявил папуасам о своем отъезде. Горю туземцев не было границ; они всячески упрашивали своего белого друга остаться. Порешили на том, что он уедет ненадолго и снова вернется к ним.

10 декабря 1872 года Маклай и Ульсон перебрались на клипер, и «Изумруд» снялся с якоря.

5

Результаты своих естественно-исторических, антропологических и этнографических исследований Маклай впоследствии опубликовал в русских и иностранных научных журналах.

Наибольшее научное значение из этих статей имеют «Антропологические заметки о папуасах берега Маклая в Новой Гвинее» и «Этнологические заметки о папуасах берега Маклая в Новой Гвинее».

В «Антропологических заметках» Маклай первый подробно описал физический тип папуасов залива Астролябии. Он опроверг распространенное в науке того времени мнение, будто папуасам присущи особые свойства — свойства «низших» рас, которые отличают их от людей «высших» рас. Так, он говорит:

«Я никоим образом не могу согласиться с авторами, которые приписывают папуасам какую-то особенную жесткость кожи. Не только у детей и женщин, но и у мужчин кожа гладкая и ничем не отличается в этом отношении от кожи европейцев».

Маклай выяснил, что волосы у папуасов растут вовсе не пучками, как это утверждали многие ав-

торы, а «совершенно так же, как у европейца», и что «отдельный волос. . . представляет спираль, отличающуюся от всякого другого курчавого волоса (например, европейца) лишь своими более узкими завитками».

Эти факты сохранили все свое значение и для нашего времени; ведь, именно теперь так называемая «расовая теория» стала в руках фашистов политическим орудием. Антинаучные «доказательства» неравноценности рас фашисты используют для оправдания отвратительного антисемитизма, для оправдания наиболее реакционного и варварского режима в мире.

Громадную ценность имеют и «Этнологические заметки» Маклая.

Характеризуя состояние этнографии, как науки, в то время, к которому относится первое путешествие Маклая на Новую Гвинею, один из наиболее выдающихся русских этнографов, Л. Я. Штернберг, говорит: «Огромный материал, собранный тысячами наблюдателей в самых различных частях света, был в значительной степени тормозом для правильного развития науки... бо́льшая часть материала была собрана. . . путешественниками, которые, не зная языка наблюдаемых народов, не будучи подготовлены к восприятию явлений чуждого быта, не стеснялись констатировать, как достоверные факты, свои мимолетные не проверенные впечатления, часто записывали по наслышке факты небывалые и даже достоверные наблюдения настолько перемешивали с произвольными утверждениями, что весь такой материал чаще всего мог только вводить в заблуждение исследователя».

Наоборот, характерными чертами Миклухо-Маклая, резко выделявшими его из ряда других этнографов того времени, являются строгость и требовательность к себе, осторожность в выводах, тщательность описаний.

Миклухо-Маклай первый дал подробную характеристику материальной культуры папуасов залива Астролябии. Он описал их жилища, одежду, утварь, орудия производства, оружие и собрал богатую этнографическую коллекцию, которую впоследствии передал Академии наук.

Маклаю пришлось встретиться с большими трудностями уже потому, что, поселившись среди папуасов, он сначала вовсе не знал их языка. В своем «Дневнике» и в «Этнологических заметках» он упоминает о тех трудностях, которые ему пришлось преодолеть, чтобы узнать названия даже самых обыкновенных предметов.

Недостаточное знание языка сильно мешало Маклаю глубже изучить общественный строй и верования папуасов; поэтому с присущей ему научной добросовестностью Миклухо-Маклай ограничился очень тщательным, хотя и только внешним описанием различных обычаев и обрядов, которые ему пришлось наблюдать.

«Я мог бы, — говорит он, — на основании собранного материала написать целый трактат о религиозных представлениях и церемониях и изложить суеверия папуасов, высказав ряд гипотез об их миросозерцании. Я мог бы это сделать, если бы рядом с моими личными наблюдениями и заметками я поставил то, чего не видел и не наблюдал, и прикрыл бы все это предположениями... Такой образ дей-

ствий, однако, мне противен: он ставит преграду на пути научного проникновения в это и без того нелегкое для исследований поле воззрений и понятий расы, очень отдаленной от нас по степени своего культурного развития».

Необходимо также учесть общее состояние науки того времени, препятствовавшее Маклаю глубже изучить общественный строй папуасов. Роль этнографов сводилась тогда лишь к накоплению описательного материала и к сбору коллекций. Обобщить и осмыслить накопленные материалы по общественному устройству первобытных народов и восстановить таким путем доисторическую основу писаной истории этнографы того времени еще не могли. Это было сделано позже — Морганом, Марксом и Энгельсом.

Тем не менее ценность материалов Миклухо-Маклая очень велика. Они дали возможность исследователям, пришедшим после него, составить себе правильное представление об общественном строе папуасов Новой Гвинеи и таким образом многое узнать о строе первобытного общества.

Миклухо-Маклай подробно описал земледелие, охоту, рыбную ловлю папуасов, их военные игры, пиры при сборе урожая и т. д. Из этих описаний видно, что и производство и потребление носят у папуасов коллективный характер, что их общество — это первобытно-коммунистическое общество. Кроме того, Маклай установил, что «у папуасов берега Маклая нет ни торговли, ни упорядоченного обмена. Если несколько жителей прибрежной деревни отправляются в другие деревни, то они забирают с собой обыкновенно все, что у них имеется в избытке, и

несут с собой в виде подарка. При уходе они получают ответные подарки, состоящие из продуктов, бывающих всего чаще в той деревне». Отсюда следует, что у папуасов обмен еще очень неразвит и не может вызвать экономического неравенства между членами группы. Маклай описал также разделение труда у папуасов, положение женщины, организацию управления. Собранные им материалы показывают, что единственная известная папуасам форма разделения труда — это разделение по полу и возрасту, что женщина не находится у них в порабощении, что у них отсутствуют элементы социального неравенства: «на берегу Маклая нет, собственно говоря, начальников; всем взрослым принадлежит одинаковое право голоса, но между ними находятся более влиятельные, отличающиеся своим умом или ловкостью, которых люди слушаются, принимая от них советы. . .»

Эти наблюдения Миклухо-Маклая очень важны. Они показывают, что Маклай подошел к изучению первобытных народов совсем иначе, чем подходило большинство ученых его времени. Буржуазные ученые постоянно приписывают первобытным народам те же отношения, какие существуют в буржуазном обществе, они «стирают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные». [1]

Миклухо-Маклай в своих исследованиях преодолел эту ограниченность буржуазной научной мысли и благодаря этому сумел передать в своих записках подлинные черты первобытного строя.

[1] К. Маркс. К критике полит. экономии, стр. 31, Партиздат, М., 1933.

6

С Новой Гвинеи «Изумруд» направился в Манилью на острове Лузоне в Филиппинском архипелаге. По пути клипер заходил на Молуккские острова (Тернате и Тидор) и на остров Целебес. В Манилье «Изумруд» должен был простоять пять дней, и Миклухо-Маклай решил воспользоваться этим временем, чтобы познакомиться с первобытными обитателями острова Лузона — негритосами.

Как только «Изумруд» бросил якорь на манильском рейде, Маклай переплыл в рыбачьей лодке на противоположный берег бухты и, переночевав в деревне Лимай, на следующий день нанял проводника и отправился с ним в горы Маривелес, — по словам прибрежных жителей, там находилось становище негритосов. Скоро он действительно достиг этого становища. Негритосы гостеприимно приняли его, и Маклай прожил с ними два дня.

Негритосы по-испански значит — «маленькие негры». Испанцы назвали так это племя, удивляясь маленькому росту обитателей Лузона (около 150 сантиметров). Негритосы находятся на более низком уровне культурного развития, чем папуасы Новой Гвинеи; они ведут бродячий образ жизни, занимаются охотой, рыбной ловлей и собиранием съедобных корней и клубней. Только некоторым племенам, смешавшимся с малайцами, известно земледелие. Охотятся негритосы коллективно, и добыча делится поровну между всеми участниками охоты. У негритосов есть такой обычай: когда негритос садится есть, он обязан несколько раз громко прокричать об этом. Кто бы ни услышал его, может притти и разделить с ним трапезу.

Жилище негритосов — «пондо» — переносный шалаш из пальмовых листьев. Такой пондо, в котором человек обычного роста может только сидеть или лежать, но не стоять, был в течение четверти часа сделан и для Маклая.

Из Манильи «Изумруд» направился в Гонг-Конг. Здесь Миклухо-Маклай покинул клипер и на пассажирском пароходе проехал в Сингапур, а оттуда в Батавию на Яве. Он решил остановиться на Яве на более продолжительное время, чтобы обработать собранные материалы и подготовиться ко второму путешествию на Новую Гвинею. Однако, заболев лихорадкой, Маклай вскоре принужден был уехать из Батавии и по приглашению генерал-губернатора Нидерландской Индии, Лоудона, переехал в горный городок Бейтензорг. Здесь Миклухо-Маклай прожил около семи месяцев.

Прекрасный климат Бейтензорга благоприятно подействовал на здоровье путешественника, и в феврале 1874 года он смог отправиться в свое второе путешествие на Новую Гвинею, на этот раз в голландские владения, на берег Папуа-Ковиай. Эту часть юго-западного побережья Новой Гвинеи малайские торговые суда посещали очень редко, и она осталась почти неисследованной. Именно поэтому Маклай предпочел Папуа-Ковиай другим, чаще посещаемым малайцами частям юго-западного побережья.

Проехав в Амбоину, а оттуда на остров Гесир, Маклай нанял здесь туземное судно «урумбай», которое доставило его на берег Папуа-Ковиай.

Путешествие это подробно описано Миклухо-Маклаем в «Дневнике», и мы не будем на нем останавливаться.

Возвратившись на Яву, Маклай напечатал в местном журнале статью о бедственном положении туземцев Папуа-Ковиай. Кроме того он обратился к генерал-губернатору с официальным письмом, в котором сообщал, что из страха перед малайцами, постоянно увозящими людей в рабство, туземцы совершенно забросили свои хижины и огороды и скитаются на пирогах вдоль берега. «Лишенные постоянного и обеспеченного источника питания, — говорит Маклай, — они находятся в крайне бедственном положении, и при встрече с бесшумно скользящей пирогой на вопросы сидящему в ней папуасу: «куда идешь?», или: «откуда ты?» — обыкновенно получаешь ответ: «иду искать чего-нибудь поесть», или: «искал чего-нибудь поесть».

«Таким образом, — замечает Маклай, — хотя жители Папуа-Ковиай получили от малайцев огнестрельное оружие, познакомились с курением опиума и табаку, стали ценить золото и усвоили малайские названия своих начальников, но от того не стали ни богаче, ни счастливее».

7

В декабре 1874 года Маклай предпринял путешествие внутрь полуострова Малакки. Он поехал туда, чтобы изучить первобытные карликовые племена (семангов, сакаев, якун и других). Эти племена по своему физическому типу и культуре сходны с негритосами Филиппинских островов. В то время они были совершенно не изучены. Ни один из европейских ученых ни разу даже не видал этих «лесных людей», как называли их малайцы.

В Иохоре Маклай получил от магараджи «откры-

тый лист». Лист предписывал всем деревенским старшинам доставлять путешественнику проводников и носильщиков. Маклай двинулся в путь. Экспедиция была сопряжена с большими трудностями. Прежде всего, время было выбрано неудачно: декабрь — самая дождливая пора на полуострове; реки и ручьи вышли из берегов и затопили все низкие места; в лесах тоже стояла вода.

Чем дальше, тем труднее делался путь: приходилось целыми днями шагать по колено, а то и по грудь в воде. Пройдя через джунгли к устью реки Муар, впадающей в Малаккский пролив, Маклай нанял плоскодонную лодку и отправился вверх по реке. Достигнув реки Палон, притока Муара, путешественник впервые увидел шалаши «лесных людей». Но познакомиться с туземцами ему не удалось: заметив лодку, они поспешно скрылись в лесу. Продолжая путь, Маклай достиг устья реки Индау, впадающей в Китайское море, и, таким образом, пересек весь полуостров Малакку с запада на восток. Отсюда он вернулся в Иохор. По пути Маклай видел много туземцев, но все это были не «лесные люди», а уже породнившиеся с малайцами якуны.

Неудовлетворенный результатами своего путешествия, Маклай решил предпринять новое, во внутренние области полуострова, куда еще не ступала нога европейца и где он надеялся встретить настоящих «лесных людей». Он отправился в Бангкок и там заручился письмом от сиамского короля, в вассальной зависимости от которого в то время находилась почти половина Малакки. В этом письме король предписывал всем своим вассалам оказывать ученому всякое содействие.

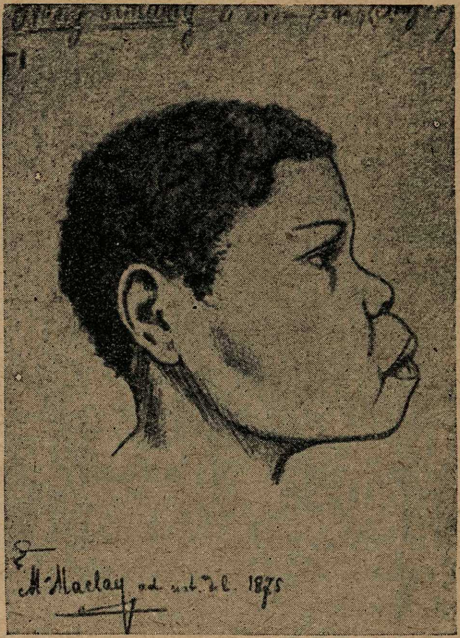
Вернувшись в Сингапур, Маклай снова проехал в Иохор и стал деятельно готовиться к своему второму путешествию по Малакке. Магараджа пытался убедить путешественника отказаться от опасного предприятия. Он говорил, что даже малайцы не решаются заходить далеко в джунгли, кишащие тиграми; он уверял Маклая, что «лесные люди» убивают всякого чужеземца, решившегося проникнуть в их леса. Но Маклай не изменил своего решения и двинулся в путь, сопровождаемый двумя слугами и тридцатью носильщиками. Раджи всюду радушно встречали «русского князя» («дато русс»), как они называли Маклая, но так как они принимали его за ревизора, посланного магараджей, то каждый старался как можно скорее выпроводить его из своих владений.

Отдохнув несколько дней в Пахане, Маклай отправился в Келантан. Начиная с этого пункта, он вступил в ту землю, где до него не побывал ни один европеец. В верховьях реки Пахан Маклай встретил первых «лесных людей». Они оказались очень пугливыми, но путешественнику все-таки удалось зарисовать их и сделать несколько антропологических измерений. На дальнейшем пути до Патани Маклай посетил многие туземные стойбища.

Научные результаты путешествия изложены Маклаем в статье «Этнологические экскурсии по полуострову Малакке», напечатанной в батавийском «Естественно-научном журнале». В этой статье он дал первую в науке антропологическую и этнографическую характеристику семангов, сакаев, якун.

Рост карликовых племен Малакки — 140—150 сантиметров, у них темнокоричневая кожа и черные курчавые волосы. Они бродят по лесам, останавливаясь

лишь на короткое время для сбора камфары, каучука, ротанга. Все это они выменивают малайцам на табак, соль, железные ножи. Главное оружие туземцев — «блахан», которого малайцы очень боятся.

Туземец из карликового племени семангов
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

Это полая бамбуковая трубка метра в два длиной и 2—3 сантиметра в диаметре. В нее вкладывают стрелу. Охотник дует в трубку, и стрела летит. Стрелы эти очень тонкие, не толще вязальной спицы. Вонзившись в кожу, кончик стрелы обламывается

и остается в ране. Туземцы отравляют стрелы отваром коры дерева «упас», к которому иногда примешивают змеиный яд. Маленькой царапины от такой стрелы достаточно, чтобы убить человека.

Карликовые племена Малакки, как и некоторые другие группы так называемых «пигмеев», представляют для историка большой интерес. Ведь они почти в неприкосновенности сохранили черты того общественного строя — первобытного коммунизма, — через который когда-то прошли все народы. Изучая эти племена, исследователь изучает вместе с тем далекое прошлое всего человечества. Но именно поэтому реакционные этнографы, ученые церковники постоянно пытаются фальсифицировать материалы по изучению этих племен для того, чтобы опровергнуть теорию первобытного коммунизма и доказать, что коммунистическое устройство общества не свойственно человечеству вообще.

Так, например, ученый кардинал Шмидт, опираясь на сведения, собранные миссионерами, пытается доказать, что у первобытных карликовых племен существуют развитая частная собственность, единобожие и семья совершенно такая же, как в современном буржуазном обществе. А раз это так, раз и у первобытных народов и у культурных наций семья, общество и представления о боге в главных чертах одинаковы, — значит, идея частной собственности, идея единобрачной семьи, идея единобожия — неизменны, присущи человеку со дня сотворения мира. Такой вывод делают церковники. Нечего и говорить, что этот вывод совершенно противоречит истине, совершенно искажает историю человеческого общества.

Исследователи, которые не стремятся извратить факты в угоду предвзятым теориям, утверждают, что общественный строй первобытных племен Малакки является коммунистическим. Так, английский путешественник Андерсон прямо заявляет: «Все находится у них в общем владении». Французский исследователь Жак де-Морган также утверждает, что у туземцев Малакки не существует частной собственности. Автор капитального труда «Племена внутренних областей Малайского полуострова» Рудольф Мартин пишет, что не отдельная семья у этих племен является основной хозяйственной и общественной ячейкой, а группа кровных родственников, насчитывающая 25—30 человек. Члены этой группы вместе кочуют, вместе занимаются охотой и собирательством и поровну распределяют между собою добычу. Точно также беспристрастные исследователи не могли найти у первобытных племен Малакки никаких следов понятия о едином боге, понятия, возникающего на иной, гораздо более высокой ступени развития. Их религия — это поклонение духам (анимизм).

8

В начале 1876 года, отдохнув и поправившись, Маклай решил исполнить обещание, данное своим друзьям папуасам, и вторично посетить залив Астролябии. Случай к этому скоро представился: шкипер торговой шхуны «Sea Bird» («Морская Птица»), отправлявшейся на острова Меланезии и Микронезии, охотно согласился принять Маклая на борт шхуны, по окончании торговой поездки доставить его в залив Астролябии и вновь зайти за ним через шесть месяцев.

18 февраля 1876 года «Морская Птица» вышла из Черибона на Яве и направилась к острову Вуап (Яп) в Каролинском архипелаге. Там она пробыла две недели.

Отсюда «Морская Птица» направилась к архипелагу Пелау и бросила якорь у островка Намалакаль. Там жили несколько трэдоров,[1] от которых шкипер должен был принять груз копры. Во время стоянки Маклай съездил на соседние острова, чтобы исследовать местное население. Ему удалось узнать немало интересного о взаимоотношениях между туземцами и белыми. Как и всюду на островах Тихого океана, трэдоры самым беззастенчивым образом эксплуатировали туземцев, и туземцы иногда жестоко мстили европейцам. Точно характеризует взаимоотношения между туземцами и белыми история некоего Чина, которую Маклай передает в одной из своих статей.

Чин был шкипером и трэдором и много лет поставлял в китайские порты трепанг, черепаху, сандальное дерево и другие товары с островов Тихого океана. Что это был за человек, показывает следующий случай. Однажды Чин заманил туземцев одного из Соломоновых островов к себе на корабль, а затем пригласил туда же туземцев с другого острова, с которыми те находились во вражде. Не ожидавшие встречи с врагами на европейском судне, несчастные дикари были перебиты все до единого. После резни победители хотели тут же закусить свежим мясом своей добычи. Чин ничего не имел против, и палуба шхуны несомненно стала бы местом каннибальского

[1] Трэдор — торговец (от английск. to trade—торговать). *Ред.*

пира, если бы этому не воспротивились возмущенные матросы.

Под старость Чин избрал остров Намалакаль складочным местом для своих товаров. Туземцы соседнего острова Корора сдавали Чину добычу своих промыслов, от продажи которой в Манилье и Бангкоке он выручал десятки тысяч долларов. Это, однако, нисколько не мешало ему обманывать туземцев при расчете. И мало того. Зная, что жители деревни Малегиок на острове Бабельтоп с давних пор находились во вражде с жителями Корора, Чин завязал с ними сношения и стал тайком снабжать врагов Корора оружием и зарядами. Тогда туземцы решили по-своему расправиться с вероломным купцом. Однажды ночью Чин был разбужен громкими криками. Подойдя к двери и спросив, кто там, он получил ответ, что прибыли люди из Малегиока и привезли трепанг. Чин вышел из дома, не захватив с собой револьвера. У самого порога он получил удар топором в голову, но даже не пошатнулся (он был чрезвычайно силен) и, вырвав топор из рук туземца, стал отчаянно сопротивляться. Однако силы были слишком неравны: через несколько минут туземцы повалили Чина на пол и камнем разбили ему грудь. Так как Чин долго не умирал, один из убийц перекусил ему горло.

Английские власти, узнав о случившемся, послали военное судно для расследования дела. Следствие было недолгое: брат корорского князька заявил англичанам, будто всему виною сам князек, и предложил застрелить его; предложение было принято, и братоубийца стал князем. Действительные убийцы Чина — тот, кто нанес ему удар топором в голову,

и тот, кто перекусил купцу горло, — остались безнаказанными. Маклаю показывали их на Короре.

Когда-то туземцы считали европейцев существами высшего порядка; мореплавателей, потерпевших крушение у их берегов, они встречали с большим почетом и оказывали им всевозможные услуги. Но скоро насилия, жестокости, обманы со стороны белых заставили туземцев изменить свое отношение к заморским гостям. Туземцы рассказывали Маклаю, что трэдоры постоянно стараются обмануть их, сбывая дурной товар за хороший и притом по безобразно высоким ценам; пьяные бьют туземцев, стреляют по проходящим пирогам, увозят женщин и т. д. Нередко, угрожая приходом военного судна, трэдоры попросту отнимают у туземцев разные ценные вещи, не думая платить за взятое.

После стоянки у островов Пелау «Морская Птица» вернулась на остров Яп, а отсюда направилась к островам Адмиралтейства. Зайдя затем на острова Ниниго и Агомес, шхуна доставила путешественника 28 июня в залив Астролябии.

Туземцы радушно встретили своего старого друга. На этот раз Маклаю не пришлось преодолевать таких трудностей, как при первом посещении Новой Гвинеи; устроился он гораздо удобнее, поселившись в здоровой местности, на мысе Бугарлом, в привезенном с собою разборном доме. Отсюда он предпринял несколько сухопутных экскурсий в горы и несколько морских экскурсий на острова. Он проехал на лодке вдоль всего берега, всюду встречая радушный прием. Скоро по всему берегу стало известно имя Маклая. Туземцы обращались к путешественнику во всех затруднительных случаях. Одного его слова

Библиотека имени В. И. Ленина

было достаточно, чтобы прекратить войну между враждующими деревнями.

Маклаю пришлось на этот раз пробыть среди папуасов семнадцать месяцев, так как шкипер «Морской Птицы» по неизвестным причинам не исполнил своего обещания и не зашел за путешественником в залив Астролябии. Только 10 ноября 1877 года в залив Астролябии случайно зашла английская шхуна, и Маклаю удалось уехать в Сингапур. Уезжая, он оставил в своем доме много вещей, запер дом и поручил охранять его папуасам из Бонгу. Они вполне добросовестно выполнили это поручение. Год спустя в залив Астролябии зашла шхуна с золотоискателями из Австралии, привлеченными ложным слухом, будто Маклай обнаружил здесь богатые золотые россыпи. Прибывшие нашли дом Маклая в полной сохранности. Когда один из белых взялся за дверной замок, полдюжины рук схватили пришельца, и папуасы знаками объяснили ему, что дом принадлежит Маклаю и они не пустят туда никого.

9

В Сингапуре, куда шхуна пришла только в январе 1878 года, Маклай серьезно заболел. Пришлось обратиться к врачам, которые заявили, что ученому предстоит такой выбор: либо уехать в Европу, Японию или Австралию, либо отправиться на сингапурское кладбище. Маклай решил уехать. Он надеялся, оправившись от болезни, вновь предпринять путешествие на Новую Гвинею. В июле 1878 года он уехал в Австралию, в Сидней. Здесь он продолжал давно начатую работу по анатомии мозга хрящевых

рыб, а также занимался антропологическими работами: в местном госпитале лечились многие туземцы с разных островов Океании, и Маклай мог продолжать свои наблюдения над ними.

В марте 1879 года Маклай предпринял новое путешествие на американской шхуне «Saddie F. Caller», которая отправлялась на острова Меланезии. Капитан согласился принять Маклая пассажиром за 50 шиллингов в неделю и, объехав острова, завезти его на Новую Гвинею в залив Астролябии. По настоянию Маклая, в договор был включен такой пункт:

«Если мистер Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обязуется не чинить никаких насилий по отношению к туземцам под предлогом наказания».

«Вина белых, — замечает Маклай в своем письме в Географическое общество, — по моему мнению, так громадна, что всякое так называемое наказание туземцев только увеличивает число преступлений против них».

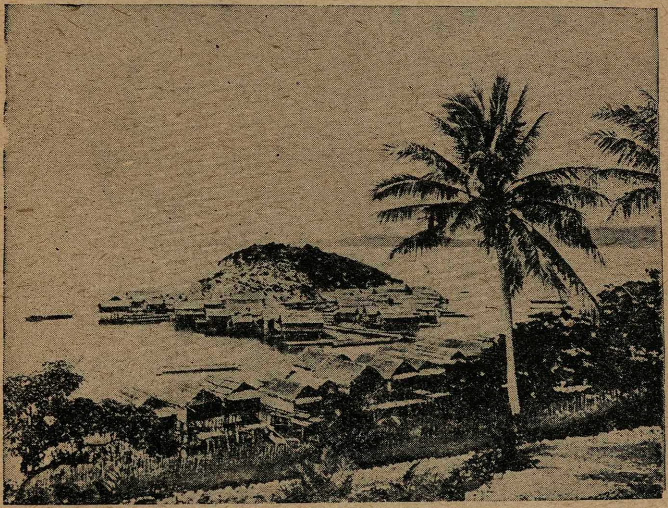
Во время этой поездки Маклай посетил многие острова Меланезии и, между прочим, вторично побывал на островах Адмиралтейства. Отсюда шхуне недалеко было и до залива Астролябии, но, видя, как шкипер обманывает туземцев при торге, Маклай решил не подвергать своих старых друзей риску знакомства с европейскими торговцами и сам освободил шкипера от обязательства зайти в залив Астролябии. Шхуна продолжала свой путь и в январе 1880 года пришла к острову Базилаки. На этом острове было много трепанга, и шкипер решил бросить здесь якорь. Маклая ждала перспектива долгой и скучной стоянки, но, на его счастье, туземцы, при-

бывшие с острова Варе (Тесте), сообщили, что туда на-днях должен притти миссионерский пароход, направляющийся на южный берег Новой Гвинеи. Получив это известие, Маклай решил покинуть шхуну и 19 января переехал на шлюпке на остров Тесте. Он остановился в доме миссионеров и стал ожидать парохода. Почти все свои вещи Маклай оставил на шхуне, заручившись от шкипера обещанием доставить их в полной сохранности в Сидней. Впоследствии оказалось, что шкипер на обратном пути умер, шхуна ушла в Сан-Франциско, не заходя в Сидней, и все вещи Маклая пропали.

21 января на остров Варе пришел миссионерский пароход «Элленгоуэн». Пароход должен был отправиться в порт Моресби с тем, чтобы по пути посетить селения южного берега Новой Гвинеи. Маклай решил ехать на «Элленгоуэне», так как хотел познакомиться с туземцами южного берега и проверить сообщения некоторых миссионеров о том, будто на этом берегу живет «желтое», или «малайское», племя, отличное от остальных, темнокожих, племен острова.

На рассвете 22 января 1880 года «Элленгоуэн» снялся с якоря. Цели своего путешествия — порта Моресби — он достиг только 14 февраля, так как ехавший на пароходе миссионер Чальмерс совершал инспекторскую поездку, и пароход останавливался чуть ли не у всех населенных пунктов берега. Таким образом, пароходу, чтобы пройти 300 миль до порта Моресби, понадобилось целых двадцать три дня. Впрочем, Маклай не жалел, что путешествие совершалось медленно, потому что остановки дали ему возможность побывать во многих туземных деревнях.

По прибытии в порт Моресби Маклай начал поиски тех «желтых» людей, о которых сообщали миссионеры. Людей «желтого» племени он не нашел и установил только, что жители многих деревень имеют примесь полинезийской крови.

Порт Моресби на Новой Гвинее

В порту Моресби «Элленгоуэн» простоял до апреля 1880 года. Отсюда Маклай проехал в Австралию, в Соммерсет, а потом в Брисбэн. Из Брисбэна Маклай предпринял экскурсию внутрь страны. Он хотел проверить, действительно ли существует особое племя безволосых людей, о котором ему рассказывали. Близ города Сан-Джордж на реке Баллоне он отыскал семью туземцев, совершенно лишенных волос, — только редкие ресницы пробивались на их веках.

«Я узнал, — пишет Маклай, — что они составляют второе, а, может быть, и третье поколение таких же безволосых людей». Вместе с тем, однако, оказалось, что «слух о племени был утрирован, так как, кроме одной семьи, таких безволосых людей не было».

Добравшись наконец до Сиднея, Миклухо-Маклай занялся организацией зоологической станции для изучения морской фауны. Идею создания такой станции он пропагандировал в Австралии уже давно, и ему удалось собрать 200 фунтов стерлингов, к которым правительство Австралии прибавило еще 400 фунтов.

В августе 1881 года коммодор Вильсон, отправлявшийся на корвете «Вульверин» на юго-восточный берег Новой Гвинеи для производства следствия по делу об убийстве в одной туземной деревне нескольких миссионеров, предложил Маклаю присоединиться к нему. Маклай охотно согласился на это предложение, полагая, что своим присутствием он сумеет, если не предотвратить, то хотя бы смягчить расправу с виновными. В известной мере это действительно удалось ему: был убит один только старшина деревни; остальное же население деревни было пощажено.

Посетив затем несколько деревень юго-восточного берега, Маклай дополнил прежние свои наблюдения. В своем письме в Географическое общество, в котором он описывает эту поездку, Маклай коснулся вопроса о влиянии на туземцев христианства. По его словам, это влияние «растет, но имеет теневую сторону, состоящую главным образом в том, что за миссионерами непосредственно следуют торговцы

Меланезийцы из порта Моресби

и другие эксплуататоры всякого рода, несущие с собой болезни, пьянство, огнестрельное оружие и т. д. Эти благодеяния цивилизации едва ли уравновешиваются умением читать, писать и петь псалмы».

10

В октябре 1881 года Миклухо-Маклай вернулся в Сидней и продолжал работать на основанной им зоологической станции. В феврале 1882 года в Мельбурн прибыла русская эскадра; это дало Маклаю удобный случай побывать на родине. Через полгода броненосец «Петр Великий» доставил его в Кронштадт.

В России, в Петербурге и в Москве, Миклухо-Маклай прочел несколько докладов о своих путешествиях. Общество любителей естествознания присудило путешественнику за его работы по антропологии и этнографии золотую медаль. Из государственных средств он получил 12 000 рублей на уплату долгов, сделанных во время путешествий, и 8000 рублей на дальнейшее пребывание в Сиднее для обработки оставшихся там коллекций и подготовки к печати своих материалов. Совету Географического общества было сообщено, что сам царь Александр III принимает издание трудов Маклая на свой счет. Однако это обещание никогда не было исполнено. Ни при Александре III, ни при Николае II труды Маклая не были изданы. Только после Октябрьской революции вышел в свет первый том «Путешествий» Миклухо-Маклая.

16 декабря 1882 года Маклай был уже в Берлине, где выступил с докладом в Берлинском антропологическом обществе. Из Берлина путешественник

проехал в Неаполь, а оттуда на почтовом пароходе отправился в Брисбэн. Случай помог ему еще раз посетить папуасов Новой Гвинеи. Прибытие парохода в Батавию случайно совпало со стоянкой в этом порту русского корвета «Скобелев», направлявшегося во Владивосток через Манилью. Командир корвета согласился взять с собой Маклая в залив Астролябии, и 17 марта 1883 года корвет бросил якорь в порту Константина. В последний раз Маклай высадился на своем берегу и навестил своих старых друзей-папуасов. Маклай давно обещал папуасам привезти им домашних животных. Он исполнил свое обещание и привез с собой на борту «Скобелева» яванских малорослых горбатых «зебу» (бычка и корову) и пару коз. Однако, по свидетельству немецкого путешественника О. Финша, посетившего залив Астролябии в следующем 1884 году, этот подарок не принес пользы туземцам, так как они не умели надлежащим образом ухаживать за животными, и те скоро одичали.

Во время стоянки офицеры корвета сделали съемку берега, и многие его пункты с тех пор носят русские названия.

Следующие три года Маклай прожил в Сиднее. В 1884 году он женился на дочери бывшего премьер-министра Нового Южного Уэльса Робертсона. В феврале 1886 года он решил, оставив семью в Сиднее, съездить в Петербург для того, чтобы добиться издания своих работ и передать Академии наук собранные им коллекции.

Приехав в Россию, Миклухо-Маклай узнал, что Германия собирается занять Берег Маклая. Совершенно ясно представляя себе, что несет туземцам

европейская колонизация, Маклай сделал попытку оградить от нее папуасов. Он стал пропагандировать мысль о протекторате России над северо-восточной частью Новой Гвинеи. По его проекту, туземцы на этой территории должны были остаться совершенно автономными; роль России сводилась бы лишь к «покровительству». Конечно, этот утопический план Маклая не встретил никакого сочувствия в официальных политических кругах.

Убедившись в том, что помощи государства он не добьется, Маклай решил организовать колонию сам на свой страх и риск. Он объявил в газетах, что приглашает желающих поселиться на Новой Гвинее, и в короткое время к нему поступило до 2000 заявлений. Однако громадное большинство желающих не имело средств даже на то, чтобы доехать до Новой Гвинеи, а русское правительство и царь решительно отказались поддержать утопический план.

«Считать это дело окончательно конченным. Миклухо-Маклаю отказать», — написал Александр III на докладе комитета, рассматривавшего проект Маклая. И действительно, дело это было «окончательно кончено».

Ничего не добившись, Миклухо-Маклай решил съездить в Австралию за своей семьей и поселиться затем в Петербурге, чтобы заняться здесь подготовкой всех своих рукописей к печати. В мае 1887 года Миклухо-Маклай прибыл в Сидней и через несколько дней выехал обратно с женой и двумя сыновьями. Уже в Сидней он приехал больным, страдая острой невралгией и ревматизмом. В Петербурге здоровье Маклая резко ухудшилось. В половине февраля 1888 года врачи убедили жену Маклая поместить

больного в клинику Виллие. В этой клинике он и скончался 2 апреля 1888 года, после шести недель сильных страданий. Похоронен он на Волковом кладбище.

11

Хотя Миклухо-Маклай умер сравнительно молодым, на сорок втором году своей жизни, не успев обработать и опубликовать многого из собранных за долгие годы путешествий научных материалов, — его труды, как пионера в области изучения новогвинейских папуасов, составили важный вклад в науку. В антропологии папуасов Миклухо-Маклай и по настоящее время является непревзойденным авторитетом. В его немногочисленных и немногословных статьях и в его дневниках разбросаны драгоценные наблюдения над бытом и интимной жизнью первобытных племен. Из этих — на первый взгляд простых и скупых — заметок о том, как охотятся папуасы на кабанов, как они одаривают своих гостей, какие у них волосы и какая кожа, — история, социология и антропология могут сделать важные выводы о путях и закономерностях развития человека и человеческого общества.

Но Маклай был не только ученым, стремящимся обогатить свою науку новыми данными, — он был вместе с тем горячим защитником прав презираемых и эксплуатируемых «дикарей». В этом смысле он представлял собой резкую противоположность многим другим путешественникам, в том числе даже таким знаменитым, как Стэнли и Пржевальский, которые хотя и сделали чрезвычайно ценные научные открытия, но в то же время запятнали свои имена насилиями, жестокостью и убийствами.

Благородство и человечность Маклая встретили восторженную оценку со стороны Льва Толстого. Высоко ценил Миклухо-Маклая также П. А. Кропоткин. В своих «Записках революционера» Кропоткин отмечает не только заслуги Миклухо-Маклая, как ученого, но с большой симпатией говорит о его справедливости, прямоте, верности данному слову, которые не позволяли ему обманывать туземцев, «даже в мелочах, даже для научных целей».

Память о Миклухо-Маклае надолго сохранилась у папуасов залива Астролябии.

«Миклухо-Маклай, — рассказывает немецкий этнограф Б. Хаген, — сумел завоевать самое широкое доверие, уважение и даже любовь папуасов. Хорошей памяти, которую оставил по себе первый белый житель залива Астролябии, следует приписать мягкое, дружественное, предупредительное отношение туземцев к позднейшим пришельцам. Мы, преемники Миклухо-Маклая, впоследствии воспользовались этим в своих интересах. . . Ах, если бы мы все взяли в пример поведение этого человека. . .»

Как уважали туземцы Маклая, видно хотя бы из того, что еще в девяностых годах, через десять лет после последнего приезда Маклая, участки земли близ Бонгу, где он когда-то жил, и на острове Били-Били, где он только собирался жить, оставались в полной неприкосновенности, хотя островок этот мал, а людей там много, и земля очень нужна туземцам.

12

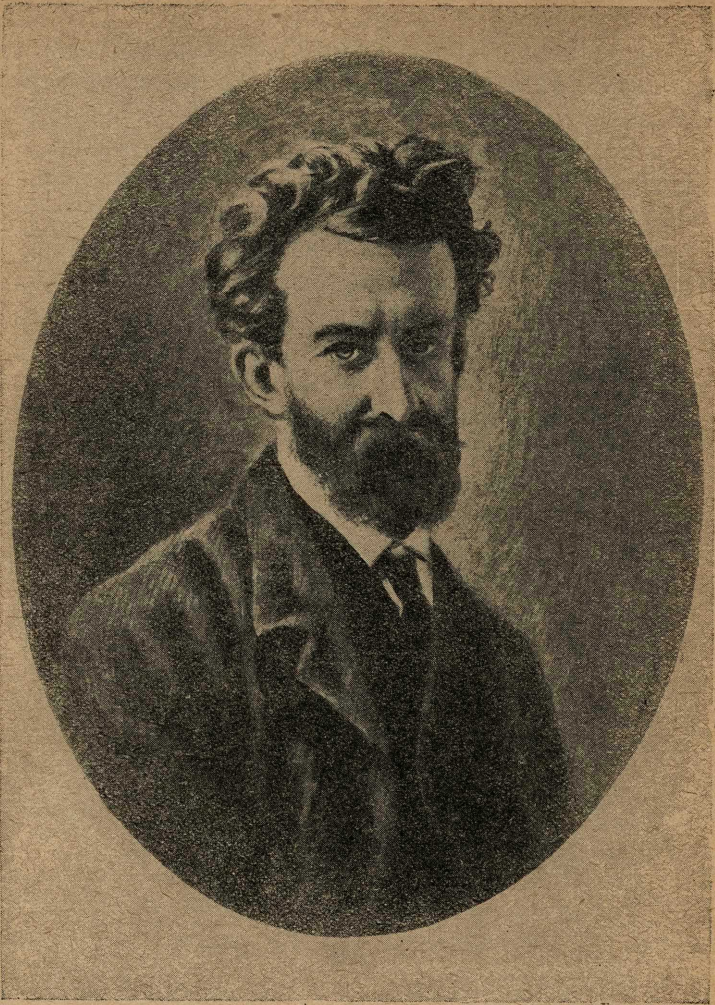
Непосредственным продолжателем Миклухо-Маклая в деле изучения северо-восточного побе-

режья Новой Гвинеи был германский ученый О. Финш. Часть собранной им этнографической коллекции приобретена нашей Академией наук и составила ценное дополнение к коллекциям Миклухо-Маклая. Но, по существу говоря, экспедиция Финша была подготовкой к захвату северо-восточной Новой Гвинеи Германией. Уже в 1885 году на Берегу Маклая начала хозяйничать германская Новогвинейская компания, а в 1889 году вся северо-восточная Новая Гвинея сделалась германской колонией и получила название Земли императора Вильгельма.

Во время мировой войны 1914—1918 годов эту часть Новой Гвинеи захватил Австралийский Союз.

Однако вплоть до настоящего времени на Новой Гвинее, и в бывших германских владениях, и в британских и нидерландских, хорошо изучено только побережье. Громадные районы внутри острова продолжают оставаться для европейцев неведомой страной и еще ждут своих исследователей.

А. Пиотровский

Н. Миклухо-Маклай

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА НОВУЮ ГВИНЕЮ 1871—1872

Сентябрь 1871 года

Прибытие на Новую Гвинею. — Высадка. — Первые встречи с папуасами. — Постройка дома. — Знакомство с Туем. — Уход корвета «Витязь». — Один среди папуасов. — Первые гости из Гумбу. — Без револьвера, но с записной книжкой. — Визит в Горенду. — Подарки. — Враждебная встреча в Гумбу. — Островитяне. — Лихорадка.

7 сентября

Сегодня, на триста шестнадцатый день по выходе из Кронштадта, около десяти часов утра мы увидели наконец покрытый облаками высокий берег Новой Гвинеи.

Корвет «Витязь» шел параллельно северо-восточному берегу Новой Британии.[1] Открывшийся берег, как оказалось, был мысом Короля Вильяма.

Высокие горы тянулись цепью параллельно берегу. На картах они обозначены именем Финистер; высота их превышает 10 000 футов.

В проходе между островом Рук и берегом Новой Гвинеи виднелось несколько низких островков, покрытых растительностью. Течение было попутное, и мы хорошо подвигались вперед.

[1] Новая Британия — самый большой остров архипелага Бисмарка, к северо-востоку от Новой Гвинеи. *Ред.*

Часу во втором корвет «Витязь» настолько приблизился к берегу Новой Гвинеи, что можно было видеть характерные черты страны.

На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков, по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень разнился от береговой полосы с ее светлозелеными полянами. Береговая полоса возвышалась террасами или уступами (до высоты приблизительно 1000 футов). Многочисленные ущелья и овраги, наполненные густою зеленью, пересекали эти террасы и соединяли таким образом верхний лес с прибрежным узким поясом растительности.

В двух местах на берегу виднелся дым, свидетельствовавший о присутствии человека.

В иных местах береговая полоса становилась шире, горы отступали более в глубь страны, и узкие террасы, приближаясь к морю, превращались в обширные поляны, окаймленные темною зеленью.

Около шести часов вечера мы увидели недалеко от берега маленький островок, покрытый лесом. Между светлой зеленью кокосовых пальм на островке видны были крыши хижин, а по берегу можно было различить и людей.

Не найдя удобного якорного места, мы прекратили пары, и корвет «Витязь» лег в дрейф.

Вечер был ясный, звездный, только горы были попрежнему закрыты облаками, которые спустились, казалось, ниже, и соединились с белою пеленою тумана, разостлавшегося вдоль берега у самого моря. Из темных туч на вершинах часто сверкала молния, причем грома не было слышно.

8 сентября

За ночь попутное течение подвинуло нас к северу миль на двадцать. Я рано поднялся на палубу, рассчитывая увидеть до восхода солнца вершины гор свободными от облаков.

И действительно, горы были ясно видны. Тут мало отдельных вершин, и горы представляют сплошную высокую стену. При восходе солнца вершина и подошва гор были свободны от облаков; посредине гор тянулись белые слоистые облака. Поднявшееся солнце осветило берег, на котором ясно можно было различить три или четыре параллельных, громоздившихся один над другим хребта.

По мере того как мы подвигались вперед, вид берега изменялся. Террас более не было, а к высоким продольным хребтам примыкали неправильные поперечные ряды холмов, между которыми, вероятно, протекали речки. Растительности было больше.

Около 10½ часов, подвигаясь к заливу Астролябии, мы увидали перед собой два невысоких мыса: южный — мыс Риньи и северный — мыс Дюперре, далеко выдающийся в море.[1]

Громадные кучевые облака, клубясь и изменяя форму, понемногу заволокли вершины высоких хребтов. По склонам невысоких холмов виднелись кое-где густые столбы дыма. Стало довольно тепло: в тени термометр показывал 31° Ц. Часам к двенадцати мы были среди большого залива Астролябии.

[1] Мыс Дюперре, названный так Дюмон-Дюрвилем, оказался не мысом материка Новой Гвинеи, а одним из островков архипелага, который я впоследствии назвал архипелагом Довольных Людей. *Примечание Миклухо-Маклая.*

На предложенный мне командиром «Витязя», капитаном второго ранга Павлом Николаевичем Назимовым вопрос, в каком месте берега я желаю высадиться, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым.

Мы долго вглядывались в берег залива, пытаясь обнаружить хижины туземцев, но кроме столбов дыма на холмах ничего не было видно. Вдруг, когда корвет подошел еще ближе к берегу, старший офицер П. П. Новосильский закричал, что видит бегущих дикарей. Действительно, можно было различить на песчаном берегу несколько темных фигур, которые то бежали, то останавливались.

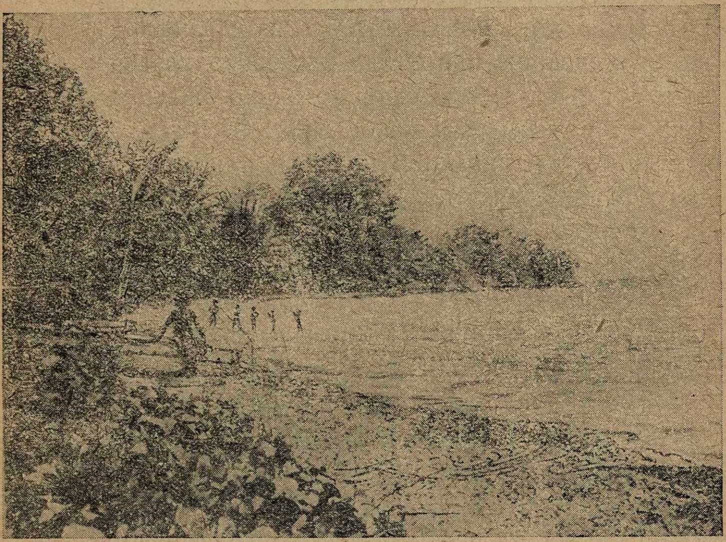
Около этого места мы заметили небольшой мысок, за которым, казалось, находилась небольшая бухта. Мы направились туда и действительно нашли бухту. Войдя в нее, корвет «Витязь» стал на якорь саженях в семидесяти от берега на 27 саженях глубины.

Громадные деревья, росшие у самой окраины приглубого скалистого берега бухточки, опускали свою листву до самой поверхности воды; бесчисленные лианы и разные паразитные растения образовывали своими гирляндами занавес между деревьями, и только северный песчаный мысок этой бухточки был открыт.

Вскоре группа дикарей появилась на этом мыске. Туземцы казались очень боязливыми. После долгих совещаний между собою один из них выдвинулся из группы. В руках он нес кокосовый орех. Он подошел к самому берегу, положил орех и, указывая на него, хотел, казалось, объяснить, что этот кокос

предназначается для нас. Затем он быстро скрылся в чаще леса.

Я обратился к командиру корвета с просьбой дать мне четверку, чтобы отправиться на берег, но когда узнал, что для безопасности предположено отправить еще и катер с вооруженной командой, —

На берегу залива Астролябии

я попросил дать мне только шлюпку без матросов. Затем я приказал своим обоим слугам, шведу Ульсону и полинезийцу Бою, спуститься в шлюпку и отправился знакомиться с моими будущими соседями. Я захватил с собой кое-какие подарки: бусы, красную бумажную материю, разорванную на куски и на узкие ленточки, и т. п.

Обогнув мысок, я направился вдоль песчаного

берега к тому месту, где мы впервые увидели туземцев. Минут через двадцать мы приблизились к берегу. Я увидел на песке несколько туземных пирог. Однако мне не удалось здесь высадиться из-за сильного прибоя.

Вдруг из-за кустов показался вооруженный копьем туземец и, подняв копье над головой, знаками хотел мне дать понять, чтобы я удалился. Я поднялся в шлюпке и показал несколько красных тряпок. Тогда из леса выскочило около дюжины вооруженных разным дрекольем дикарей. Видя, что туземцы не осмеливаются подойти к шлюпке, я бросил мои подарки в воду, надеясь, что волна прибьет их к берегу. Туземцы при виде этого изо всех сил замахали руками, настаивая, чтобы я удалился. Поняв, что присутствие наше мешает им войти в воду и взять вещи, я приказал моим людям грести, и едва только мы отошли от берега, туземцы наперегонки бросились в воду, и красные платки были моментально вытащены. Красные тряпки, казалось, очень понравились дикарям, которые с большим любопытством их рассматривали и много толковали между собой, но все же никто из них не отважился подойти к моей шлюпке.

Видя такой неуспех завязать первое знакомство, я вернулся на корвет. Тут я узнал, что с корвета видели дикарей в другом месте берега. Я немедленно отправился в указанном направлении, но там уже не оказалось людей; только в маленькой бухточке далее виднелись из-за стены зелени, доходившей до самой воды, концы вытащенных на берег пирог.

Наконец, в одном месте берега, между деревьями, я заметил белый песок и быстро направился к этому

месту, оказавшемуся очень уютным и красивым уголком. Высадившись тут, я увидел узенькую тропинку, проникавшую в чащу леса. Я с таким нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес, что даже не отдал никаких приказаний моим людям, которые занялись привязыванием шлюпки к ближайшим деревьям.

Пройдя шагов тридцать по тропинке, я заметил между деревьями несколько крыш; далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижины с крышами, спускавшимися почти до земли.

Деревня имела очень опрятный и очень приветливый вид. Средина площадки была хорошо утоптана, а кругом росли пестролиственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Побелевшие от времени крыши из пальмовой листвы красиво выделялись на темнозеленом фоне окружающей зелени. Яркопунцовые цветы китайской розы и желто-зеленые и желто-красные листья кротонов оживляли общую картину леса, состоявшего из бананов, панданусов, хлебных деревьев, арековых[1] и кокосовых пальм. Высокий лес ограждал площадку от ветра.

[1] Кротоны — деревья и кустарники из семейства молочайных; из семян добывается кротоновое масло, употребляемое в медицине, как слабительное. Панданус — дерево с воздушными корнями. Хлебное дерево — дерево из семейства тутовых с плодами весом от двух до двадцати килограммов; их мякоть, завернутая в листья, печется на горячих камнях и дает подобие хлеба. Арековая пальма. Орех этого вида пальм, богатый танином, смешивают с листьями перечника и с известью и жуют, как возбуждающее средство. Эта смесь называется бетелем. *Ред.*

Хотя в деревне не оказалось живой души, но повсюду видны были следы только что покинувших ее обитателей: на площадке иногда вспыхивал тлеющий костер, здесь валялся недопитый кокосовый орех, там — брошенное второпях весло; двери некоторых хижин были тщательно заложены какой-то корой и заколочены накрест пластинами расколотого бамбука. Двери двух хижин, однако, остались открытыми, — видно, хозяева куда-то очень торопились и не успели их запереть. Двери находились на высоте двух футов, так что представлялись скорее окнами, чем дверьми, и составляли единственное отверстие, через которое можно было проникнуть в хижину.

Я подошел к одной из таких дверей и заглянул внутрь. В хижине было темно, — с трудом можно было различить находившиеся в ней предметы: высокие нары из бамбука, на полу несколько камней, между которыми тлел огонь и которые служили опорой стоявшего на них сломанного глиняного горшка; на стенах висели связки раковин и перьев, а под крышей, почерневшей от копоти, — человеческий череп.

Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые крики каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что все казалось мне скорее сном, чем действительностью.

В то время, как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда он исходил, я увидел в нескольких шагах как будто выросшего из земли человека, который поглядел секунду в мою сторону и кинулся в кусты. По-

чти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Он оглянулся и, видя, что я один, без всякого оружия и знаками прошу его подойти, — остановился. Я медленно приблизился к дикарю и молча подал ему красную тряпку. Он принял ее с видимым удовольствием и повязал себе на голову.

Папуас этот был среднего роста, темношоколадного цвета с матово-черными, курчавыми как у негра, короткими волосами, широким сплюснутым носом, глазами, выглядывавшими из-под нависших надбровных дуг, с большим ртом, почти скрытым торчащими усами и бородой. Весь костюм его состоял из какой-то серой тряпки шириною около восьми сантиметров, повязанной в виде пояса, и двух, плотно обхватывающих руку над локтем перевязей, — род браслетов из плетеной сухой травы. За одну из этих перевязей или браслетов был заткнут зеленый лист бетеля, за другую на левой руке — нож из гладко обточенного куска кости (как я убедился потом, кости казуара). Дикарь был хорошо сложен, с достаточно развитой мускулатурой. Выражение лица первого моего знакомца показалось мне довольно симпатичным; я почему-то подумал, что он будет меня слушаться, взял его за руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню.

На площадке я нашел моих слуг, Ульсона и Боя, которые меня искали и недоумевали, куда я пропал. Ульсон подарил моему папуасу плитку табаку, с которым тот однако же не знал, что делать, и, молча приняв подарок, заткнул его за браслет правой руки рядом с листом бетеля.

Пока мы стояли среди площадки, из-за деревьев и кустов стали показываться дикари, не решаясь подойти и каждую минуту готовые обратиться в бегство. Они молча и не двигаясь стояли в почтительном отдалении, зорко следя за нашими движениями. Так как они не трогались с места, я должен был каждого отдельно взять за руку и в полном смысле слова притащить к нашему кружку. Наконец, собрав всех в одно место, усталый, я сел посреди них на камень и принялся наделять их разными мелочами: бусами, гвоздями, крючками для ужения рыбы и полосками красной материи. Назначения гвоздей и крючков они, видимо, не знали, но ни один не отказался их принять.

Около меня собралось человек восемь папуасов. Они были различного роста и почти одинакового цвета кожи. Только один из них резко отличался по своему типу от моего первого знакомца. Это был человек выше среднего роста, худощавый, с крючковатым выдающимся носом и очень узким, сдавленным с боков лбом; борода и усы были у него выбриты, на голове возвышалась целая шапка краснобурых волос, из-под которой сзади спускались на шею крученые пряди волос, совершенно похожие на трубкообразные локоны жителей Новой Ирландии.[1] Локоны эти висели за ушами и спускались до плеч. В волосах торчали два бамбуковых гребня, на одном из которых, воткнутом на затылке, красовались в виде веера несколько черных и белых перьев казуара и какаду. В ушах были продеты большие че-

[1] Новая Ирландия — один из островов архипелага Бисмарка. *Ред.*

репаховые серьги, а в носовой перегородке — бамбуковая палочка толщиною в очень толстый карандаш с нарезанным на ней узором. На шее, кроме ожерелья из зубов собак и других животных, раковин и т. п., висела небольшая сумочка, а на левом плече — другой мешок, спускавшийся до пояса и наполненный разного рода вещами. У этого туземца, как и у всех присутствовавших, верхняя часть рук была туго перевязана плетеными браслетами, за которыми были заткнуты различные предметы — у кого кости, у кого листья или цветы. У многих на плечах висели каменные топоры, а некоторые держали в руках лук почтенных размеров (почти в рост человека) и стрелу более метра длины. При различном цвете волос — то совершенно черных, то выкрашенных красной глиной — прически их были различны: у иных волосы стояли шапкой на голове, у других были коротко острижены, но у всех волосы были курчавы, как у негров. Волосы на бороде также завивались в мелкие спирали. Цвет кожи представлял несколько незначительных оттенков. Молодые были светлее старых.

Так как солнце уже село, я решил вернуться на корвет. Вся толпа проводила меня до берега, неся подарки: кокосы, бананы и двух очень диких поросят, у которых ноги были крепко-накрепко связаны и которые визжали без устали; все было положено в шлюпку. В надежде еще более закрепить хорошие отношения с туземцами и вместе с тем показать офицерам корвета моих новых знакомых, я предложил окружавшим меня папуасам сопутствовать мне к корвету на своих пирогах. После долгих рассуждений человек пять поместились в двух пирогах,

другие же остались на берегу и даже, казалось, усиленно отговаривали более отважных от смелого и рискованного предприятия.

Одну из пирог я взял на буксир, и мы направились к «Витязю». На полдороге, однако же, и более смелые раздумали, знаками показывая, что не хотят ехать дальше, старались отдать буксир, между тем как другая, свободная пирога быстро вернулась к берегу. Один из сидевших в пироге, которую мы тащили за собою, пытался даже своим каменным топором перерубить конец, служивший буксиром. Не без труда удалось втащить их на палубу, Ульсон и Бой почти что насильно подняли их на трап. На палубе я взял пленников под руки и повел под полуют; они от страха тряслись всем телом, не могли без моей поддержки держаться на ногах, полагая, вероятно, что их убьют.

Между тем, совсем стемнело. Под ют был принесен фонарь, и дикари мало-по-малу успокоились, даже повеселели, когда офицеры корвета подарили им разные вещи и угостили чаем, который они сразу выпили. Несмотря на такой любезный прием, они с видимым удовольствием и с большою поспешностью спустились по трапу в свою пирогу и быстро погребли обратно к деревне.

На корвете мне сказали, что в мое отсутствие показались опять туземцы и принесли с собою двух собак, которых тут же убили и оставили их трупы, в виде подарка, на берегу.

9 сентября

Берег залива Астролябии в том месте, где «Витязь» бросил якорь, гористый; несколько параллельных

Папуас Берега Маклая в парадном уборе

цепей гор различной вышины тянутся вдоль берега и только на западном берегу прерываются низменностью. Северо-западный берег горист, хотя не так высок, как южный, и оканчивается невысоким мысом.

Все эти горы (из которых высочайшая достигает приблизительно 5—6 тысяч футов) покрыты густою растительностью до самых вершин и пересечены во многих местах поперечными долинами. Иногда горы приближаются почти к самому берегу, чаще же между первыми холмами и морем тянется невысокая береговая полоса. Лес же в некоторых местах спускается до самого моря, так что нижние ветви больших деревьев находятся в воде. Во многих местах берег окаймлен коралловыми рифами и реже представляется отлогим и песчаным, доступным приливам. В таких местах берег служит удобной пристанью для туземных пирог. Около этих мест обыкновенно находятся, как я узнал впоследствии, главные береговые селения папуасов.

Все эти наблюдения я сделал на рассвете, с мостика корвета, и остался вполне доволен общим видом страны, которую избрал для исследования и, быть может, для продолжительного пребывания.

После завтрака я снова отправился в деревню, в которой был вчера вечером. Мой первый знакомый папуас, которого звали Туй, и несколько других вышли ко мне навстречу.

В этот день на корвете должен был быть сделан пушечный салют по случаю праздника. Я решил остаться в деревне среди туземцев, которых сегодня набралось несколько десятков, чтобы моим присутствием ослабить несколько страх, который могла произвести на туземцев пальба.

Но так как времени до салюта оставалось еще достаточно, то я отправился приискать место для моей будущей хижины. Мне не хотелось селиться в самой деревне и даже вблизи ее, во-первых, потому, что не знал ни характера, ни нравов моих будущих соседей; во-вторых, незнакомство с языком лишало меня возможности испросить на то их согласие; навязывать же мое присутствие я считал бестактным; в-третьих, я боялся, что вблизи деревни меня будут беспокоить и раздражать крики взрослых, плач детей и вой собак.

Я отправился из деревни по тропинке и минут через десять подошел к маленькому мыску, возле которого протекал небольшой ручей и росла группа больших деревьев. Место это показалось мне вполне удобным, как по своей близости к ручью и уединенности, так и потому, что находилось почти на тропинке, соединявшей, вероятно, соседние деревни. Наметив, таким образом, место будущего поселения, я поторопился вернуться в деревню, но пришел уже во время салюта. Пушечные выстрелы, казалось, приводили папуасов больше в недоумение, чем пугали. При каждом новом выстреле туземцы то пытались бежать, то ложились на землю, затыкали себе уши, тряслись всем телом, точно в лихорадке, или приседали. Я был в очень глупом положении: при всем желании успокоить их и быть серьезным я не мог часто удержаться от смеха; но вышло, что мой смех оказался самым действительным средством против страха туземцев, и так как смех вообще заразителен, то я заметил вскоре, что и папуасы, следуя моему примеру, начали ухмыляться, глядя друг на друга.

Довольный, что все обошлось благополучно, я

вернулся на корвет. Капитан Назимов предложил отправиться со мной для окончательного выбора места постройки хижины. К нам присоединились старший офицер и доктор. Хотя, собственно, мой выбор был уже сделан, но посмотреть еще другие места, которые могли оказаться лучшими, было не лишнее. Из трех осмотренных мест одно нам особенно понравилось. Значительный ручей впадал здесь в открытое море, но, заключая по многим признакам, что туземцы имеют обыкновение приходить сюда часто, оставляют здесь свои пироги, а недалеко оттуда обрабатывают плантации, я объявил командиру о моем решении поселиться на первом, избранном мною самим месте.

Часам к трем высланные с корвета люди занялись очисткой места от кустов и мелких деревьев, а плотники принялись за постройку хижины, начав ее с забивки свай под тенью двух громадных деревьев.

10—13 сентября

Все эти дни я был занят постройкой хижины. Часов в шесть утра съезжал с плотниками на берег и оставался там до спуска флага. Моя хижина имеет 7 футов ширины и 14 длины и разгорожена пополам перегородкой из брезента (крашеной парусины). Одну половину я назначил для себя, другую для моих слуг — Ульсона и Боя.

Так как взятых из Таити[1] досок не хватило, то стены сделаны из дерева только наполовину; верхняя

[1] Таити — самый большой из островов Товарищества (Центральная Полинезия). Корвет «Витязь» заходил туда по пути к Новой Гвинее. *Ред.*

Хижина Миклухо-Маклая в Гарагасси

С рисунка Н. Н. Миклухо-Маклая

же половина стен и две двери сделаны из брезента, который можно было скатывать. Для крыши заготовлены были сплетенные из листьев кокосовой пальмы цыновки; работу эту я поручил Бою. Пол и стойки по углам были сделаны из леса, купленного в Таити и приспособленного еще на корвете. Сваи, верхние скрепления, стропила пришлось вырубать и выгонять уже здесь; но, благодаря любезности командира корвета, рук было много, и постройка шла успешно. Туземцы, вероятно, напуганные пальбой девятого числа и присутствием большого количества людей с корвета, показывались лишь по два-три человека, и то редко.

Офицеры корвета занялись съемкой бухты и при этом посетили пять или шесть прибрежных деревень, где за разные мелочи (бусы, пуговицы, гвозди, простые бутылки и т. п.) набрали множество разного оружия и утвари и выменяли между прочим также более десятка черепов. Многие местности получили названия: небольшая бухточка, где «Витязь» стоял на якоре, названа в честь генерал-адмирала и председателя Русского географического общества портом великого князя Константина. Все мыски были окрещены именами офицеров, делавших съемку, а остров, который виднелся у мыса Дюперре, назвали островом «Витязя» (впоследствии я узнал, что туземное имя его Били-Били).

Тринадцатого числа Бой начал крыть крышу, потому что завтра последний день пребывания корвета. Между тем, приходил мой доброжелатель Туй и своей выразительной мимикой старался объяснить, что, когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он ука-

зал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, принял позу человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя).

Очень хорошо понимая предостережения Туя, я сделал, однако же, вид, что не понял его. Тогда он снова стал называть имена деревень: Бонгу, Горенду, Гумбу и т. д., и показывать, что рубит сваи; на все это я только махнул рукой и подарил ему гвоздь.

Возвратясь на корвет, я рассказал виденную мною пантомиму в кают-компании, что, вероятно, побудило одного из офицеров, лейтенанта С. Чирикова, заведывавшего на «Витязе» артиллерийской частью, предложить мне приготовить несколько мин и расположить их вокруг моего дома. Я не отказался от такого средства защиты в случае крайней необходимости, если бы туземцы действительно вздумали явиться с теми намерениями, которые старался объяснить мне Туй.

14 сентября

Лег вчера в одиннадцать часов вечера, встал сегодня в два часа утра. Все утро посвятил корреспонденции в Европу и сборам. Надо было разобраться

с вещами, часть которых оставалась в Гвинее, а другая отправлялась обратно с корветом в Японию.

Отправляясь на Новую Гвинею с целью не кратковременного путешествия, а продолжительного житья в течение нескольких лет, я уже давно пришел к заключению, что мне следует быть независимым от европейской пищи. Я знал, что плантации папуасов не бедны, свиней папуасы также имеют; главным же образом охота могла всегда доставлять мне средства пропитания. За время жизни на судне консервы успели очень надоесть мне, и я совершенно равнодушно отнесся к обеспечению себя провизией в последнем порту. Я взял кое-что, но так мало, что капитан Назимов очень удивился и предложил мне весьма любезно уделить многое из своей провизии, которую я принял с благодарностью, так как решил, что она может мне пригодиться в случае болезни. Капитан оставил мне также самую малую из шлюпок корвета, именно четверку, с которой в крайности может управиться и один человек. Иметь шлюпку было для меня удобно в высшей степени, так как при помощи ее я мог ознакомиться с другими береговыми деревнями, а в случае полной неудачи добиться доверия туземцев — она давала мне возможность переселиться в другую, более гостеприимную местность.

Кончив разборку вещей на корвете, после завтрака я стал перевозиться. Небольшая моя хижина скоро переполнилась вещами до такой степени, что значительное число ящиков пришлось поставить под домом для предохранения от дождя, солнца и расхищения.

Между тем с утра еще лейтенант Чириков был занят устройством мин, расположив их полукругом для защиты от нападения дикарей со стороны леса, а че-

ловек тридцать матросов под наблюдением лейтенанта Перелешина и гардемарина Верениуса занимались расчисткой места около дома, так что получилась площадка в 70 метров длины и 70 метров ширины, окруженная с одной стороны морем, а с трех— густым лесом. Я указал, между прочим, командиру и офицерам место, где я зарою в случае надобности (серьезной болезни, опасности от туземцев и т. п.) мои дневники, заметки и т. д. Место это находилось под большим деревом недалеко от хижины; чтобы легче было найти его, на соответствующей стороне ствола кора была снята приблизительно на один фут в квадрате, и вырезана фигура стрелы, направленной вниз.

Около трех часов порт Константина представлял очень оживленный вид. Перевозили последние дрова на корвет в маленьком паровом баркасе, шныряли взад и вперед шлюпки и вельботы, шестерка перевозила мои вещи. Около моей хижины работа также кипела: достраивалась хижина, вырубались кусты, делался более удобный спуск от площадки, на которой стояла моя хижина, к песчаному берегу моря у устья ручья, и т. д.

К сожалению, я не мог присмотреть за всеми этими работами — пришлось возвращаться на корвет, так как еще не все вещи были уложены.

Крайнее утомление, хлопоты последних дней и особенно вторая бессонная ночь привели меня в такое нервное состояние, что я почти не мог держаться на ногах, говорил и делал все совершенно машинально, как во сне. В час ночи я кончил укладку на корвете; оставалось еще перевезти последние вещи на берег и написать некоторые письма.

15 сентября

В два часа утра привез я последние вещи. Бой, проработавший весь день над крышей, спал непробудным сном. Хижина была в такой степени завалена вещами, что с трудом нашлось достаточно места прилечь. Несмотря на самую крайнюю усталость, я не мог заснуть: муравьи и комары не давали покоя. Однако возможность закрыть глаза, если не спать, значительно меня облегчила. Около четырех часов утра я вернулся на корвет, чтобы написать необходимые письма, не находя ни возможности, ни места сделать это в моем новом помещении.

Поблагодарив за все бескорыстные, оказанные мне услуги командира и офицеров корвета «Витязь» и простившись со всеми, я спустился в свою шлюпку и окончательно съехал на берег.

Когда якорь корвета показался из воды, я приказал Ульсону спустить развевавшийся над деревом у самого мыса флаг, но, заметив, что флаг не спускается, подошел к Ульсону, посмотреть, в чем дело. К удивлению и негодованию я увидел, что у моего слуги, обыкновенно так храбрившегося на словах, руки дрожат, глаза полны слез, и он тихо всхлипывает. Взяв с досадой из его дрожавших рук флаг-линь, я сказал, что, пока корвет еще не ушел, он может на шлюпке вернуться не мешкая, а то будет поздно.

Между тем корвет выходил из порта Константина, и я сам отсалютовал отходящему судну.

Первая мысль, пришедшая мне в голову, была та, что туземцы, пользуясь уходом огромного дымящегося страшилища, могут каждую минуту нагрянуть

в мое поселение, разнести мою хижину и сваленные в беспорядке вещи. Отныне я предоставлен исключительно самому себе, все дальнейшее зависит от моей энергии, воли и труда.

Действительно, как только корвет скрылся за горизонтом, на соседнем мыске показалась толпа папуасов. Они прыгали и бегали, описывая круги; их движения были похожи на какую-то пляску, по крайней мере все делали одни и те же движения. Вдруг все остановились и стали глядеть в мою сторону: вероятно, один из них заметил русский национальный флаг, развевавшийся у моей хижины. Они сбежались в кучку, переговорили, затем опять повернулись в мою сторону, прокричали что-то и скрылись.

Необходимо было немедленно же приступить к разборке вещей, разбросанных в беспорядке в хижине и шалаше; но от усталости, волнения и двух почти бессонных ночей я находился в весьма плачевном состоянии: голова кружилась, ноги подкашивались, руки плохо слушались.

Скоро пришел Туй разведать, остался ли я или нет. Он уже не с прежним добродушием поглядывал на меня, подозрительно осматривал мой дом, захотел войти в него, но я жестом и словом «табу» остановил его. Не знаю, что на него подействовало — жест или слово, но он вернулся на свое место. Затем Туй знаками спросил меня, вернется ли корвет, на что я отвечал утвердительно. Желая избавиться от гостя, который мешал мне разбирать вещи, я попросил его (я уже знал десятка два слов) принести кокосовых орехов, подарив ему при этом кусок красной тряпки.

Он действительно сейчас же удалился, но не про-

шло и часа, как снова вернулся с двумя мальчиками и одним взрослым папуасом. Все они почти не говорили, сохраняя очень серьезное выражение лица; даже маленький мальчик лет семи был погружен, смотря на нас, в глубокую задумчивость. Туй пытался заснуть или показывал вид, что спит, следя зорко по временам за моими движениями. Уже не стесняясь гостей, я продолжал устраиваться в моем помещении. Туй обошел все мины, подозрительно смотря на рычаги с привешенными камнями и веревками; они его, кажется, сильно интересовали, но он не осмеливался приближаться к ним. Наконец, он простился с нами, причем сделал странный кивок головой назад, и удалился, проговорив что-то, чего я, однако, не расслышал и не успел записать (с первого дня знакомства с папуасами я носил постоянно в кармане книжку для записывания при каждом удобном случае слов туземного языка).

Часов около четырех послышался свист, звонкий, протяжный, и из-за кустов выступил целый ряд папуасов с копьями, стрелами и другим дрекольем.

Я вышел к ним навстречу, приглашая знаками подойти ближе. Они разделились на две группы; одна, более многочисленная, поставив свое оружие около деревьев, приблизилась ко мне с кокосами и сахарным тростником; другая, состоящая из шести человек, оставалась около оружия. Это были жители деревни за мыском, которые прыгали и бегали сегодня утром, по уходе корвета. К этой деревне, которую называют Гумбу, я старался подойти на шлюпке в первый день прихода «Витязя» в порт Константина. Я им подарил разные безделки и отпустил, показав, что хочу спать.

16 сентября

Лунный вечер вчера был очень хорош. Разделив ночь на три вахты, я взял на себя самую утомительную — вечернюю (от девяти до двенадцати часов). Когда в двенадцать часов я был сменен Ульсоном, то вследствие сильного утомления долго не мог заснуть, так что ночь показалась мне, несмотря на все свое великолепие, очень длинной.

День прошел, как и первый, в разборке и установке вещей, что оказалось не так просто: вещей много, а места мало. Наконец, кое-как их разместил в несколько этажей: одни разложил в хижине, другие подвесил, третьи поместил на чердаке, который Ульсон и я ухитрились устроить под крышей. Одну сторону моей комнаты (семь футов длины и семь ширины) занимает стол, другую — две корзины, образующие мою койку. В проходе, шириной около трех футов, помещается мое удобное, необходимое складное кресло.

Видел, как папуасы вытаскивали из моря большие клетки или корзины продолговатой формы, в которые ловят рыбу.

17 сентября

Проспал как убитый, не просыпаясь ни разу. Погода стоит очень хорошая. Целый день не было и признака папуасов. Я предложил моим людям последовать моему примеру, т. е. спать по ночам, так как узнал, что они разделили прошлую ночь на четыре вахты; но они не захотели, говоря, что боятся папуасов.

На руках и на лбу образовались подушки от укусов комаров, муравьев и других бестий. Странное

дело, я гораздо менее страдаю от этой неприятности, чем Ульсон и Бой, которые каждое утро приходят жаловаться на не дающих по ночам им покоя насекомых.

18 сентября

Днем видел только нескольких туземцев. Все, кажется, входит в свою обычную колею, которую приход корвета на время нарушил. Я решил, однако, быть очень осторожным во всех отношениях с туземцами. В описаниях этой расы напирают постоянно на их вероломство и хитрость; пока не составлю о них собственного мнения, считаю рациональным быть настороже. По вечерам любуюсь великолепным освещением гор, которое доставляет мне каждый раз новое удовольствие.

По уходе корвета здесь царит приятная тишина: не слыхать почти людского говора, спора, брани и т. д., только море, ветер и порой какая-нибудь птица нарушают общее спокойствие.

Думать и стараться понять окружающее — отныне моя цель. Чего мне больше? Море с коралловыми рифами с одной стороны и лес с тропической растительностью с другой — оба полны жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над горами клубятся облака с не менее фантастическими формами. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева, и был доволен, что добрался до цели или, вернее, до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести к цели...

Пришел Туй, у которого я взял урок папуасского языка. Прибавив несколько слов к моему лексикону,

я точным образом записал их и, оставшись доволен учителем, подарил ему ящик от сигар, а Ульсон дал старую шляпу. Туй был в восторге и быстро удалился, как бы боясь, чтобы мы не раздумали и не взяли данных вещей назад, или желая скорей показать свои новые подарки своим соплеменникам.

Около часу спустя показалась вереница туземцев, человек около двадцати пяти; впереди двое несли на плечах привешенного к бамбуковой палке поросенка, затем на головах посуду и, наконец, остальные — кокосовые орехи. Туй и много других знакомых были в толпе. Все свои дары туземцы положили на землю передо мной; потом каждый отдельно передал свой подарок мне в руки. Часть толпы отделилась от тех, которые расположились около меня. Туй объяснил им, что успел узнать об употреблении каждой вещи; те с большим интересом рассматривали каждую вещь, быстро переходя от одного предмета к другому. Мало говорили и вообще не шумели. К лестнице, то есть к дверям моего дома, они не подходили из деликатности или боязни — не знаю. Все знали мое имя и, обращаясь, называли по имени. Около Боя собрался кружок послушать его игру на маленьком железном инструменте — губной гармонии, которая в большом ходу на островах Самоа и на которой Бой играл с большим искусством. Музыка произвела необычайный эффект: папуасы обступили Боя и с видимым любопытством и удовольствием прислушивались к этой детской музыке. Они очень обрадовались, когда я им подарил несколько таких же гармоний, и тотчас же начали упражняться на новом инструменте. Просидев около часу, папуасы ушли, при прощаньи они протягивали левую руку.

Часов в десять вечера разразилась над нами сильная гроза: дождь лил ливнем, но крыша, к нашему общему удовольствию, не промокла.

19 сентября

Проснувшись до рассвета, решил пойти в одну из деревень, — мне очень хочется познакомиться с туземцами ближе.

Отправляясь, я остановился перед дилеммой — брать или не брать револьвер. Я, разумеется, не знал, какого рода прием меня ожидает в деревне, — но, подумав, пришел к заключению, что этого рода инструмент никак не может принести значительной пользы моему предприятию. Пустив его в дело при кажущейся крайней необходимости даже с полнейшим успехом, то есть положи я на месте человек шесть, очень вероятно, что в первое время после такой «удачи» страх оградит меня; но надолго ли? Желание мести, многочисленность туземцев, в конце концов, превозмогут страх перед револьвером. Затем размышления совершенно иного рода укрепили мое решение итти в деревню невооруженным.

Мне кажется, что заранее человек не может быть уверен, как он поступит в каком-нибудь дотоле не испытанном им случае. Я не уверен, как я, имея револьвер у пояса, поступлю, например, сегодня, если туземцы в деревне начнут обращаться со мной неподходящим образом, — смогу ли я остаться совершенно спокойным и индифферентным в ответ на все любезности папуасов. Но я убежден, что пуля, пущенная некстати, может сделать достижение доверия туземцев невозможным, то есть совершенно разрушить все шансы на успех предприятия.

Чем более я обдумывал мое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении.

Я оставил револьвер дома, но не забыл записную книжку и карандаш.

Я намеревался итти в Горенду, ближайшую от моей хижины деревню, но в лесу нечаянно попал на другую тропинку, которая, как я полагал, приведет меня все-таки в Горенду. Заметив, что я ошибся, я решил продолжать путь, будучи уверен, что тропа приведет меня в какое-нибудь селение. Я был так погружен в раздумье о туземцах, которых еще почти не знал, что был изумлен, когда очутился, наконец, около деревни, но какой — я не имел понятия.

Слышались несколько голосов, мужских и женских. Я остановился для того, чтобы сообразить, где я и что должно теперь случиться.

Пока я стоял в раздумьи, в нескольких шагах от меня появился мальчик лет четырнадцати или пятнадцати. Мы молча с секунду поглядели в недоумении друг на друга... Говорить я не умел, подойти к нему — значило напугать его еще более. Я продолжал стоять на месте. Мальчик же стремглав бросился назад в деревню. Несколько громких возгласов — женский визг, и затем полнейшая тишина.

Я вошел на площадку. Группа вооруженных копьями людей стояла посредине, разговаривая оживленно, но вполголоса между собой. Другие, тоже вооруженные, стояли поодаль; ни женщин, ни детей не было — они, вероятно, попрятались. Увидев меня, некоторые туземцы приняли очень воинственную позу, как бы готовясь пустить копье. Усталый, отчасти неприятно удивленный встречей, я продолжал

медленно подвигаться, смотря кругом и надеясь увидеть знакомое лицо. Такого не нашлось.

Я остановился около одной из хижин, и ко мне подошли несколько туземцев. Вдруг пролетели одна за другой две стрелы, очень близко от меня. Стоявшие около меня туземцы громко заговорили, обращаясь, вероятно, к пустившим стрелы, а затем, обратившись ко мне, показали на дерево, как бы желая объяснить, что стрелы были пущены с целью убить птицу на дереве. Но птицы там не оказалось, и мне подумалось, что туземцам хочется знать, как я отнесусь к сюрпризу вроде очень близко мимо меня пролетевших стрел. Я заметил, что, как только пролетела первая стрела, много глаз обратились в мою сторону, как бы изучая мою физиономию. Но, кроме выражения усталости и, может быть, некоторого любопытства, они, вероятно, ничего не обнаружили в ней.

Я в свою очередь огляделся вокруг, — все угрюмые, встревоженные, недовольные физиономии и взгляды, как будто говорившие: зачем я пришел нарушить их спокойную жизнь? Мне самому как-то стало неловко: на что прихожу я стеснять этих людей?

Никто не покидал оружия, за исключением двух или трех стариков. Число туземцев стало прибывать; кажется, другая деревня была недалеко, и тревога, вызванная моим приходом, дошла и туда. Небольшая толпа окружила меня. Двое или трое говорили очень громко, враждебно поглядывая на меня. При этом, как бы в подкрепление своих слов, они размахивали копьями.

Один из них был даже так возбужден, что при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял,

вдруг размахнулся копьём и еле-еле не попал мне в глаз или в нос. Движение было замечательно быстро и, конечно, не я был причиной того, что не был ранен, — я не успел двинуться с места, где стоял, — а ловкость и верность руки туземца, успевшего остановить конец своего копья в нескольких сантиметрах от моего лица.

Я отошел шага на два в сторону и мог расслышать несколько голосов, которые неодобрительно (как мне, может быть, показалось) отнеслись к этой бесцеремонности.

В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, — я не мог ручаться, так же ли хладнокровно отнесся бы я ко второму опыту, если бы мой противник вздумал его повторить.

Положение было глупое: конечно, лучше было бы уйти, но мне страшно захотелось спать. Домой итти далеко. Отчего же не спать здесь? Все равно я не могу говорить с туземцами, и они не могут меня понять.

Не долго думая, я высмотрел место в тени, притащил туда новую цыновку (вид которой, кажется, подал мне первую мысль — спать здесь) и с громадным удовольствием растянулся на ней. Закрыть глаза, утомленные солнечным светом, было очень приятно. Пришлось, однако, полуоткрыть их, чтобы развязать шнурки башмаков, расстегнуть штиблеты, распустить пояс и подложить что-нибудь под голову. Я увидел, что туземцы стали полукругом, в некотором отдалении от меня, вероятно, удивляясь и делая предположения о том, что будет дальше.

Одна из фигур, которую я видел перед тем, как снова закрыл глаза, оказалась тем самым туземцем,

который чуть не ранил меня. Он стоял недалеко и разглядывал мои башмаки.

Я припомнил все происшедшее и подумал, что все это могло бы кончиться очень серьезно; у меня промелькнула мысль, что, может быть, это только начало, а конец еще впереди. Но если уж суждено быть убитым, то не все ли равно, будет ли это стоя, сидя, лежа на цыновке, или же во сне? Далее я подумал, что если бы пришлось умирать, то сознание, что при этом два, три или даже шесть папуасов также поплатились жизнью, было бы весьма небольшим удовольствием. Был снова доволен, что не взял с собой револьвера.

Когда я засыпал, голоса птиц заняли меня; резкий крик быстро летающих лори несколько раз заставлял меня очнуться; жалобная песня «коки»,[1] напротив, наводила сон; треск цикад также нисколько не мешал, а скорей способствовал сну.

Мне кажется, я заснул скоро, так как встал сегодня очень рано и, пройдя часа два почти все по солнцу, с непривычки чувствовал большую усталость, и в особенности усталость глаз от яркого дневного света.

Проснулся, чувствуя себя очень освеженным. Судя по положению солнца, должен был быть по крайней мере третий час. Значит, я проспал два часа слишком. Открыв глаза, я увидел несколько туземцев, сидящих вокруг цыновки шагах в двух от меня; они разговаривали вполголоса, жуя бетель. Они были без

[1] «Коки» — птица-шалашник, величиной с галку, синевато-черного цвета; строит на земле из прутиков гнезда в виде шалаша. *Ред.*

оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо. Я очень пожалел, что не умею еще говорить с ними. Я решил итти домой и начал приводить свой костюм в порядок; эта операция очень заняла окружавших меня папуасов. Затем я встал, кивнул головой в разные стороны и направился по той же тропинке в обратный путь, показавшийся мне теперь короче, чем утром.

После шести часов вечера поднялся довольно сильный ветер с севера, со шквалами и дождем; температура быстро понизилась. Темно делается здесь уже в семь часов; в безлунные ночи темень страшная, шагах в четырех от дома трудно его различить.

20 сентября

Всю ночь дождь лил ливнем. Утро пасмурное, и опять идет мелкий дождь.

Утром бродил при отливе по колена в воде, но ничего интересного не попалось.

Муравьи здесь выводят из терпения, ползают по голове, забираются в бороду и очень больно кусаются. Бой до того искусан и так расчесал укушенные места, что ноги его распухли, а одна рука покрылась ранами. Я обмыл мелкие раны разведенным нашатырным спиртом, а более глубокие перевязал, промыв карболовой кислотой.

Вчера вечером зашел ко мне Туй, вооруженный копьем, и выпросил топор (ему необходимо перерубить что-то), обещая скоро возвратить; я поспешил исполнить его просьбу. Интересно знать, что выйдет из этого опыта моей доверчивости. Курьезнее всего, что, все еще не зная языка, мы понимали друг друга.

Папуасы притащили мне четыре-пять длинных

бамбуковых палок, футов по двадцати, для веранды.

Туй также принес мне бамбук, но о топоре ни слова.

Нашел, что книги и рисунки кажутся туземцам чем-то особенно страшным; многие встали и хотели уйти, когда я им показал рисунок (портрет) из какой-то иллюстрации. Они просили меня унести скорее его в дом, и только, когда я это сделал, успокоились.

Я напрасно усомнился в честности Туя: не было еще шести часов, как он явился и принес топор. Довольный этой чертой характера моего приятеля, я подарил ему зеркало, с которым он немедленно и убежал в деревню, вероятно, похвастаться подарком. Этот подарок побудил, вероятно, и других туземцев посетить меня. Они принесли мне кокосов и сахарного тростнику, на что я ответил пустой коробкой и гвоздями средней величины. Немного погодя, явилось еще несколько человек также с подарками; я дал каждому по два гвоздя средней величины.

Надо заметить, что в этом обмене нельзя видеть продажу и куплю. Это только обмен подарками. Чего у кого много, то он и дарит, не ожидая непременно вознаграждения. Я уже несколько раз испытывал туземцев в этом отношении, — не давал им ничего в обмен за принесенные ими кокосы, сахарный тростник и проч. Они не требовали ничего за них и уходили, не взяв своих подарков назад.

Я сделал еще другое наблюдение: моя хижина и я сам производят еще на туземцев какое-то особенное впечатление: им у меня не сидится, они осматриваются, точно каждую минуту ожидают появления че-

го-то особенного. Весьма немногие смотрят мне в глаза и отворачиваются или нагибаются, когда я взгляну на них. Некоторые смотрят на мою хижину и на вещи в ней как-то завистливо (хотя я не могу описать точного выражения таких лиц, но почему-то мне кажется, что в их лице выражается зависть). Раза два или три приходили ко мне люди, смотревшие на меня очень злобным, враждебным взглядом. Брови у них были сильно нахмурены, и верхняя губа как-то поднята вверх; каждую минуту я ожидал, что она поднимется выше и что я увижу их сжатые зубы.

Сигнальный барабан (барум) новогвинейских папуасов

Следы «Витязя» видны кругом моего мыса; по лесу трудно пройти, везде срубленные деревья, сучья, висящие на спутанных лианах, заграждают путь. Старые тропинки завалены во многих местах. Понятно, все это приводит папуасов в изумление; своими каменными топорами они не нарубили бы в целый год столько деревьев, сколько матросы в несколько дней.

Всю ночь была слышна у моих соседей в Горенду музыка: дудка и барабан. Дудка состоит из просверленной сверху и сбоку скорлупы кокосового ореха особенно малой величины; есть также дудки из бамбука. Барабан же представляет большой выдолблен-

ный столб от двух до трех метров длины и от ½ до ¾ метра ширины; он имеет вид корыта, поддерживается двумя брусьями; когда ударяют по его бокам большими палками, то удары слышатся на расстоянии нескольких миль.

У моих соседей сегодня, вероятно, праздник: у приходивших ко мне лица раскрашены красной охрой, на спине разные узоры; почти у всех в волосах воткнуты гребни с перьями. Туй прислал с одним из своих сыновей свинины, плодов хлебного дерева, бананов и таро,[1] все хорошо сваренное и аккуратно завернутое в большие листья хлебного дерева.

21 сентября

Приходили и сегодня мои соседи из Горенду с несколькими гостями, жителями островка Били-Били (на русской карте назван островом «Витязя»). Большое число разных украшений (из раковин, зубов собак и клыков свиньи), размалеванные физиономии и спины, взбитые выкрашенные волосы давали гостям положительно парадный вид. Хотя тип физиономии был не отличим, но различие внешних украшений придавало людям из Били-Били такой вид, что их сейчас же можно было отличить от людей Горенду и других ближайших деревень.

Мои соседи из Бонгу показывали многие из моих вещей своим знакомым, причем последние каждый раз при виде неизвестного им предмета широко раскрывали глаза, немного разевали рот и клали один из пальцев между зубами.

[1] Таро — растение, клубни которого, богатые крахмалом, составляют один из главных продуктов питания туземцев большинства островов Океании. *Ред.*

Когда стало темнеть, я вздумал пройти немного по тропинке. Мне хотелось убедиться, можно ли будет возвращаться ночью из деревень; но вдруг так стемнело, что я поспешил вернуться домой, и хотя можно было разглядеть общее направление тропинки, однако я пришел домой с разбитым лбом и больным коленом, наткнувшись сперва на сук, а затем на какой-то пень. Итак, по лесу ночью ходить не придется.

Замечаю, что в бутылке чернил осталось очень мало, и положительно не знаю, найдется ли в багаже другая.

22 сентября

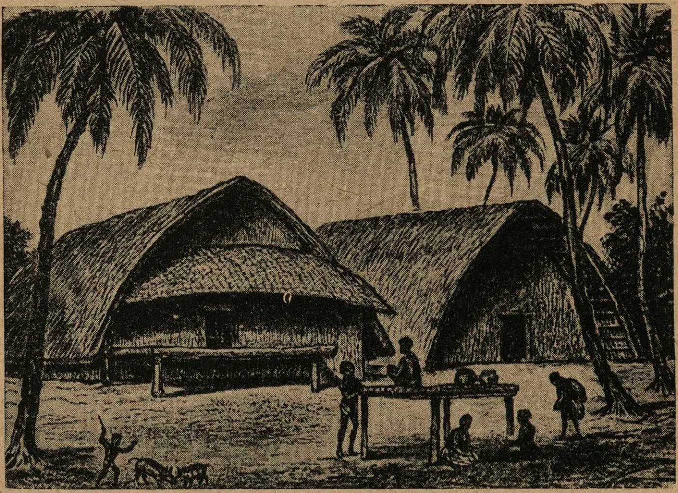
Отправился утром при отливе за добычей на риф. Гуляя по колено в воде, сверх ожидания набрел на несколько интересных известковых губок. Через полчаса у меня было более чем на день работы.

Вернувшись с рифа, я решил, однако, оставить микроскоп в покое до завтра и итти знакомиться с моими соседями — в деревню на восток от мыса Обсерваций. Отправился туда, разумеется, не зная дороги, просто выбирая в лесу тропинки, которые, по моим соображениям, должны были привести меня в деревню. Сперва шел по лесу — густому, с громадными деревьями. Шел и наслаждался разнообразием и роскошью тропической растительности, новостью всего окружающего...

Из леса вышел я к морю. Следуя морским берегом, не трудно было добраться до деревни. Так как я не встретил никого дорогой, то некому было дать знать жителям Гумбу о моем приближении. Свернув с морского берега на хорошо утоптанную тропинку,

я услыхал голоса мужчин и женщин. Скоро показались из-за зелени крыши хижин.

Пройдя около одной из них, я очутился на первой площадке деревни, где увидел довольно многолюдную и оживленную сцену. Двое мужчин работали над исправлением крыши одной из хижин и казались

Папуасские хижины и барла
Рисунок О. Финша

очень занятыми, несколько молодых девушек и мальчиков плели, сидя на земле, цыновки из листьев кокосовой пальмы и подавали их людям, поправлявшим крышу; две или три женщины возились с детьми; две громадные свиньи с поросятами доедали остатки завтрака. Хотя солнце было уже высоко, но тени на площадке было много, и жар вовсе не чувствовался. Разговор был общий и казался очень ожи-

вленным. Картина эта по своей новизне имела для меня громадный интерес.

Вдруг — пронзительный крик — разговор оборвался, и наступила страшная суматоха. Женщины и девушки с криками и воплями бросили свои занятия и стали хватать грудных детей, которые, разбуженные внезапно, плакали и ревели; подростки, приведенные в недоумение испугом матерей, завизжали и заголосили. Таща детей с собой, боясь оглянуться, женщины кинулись в лес; за ними последовали девушки и подростки; даже собаки с воем и свиньи с сердитым хрюканьем побежали за ними.

Встревоженные воплями женщин, сбежались мужчины со всей деревни, по большей части вооруженные чем попало, и обступили меня со всех сторон. Я стоял спокойно посреди площадки, удивляясь этой тревоге, недоумевая, почему мой приход мог произвести такую кутерьму. Я очень желал успокоить туземцев словами, но слов я не знал. Приходилось довольствоваться лишь жестами, что было вовсе не легко. Туземцы стояли вокруг меня нахмурившись и перекидывались словами, которых я не понимал.

Устав от утренней прогулки, я отправился к одной из высоких платформ, взобрался на нее, расположился довольно удобно и знаками пригласил туземцев последовать моему примеру. Некоторые поняли, кажется, что я не имею намерения повредить им, заговорили между собою уже спокойнее и даже отложили в сторону оружие, между тем как другие, все еще подозрительно оглядываясь на меня, не выпускали своих копий из рук. Группа туземцев вокруг меня была очень интересна, но мне нетрудно было заметить, что мой приход был им крайне неприятен.

Большинство посматривало на меня боязливо, и все как-будто томительно ожидали, чтобы я удалился. Я вынул мой альбом, сделал несколько набросков хижин, расположенных вокруг площадки, высоких платформ («барла»), подобных той, на которой я сидел, и перешел затем к записыванию некоторых замечаний о самих туземцах, оглядывая каждого с ног до головы очень внимательно. Мне стало ясно, что мое поведение начинает смущать туземцев; особенно не нравился им мой внимательный осмотр. Многие, чтобы избавиться от моего пристального взгляда, встали и ушли, что-то ворча.

Мне очень хотелось пить. Кругом меня соблазняли кокосовые орехи, но никто не подумал предложить мне даже один из валявшихся на земле свежих кокосов, чтобы утолить жажду. Никто из туземцев не подошел ближе и не постарался заговорить со мной, а все смотрели враждебно и угрюмо.

Понимая, что, оставаясь дольше, я не подвину вперед моего дела, — знакомства с туземцами, — я встал и, при общем молчании, прошел через площадку, направляясь по тропинке, которая и привела меня к морю.

Возвращаясь домой и обдумывая виденное, я пришел к заключению, что сегодняшняя моя экскурсия доказывает, что нелегко будет одолеть недоверие туземцев и что на это потребуется немало терпения и такта в обращении с ними с моей стороны.

Придя к закату солнца домой, я был встречен моими слугами, которых начинало беспокоить мое продолжительное отсутствие; они, между прочим, известили меня, что в мою отлучку двое жителей Горенду принесли три свертка: для меня, для Ульсона и Боя.

Я приказал их раскрыть, и в них оказались вареные бананы, плод хлебного дерева и куски какого-то мяса, похожего на свинину. Мясо мне не особенно понравилось, но Ульсон и Бой ели его с удовольствием. Когда они кончили, я очень смутил их замечанием, что это, вероятно, человеческое мясо. Оба очень сконфузились и уверяли, что это была свинина; однако я остался в сомнении.

23 сентября

Очищал площадку перед хижиной от хвороста и сухих листьев. Мое помещение с каждым днем улучшается и начинает мне все более и более нравиться.

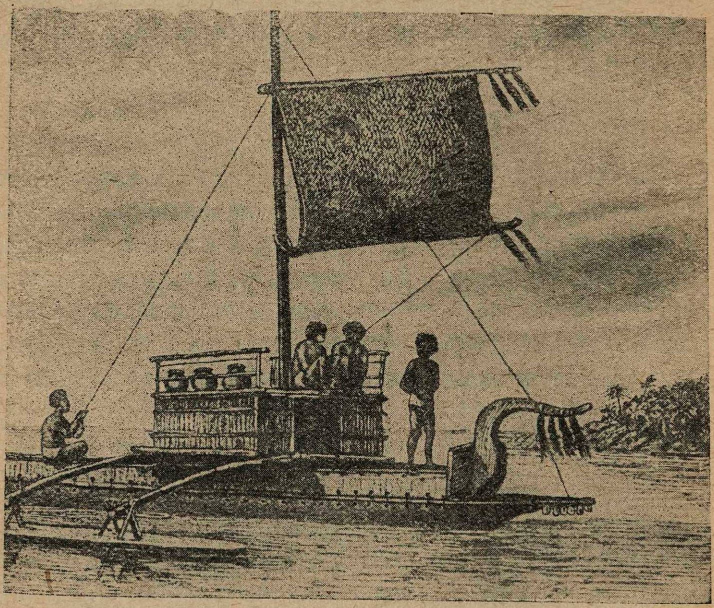
Вечером слышу — кто-то стонет. Иду в дом и застаю Боя, который, закутавшись с головой в одеяло, еле-еле мог ответить на мои расспросы. У него оказалась довольно повышенная температура.

24 сентября

Часу в четвертом из-за мыса Обсерваций вдруг показался парус, а затем большая пирога особенной постройки, с крытым помещением на верху, в котором сидели люди. Один стоял на руле и управлял парусом. Подойдя ближе к моему мыску, рулевой, повернувшись в нашу сторону, начал что-то кричать и махать руками. Такой большой пироги я здесь по соседству еще не видал. Пирога направилась в Горенду, но через пять минут показалась другая, еще больше первой; на ней стоял целый домик или, вернее, большая клеть, в которой помещалось человек шесть или семь туземцев, защищенных крышей от жарких лучей солнца. На обеих пирогах было по две

мачты, из которых одна была наклонена вперед, другая назад.

Я догадался, что мои соседи захотят показать своим гостям такой курьез, как белого человека, и приготовился поэтому к встрече. Действительно, че-

Парусная пирога с острова Били-Били

рез четверть часа с двух сторон, из деревень Горенду и Гумбу, показались туземцы. С гостями, прибывшими, как я узнал, с островка Били-Били, пришли несколько моих соседей туземцев, чтобы объяснить своим гостям разные диковинные вещи у хижины белого.

Люди из Били-Били с большим удивлением и интересом рассматривали все: кастрюли и чайник в кухне, мое складное кресло на площадке, небольшой столик там же; мои башмаки и полосатые носки возбудили их восторг. Они не переставали открывать рот, приговаривая протяжные «а-а-а...», «е-е-е...», чмокать губами, а в крайних случаях вкладывать палец в рот. Гвозди им также понравились.

Я дал им кроме гвоздей несколько бус и по красной тряпке, к великой досаде Ульсона, которому не нравилось, что я раздаю вещи даром и что гости пришли без подарков.

У людей из Били-Били часть волос была тщательно выкрашена красной охрой; лоб и нос были раскрашены той же краской, а у некоторых даже спины были размалеваны. У многих на шее висело ожерелье, которое спускалось на грудь; это были клыки папуасской свиньи, связанные таким образом, что, вися на груди, они представляли лежащую цифру 3 с равною верхней и нижней частью. Это украшение, называемое жителями Горенду «буль-ра», по-видимому, очень ценится ими. Я предлагал им взамен «буль-ра» нож, но они не согласились на такой обмен, хотя и очень желали добыть нож. Они были очень довольны моими подарками и ушли в отличном настроении духа.

Я был, однако же, удивлен, увидев их снова через полчаса, на этот раз нагруженными кокосами и бананами; они успели сходить к своим пирогам и принести мне свои подарки. Церемония поднесения подарков имеет здесь свои правила: каждый приносит свой подарок отдельно от других и передает его прямо в руки лицу, которому хочет дарить. Так слу-

чилось и сегодня; каждый передал свой подарок сперва мне, затем Ульсону значительно меньше, а затем Бою еще меньше.

Люди Били-Били долго оставались у хижины. Они собрались уходить, когда стало темнеть, и, знаками указывая на меня и мою шлюпку, а затем на свой островок, который виднелся вдали, показывали жестами, что не убьют и не съедят меня; что у них там много кокосов и бананов.

Прощаясь, они пожимали мне руку выше локтя. Двое, которым я почему-то подарил больше безделок, обнимали меня левой рукой и, прижимая одну сторону моей груди к своей, повторяли: «О Маклай! О Маклай!»

28 сентября

Меня свалил сегодня первый пароксизм лихорадки; как ни крепился, пришлось лечь и весь день пролежать... Было скверно.

30 сентября

Сегодня наступила очередь Ульсона. Когда я встал, ноги у меня дрожали и подгибались. Бой тоже уверяет, что нездоров. Моя хижина теперь настоящий лазарет.

Узнал сегодня от Туя имена разных деревень, виднеющихся с моего мыска. Я удивился числу имен: каждый ничтожный мысок и ручеек имеют специальное туземное название; так, например, небольшой мысок, на котором стоит моя хижина, где никогда до меня никто не жил, называется Гарагасси; мыс Обсерваций напротив — Габина. Деревня, которую я посетил вечером в день прихода «Витязя», назы-

вается, как я уже упоминал несколько раз, Горенду. Затем идет Бонгу, дальше Мале, еще дальше лежащая у самого берега деревня, которую я посетил с офицерами «Витязя», — Богатим. Еще дальше у мыска, недалеко уже от островка Били-Били, деревня Горима; на восток от Гарагасси деревня, к которой мне не удалось пристать в первый день, называется Гумбу, затем Марагум, еще дальше деревня Рай.

При расспросах Туя я не мог не подивиться его смышленности, с одной стороны, и некоторой тупости или медленности мышления — с другой. Слушая названия, я, разумеется, записывал их и на той же бумаге сделал набросок всей бухты, намечая относительное положение деревень. Туй это понимал, и я несколько раз проверял произношение названий деревень, прочитывая их громко, причем Туй поправил не только два названия, но даже и самый набросок карты. В то же время мое записывание имен и черчение на бумаге нисколько не интересовали его; он как-будто и не замечал их. Мне казалось странным, что он не удивлялся.

Отпустив Туя, я принялся ухаживать за двумя больными, которые стонали и охали. Я и сам, после вчерашнего пароксизма, еле-еле волочу ноги.

Октябрь 1871 года

Туземные сигары. — Огород. — Распорядок дня. — Бритый Туй. — Ночной концерт. — Туй-рыболов. — Болезнь Боя. — Землетрясение. — Папуасские «согреватели». — Гости с гор.

1 октября

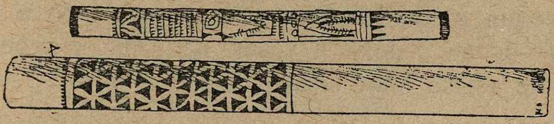
У меня пароксизм повторился; все больны, скверно, а когда начнется дождливое время года, будет, вероятно, еще сквернее.

2 октября

Дав людям по приему хины и сварив к завтраку по две порции риса на человека, я отправился в лес, главным образом, чтобы отделаться от стонов и оханий. Птиц много. Как только туземцы попривыкнут ко мне, буду ходить на охоту, так как консервы мне противны. Когда я вернулся, то застал Ульсона все еще охающим на своей койке, Бой же был на ногах и варил бобы к обеду.

Приходил Туй с тремя людьми из Гумбу. Привезенный мной табак (американский, в табличках) начинает нравиться туземцам. Они употребляют его, смешивая со своим. Курят они таким образом: берут полусухой (сушеный на солнце), но еще мягкий лист

туземного табаку, расправляют его руками, сушат, держа высоко над огнем, затем разрывают на мелкие кусочки, которые свертывают в виде сигары, завертывают в высушенный над огнем специальный лист, а затем уже курят, проглатывая дым. Теперь, получая от меня иногда табак, они перед курением обращаются с ним, как со своим, то есть разрывают табачную табличку на малые кусочки, сушат их, а затем еще более размельчают их и примешивают к своему табаку. Сигара переходит от одного к другому, причем каждый затягивается дымом один или

Папуасские орнаментированные бамбуковые мундштуки для сигар

два раза, проглатывает его медленно и передает сигару соседу.

Занятие одного из моих гостей заинтересовало меня. Он приготовлял тонкие, узкие полоски из ствола какого-то гибкого, вьющегося растения. Сперва он выскабливал одну сторону его, отдирал от него тонкую полоску, разрезал ее потом осколками раковины, которые он менял или обламывал, чтобы получить острый край, служивший ему ножом. Эти полоски назначались для плетения браслетов «сагю», носимых туземцами на руках выше бицепса и на ногах у колен. Туземец так ловко и быстро работал своим примитивным орудием, что, казалось, никакой

другой инструмент не может служить лучше для этой цели.

Единственным лакомством является здесь для меня кокосовая вода. Кроме нее и чаю я ничего не пью. Обыкновенно выпиваю два кокосовых ореха в день.

4 октября

Вчера вечером — сильнейшая гроза. Дождь шел ливнем и пробил мою крышу.

На столе моем был настоящий потоп; пришлось убирать бумаги и книги, и ночь я провел в большой сырости.

Сегодня в продолжение дня перебывало в моей хижине более сорока человек из разных деревень; изучение языка идет вперед все еще туго.

6 октября

Начали разводить огород, сделали гряды. Работа была нелегкая, так как слой земли очень незначителен и, покопав немного, натыкаешься на коралл. Кроме того, множество корней так перепутано, что приходится работать топором столько же, сколько и лопатой. Посеяли бобы, семена тыквы из Таити и кукурузу; не знаю, что взойдет еще, так как семена, кажется, плохи (лежали слишком долго). Был несколько часов в лесу, дивясь громадному разнообразию растительных форм и сожалея на каждом шагу, что смыслю так мало в ботанике.

8 октября

Сегодня были у меня тринадцать человек из Ямбомбы, островка близ Били-Били, которые, должно быть, много слышали обо мне от обитателей послед-

него. Из моих подарков они ценили всего более гвозди.

Наблюдал долго, как сын Туя, мальчик лет пятнадцати, стрелял из лука в рыбу, но очень неуспешно:

Мальчик папуас
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

не попал ни в одну. Стрелы исчезали на секунду в воде, а затем выплывали на поверхность, стоя в воде перпендикулярно. Затем они снова были собраны

охотником. Стрелы эти отличаются от обыкновенных тем, что имеют вместо одного острия — несколько: четыре, пять, иногда и более. Острие сделано из твердого дерева и всажено в длинный, тонкий тростник.

Я решил увеличить мое помещение — заменить высокое крыльцо верандой, то есть переставить трап и закрыть полустеной (из кокосовых листьев) переднюю часть веранды.

Вздумано — сделано. Отправился в лес с Боем. У каждого из нас было по топору. Мы нарубили разного материала для постройки, и к обеду, то есть к четырем часам, веранда была готова. Она имеет 4 фута ширины и 7 футов длины. Из высокого ящика, поставленного на другой, устроил я род стола. Это будет мое обычное место для работы днем, так как здесь светло и можно будет говорить с туземцами, не двигаясь с места. Кроме того, отсюда прелестный вид на море.

10 октября

Расскажу сегодня, как проводил до сих пор большинство дней.

Вставал я ранее моих слуг, еще в полутемноте, часов в пять; отправлялся кругом дома посмотреть, не случилось ли чего нового за ночь, затем спускался к ручью мыться, причем очень часто забывал взять с собою мыло. Придешь вниз, вспомнишь, что мыло забыл, ну и лень подняться за ним в хижину, особенно когда я нашел прекраснейший суррогат мыла в мелком песке на дне ручья. Захватишь немного этого песку, потрешь им руки, которые делаются немного красными, но зато совершенно чистыми, затем, крепко зажмурясь, вытрешь им лицо. Одно неудоб-

ство: много песку остается в бороде. Возвращаюсь к дому около трех четвертей шестого; уже светло. Бой разводит огонь и греет воду для меня. Я отправляюсь на веранду и жду там чай, который мне подают с сухарями или печеными бананами, очень приятными на вкус. Около семи часов записываю температуру воздуха, воды в ручье и в море, высоту прилива, высоту барометра, направление и силу ветра, количество испарившейся воды в эвапорометре,[1] вынимаю из земли зарытый на один метр глубины термометр и записываю его показание. Окончив метеорологические наблюдения, отправляюсь или на коралловый риф за морскими животными, или в лес за насекомыми. С добычей сажусь за микроскоп или кладу собранных насекомых в спирт, или же принимаюсь за какую-нибудь другую работу часов до одиннадцати. В одиннадцать завтракаю. Завтрак состоит из отваренного рису с кери.[2] После завтрака ложусь в подвешенный на веранде гамак и качаюсь в нем до часа, причем часто засыпаю. В час те же метеорологические наблюдения, как в семь часов. Затем опять принимаюсь за какую-нибудь работу, как, например, приведение в порядок наблюдений, записанных в карманной книжке, реже за чтение.

Приход папуасов часто прерывает мои занятия; я спешу к ним, не желая упустить случая прибавить несколько слов к моему папуасскому словарю. После пяти отправляюсь погулять в лес до обеда, который

[1] Эвапорометр — прибор, служащий для наблюдения над испарением воды.

[2] Кери — очевидно, острая приправа (консервированный соус) к рису. В Индии «кэрри» — рисовая каша с разными острыми приправами. *Ред.*

подает мне Бой около шести часов и который состоит из тарелки отваренных чилийских бобов с небольшим куском «чарки»[1] и одной или двух чашек чаю. Тарелка рису утром, тарелка бобов вечером, несколько чашек чаю в день — вот моя ежедневная пища. Привезенные мною несколько банок мясных и рыбных консервов я вполне предоставил моим слугам. Самый вид их мне противен.

Время после обеда я посвящаю на разные домашние работы, как-то: чистку ружей, уборку своей кельи, а затем, сменив мой костюм, сделанный из бумажной материи, на фланелевый, когда темнеет, сажусь на пень у берега, слежу за приливом и отливом, рассматриваю далекий горизонт, облака и т. д. Иногда ложусь снова в гамак и прислушиваюсь к раздающемуся кругом меня в лесу крику птиц и трескотне десятков разноголосых цикад. В восемь часов иду в комнату и, зажегши свою небольшую лампочку (более похожую на ночник, чем на лампу), записываю происшествия дня в дневник. В восемь— девять часов опять метеорологические наблюдения и, наконец, — предпоследний акт дня — очищаю кокосовый орех и выпиваю его прохладительную воду. Вернувшись в комнату, осматриваю заряженные ружья и ложусь на жесткую постель, состоящую из двух корзин, покрытых одеялом вместо тюфяка и простынь. Засыпаю обыкновенно очень скоро.

Визиты туземцев и заболевание Ульсона и Боя нарушают немного ход этой с виду однообразной, но, в действительности, для меня очень интересной жизни.

[1] «Чарки» — чилийское название сушеной говядины. *Ред.*

11 октября

Приходил Туй с двумя другими туземцами. Все были вооружены копьями, луками со стрелами, и у каждого было по топору на плече. Я выразил желание, чтобы гости показали мне употребление лука и стрел, что они сейчас же и исполнили. Стрела пролетела около шестидесяти пяти шагов, но при этом было заметно, что даже легкий ветер имеет большое влияние на полет ее. На таком расстоянии она навряд ли могла бы причинить серьезную рану; шагов на двадцать или тридцать — иное дело, и Туй, может быть, прав, показывая, что стрела может пронзить руку насквозь. . .

Затем Туй показал целый маневр боя: держа лук и стрелы на левом плече, а копье в правой руке, он отбежал шагов десять, кидаясь в разные стороны, сопровождая каждое движение коротким, резким криком. Он то натягивал тетиву лука и пускал стрелу, то наступал, как будто стараясь ранить копьем неприятеля, то прятался за деревьями, иногда нагибался или быстро отпрыгивал в сторону, избегая воображаемой стрелы. Другой туземец, соблазнившись примером, присоединился к нему и стал представлять противника; этот турнир был интересен и довольно характерен.

15 октября

Стоны больного Боя продолжались всю ночь и часто будили меня. Я проснулся, когда уже было совсем светло и когда Ульсон принес мой завтрак на веранду, сказав при этом, что Туй уже давно сидит в кухне.

Выпив чай, я отправился в кухню (в шалаш) и, действительно, увидел там папуаса, но совершенно мне незнакомого. Я принялся рассматривать его, но все-таки не мог припомнить, где и когда я его видел. Я предположил, что незнакомец пришел вместе с Туем, а последний уже ушел. Каково же было мое удивление, когда Ульсон спросил меня, неужели я не узнаю Туя.

Я снова взглянул на туземца, который, улыбаясь, показывал на осколки стекла и на свою верхнюю губу. Тут я заметил, что он выбрил усы и часть бороды. Это так изменило лицо моего старого знакомого, что я его сперва вовсе не узнал. Губы и подбородок были отлично выбриты, он так искусно совершил эту операцию, что нигде не было ни царапины.

Открытие, что стеклом удобно бриться (на островах Полинезии этот способ очень в ходу), до которого Туй дошел совершенно самостоятельно, сильно возвысит ценность разбитых бутылок, в чем я сейчас же убедился, видя, с каким выражением удовольствия Туй получил в подарок от Ульсона несколько осколков стекла. Сходство разбитого стекла с отбитыми осколками кремня или кусочками разбитых раковин, — инструментами, употребляемыми у папуасов для резания, — легко объясняет открытие Туя, но вместе с тем доказывает наблюдательность и желание туземцев знакомиться опытом с новыми для них предметами.

Войдя на мою веранду, я сделал неприятное открытие: крыша, над которой я трудился часов пять, снова протекает, чего я никак не мог ожидать, накладывая сплетенные кокосовые листья очень часто. Обдумывая причину течи, я пришел к заключению,

что виной тому не материалы и не кладка листьев, а слишком малая покатость крыши. Таким образом объясняется высота крыш хижин на островах Тихого океана. Эта-то высота и крутизна главным образом и делают крыши непромокаемыми.

Чувствуя себя плохо, я принял хины (прием в полграмма) и хорошо сделал, потому что к часу я почувствовал лихорадку, но прием хины предупредил пароксизм. Ульсон тоже плох; ходит и говорит как больной. Бой не встает; опять лазарет. Бываю в доме только по вечерам и ночью. Целый день на площадке около дома и нередко на веранде. Приходится зажигать лампу в половине седьмого. Не проходит вечера или ночи без отдаленного грома и очень яркой молнии. Сегодня опять гроза, опять течет на стол, на книги... везде мокро.

17 октября

Несмотря на стоны Ульсона, я заснул, но не успел проспать и получаса, как снова был разбужен странным воем, который, казалось, то приближался, то опять удалялся. Спросонья я не мог дать себе отчета, что это может быть. Вышел на веранду.

Дождь перестал, и было не слишком темно. Я оделся, вышел, сошел к ручью, и мне пришла фантазия пойти по тропинке в Горенду и послушать вблизи пение папуасов, так как этот вой не мог быть ничем иным, как пением туземцев. Надо было сказать Ульсону, что я ухожу; ему моя фантазия очень не понравилась. Он уверял меня, что если папуасы вдруг придут, то непременно убьют его и Боя, так как оба они больны и защищаться не могут. В утешение я поставил мое двуствольное ружье около его койки

и уверил, что при первом выстреле вернусь немедленно в Гарагасси.

Дождь хотя и прошел, но было пасмурно; однако, благодаря взошедшей, хотя и скрытой облаками, луне, я мог пробираться осторожно по тропинке.

Пение слышалось все громче, по мере того как я приближался к Горенду. Очень утомившись от этой прогулки в полутемноте, я сел на пень и стал вслушиваться. Пение или вой, несшийся мне навстречу, был очень прост, и напев постоянно повторялся. Кроме того, этот примитивный мотив еще подымался и опускался неправильными волнами, то неожиданно совсем обрывался, чтобы начаться через полминуты. От времени до времени слышались удары барума (папуасского барабана).

Иногда тот же напев, начинаясь медленно, тихо, протяжно, постепенно рос, делался все громче и громче; такт все учащался; наконец, пение переходило в какой-то почти-что нечеловеческий крик, который, внезапно обрываясь, замирал.

Сидя на пне, я раза два чуть было не свалился. Мне казалось, что я вижу какой-то страшный сон. Очнувшись во второй раз и чувствуя большое желание спать, я переменил намерение: вместо того, чтобы итти вперед, я пошел назад, и не помню, как добрался до моей хижины, где тотчас же лег, даже не раздеваясь. Несколько раз еще впросонках слышал урывки папуасского концерта.

18 октября

Сегодня в первый раз дождь шел утром. Не наступает ли дождливое время года? Когда дождь пе-

рестал, я был свидетелем, сидя на пне у моего флагштока, оригинальной ловли рыбы.

Был отлив: мелкая рыба, должно быть преследуемая акулами, которых здесь не мало, металась во все стороны, выпрыгивая иногда из воды. Из-за деревьев у берега вышел Туй и следил за прыжками рыб.

Вдруг рыбы, вероятно жестоко преследуемые неприятелем, кинулись к берегу. В несколько прыжков Туй очутился около них. Вода там была немного ниже колен, и дно, разумеется, хорошо видно. Вдруг Туй сделал сильный прыжок, и одна из рыбок оказалась пойманной. Туй ловил их ногой. Он сперва придавил рыбу ступней, потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги. Согнув колено, он протянул руку и, высвободив добычу, положил рыбку в мешок. После этого, быстро нагнувшись и схватив камень, Туй бросил его в воду с значительной силой; потом, подойдя к тому месту, куда был брошен камень, он, стоя на одной ноге, поднял другую убитую камнем рыбку.

Все было сделано не только очень искусно, но даже и весьма грациозно. Туй, однако же, человек далеко не молодой; мне он кажется лет около сорока пяти или более.

Увидев меня на моем мыске, он пришел в Гарагасси. Я бросил на землю четвертушку бумаги и сказал, чтобы он поднял ее ногой. Я хотел знать, может ли он так плотно прижать большой палец ко второму, чтобы удержать бумагу. Бумага была мигом поднята и, перейдя у него за спиною в руку, была передана мне. Он то же сделал с большим камнем, который поднял с земли, не останавливаясь ни секунды.

Каждый день вижу новых бабочек, но мало приходится ловить их — не искусен я, и притом с двух сторон море, а с других двух — лес, свободного места вокруг дома немного. Сегодня видел особенно много больших и красивых бабочек, но словил только одну.

Не могу сказать, что совершенно здоров: голова очень тяжела, спина болит и ноги слабы. Ночью Бою было значительно лучше, так как я ему почти насильно прорезал большой нарыв — это было необходимо. Я приказал Ульсону держать его, и мигом было все сделано. Ночью, проснувшись около одиннадцати часов, слышу опять стоны; у Ульсона — пароксизм. Ходит качаясь, со стеклянными глазами и осунувшимся лицом.

Состояние Боя начинает меня беспокоить; лихорадка, повидимому, прошла, но все-таки температура тела гораздо выше нормальной; кашель стал сильнее за последние недели. Вот уже недели две, как он лежит и почти не ест; это происходит отчасти вследствие поверья, что больному следует очень мало есть.

19 октября

Приходило несколько жителей Бонгу со своими гостями из ближайших гор, которые отличаются от береговых папуасов более небрежной прической и, как мне показалось, немного более светлым цветом кожи.

20 октября

Видел снова нескольких туземцев, живущих в горах. Они носят меньше украшений, чем береговые папуасы. Вдали показались две парусные пироги,

идущие от деревни Богатим, направляясь, кажется, сюда, и вскоре ко мне пришли человек двадцать.

У папуасов нет обычая здороваться или прощаться между близкими соседями; они делают это только в экстренных случаях. Туй, бывающий в Гарагасси чаще других туземцев, приходит и уходит не говоря ни слова и не делая никакого жеста.

Я не открыл пока у папуасов какой-нибудь любимой позы, они часто меняют свое положение: то сидят на корточках, то, опускаясь на колени, сидят на своих икрах, то, почти не изменяя этого положения, раздвигают ноги так, что их ступни приходятся по обеим сторонам ягодиц. Иногда они ложатся, подпирая подбородок рукою, и продолжают, переменяя положение, говорить или есть.

Ульсон принес свою гармонику и стал играть; при первых звуках папуасы вскочили все разом и отодвинулись назад. Через несколько времени некоторые из них стали нерешительно подходить. В общем музыка, раздиравшая мне уши (Ульсон играл какую-то матросскую песню), очень понравилась гостям; они выражали свое изумление и одобрение легким свистом и покачиванием из стороны в сторону.

Я роздал каждому по полоске красной материи, которой они повязали себе головы. Вообще молодые люди здесь очень падки до всевозможных украшений. Для полного туалета папуасского дэнди требуется, вероятно, не мало времени.

21 октября

Ночью решил отправиться один в шлюпке осмотреть ближайшие холмы. Встал еще до света, выпил

холодного чаю, так как завтрака ждать мне не хотелось, и отправился на шлюпке сперва к мыску Габина (мыс Обсерваций), а затем вдоль берега, по направлению к деревне Мале.

За береговым лесом поднималось несколько холмов футов в 300 вышины, склоны которых были не везде лесисты и покрыты высокой травой. В нескольких местах в горах, подымавшихся над холмами вились дымки костров. Вероятно, там расположены деревни.

В это же утро я занялся ловлей животных на поверхности моря, и скоро моя банка наполнилась небольшими медузами, сифонофорами и множеством ракообразных. Во всяком случае, сегодняшняя экскурсия показала мне богатство здешней морской фауны.

Немало утомившись, голодный, вернулся в Гарагасси к завтраку, после которого провел несколько часов за микроскопом, рассматривая внимательно мою добычу.

После дневных трудов я лежал вечером спокойно в гамаке на веранде. Хотя не было поздно (всего 6 часов 45 минут), но было уже очень темно. Черные облака приближающейся грозы надвигались все более и более. Я спокойно любовался молнией, внезапно озарявшей облака, как вдруг почувствовал, что мой гамак закачался, затем последовал другой толчок, — на этот раз покачнулся и заходил не только гамак, но вместе с ним и крыша, и стены, и столбы моего дома. Прибежавший из кухни Ульсон стал меня настойчиво спрашивать, будет ли еще землетрясение и будет ли оно сильнее или нет.

Часа через два я сидел в хижине и только что принялся отсчитывать деления анероида, как снова

почувствовал, что земля заколебалась, но сильнее первого раза и продолжительнее. Записав случившееся в метеорологический журнал, я лег спать, прося Ульсона разбудить меня, если почувствует ночью что-нибудь подобное. Я боялся проспать землетрясение, как это уже случилось со мною в Мессине в 1869 году, когда я проспал отлично всю ночь и узнал только на другое утро, что большинство жителей не могло сомкнуть глаз во всю ночь. Действительно, ночью я был разбужен, когда подо мною койка и пол снова зашатались. Все уже успокоилось, когда я услышал голос Ульсона, звавшего меня. Собиравшаяся всю ночь гроза совсем рассеялась к утру, и при восходе солнца небо было почти совсем безоблачное.

23 октября

Вот скоро два месяца как я познакомился с папуасами, а они не видали еще у меня никакого оружия. Дома оно у меня, разумеется, есть, но, даже уходя в лес, я редко беру с собой револьвер; отправляясь же в туземные деревни, не беру его положительно никогда. Эта безоружность кажется туземцам весьма странной. Они уже не раз старались разузнать, не имею ли я в доме копья, лука или стрел. Предлагали даже взять у них, но я отвечал на это только смехом и очень презрительным жестом отодвинул от себя их оружие, показав, что я в нем не нуждаюсь. Их было человек двадцать, и все вооружены. Мой поступок их очень озадачил; они поглядели на свое оружие, на дом, на меня и долго толковали между собой. Я их оставляю в неведении, пока это возможно.

28 октября

Утро было сырое и свежее (всего 22° Ц). Тепло одетый, я пил чай на веранде, когда увидал перед собой Туя, который, тоже чувствуя свежесть утра и не имея подходящего костюма, принес с собой примитивную, но довольно удобопереносимую печь — толстое тлеющее полено. Подойдя ближе, он сел у веранды.

Курьезно было смотреть, как он, желая согреться, переносил тлеющее полено от одной стороны тела к другой и то держал его у груди, то клал сперва у одного, а затем у другого бока, то помещал его между ногами, смотря по тому, какая часть тела казалась ему более озябшей.

Скоро пришло еще несколько жителей Бонгу; среди них находился человек низкого роста, с диким и робким выражением лица. Так как он не решался подойти ко мне, то я сам пошел к нему. Он хотел было бежать, но был остановлен другими. Посмотрев на меня, он долго смеялся, затем стал прыгать, стоя на месте. Очевидно, вид первого белого человека привел его в такое странное состояние.

Люди из Бонгу постарались объяснить мне, что этот человек пришел из очень дальней деревни, лежащей в горах и называемой Марагум. Он явился с целью посмотреть на меня и на мой дом.

Все пришедшие имели на себе по случаю холодного утра свои «согреватели»; у некоторых вместо полена был аккуратно связанный пук тростника. Присев перед моим креслом, они сложили свои головни и тростник в виде костра и принялись греться около огня.

Я уже не раз замечал, что туземцы носят с собою головни, чтобы зажигать свои сигары.

Немного позже другая партия туземцев явилась из Гумбу, также со своими гостями из Марагум-Мана, которые заинтересовали меня, как жители гор. Тип их был положительно одинаков с приморскими жителями, но цвет кожи гораздо светлее, чем у моих соседей. Жители Марагум-Мана были приземисты, но хорошо сложены: ноги крепкие, с развитыми икрами. Я им сделал несколько подарков, и они ушли весьма довольные, не переставая удивляться дому, креслу и моему платью.

У Ульсона опять лихорадка, скверная тем, что пароксизмы наступают совершенно неправильно. В пять часов опять гроза, дождь, сырость, так что я принужден сидеть дома и кутаться.

Дождливые дни для меня очень неприятны. Так как моя келья очень мала, то она служит мне и спальней и складочным местом. Когда дождя нет, я провожу целые дни вне ее; разные углы площадки вокруг дома составляют собственно мой дом. Здесь моя приемная с несколькими бревнами и пнями, на которых могут располагаться гости; там в тени, с далеким видом на море, мой кабинет с покойным креслом и со складным столом; было также специальное место, предназначенное мною для столовой. Вообще я очень доволен моим помещением.

29 октября

Нахожу, что туземцы здесь народ практичный, предпочитающий вещи полезные разным безделкам. Ножи, топоры, гвозди, бутылки и т. п. они ценят гораздо более, чем бусы, зеркала и тряпки, которые

они хотя и берут с удовольствием, но никогда не выпрашивают их, в противоположность вещам, упомянутым раньше.

Недоверчивость моих соседей доходит до смешного. Они рассматривали мой нож с большим интересом. Я показал им два больших ножа, фута в полтора длиной, и, шутя и смеясь, объяснил им, что дам эти два больших ножа, если они оставят жить у меня, в Гарагасси, маленького папуасенка, который пришел с ними. Они переглянулись с встревоженным видом, быстро переговорили между собой и затем сказали что-то мальчику, после чего тот бегом бросился в лес. Туземцев было более десятка, и все вооруженные. Они, кажется, очень боялись, что я захвачу ребенка. И это были люди, которые уже раз двадцать или более посещали меня в Гарагасси.

Другой пример: приходят ко мне человека три или четыре, невооруженные. Я уже знаю наперед, что недалеко в кустах они оставили человека или двух с оружием, чтобы подоспеть к ним на помощь в случае нужды. Обыкновенно туземцы стараются скрыть, что они приходят вооруженными.

О женщинах и говорить нечего. Я не видел еще ни одной вблизи, а только издали, в то время, когда они убегали от меня, как от дикого зверя.

30 октября

Сегодня опять пришла моя очередь болеть. Хотя пароксизм был утром, но он на весь день лишил меня возможности чем-либо заняться.

Ульсона я снова поставил на ноги с помощью хины. Бой все еще болеет. Я ему регулярно даю хину и уговариваю, чтобы он ел, но он питается по-

чти исключительно бананами и сахарным тростником. Тайком от меня, как я узнал от Ульсона, он выпивает большое количество воды, хотя я ему каждый день повторяю, чтобы он не пил ничего другого, кроме горячего или холодного чаю.

31 октября

По ночам здесь гораздо шумнее, чем днем. С полудня до трех или четырех часов, исключая кузнечиков и весьма немногих птиц, никого не слышно; с заходом же солнца начинается самый разноголосый концерт: кричат лягушки, цикады, ночные птицы, к ним примешиваются голоса разных животных, которых мне еще не удалось видеть. Почти каждый вечер аккомпанементом к этому концерту являются раскаты грома, который днем раздается редко. Ночью и прибой на рифах слышится яснее; ко всему этому присоединяется еще назойливый писк комаров, а подчас издали долетает завывание папуасов, заменяющее у них песни. Несмотря на всю эту музыку, мне вообще спится хорошо.

Сегодня целый день чувствую утомление во всем теле после вчерашнего пароксизма.

Ноябрь 1871 года

Отношения становятся лучше. — Обмен волосами. — Ночной визит в Горенду. — Трудности изучения языка. — Полнолуние. — Дождливый сезон. — Предостережение Туя. — Ложная тревога.

1 ноября

У здешних туземцев существует только одно обозначение для выражения понятий «писать» и «рисовать», что очень понятно, так как до изобретения письмен они еще не дошли. Когда я записываю что-нибудь, они говорят: «Маклай негренгва». Если я рисую кого-нибудь из них, они также говорят «негренгва». Показываю им печатную бумагу — снова «негренгва». Объясняя друг другу пользу маленького гвоздя при черчении узора на бамбуковом футляре для извести, они опять употребляют слово «негренгва».

Опять приходили ко мне жители Бонгу со своими гостями с гор (горцами). Я старался узнать, как они добывают огонь, но не мог добиться, не зная еще достаточно языка.

Туземцы очень приставали, чтобы я пожевал с ними бетель, на что я, однако же, не согласился,

вспоминая, что раз попробовал, но обжег себе язык негашеной известью, которой я примешал слишком много.

5 ноября

Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, повар, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка. Одним словом — на все руки, и всем рукам дела много. Хотя очень терпеливо учусь туземному языку, но все еще понимаю очень мало; больше догадываюсь, что туземцы хотят сказать, а говорю еще меньше.

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чуждаться меня... Дело идет на лад; моя политика терпения и ненавязчивости оказалась совсем верной. Не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня, и даже начинают ухаживать за мной. Они делаются все более и более ручными: приходят, сидят долго, а не стараются, как прежде, выпросить что-нибудь и затем улизнуть поскорее со своей добычей.

Одно досадно, что я еще так мало знаю их язык. Знание языка, я убежден, единственное средство для преодоления недоверия, которое все еще держится, а также единственный путь к ознакомлению с туземными обычаями, по всей вероятности, очень интересными. Учиться языку мне удобнее дома, чем посещая деревни, где туземцы, при моих посещениях, бывают обыкновенно так возбуждены и беспокойны, что трудно заставить их усидеть на месте. В Гарагасси же они терпеливо отвечают на вопросы, позволяют рассматривать, мерить и рисовать себя

К тому же в Гарагасси у меня все под рукою — и инструменты для антропологических измерений и для рисования.

Не лишним является также и большой выбор подарков для вознаграждения их терпения или для обмена на какие-нибудь безделки, украшения или, вообще, различные мелочи, которые папуасы носят с собой всюду под мышкой, в особых мешках.

Я не упускаю случая, при посещении горных жителей, измерять их головы, делать разные антропологические наблюдения и, между прочим, собирать образчики для моей коллекции волос. Как известно, изучение волос представителей различных рас имеет большое значение в антропологии, поэтому я никогда не пренебрегаю случаями пополнять мою коллекцию новыми образчиками. Здесь это собирание представляло сперва некоторую трудность.

Уморительно было смотреть, с каким страхом отскочил Туй при виде ножниц, которые я поднес к его волосам. Он готов был бежать и не подходил ко мне все время, пока я держал ножницы. Отказаться от собирания волос в этой местности я не мог, но как победить нежелание Туя? Я подумал, не примет ли он в обмен на свои волосы несколько моих, и, отрезав пучок своих волос, предложил ему взять их, конечно, на обмен. Это удалось. Я выбрал у него несколько локонов, отрезал их и отдал ему свои. Пока я завертывал образчик волос в бумагу и надписывал пол, приблизительно лета и место головы, откуда были срезаны, Туй также завернул тщательно мои волосы в лист, который он сорвал недалеко.

Таким образом, то есть способом обмена на соб-

ственные волосы, моя коллекция волос туземцев значительно увеличилась. Но в один прекрасный день Ульсон заметил мне, что я выстриг себе всю левую сторону головы. Это произошло оттого, что, держа ножницы в правой руке, я срезал себе волосы на левой стороне головы. Тогда я стал резать волосы и с другой стороны.

Раз, гуляя по лесу, я забрел так далеко, что чуть-чуть не заблудился; но, к счастью, наконец, набрел на тропу, которая привела меня к морю, где я сейчас же мог ориентироваться. Это случилось около деревни Мале, куда я, однако ж, не пошел, а направился в Бонгу, по дороге домой. Но дойти до Бонгу мне не удалось; было уже почти темно, когда я добрался до Горенду, где я решил переночевать к великому удивлению туземцев.

Придя в деревню на площадку, я прямо направился в большую «буамрамру»[1] Туя, желая как можно менее стеснять туземцев и зная очень хорошо, что мое посещение встревожит всех жителей деревни. Действительно, послышались возгласы женщин и плач детей. Пришедшему Тую я объяснил, что хочу спать у него. Он что-то отвечал мне много, кажется, хотел проводить меня при свете факела в Гарагасси, говорил что-то о женщинах и детях. Я почти не понял его и, чтобы отделаться, лег на барлу — длинные нары с большими бамбуками вместо подушек — и, закрыв глаза, повторял: «нявaрь», «нявaрь», — спать, спать. У меня часов не было, и хотя было не

[1] Буамрамрами называются большие хижины, особенным образом построенные и назначенные исключительно для мужчин. *Примечание Миклухо-Маклая.*

поздно, но, утомленный многочасовой прогулкой, я вскоре задремал и затем заснул. Проснулся я, вероятно, от холода, так как я спал ничем не покрытый, а ночной ветер продувал насквозь ввиду отсутствия у этих хижин стен спереди и сзади.

Я не ел ничего с одиннадцати часов утра и чувствовал большой аппетит. Я был один в буамрамре, где царил полумрак. Встав, я направился на площадку, к костру, вокруг которого сидело несколько человек туземцев. Между ними был и Туй. Я обратился к нему, указывая на рот и повторяя слово: «уяр» (есть), которое он сейчас же понял и принес мне небольшой табир (овальное неглубокое блюдо) с холодным таро и вареными бананами. Несмотря на недостаток соли, я съел несколько кусков таро с удовольствием; бананы я также попробовал, но они показались мне очень безвкусными.

Я чувствовал себя настолько освеженным получасовой дремотою и затем подкрепленным пищей, что предложил двум молодым туземцам проводить меня с факелами до Гарагасси. В ночной темноте попасть домой без огня было совершенно невозможно. Туземцы поняли мое желание и были, кажется, даже довольны, что я не остаюсь ночевать.

Мигом добыли они несколько факелов из сухих пальмовых листьев, взяли каждый по копью, и мы отправились.

Лес, освещенный ярким светом горящих сухих листьев, представлялся еще красивее и фантастичнее, чем днем. Я любовался также моими спутниками, их быстрыми и ловкими движениями: они держали факел над головой, а копьем отстраняли нависшие ветви лиан, местами преграждавшие нам путь. Один

из туземцев шел за мной; оглянувшись на него, я невольно подумал, как легко ему было бы сзади

Папуас из деревни Горенду
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

проткнуть меня копьем. Я был невооружен, по обыкновению, и туземцам это обстоятельство было хорошо известно. Я дошел, однако же, цел и невредим

до Гарагасси, где и был встречен крайне встревоженным Ульсоном, почти уже потерявшим надежду видеть меня в живых.

10 ноября

Вчера вечером Туй хотел выказать мне свое доверие и попросил позволения ночевать у меня. Я согласился. Уходя, он сказал, что придет позднее. Предполагая, что он не вернется, я уже лег на койку, когда услыхал голос его, зовущий меня. Я вышел.

Действительно, это был Туй. Вид его при лунном свете был очень характерен и даже эффектен. Темное, хорошо сложенное тело красиво рисовалось на еще более темном фоне зелени. Он одной рукой опирался на копье, в другой, опущенной, держал догорающее полено, которое освещало его с одной стороны красноватым отблеском. Плащ или накидка из грубой тапы[1] спускалась с плеч до земли. Стоя таким образом, он спрашивал, где ему лечь. Я указал на веранду, где он может провести ночь, и дал ему цыновку и одеяло, которыми он остался очень доволен. Туй улегся. Это было часов около десяти.

В половине двенадцатого я встал, чтобы посмотреть на термометр. Луна еще ярко светила, я взглянул на веранду, но Туя там не было, а на его месте лежали только свернутая цыновка и одеяло. Видно, голые нары его хижины ему более по вкусу, чем моя веранда с цыновкой и одеялом.

11 ноября

Пристрелил одну из птичек, которые так кричат на высоких деревьях около дома. Туземное имя ее

[1] Тапа — материя из выколоченного древесного луба. *Ред.*

«коко». Это имя — не что иное, как звукоподражание ее крику «коко-ниу-кай»; когда она кричит, звук «коко» выделяется очень ясно.

Сегодня я сделал неожиданное, но весьма неприятное открытие: все собранные мною бабочки съедены муравьями, в коробке остались только кусочки крыльев некоторых из них.

У Ульсона снова лихорадка, мне опять пришлось колоть дрова, варить бобы и кипятить воду для чая.

Вечер иногда провожу над приготовлением серег, которые режу для туземцев из жестяных ящиков от консервов. Я подражаю форме черепаховых серег, носимых туземцами. Первую пару сделал я ради шутки и подарил Тую, после чего множество туземцев перебывало у меня, прося сделать им такие же. Серьги из жести положительно вошли в моду, и спрос на них растет.

12 ноября

Застрелил белого какаду, который упал с дерева в море. Я только-что перед этим встал и собирался итти к ручью мыться, поэтому тотчас же разделся и сошел в воду, чтобы достать птицу и выкупаться. Отливом она была отнесена от берега, но я направился к ней, несмотря на глубину, и был уже саженях в двух, как вдруг большая акула схватила птицу. Близость таких соседей не особенно приятна, когда купаешься.

13 ноября

Дни проходят, а мое изучение туземного языка подвигается очень туго вперед. Самые употребительные слова остаются неизвестными, и я не могу при-

думать, как бы узнать их. Я даже не знаю, как по-папуасски такие слова: да, нет, дурно, хочу, холодно, отец, мать... Просто смешно, но что я не могу добиться и узнать — это остается фактом. Начнешь спрашивать, объяснять — не понимают или не хотят понять. Все, на что нельзя указать пальцем, остается мне неизвестным, если только не узнаешь случайно то или другое слово.

Сегодня совершенно случайно узнал от Туя, который пришел отдохнуть в Гарагасси, название звезды — «нири». Оригинально то, что папуасы называют (но не всегда) солнце не просто «синг», а «синг-нири»; луну «кааран-нири», т. е. звезда-солнце, звезда-луна.

15 ноября

Ульсон объявил мне вчера утром, что, вероятно, более не встанет; он едва смог приоткрыть глаза — так опухли его веки, и еле шевелит языком, который, по его словам, вдвое толще обыкновенного. На его опасения смерти я сказал, что стыдно ему трусить и что, вероятно, он встанет завтра поутру. Потом я заставил его проглотить раствор около грамма хины в подкисленной жидкости, которую он запил несколькими глотками крепкого чая. Дозу эту я снова повторил часа через четыре после первой. Хотя он сильно ворчал, глотая невкусное лекарство, но пароксизма сегодня не было, и к вечеру он встал, немного глухой, но с сильнейшим аппетитом. Зато у меня был ночью пароксизм, трясло очень сильно, зубы щелкали, и я не мог согреться. Когда явилась испарина, я заснул часа на два.

Утром встал, еле-еле волоча ноги, но все-таки

встал и даже отправился в лес, так как сухих дров в кухне почти не осталось.

Когда я пробирался чрез чащу, на меня напали осы. Я бросился бежать, оставивши дрова и даже топор. Боль от укусов была очень сильная. Прибежав домой, я сейчас же помочил ужаленные места на руках, груди и лице нашатырным спиртом, отчего боль моментально исчезла.

Сегодня полнолуние, и двое молодых людей из Горенду, Асол и Вуанвум, сейчас (около девяти часов вечера) заходили сюда, раскрашенные красной и белой краской, убранные зеленью и цветами, по дороге в Гумбу, где они проведут ночь.

У папуасов, как я заметил, с полнолунием соединены особенные собрания. Жители одной деревни посещают жителей другой, ходят всегда более разукрашенными, и песни их долетают обыкновенно в такие ночи в форме пронзительного и протяжного воя до Гарагасси. Так случилось и в прошлую ночь.

Я был разбужен Ульсоном, спрашивавшим, слышал ли я крики и заряжены ли у меня все ружья. Я не успел ответить, как из леса, по направлению к Горенду, послышался громкий пронзительный крик, в котором, однако ж, можно было признать человеческий голос. Крик был очень странный и принадлежал, вероятно, многим голосам. Ульсон сказал мне, что последние пять минут он слышал уже несколько подобных звуков. Первый из них был так громок и пронзителен и показался ему до того страшным, что он решился разбудить меня, полагая, что это был сигнал нападения на нас.

Я встал и вышел на площадку. Из многих деревень неслись однообразные удары барума. Полная

луна только-что показывалась величественно из-за деревьев, и я сейчас же подумал, что эти крики произведены были в честь восхода луны. Я припомнил, что при появлении луны туземцы вскрикивали каким-то особенным образом, как бы приветствуя ее восход.

Это объяснение показалось мне совсем удовлетворительным, и я, посоветовав Ульсону не ожидать нападения на нас, а просто спать, сам заснул немедленно.

17 ноября

Спустили на воду вычищенную и выкрашенную шлюпку. Я очень устал; главная работа выпала на меня, так как Ульсон, по слабости после лихорадки, мало что мог делать.

18 ноября

Солнце становится у нас редкостью, проглядывая лишь не надолго из-за туч.

Большое удобство моего помещения в этом уединенном месте заключается в том, что можно оставлять все около дома и быть уверенным, что ничто не пропадет, за исключением съестного, так как за собаками усмотреть трудно.

Туземцы пока еще ничего не трогали. В цивилизованных странах такое удобство немыслимо; там и замки и полиция часто оказываются недостаточными.

21 ноября

Ходил в деревню Горенду за кокосами. По обыкновению предупредил о своем приближении громким свистом, чтобы дать женщинам время попрятаться. На меня эта деревня всегда производит приятное

впечатление, так в ней все чисто, зелено, уютно. Людей не много; они не кричат и не производят разных шумных демонстраций при моем появлении, как прежде. Только птицы, летая с дерева на дерево или быстро пролетая между ними, нарушают благотворный покой. На высоких барлах важно восседают на корточках двое или трое туземцев, редко перекидываясь словами и молча разжевывая кокосовый орех или очищая горячий «дегарголь» (сладкий картофель); иные заняты в своих хижинах, другие около них; многие, ничего не делая, греются на солнце или расщипывают свои волосы.

Придя в Горенду, я также сел на барлу и также занялся свежеиспеченным дегарголем. Человек восемь собрались скоро около барлы, на которой я сидел, и поочередно стали высказывать свои желания: одному хотелось иметь большой гвоздь, другому кусок красной тряпки; у этого болела нога, и он просил пластыря и башмак. Я слушал молча; когда они кончили, я сказал, что хочу несколько зеленых кокосов. Двое мальчиков, накинув петлю себе на ноги, быстро поднялись на кокосовую пальму и стали бросать кокосы вниз. Я пальцами показал, сколько кокосов хочу взять, и предложил отнести их в «таль-Маклай» (дом Маклая), что и было исполнено.

Довольные моими подарками, они ушли все через полчаса. С двоих я успел снять довольно удачные портреты.

Вечером опять дождь, гром и молния. Ветер много раз задувал лампу. Иногда поневоле приходится ложиться спать, так как писание дневника и приведение в порядок заметок постоянно преры-

ваются необходимостью зажигать потухающую от ветра лампу. Скважин, щелей и отверстий всякого рода в моем помещении так много, что защититься от сквозняка нечего и думать. Сейчас идет дождь, который начался при заходе солнца и будет итти, вероятно, часов до трех или четырех утра.

В октябре было еще сносно, но в ноябре дождь имеет, кажется, намерение итти каждый день. Дождь барабанит по крыше, протекает во многих местах, даже на стол и на кровать, но так как поверх одеяла я закрыт еще непромокаемым плащом, то по ночам мне до дождя нет дела. Я убежден, что мне было бы комфортабельнее, если бы я жил совершенно один, не имея слуг, за которыми до сих пор я ухаживал больше, чем они за мною. Про Боя уж и говорить нечего; он лежит, не вставая, второй месяц, но и Ульсон болеет втрое чаще меня; чувствуя самое легкое нездоровье, он готов валяться весь день. Так, например, сегодня он пролежал весь день, и поэтому вечером я должен был приготовлять чай для нас троих, не позволив Ульсону выйти по случаю дождя.

Делать чай в Гарагасси в темные дождливые ночи, как сегодня, не так просто. Пришлось при сильном дожде пройти в шалаш, набрать там по возможности сухих ветвей, наколоть их, зажечь потухший от дождя костер и долго раздувать его. Потом не оказалось достаточно воды в чайнике, и надо было в темноте, под дождем, спуститься к ручью. При этом было так темно, что я чуть было два раза не упал, сбившись с дороги. Приходилось ожидать молнию, при свете которой я снова попадал на знакомую тропу. При таком дожде и порывах ветра брать с собою фонарь было бы бесполезно.

Когда я вернулся промокшим до костей, мое крохотное помещение показалось мне очень удобным; я поспешил переодеться и пишу эти строки, наслаждаясь чаем, который именно сегодня кажется мне очень вкусным. Надо заметить, что вот уже второй месяц, как у нас нет сахара, и недель пять, как были выброшены последние сухари, которые съели за нас черви. Мы долго боролись с червями, старались высушить сухари сперва на солнце, а потом на огне, но черви все-таки одолели. Я заменяю сухари печеными бананами или, когда нет бананов, ломтиками печеного таро. Я, действительно, нисколько не чувствую этой перемены, хотя Ульсон и даже Бой ворчали, когда сахар кончился. Остальная наша пища та же, что и прежде: вареный рис, кери и бобы с солью. Но довольно о пище. Она несложна, и ее однообразность даже нравится мне; кроме того, все эти неудобства и мелочи вполне сглаживаются коекакими научными наблюдениями и природою, которая так хороша здесь... Да, впрочем, она хороша везде, умей ею только наслаждаться...

Вот пример. Полчаса тому назад, когда мне пришлось отправиться к ручью за водой, я был в самом мерзком настроении духа, утомленный десятиминутным раздуванием костра, дым которого разъедал мне до слез глаза. Отправляюсь к ручью. Совершенно темно, мокро, ноги скользят, то и дело оступаешься; дождь, уже проникший через две фланелевые рубашки, течет по спине, делается холодно; снова оступаешься, хватаешься за куст, колешься. Вдруг сверкает яркая молния, освещает своим голубоватым блеском и далекий горизонт, и белый прибой берега, каплю дождя, весь лес, каждый листок, даже шип, ко-

торый сейчас уколол руку, — только одна секунда, — и опять все черно и мокро и неудобно; но этой секунды достаточно, чтобы красотой окружающего возвратить мне мое обыкновенное хорошее расположение духа.

Однако уже девять часов. Лампа догорает. Чай допит, и от капающей везде воды становится очень сыро в моей келье, — надо завернуться скорее в одеяло и продолжать свое дальнейшее существование во сне.

23 ноября

После дождя собрал множество насекомых и нашел также очень красивый и курьезный гриб.

Бой так слаб, что почти не держится на ногах. Сегодня бедняга упал, сходя с лестницы. Ульсон лежал и охал, закрывшись с головой одеялом. Когда я заметил упавшего Боя у лестницы, я кое-как втащил его обратно в комнату. Он был в каком-то забытье и не узнавал меня.

Сегодня опять пошел дождь с четырех часов. Везде все сыро.

24 ноября

Бой очень страдает, я не думаю, что он проживет долго. Другой инвалид сидит, тоже повеся нос.

Приходил Туй и, сидя у меня на веранде, между прочим сообщил с очень серьезным видом, что Бой скоро умрет, что Виль (туземцы так называют Ульсона) болен и что Маклай останется один: при этом он поднял один палец, потом, показывая на обе стороны, продолжал:

— Придут люди из Бонгу и Гумбу, — при этом

Девственный лес на Новой Гвинее

он указывал на все пальцы руки и ног, т. е. много людей, — придут и убьют Маклая!

Тут он даже показывал, как мне проколют копьем шею, грудь, живот, и нараспев печально приговаривал:

— О Маклай! О Маклай!

Я сделал вид, что отношусь к этим словам, как к шутке (сам же был убежден в возможности такого обстоятельства), и сказал, что ни Бой, ни Виль, ни Маклай не умрут; на что Туй, поглядывая на меня как-то недоверчиво, продолжал тянуть самым жалостным голосом:

— О Маклай! О Маклай!

Этот разговор, мне кажется, тем более интересен, что, во-первых, это может действительно случиться, а, во-вторых, по всей вероятности, мои соседи толковали об этом на-днях. Скучно то, что вечно нужно быть настороже; впрочем, это не мешает спать.

Пришло человек восемь туземцев из Горенду и Мале. Будучи в хорошем расположении духа, я каждому гостю из Мале дал по подарку, хотя они сами ничего не принесли. Туй и Лялай спросили меня вдруг:

— Придет ли когда-нибудь корвет?

Разумеется, определенного ответа я не мог дать. Сказать же: «придет, но когда, не знаю», я не сумел. Не умею также выразить большое число по-папуасски. Думая, что нашел случай поглядеть, как мои соседи считают, я взял несколько полосок бумаги и стал резать их поперек. Нарезал, сам не знаю сколько, и передал целую пригоршню одному из туземцев Мале, сказав, что каждая бумажка означает два дня. Вся толпа немедленно его обступила. Мой папуас

стал считать по пальцам, но должно быть неладно, по крайней мере папуасы решили, что он не умеет считать, и обрезки были переданы другому. Этот важно сел, позвал еще одного на помощь, и они стали считать. Первый, раскладывая кусочки бумаги на колене, при каждом обрывке повторял: «наре, наре» (один); другой повторял слово «наре» и загибал при этом палец, сперва на одной, затем на другой руке. Насчитав до десяти и согнув пальцы обеих рук, опустил оба кулака на колени, проговорив «две руки», причем третий папуас загнул один палец руки. Со вторым десятком было сделано то же, причем третий папуас загнул второй палец; то же самое было сделано для третьего десятка; оставшиеся бумажки не составляли четвертого десятка и были оставлены в стороне. Все, кажется, остались при этом довольными. Мне снова пришлось смутить их: взяв один из обрезков, я показал два пальца, прибавив: «бумбум» — день, день. Опять пошли толки, — но порешили на том, что завернули обрезки в лист хлебного дерева и тщательно обвязали его, чтобы, должно быть, пересчитать их в деревне.

Вся эта процедура показалась мне очень интересной. Недоверие папуасов и какая-то боязнь передо мною, разумеется, мне очень неприятны. Пока они не будут доверять мне, я ничего от них не добьюсь. Бой вряд ли проживет еще много дней. Ульсон такой трус, что при нем туземцы могут разграбить и сжечь дом. Но как только научусь побольше туземному языку, так перестану сидеть дома. Коекакие инструменты и письменные принадлежности закопаю; думаю, что они будут сохраннее в земле, чем в доме, под охраной одного Ульсона.

26 ноября

Вчера вечером мимо моего мыска проезжали две пироги с огнем. Ночь была тихая и очень темная. Мне пришла фантазия зажечь фальшфейер. Эффект был очень удачен и на моих папуасов произвел, вероятно, сильное впечатление: все факелы были брошены в воду, и когда, после полуминутного горения, фальшфейер потух, пирог и след простыл.

Приходил Лалай из Били-Били, человек с очень характерной физиономией, с крючковатым носом и очень плохо развитыми икрами. Было бы, однако, неправильно придавать этому обстоятельству значение расового признака. Брат этого человека имеет нос вовсе не крючковатый, совершенно сходный с носами других туземцев, а что ноги Лалая худощавы, это также не удивительно, имея в виду жизнь на маленьком острове или в пироге, в поездках по деревням. У горных жителей икры прекрасно развиты, как это я заметил у приходивших туземцев-горцев.

Затем нагрянула целая толпа людей из Бонгу с двумя мальчиками, лет семи или восьми. У этих ребят очень ясно выдавался африканский тип: широкий нос, большой, немного выдающийся вперед рот с толстыми губами, курчавые черные волосы. Животы у них очень выступали и казались туго набитыми. Между детьми такой негроподобный тип встречается гораздо чаще, чем между взрослыми.

Бой очень плох. Ульсон начинает поговаривать, что хорошо было бы выбраться отсюда, а я отвечаю, что я не просил его отправляться со мною в Новую Гвинею и даже в день ухода «Витязя» предлагал ему

вернуться на корвет, а не оставаться со мною. Он каждую ночь ожидает, что туземцы придут и перебьют нас, и ненавидит Туя, которого считает за шпиона.

Недавно в начале ночи, часу в двенадцатом, я был пробужден от глубокого сна многими голосами. Вероятно, несколько пирог приближались к нам.

— Идут, идут! — завопил Ульсон.

Я вышел на веранду и был встречен ярким светом факелов и шестью туземцами, вооруженными стрелами и копьями и беспрестанно звавшими меня по имени. Я не двигался с места, недоумевая, что им от меня нужно. Ульсон же, подойдя сзади, сам вооруженный ружьем, совал мне двустволку, приговаривая:

— Не пускайте их итти дальше!

Я знал, что выстрел одного дула, заряженного дробью, обратит в бегство большую толпу туземцев, не знающих еще действия огнестрельного оружия, и поэтому ждал спокойно, тем более, что я узнал знакомые голоса.

Действительно, когда после слова «гена» («иди сюда»), которым я их встретил, они высыпали на площадку перед верандой, каждый из них, придерживая левой рукой свое оружие и факел и вопя «ники, ники», протягивал мне правую, с несколькими рыбками. Я поручил несколько пристыженному Ульсону собрать рыбу, которой ему давно хотелось. Жаль, что я не художник. Группа вооруженных папуасов, освещенных яркими факелами, была так живописна. Спускаясь к своим пирогам, они долго кричали мне на прощанье: «Еме-ме, еме-ме!», а затем быстро скрылись за мыском. Рыба оказалась очень вкусной.

Декабрь 1871 года

Смерть Боя. — Горящая вода. — Пациенты. — Орудия и утварь. — Красавец Бонем. — Справедливая жалоба на тамо-русс. — Волосы папуасов. — Рыбная ловля. — Приглашение в Бонгу. — Жилища папуасов. — Общественные постройки.

1 декабря

Несмотря на большое утомление, хочу записать еще сегодня происшествия дня, пока ощущения еще не стушевались несколькими часами сна.

Встав утром, я счел сообразным с моим настоящим положением приготовить все, чтобы зарыть в землю, при первой необходимости, мои бумаги, не только исписанные, то есть дневник, метеорологический журнал, заметки и рисунки, но и чистую бумагу на случай, если я уцелею, а хижина будет разграблена или сожжена туземцами.

Пришедший Туй показался мне сегодня действительно подозрительным. Поведение его как-то смахивало на шпионство. Он обходил, внимательно смотря кругом, нашу хижину, посматривал с большим интересом в комнату Ульсона, причем несколько раз повторял: «О Бой! О Бой!», затем, подойдя ко мне, пристал с просьбой отпустить Боя в Гумбу, чем

мне так надоел, что я ушел в комнату и этим заставил уйти и его.

К полудню я почувствовал легкий пароксизм лихорадки, выразившийся в очень томительной зевоте и чувстве холода и подергивания во всем теле. Я оставался на ногах все утро, считая лучшим при таких условиях ложиться только в самой крайней необходимости.

Приехало трое туземцев из Горенду. Один из них, заглянув в комнату Ульсона и не слыша стонов Боя, спросил, жив ли он, на что я ему ответил утвердительно. Туземцы стали снова просить пустить Боя к ним. На что он им? — Не понимаю; бояться его, как противника, они не могут; может быть, желают приобрести в нем союзника? Теперь уже поздно.

Пообедав спокойно, я указал Ульсону на громадный ствол, принесенный приливом и угрожавший нашей шлюпке; послал его сделать что-нибудь, чтобы ствол не придавил шлюпки. Сам же вернулся в дом заняться письменной работой; но стоны Боя заставили меня заглянуть в его комнату. Несчастный катался по полу, скорчившись от боли. Подоспев к нему, я взял его на руки, как ребенка, — так он похудел в последнюю неделю, — и положил на койку. Холодные, потные, костлявые руки, охватившие мою шею, совершенно холодное дыхание, ввалившиеся глаза и побелевшие губы и нос убедили меня, что не долго остается ему стонать. Боль брюшной полости, очень увеличившаяся, подтвердила мое предположение, что к другим недугам присоединилось еще воспаление брюшины. Я вернулся к своим занятиям.

Во второй раз что-то рухнуло на пол, и послышались стоны. Я снова поднял Боя на постель; его

холодные руки удерживали мои; он как будто желал мне что-то сказать, но не смог. Пульс был слаб, иногда прерывался, и конечности заметно холодели Снова уложив его, я сошел к берегу, где Ульсон возился со шлюпкой, и сказал ему, что Бой умрет часа через полтора или два. Известие подействовало на Ульсона, хотя мы ожидали этой смерти уже недели две и не раз говорили о ней. Мы вместе вошли в комнату; Бой метался по полу, ломая себе руки. Жалко было смотреть на него, так он страдал. Я достал из аптеки склянку с хлороформом и, налив несколько капель на вату, поднес ее к носу умирающего. Минут через пять он стал успокаиваться и даже пробормотал что-то; ему, видимо, было лучше. Я отнял вату. Ульсон стоял совершенно растерянный и спрашивал, что теперь делать. Я коротко сказал ему, что тело мы бросим сегодня ночью в море, а теперь он должен набрать несколько камней и положить их в шлюпку и чем больше, тем лучше, для того, чтобы тело сейчас же пошло ко дну. Ульсону это поручение не особенно понравилось, и мне пришлось добавить несколько доводов: что нам невозможно няньчиться с разлагающимся телом, так как гниение в этом климате начнется сейчас же после смерти; что хоронить его днем, при туземцах, я не намерен, и что вырыть глубокую яму в коралловом грунте слишком трудно, недостаточно же глубокую могилу туземные собаки разыщут и разроют. Последние два довода поддержали немного падающий дух Ульсона. Чтобы быть уверенным, что все будет сделано, а главное, чтобы камней было достаточно, я отправился сам к шлюпке.

Поднявшись затем к дому, я зашел к Бою по-

смотреть, в каком он положении. В комнате было совсем темно, стонов не было слышно. Я ощупью добрался до руки умирающего. Пульса более не было. Нагнувшись и приложив одну руку к сердцу, другую ко рту, я не почувствовал ни биения, ни дыхания. Пока мы ходили к ручью за камнями, он умер так же молча, как и лежал во время своей болезни.

Я зажег свечу и посмотрел на тело. Оно лежало в том положении, как Бой обыкновенно спал и сидел, — поджавши ноги и скрестив руки. Несмотря на то, что при жизни Боя Ульсон постоянно бранил его и дурно отзывался о нем, сейчас он был очень тронут и стал говорить что-то о боге и об исполнении воли его. Не имея на то никакого основания, мы оба говорили очень тихо, как будто боясь разбудить умершего.

Когда я сказал Ульсону о своем намерении распилить череп Боя и сохранить мозг его для исследования, Ульсон совсем осовел и умильно упрашивал меня этого не делать. Соображая, каким образом удобнее совершить эту операцию, я к досаде моей открыл, что у меня не имеется достаточно большой склянки для помещения целого мозга. Ожидая, что каждый час могут явиться туземцы и, пожалуй, с серьезными намерениями, я отказался, не без сожаления, от желания сохранить мозг полинезийца, но не от возможности добыть препарат гортани со всеми мускулами и языком. Достав анатомические инструменты и приготовив склянку со спиртом, я вернулся в комнату Боя и вырезал гортань с языком и всей мускулатурой. Кусок кожи со лба и головы с волосами пошли в мою коллекцию,

Ульсон, дрожа от страха перед покойником, держал свечку и голову Боя. Когда же, при перерезывании мускулов, рука Боя сделала небольшое движение, Ульсон так испугался, что я режу живого человека, что уронил свечку, и мы остались в темноте. Наконец все было кончено, и надо было отправить труп Боя в его сырую могилу, но так осторожно, чтобы соседи наши ничего не знали о случившемся.

Не стану описывать подробно, как мы вложили покойника в два больших мешка, как зашнуровали их, оставив отверстие для камней, как в темноте несли его вниз к шлюпке, как при спуске к морю Ульсон оступился и упал, покойник на него, а за покойником и я; как мы не могли сейчас же найти нашу ношу, так как она скатилась удачнее нашего, прямо на песок. Отыскав, мы опустили труп, наконец, в шлюпку и вложили пуда два камней в мешок. Все это было очень неудобно делать в темноте.

Был отлив, как на зло. Нам опять стоило больших усилий стащить по камням тяжелую шлюпку в воду. Не успели мы взяться за весла, как перед нами, в одной четверти мили, из-за мыса Габина мелькнул огонек, затем второй, третий... десятый.

То были одиннадцать пирог, приближавшихся в нашу сторону. Туземцы непременно заедут к нам или, увидя шлюпку, подъедут близко к ней. Их ярко горящие факелы осветят длинный мешок, который возбудит их любопытство. Одним словом, то, чего я так не желал, то есть, чтобы туземцы узнали о смерти Боя, казалось, сейчас наступит.

— Нельзя ли Боя спрятать в лес? — предложил Ульсон.

Но теперь, с камнями и телом, мешок был слиш-

ком тяжел для того, чтобы тащить его между деревьями, и потом туземцы будут скоро здесь.

— Будем грести сильнее, — сказал я, — может быть, ускользнем.

Последовали два, три сильных взмаха веслами; но что это? — шлюпка не подвигается, мы на рифе или на мели. Папуасы все ближе, мы изо всех сил принялись отпихиваться веслами, но безуспешно. Наше глупое положение было для меня очень досадно, — я готов был прыгнуть в воду, чтобы удобнее спихнуть шлюпку с мели; я хотел сделать это даже, несмотря на присутствие многочисленных акул. Мне пришла счастливая мысль осмотреть наш борт; моя рука наткнулась тогда на препятствие. Оказалось, что второпях и в темноте отданный, но не выбранный конец, которым шлюпка с кормы прикреплялась к берегу, застрял между камнями и запутался между сучьями, валявшимися у берега, и что именно он-то и не пускает нас. Я схватил нож и, перерезав веревку, освободил шлюпку. Мы снова взялись за весла и стали сильно грести.

Туземцы выехали на рыбную ловлю как и вчера; их огни сверкали все ближе и ближе. Можно было расслышать голоса. Я направил шлюпку поперек их пути, и мы старались как можно тише окунать весла в воду, чтобы не привлечь внимания туземцев.

— Если они увидят труп Боя с перерезанным горлом, они скажут, что мы убили его, и, пожалуй, убьют нас, — заметил Ульсон.

Я наполовину разделял это мнение и не особенно желал встретиться в эту минуту с туземцами. Всех туземцев на пирогах было тридцать три, — по три

человека на пироге. Они были хорошо вооружены стрелами и копьями и, сознавая превосходство своих сил, могли очень хорошо воспользоваться обстоятельствами.

Мы гребли молча, и отсутствие огня на шлюпке было, вероятно, причиною, что нас не заметили, так как факелы на пирогах освещали ярко только ближайшие предметы вокруг них. Туземцы были усердно заняты рыбной ловлей. Ночь была тихая и очень темная; от огней на пирогах шли длинные столбы отблеска на спокойной поверхности моря. Каждый взмах весел светился тысячами искр. При таком спокойном море поверхностные слои его полны богатой и разнообразной жизнью. Я пожалел, что нечем было зачерпнуть воды, чтобы посмотреть завтра, нет ли чего нового между этими животными, и совсем забыл о присутствии покойника в шлюпке и о необходимости схоронить его. Любуясь картиной, я думал, как скоро в человеке одно чувство сменяется совершенно другим. Ульсон прервал мои думы, радостно заметив, что пироги удаляются от нас и что никто нас не видел. Мы спокойно продолжали путь и, отойдя, наконец, на милю приблизительно от мыска Габина, опустили мешок с трупом за борт. Он быстро пошел ко дну; я убежден, что десятки акул уничтожат его, вероятно, в эту же ночь.

Вернулись домой, гребя на этот раз очень медленно. Пришлось опять, из-за темноты и отлива, долго возиться со шлюпкой. В кухонном шалаше нашелся огонь, и Ульсон пошел приготовить чай, который теперь кажется, готов и который я с удовольствием выпью, дописав это последнее слово.

2 декабря

Встав, я приказал Ульсону оставить все в его отделении хижины, как было при Бое, и в случае прихода туземцев не заикаться о смерти его.

Туй не замедлил явиться с двумя другими, которых я не знал; один из них вздумал подняться на первую ступеньку лестницы, но когда я ему указал, что его место — площадка перед домом, а не лестница, он быстро соскочил с нее и сел на площадке.

Туй снова заговорил о Бое и с жаром стал рассуждать, что, если я отпущу Боя в Гумбу, то тот человек, который пришел с ним, непременно его вылечит. Я ему отвечал отрицательно.

Чтобы отвлечь их мысли от Боя, я вздумал сделать опыт над их впечатлительностью. Я взял блюдечко из-под чашки чаю, которую я допивал; вытерев его досуха и налив туда немного спирта, я поставил блюдечко на веранду и позвал моих гостей. Взяв затем стакан воды, сам отпил немного и дал попробовать одному из туземцев, который также убедился, что это была вода. Присутствующие с величайшим интересом следили за каждым моим движением. Я прилил к спирту на блюдечке несколько капель воды и зажег спирт. Туземцы полуоткрыли рот и, со свистом втянув воздух, подняли брови и отступили шага на два. Я брызнул тогда горящим спиртом из блюдечка на лестницу и на землю. Туземцы отскочили, боясь, что я и на них брызну огнем, и, казалось, были так поражены, что немедленно ушли, как бы опасаясь увидеть что-нибудь еще более страшное. Но минут через десять они показались снова, и на этот раз уже целой толпой. То были жители Бонгу, Били-Били и острова Кар-Кар.

Толпа была очень интересна, представляя людей всех возрастов; на всех было праздничное убранство и многочисленные украшения, материал которых определялся местом их жительства. Так, мои соседи, мало занимающиеся рыбной ловлей, имели украшения преимущественно из цветов, листьев и семян, между тем как на жителях Били-Били и Кар-Кара, живущих у открытого моря и занимающихся ловлей морских животных, были навешены украшения из раковин, костей рыб, скорлупы черепах и т. п.

Жители Кар-Кара представляли еще ту особенность, что все тело их, преимущественно голова, было вымазано черной землей, и так основательно, что при первом взгляде можно было подумать, что цвет их кожи действительно черный, но при виде тех, у которых одна только голова была окрашена, легко можно было убедиться, что и у первых черный цвет был искусственный и что тело жителей Кар-Кара в действительности только немногим темнее тела жителей берега.

Жители Бонгу были сегодня, как бы в контраст своим черным гостям, вымазаны красной охрой; и в волосах, и за перевязями рук, и под коленами у них были воткнуты красные цветы.

Всех пришедших было не менее сорока человек. Пришедшие знали от Туя о горящей воде, и всем хотелось видеть ее. Туй упрашивал показать всем, «как вода горит».

Когда я исполнил эту просьбу, эффект был неописуемый: большинство бросилось бежать, прося меня «не зажечь моря». Многие остались стоять, будучи так изумлены и, кажется, испуганы, что ноги, вероятно, изменили бы им, если бы они двину-

лись. Они стояли как вкопанные, оглядываясь кругом с выражением крайнего удивления. Уходя, все наперерыв приглашали меня к себе, кто в Кар-Кар, кто в Сегу, в Рио и в Били-Били, и мы расстались друзьями.

Не ушли только несколько туземцев из Кар-Кара и Били-Били, которые стали просить о «гаре» (коже), чтобы покрыть раны, гной которых привлекал целые стаи мух. Я не мог помочь им серьезно, но все-таки облегчил их, облив раны карболовой водой, перевязав и тем освободив, хотя и временно, от мух.

Из одной раны я вынул сотни личинок, и, разумеется, этот туземец имел основание быть мне благодарным. Я особенно тщательно обмыл и перевязал раны на ноге ребенка лет пяти, который был принесен отцом. Последний так расчувствовался, что, желая показать мне свою благодарность, снял с шеи ожерелье из раковин и хотел непременно надеть его на меня.

3 декабря

Снова больные из Били-Били; один страдает сильной лихорадкой; я хотел дать ему хины, разумеется, не во время пароксизма, и показал ему, что приду потом и дам выпить «оним» (т. е. лекарство); но он усиленно замахал головой, приговаривая, что умрет от моего лекарства. Принимать что-либо туземцы боятся, хотя очень ценят наружные средства.

У Боя осталась бутылка с кокосовым маслом, настоенным на каких-то душистых травах. Один туземец из Били-Били жаловался очень на боль спины и плеч (вероятно, ревматизм); я ему предложил эту бутылку с маслом, объяснив, что надо им натирать-

ся, за что он сейчас же и принялся. Сперва он делал это с видимым удовольствием, но вдруг остановился, как будто соображая что-то, а затем, вероятно, подумал, что, употребляя незнакомое «оним», он, пожалуй, умрет, пришел в большое волнение, бросился на своего соседа и стал усердно тереть ему спину, а потом, вскочив на ноги, как сумасшедший, стал перебегать от одного к другому, стараясь мазнуть их маслом. Вероятно, он думал при этом, что если с ним случится что-нибудь неладное, так то же самое должно случиться и с другими. Его товарищи, очень озадаченные таким поведением, не знали, как отнестись к нему, сердиться ли им, или смеяться.

6 декабря

Сегодня я случайно обратил внимание на состояние моего белья, упакованного в одной из корзин, служащих мне койкой. Оно оказалось покрытым во многих местах черными пятнами, и места, где были эти пятна, можно было без затруднения проткнуть пальцем. Это, разумеется, была моя вина: я ни разу в продолжение трех месяцев не подумал проветрить белье. Я поручил Ульсону вывесить все на солнце; многое оказалось негодным.

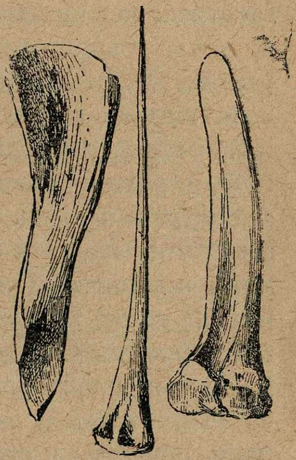
Сегодня туземцы спрашивали меня, где Бой. Я отвечал им:

— Бой орен (Боя нет).

— Где же он? — был новый вопрос. Не желая говорить неправду, не желая также показать ни на землю, ни на море, я просто махнул рукой и отошел. Они, должно быть, поняли, что я указал на горизонт, где далеко-далеко находится Россия. Они стали рас-

суждать и, кажется, под конец пришли к заключению, что Бой улетел в Россию. Но что они действительно думают и что понимают под слором «улетел», я не имею возможности спросить, не зная достаточно туземного языка.

Сделал сегодня интересное приобретение: выменял несколько костяных инструментов, которые туземцы употребляют при еде, — род ножа и две ложки. Нож, называемый туземцами „донган“, сделан из заостренной кости свиньи, между тем как ложка-„шелюпа“ — из кости кенгуру. Она обточена так, что один конец ее очень расширен и тонок.

Костяные изделия папуасов — (слева направо) — ложка, вилка и нож

8 декабря

Приходили туземцы из Бонгу. Они, кажется, серьезно думают, что Бой отправлен мною в Россию и что я дал ему возможность перелететь туда. Я прихожу к мысли, что туземцы считают меня и в некоторой степени Ульсона какими-то сверхъестественными существами.

13 декабря

Три дня лихорадка. Ложился только на несколько часов каждый день, когда уж буквально не мог стоять на ногах. Положительно ем хину; приходится по грамму в день. Сегодня лучше, пароксизма не

было, но все-таки чувствую большую слабость. Ноги как бы налиты свинцом и частые головокружения. Ульсон очень скучает. Для него одиночество особенно ощутительно; он очень любит говорить. Он придумал говорить сам с собою, но этого ему кажется мало.

В чем я начинаю чувствовать положительный недостаток — это в животной пище. Вот уж три месяца, как мы питаемся исключительно растительной пищей, и я замечаю, что силы мои слабеют. Отчасти, разумеется, это происходит от лихорадки, но главным образом от недостатка животной пищи.

При моей теперешней жизни, т. е. когда приходится быть часто и дровосеком, и поваром, и плотником, а иногда и прачкой, и матросом, а не только барином, занимающимся естественными науками, — рукам моим приходится очень плохо. Не только кожа на них огрубела, но даже сами руки увеличились, особенно правая. Пальцы стали толще, и рука шире. Руки мои и прежде не отличались особенною нежностью, но теперь они положительно покрыты мозолями, обрезами и ожогами; каждый день старые подживают, а новые появляются.

Я заметил также, что ногти мои, которые были всегда достаточно крепки для моих обыкновенных занятий, теперь оказываются слишком слабыми и надламываются. На-днях я сравнил их с ногтями моих соседей — папуасов, которым приходится работать руками гораздо больше моего. Оказалось, что у них ногти замечательные: по крайней мере в три раза толще моих. Особенно толсты у них ногти больших пальцев, причем средняя часть ногтя толще, чем по бокам. Вследствие этого по сторонам ногти легче

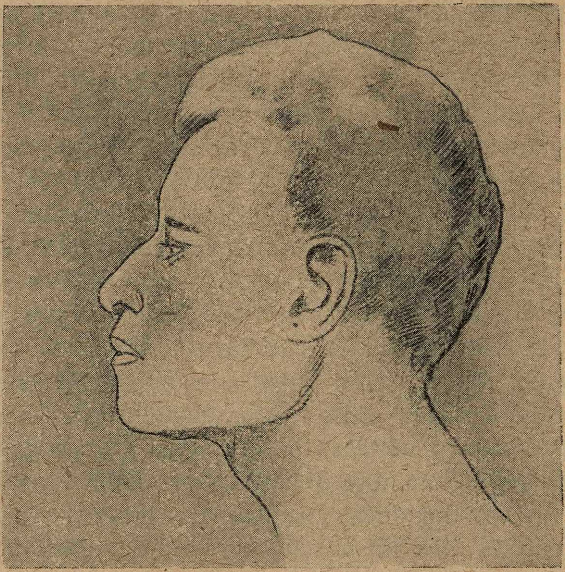
обламываются, чем в середине, и нередко можно встретить у туземцев ногти, совершенно уподобляющиеся когтям.

15 декабря

Пока пришедшие туземцы разглядывали в выпрошенных у меня зеркалах свои физиономии и выщипывали себе лишние, по их мнению, волосы, я осматривал содержание одной из сумок (так называемой «гун»), носимых мужчинами на перевязи через левое плечо и болтающихся у них под мышкой. Я нашел в ней много интересного. Кроме двух больших «донганов», тут были кости, отточенные на одном конце, служащие как рычаг или нож; в небольшом бамбуковом футляре нашлись четыре заостренные кости, очевидно, инструменты, способные заменить ланцет, иглу или шило, затем «ярур» — раковина, имеющая зубчатый нижний край и служащая у туземцев для выскребывания кокосов. Был также удлиненный кусок скорлупы молодого кокосового ореха, заменяющий ложку; наконец, данный мною когда-то большой гвоздь был тщательно отточен на камне и обернут очень аккуратно корой; это могло служить очень удобным шилом. Все эти инструменты были очень хорошо приспособлены к своим целям. Туземцы хорошо плетут разные украшения, как, например, браслеты (сагю) или повязки для придерживания волос (дю) из различных растительных волокон. Но, странно, они не плетут цыновок, материал для которых (листья пандануса) у них в изобилии. Я не знаю, чему приписать это обстоятельство: отсутствию ли надобности в цыновках или недостатку терпения.

Корзины, сплетенные из кокосовых листьев, чрез-

вычайно схожи с полинезийскими. Туземцы их очень берегут; правда, при примитивных инструментах из камней и костей, каждая работа не очень легка, так, например, — над деревцом сантиметров четырна-

Бонем, сын Туя
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

дцати в диаметре двум папуасам приходится поработать со своими каменными топорами, если они хотят срубить его аккуратно, не менее получаса. Все украшения им приходится делать камнем, обточенным в виде топора, костями, также обточенными осколками раковин или кремнем, и можно только удивляться, как с помощью таких первобытных инструментов они строят порядочные хижины и пи-

роги, не лишенные иногда довольно красивого орнамента.

16 декабря

Я остановил проходящую пирогу из Горенду, узнав стоящего на платформе Бонема, старшего сына Туя.

Он был особенно разукрашен в это утро. В большую шапку взбитых волос было воткнуто множество перьев и пунцовых цветов. Он стоял на платформе пироги, с большим луком и стрелами в руках, внимательно смотрел по сторонам и следил за рыбою, грациозно балансируя при движениях маленькой пироги. Каждую минуту он готов натянуть тетиву и спустить стрелу. Он был, действительно, очень красив. Длинные зеленые и красные листья, заткнутые за браслеты на руках и у колен, а также по бокам за новый, окрашенный охрой, яркокрасный пояс, придавали Бонему особенно праздничный вид. Прическа его состояла из гирлянды пунцовых цветов; спереди три небольших гребня, каждый с пером, поддерживали тщательно вычерненные волосы; четвертый, большой гребень, также с двумя цветами, придерживал длинное белое петушиное перо, загибающееся крючком назад. Я дал Бонему зеркало, и он вытащил все гребни и цветы из волос и принялся взбивать большим гребнем слежавшиеся в некоторых местах, как войлок, волосы. После этого волосяная шапка его увеличилась раза в три против первоначального; он подергал локоны на затылке или «гатесси», которые тоже удлинились. Затем снова воткнул цветы и гребни в свой черный парик, посмотрел в зеркало и улыбнулся от удовольствия.

Я рассказываю эти мелочи потому, что они объясняют, как из плотно прилегающей к голове мелкокурчавой прически получается эластичная шапка папуасских волос, так часто описываемая путешественниками, которые видят в ней какую-то особенность некоторых «разновидностей» папуасской расы.

17 декабря

Заходил в Горенду напомнить туземцам, что они давно не приносили мне свежих кокосов.

— Не приносили оттого, — хором возразили папуасы, — что тамо-русс (русские люди — матросы «Витязя») срубили много кокосовых деревьев и теперь мало осталось орехов.

Я предложил указать мне, где срубленные деревья. Несколько туземцев вскочили и побежали указать мне срубленные стволы кокосовых пальм около самой деревни, приговаривая:

— Кокосы есть можно, но рубить стволы нехорошо.

Они были правы, и я должен был замолчать.

Привезенная мною посуда мало-по-малу исчезает, бьется, почему мне приходится заменять ее туземной, — небольшими «табирами» вместо блюд и половинками скорлупы кокосовых орехов, служащими мне тарелками.

20 декабря

Ночью была сильная гроза. Проливной дождь шел несколько раз ночью и днем. Ветер был также силен. Лианы, подрубленные у корня при расчистке площадки и висевшие до сих пор во многих местах над

крышей, падали, и одна из них, около семи метров длиной и три-четыре сантиметра толщиной, свалилась с большим шумом, пробила крышу и разбила один из термометров, которым я измерял температуру воды.

21 декабря

Ночью свалилось с шумом большое надрубленное с корня дерево и легло поперек ручья. Потребовалось много работы, чтобы очистить ручей от сучьев и листьев.

22 декабря

Туй, возвращаясь с плантации, принес сегодня маленького поросенка, которого собака загрызла, но не успела съесть. Большая редкость животной пищи и постоянное хныканье Ульсона о куске мяса были причиной, почему я сейчас же взял подарок Туя. Маленькое, худое животное оказалось для меня интересным, представляя новую полосатую разновидность. Темнобурые полосы сменялись светлорыжими, грудь, брюхо и ноги были белые. Я отпрепарировал голову, сделал эскиз, а затем передал поросенка Ульсону, который принялся его чистить, скоблить и варить. Смотря на Ульсона, занятого приготовлением, а потом едой, можно было видеть, насколько люди — животные плотоядные. Да, кусок говядины — важная вещь.

Мне не кажется особенно странным, что люди, прежде имевшие животную пищу, переселяясь в местность, где этой пищи нет, стали есть человеческое мясо, которое к тому же очень вкусно, как уверяют знатоки.

Несколько дней тому назад, занимаясь рассматриванием моей коллекции волос папуасов, я констатировал несколько интересных фактов. Распределение волос на голове пучками считается специальной особенностью папуасской породы людей. Уже давно мне казалось невероятным положение, что волосы папуасов растут пучками или группами. Но громадный парик моих соседей не позволил ясно убедиться, как именно волосы распределены. Присматриваясь к распределению волос на висках, затылке и верхней части шеи у взрослых, я мог заметить, что особенной группировки волос пучками не существует, но до сих пор коротко обстриженную голову туземца мне не случалось еще видеть.

После завтрака, лежа в моем гамаке, я скоро заснул. Свежий ветер качал мою койку. Сквозь сон услыхал я голос, зовущий меня, и, увидев зовущих, я сейчас же вскочил. Это был Колле из Бонгу, с мальчиком лет девяти, очень коротко обстриженным. С большим интересом и вниманием осмотрел я его голову и даже срисовал то, что показалось мне более важным. Я так углубился в изучение распределения волос, что моим папуасам стало как-то жутко, что я смотрю так пристально на голову Сыроя (имя мальчика), и они поспешили объявить мне, что должны итти.

Я с удовольствием подарил им вдвое больше, чем обыкновенно даю, и дал бы в двадцать раз более, если бы они позволили вырезать небольшой кусочек кожи с головы. Волосы растут, как я убедился, у папуасов не группами или пучками, а совершенно так же, как и у нас.

Это — для многих, может быть, очень незначи-

тельное — наблюдение разогнало мой сон и привело в приятное настроение духа.

23 декабря

Последние две недели дули довольно свежие ветры, преимущественно от десяти часов утра до пяти часов пополудни. Ульсон уговорил меня ехать удить рыбу, но, как я и ожидал, мы ничего не поймали. Жители Горенду и Бонгу занимались также

Папуасские палицы с каменными набалдашниками и острога для ловли рыбы

рыбной ловлей; я направил шлюпку к трем ближайшим огонькам, посмотреть, как они это делают.

Подъехав довольно близко, я окликнул их; на пирогах произошло смятение. Огни сейчас же потухли, и пироги скрылись в темноте по направлению к берегу. Причиною бегства туземцев и внезапной темноты было присутствие на пирогах женщин, которых при моем появлении поспешно высадили на берег. Я узнал об этом по донесшимся до меня женским голосам.

Пироги, однако, вернулись, и минуты через две моя шлюпка была окружена десятком пирог, и почти каждый из туземцев подал мне по одной или по две рыбки, а затем они отъехали и продолжали ловлю.

На платформе каждой пироги лежал целый ворох связанной в пучки длинной сухой травы. Стоящий впереди пироги туземец зажигал один за другим эти пучки и освещал поверхность воды. На платформе помещался другой туземец, с «юром» (острогой), футов восемь или девять длины, который он метал в воду и почти каждый раз сбрасывал ногой с юра две или три рыбки. Часто ему приходилось выпускать юр из рук, и когда это случалось, то пирога подъезжала к юру, который плавал стоя, погруженный в воду только на четверть. Юр так устроен, что, погрузившись в воду и захватив добычу (рыбки остаются между зубьями), поднимается из воды сам и плавает, держась почти перпендикулярно в воде. Наконец, третий папуас управлял пирогой, сидя на корме.

30 декабря

Целые пять дней подряд надоедала мне лихорадка. Не стану подробно описывать мое состояние, но это полезно знать тем, которым вздумается забраться сюда. Эти пять дней голова несносно болела, и я был очень слаб, но вместе с тем, не желая звать Ульсона, сам осторожно спускался с постели на пол, боясь упасть, если стану на ноги. Глаза и лоб заметно опухали во время пароксизма. Все эти дни я находился в каком-то забытье и принимал хину, вероятно, не во-время; это и было главной причиной того, что лихорадка так затянулась.

Около двенадцати часов явилось несколько человек из Бонгу с приглашением притти к ним. Один из посетителей сказал мне, что очень хочет есть. Я ему отдал тот самый кокос, который он принес

мне в подарок. Сперва топором, а затем донганом (костяной нож) он отделил зеленую скорлупу ореха и попросил у меня «табир» (деревянное блюдо). Не имея такого, я принес ему глубокую тарелку. Держа кокос в левой руке, он ударил по нему камнем, отчего орех треснул как раз по середине; придерживая его над тарелкой, он разломил его на две почти равные части, причем вода вылилась в тарелку К нему подсел его товарищ и оба, достав из своих мешков по «яруру», стали выскребывать ими свежее зерно ореха и выскребленную длинными ленточками массу опускать в кокосовую воду. В короткое время вся тарелка наполнилась белой кашей; начисто выскребленные половинки скорлупы превратились в чашки, а те же яруры — в ложки. Кушанье это было приготовлено так опрятно, и инструменты так просты и целесообразны, что я должен был отдать предпочтение этому способу еды кокосового ореха перед всеми другими, виденными мною. Туземцы называют это кушанье «минкиля», и оно играет значительную роль при их угощениях.

Несмотря на накрапывающий дождь, я принял приглашение туземцев Бонгу отправиться к ним, надеясь, что мне удастся осмотреть обстоятельно деревню и что мое знание языка уже подвинулось достаточно для того, чтобы понять объяснение многих мне еще непонятных вещей. Я предпочел отправиться в Бонгу на шлюпке.

Берег около Бонгу совершенно открытый, и при значительном прибое было рискованно оставить шлюпку без привязи, так как был прилив и ее не замедлило бы выкинуть на берег. Нашлось, однако же, большое, свесившееся над водою дерево,

называемое туземцами «субари», к которому мы прикрепили шлюпку. Подъезжая к дереву, я бросил с кормы заменявший якорь большой камень; затем, привязав шлюпку к дереву с носа и, таким образом, оставив ее в полной безопасности, я мог отправиться в деревню. Несколько туземцев, стоявших по пояс в воде, ожидали меня у борта для переноски на берег.

Когда я собрался итти в деревню, один из мальчиков побежал туда возвестить, что я приближаюсь. За мною следовало человек двадцать пять туземцев. От песчаного берега шла довольно хорошо утоптанная тропинка к деревне, которая с моря не была видна. Шагов за пять до первых хижин не было видно и слышно признаков обитаемого места, и только у крутого поворота я увидел первую крышу, которая стояла у самой тропинки. Пройдя около нее, я вышел на площадку, окруженную десятком хижин.

В начале дневника я уже описал в общих чертах хижины папуасов. Они почти целиком состоят из крыши, имеют очень низкие стены и небольшие двери. За неимением окон они темны внутри, и единственная мебель их состоит из нар. Но кроме этих жилых частных хижин, в которых живут отдельные семьи, в деревнях встречаются еще и другие постройки для общественных целей. Они гораздо больше и выше остальных. Они обыкновенно не имеют передней и задней стен, а иногда и боковых, и состоят тогда из одной только высокой крыши, лежащей на столбах и доходящей почти что до земли. Под этой крышей по одной стороне устроены нары для сидения или спанья. Здесь же хранится посуда для общественных праздников. Таких общественных

домов, — нечто вроде клубов, [1] — было в Бонгу пять или шесть, по одному почти на каждой площадке.

Меня сперва повели к первому из них, а затем поочередно ко всем другим. В каждом ожидала меня группа папуасов, и в каждом я оставлял по нескольку кусков табаку и гвоздей для мужчин и полоски красной бумажной материи для женщин, которых даже и сегодня туземцы куда-то попрятали: по крайней мере я не видал ни одной.

Деревня Бонгу раза в три, по крайней мере, больше Горенду; как в Горенду, так и здесь хижины стояли под кокосовыми пальмами и бананами и были расположены вокруг небольших площадок, соединенных одна с другой короткими тропинками.

Обойдя, наконец, всю деревню и раздав все мои подарки, я уселся на нарах большой барлы; вокруг меня собралось около сорока человек туземцев. Это строение имело 24 фута ширины, 42 фута длины и в середине футов 20 вышины. Крыша только на один фут не доходила до земли, была немного выгнута наружу и сделана капитально, представляя изнутри частую, тщательно связанную решетку. Можно быть уверенным, что она устоит против любого ливня и продержится десяток лет. Над нарами подвешено разного рода оружие; посуда, глиняная и деревянная, стояла на полках. Все казалось солидным и удобным.

Отдохнув немного, осмотрев все кругом и расспросив, насколько мог, о том, чего не понимал, я направился далее, чтобы поискать, не найду ли чего-нибудь интересного. Я оставил Ульсона и одного из

[1] Доступных единственно для мужчин, как я узнал впоследствии. *Примечание Миклухо-Маклая.*

папуасов принимать за меня обратные подарки туземцев, которые они постепенно сносили из своих хижин в барлу и передавали Ульсону. То были: сладкий картофель, бананы, кокосы, печеная и копченая рыба, сахарный тростник и т. п.

У одной барлы верхняя часть задней стенки, сделанная из какой-то коры, была разрисована белой, черной и красной краской. К несчастью шел дождь, и я не мог срисовать эти первобытные изображения рыб, солнца, звезд и людей. В одной барле я нашел, наконец, то, чего искал уже давно, а именно — не-

Папуасские резные из дерева идолы (телумы)

сколько фигур, вырезанных из дерева; самая большая из них (более двух метров) стояла посреди

барлы около нар, другая (метра в полтора) около входа, третья, как очень ветхая, негодная, валялась на земле. Я расположился рисовать и снял копии со всех трех, разговаривая с туземцами, которые расспрашивали, есть ли такие «телумы» в России и как они там называются. В другой барле, укрепленное довольно высоко, так, что я не мог его рассмотреть, висело бревно, состоявшее из целого ряда человекоподобных фигур. Эта барла была такая же, как и другие, и ее вовсе нельзя считать за храм, как были описаны аналогичные постройки с человекоподобными фигурами в Дорэ и в бухте Гумбольдта в Новой Гвинее разными путешественниками.

Мне захотелось приобрести один из виденных телумов; я вынул нож и показал, что дам их два или три за небольшой телум. Мне сейчас же принесли какой-то обгорелый и сломанный, которого я, однако же, не взял, ожидая, что получу лучший.

Солнце уже было низко, когда я направился к шлюпке, сопровождаемый рукопожатиями и возгласами «еме-ме». Когда мы добрались домой и выбрали все подарки из шлюпки, оказалось, что Ульсон очень разочарован поездкой.

— Мало дают, кокосы старые, рыба жестка, как дерево, бананы зелены, да и ни одной еще женщины не видали! — ворчал он, отправляясь в кухню доваривать бобы к обеду.

Январь 1872 года

Гроза. — Бег взапуски. — Собачье мясо. — Еще о филологических затруднениях. — Охота за черепами. — Сильный приступ лихорадки. — На папуасской плантации.

2 января

Ночью была гроза и юго-западный ветер, порывистый и очень сильный. Лес кругом стонал под его напором; по временам слышался треск падающих деревьев, и я раза два думал, что наша крыша слетит в море. В такие ночи спится особенно хорошо: почти нет комаров, и чувствуется прохлада. Около часа я был разбужен страшным треском и тяжелым падением, после которого что-то посыпалось на нашу крышу. Я выглянул за дверь, но темь была такая, что положительно ничего нельзя было разобрать. Я снова лег и скоро заснул. Был разбужен, однако, очень рано шумом сильного прибоя.

Было пять часов; начинало только что светать, и в полумраке я разглядел, что площадка перед крыльцом была покрыта черной массой, выше человеческого роста; оказалось, что большое дерево было сломано ночью ветром и упало перед самой хижиной. Когда здесь падает дерево, то оно не валится одно, а влечет за собою массу лиан и других

паразитных растений, ломает иногда ближайшие деревья или, по крайней мере, сучья их, опутанные лианами упавшего дерева.

Чтобы пробраться к ручью, надо было топором прочистить себе дорогу через зелень. Весь день прошел в очень пустых, но необходимых работах; у Ульсона была лихорадка, и он не мог подняться.

Даже питье чая не обходится без работы; не имею сахару уже несколько месяцев, а один чай не приходится мне по вкусу; я придумал пить его с сахарным тростником. Вооружившись ножом, я откалываю кору тростника, режу его на мелкие пластинки, кусаю их и постепенно высасываю сладкий сок, запивая чаем.

5 января

Вздумал отправиться в Бонгу, докончить рисунки телумов и изображений на стене одной барлы. Встретив Туя, который шел ко мне, я предложил ему итти со мной. Он согласился. Когда мы проходили через Горенду, к нам присоединились Бонем и Дигу. Выйдя из леса к морю, мы пошли по отлогому песчаному берегу. Был прилив, и волны набегали на берег чуть выше линии прилива, где лес образовал густую стену зелени. Не желая замочить обувь, я стал выбирать моменты, когда волна откатывалась, и перебегать с одного места на другое.

Туземцы очень обрадовались случаю побегать или, быть может, пожелали узнать, могу ли я бегать, и пустились вдогонку. Желая сам сравнить наши силы в этом отношении, я поравнялся с ними, и мы пустились бежать. Туземцы поняли сейчас же, в чем дело, и мало отставали, но, к моему удивле-

нию, мои ноги оказались крепче, я обогнал всех. Их было человек пять, все они были здоровы, молоды и, если не считать пояса, совершенно голы; на мне же кроме обычного платья были надеты башмаки и галоши.

Придя в Бонгу, я направился прямо к барле снимать рисунки, находящиеся на фронтоне ее. Кончив рисунки, я роздал туземцам несколько кусков табаку, который им все более и более нравится, и отправился походить по деревне. Хотя мое присутствие было известно всей деревне, но на этот раз (кажется, первый) и женщины не убежали в лес, а только при моем приближении прятались в хижины; лиц их я не мог разглядеть, фигура же их походит на мужскую. Костюм отличается от мужского тем, что, вместо пояса, спереди и сзади на них болтаются какие-то фартуки.

Когда я собрался уйти, мне принесли несколько бананов и два куска мяса, вероятно испеченных на угольях и аккуратно защемленных между расщепленными палочками; один из этих кусков, назначенный для меня, оказался свининой, а другой — собачьим мясом, которое просили передать Ульсону.

Вернувшись домой и почувствовав хороший аппетит, я передал свинину Ульсону, а сам принялся за собачье мясо, оставив ему половину; оно оказалось очень темным, волокнистым, но съедобным. Ульсон сперва ужаснулся, когда я ему предложил собачины, но кончил тем, что съел и ее. Новогвинейская собака, вероятно, не так вкусна, как полинезийская, о чем свидетельствует Кук, находивший, что собачье мясо лучше свинины.

13 января

Дней шесть страдал от лихорадки, один пароксизм сменялся другим. Шел много раз дождь.

Был в Горенду за сахарным тростником. Пока туземцы сходили за ним на плантации, я сделал не-

Деревня Горенду

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

сколько рисунков хижин и в первый раз увидел, каким образом папуасы хранят для себя воду в больших бамбуках. Это делается и во многих местах Малайского архипелага.

Узнал только сегодня, то есть на пятый месяц пребывания, название слов «утро», «вечер»; названия «ночи» еще не добился. Смешно и досадно сказать, что только сегодня мне удалось узнать, как передать по-папуасски слово «хорошо» или «хорошие». До сих пор я уже два раза был в заблуждении, предполагая, что знаю это слово, и, разумеется, употре-

блял его. Очевидно, папуасы не понимали, что я этим словом хочу сказать «хорошо». Очень трудно заставить понять себя, если слово, которое хочешь сказать, не просто название предмета. Например, как объяснить, что желаешь знать слово «хорошо»?

Туземец, стоящий перед вами, понимает, что вы хотите знать какое-нибудь слово. Берешь какой-нибудь предмет, о котором знаешь, что он туземцу нравится, а затем другой в другую руку, который по вашему мнению не имеет для него никакой цены, показываешь ему первый предмет и говоришь «хорошо», стараясь при этом сделать довольную физиономию. Туземец знает, что, услыхав русское слово, он должен сказать свое, и говорит какое-нибудь; потом показываешь другой предмет, делаешь кислую физиономию и бросаешь его с пренебрежением; на слово «дурно» туземец тоже говорит свое; пробуешь несколько раз с разными туземцами—слова выходят различные. Наконец, после многих попыток и сомнений, я наткнулся на одного туземца, который как я был убежден, меня понял; оказалось, слово «хорошо» — по-папуасски — «казь». Я его записал, запомнил и употреблял месяца два. При этом туземцы делали довольную физиономию и повторяли «казь», «казь». Однако я заметил, что как будто не все понимают, что я желаю сказать «хорошо». Это случилось, однако, только на третий месяц: я стал искать, поэтому, случая проверить это слово. Я встретил, как мне казалось, в Бонгу очень сметливого человека, который сообщил мне уже много мудреных слов. Перед нами, около хижины, стоял хороший горшок, и невдалеке валялись черепки другого. Я взял то и другое и повторил вышеописан-

ную процедуру. Туземец меня понял, кажется, подумал немного и сказал два слова. Я стал его проверять, показывая на разные предметы, как-то: целый и разорванный башмак, годный для пищи плод и другой, негодный, и спрашиваю «ваб» — слово, которое он мне сказал. Он повторял «ваб» каждый раз. Наконец, думаю, узнал. Снова употреблял слово «ваб» около месяца и опять заметил, что это слово не годится, и даже установил, что «казь» — значит табак, а «ваб» — большой горшок.

Настоящее значение слова «хорошо» — «ауе» — я приобрел окольными путями, на что употребил ровно десять дней. Видя, что первый способ не выдерживает критики, я стал вслушиваться в разговор папуасов между собой и, чтобы узнать слово «хорошо», стал добиваться значения «дурно», зная, что человек склонен чаще употреблять слово «дурно», чем «хорошо». Это мне удалось, но все же я не был вполне уверен, почему и прибегнул к хитрости, которая помогла: я стал давать пробовать разные соленые, горькие, кислые вещества и стал прислушиваться к тому, что говорят пробующие своим товарищам. Я узнал, что «дурно», «скверно», одним словом «нехорошо» называется «борле». С помощью слова «борле», которое оказалось понятным для всех, я добился от Туя значения противоположного понятия. Это и было «ауе».

Еще комичнее история слова «киринга», которое туземцы употребляли очень часто в разговоре со мною и которое, я полагал, означает «женщина». Только на-днях, т. е. по прошествии четырех месяцев, я узнал, что это слово не папуасское, а Туй и другие туземцы убедились, что оно не русское, за

которое они его считали. Как оно появилось и каким образом произошло это недоразумение — я не знаю.

Вот почему мой лексикон папуасских слов так туго подвигается и вряд ли когда будет значительным.

Зубы начинают болеть от жевания и сосания сахарного тростника, а без него чай невкусен. Странно, что чувствую по временам какую-то потребность съесть чего-нибудь сладкого.

26 января

По уговору зашел ко мне Туй часов в шесть, чтобы вместе итти в Бонгу. Туй решился сегодня съесть тарелку вареного рису, и мы отправились.

В Бонгу я открыл еще один большой «телум», который и не замедлил срисовать. В левой руке большой телум держал маленького, из глины и весьма неискусной работы. Я приобрел последний за три куска табаку.

Я добивался, чтобы мне принесли черепа, но туземцы уверяли меня, что русские забрали все, показывая мне разный хлам, который они получили за них. Один из туземцев показал мне, наконец, куст, под которым должен был находиться череп. Но ни он и никто другой из туземцев не хотели достать его. Тогда я сам направился к кусту и отыскал череп, лежавший на земле и окруженный костями свиней и собак. Туземцы отступили на несколько шагов, говоря, что это не хорошо и чтобы я его выбросил. Этот случай, как и обстоятельство, что туземцы за разные пустяки готовы были расстаться с черепами своих земляков, показал мне, что черепа

у них не в особенном почете. Я подумал, что приобретенный мною череп принадлежал какому-нибудь врагу и что поэтому его мало ценят, и спросил об этом туземцев, на что с удивлением услыхал, что это был «тамо Бонгу».

Я приступил затем к покупке съестных припасов. Рыбы достал много, потом выменял ветку дозревающих бананов, которую взвалил на плечи.

Наконец, с обоими «телумами» в карманах и с черепом в руках я направился домой. От тяжести и скорой ходьбы мне стало очень жарко, но затем, когда высокая вода обдавала ноги, уже раньше совершенно вымокшие, я почувствовал сильный холод, дрожь и головокружение. В Горенду я попросил Дигу донести мне бананы и пару кокосов.

Едва успел я добраться домой и сбросить вымокшую одежду, как принужден был лечь, так как пароксизм сегодня был очень силен. Мои челюсти так тряслись, зубы так стучали, что я не смог сказать несколько слов Ульсону, который до того испугался, думая, что я умираю, что бросился к койке и зарыдал, сокрушаясь о своей участи в случае моей смерти. Не запомню я подобного пароксизма и такой высокой температуры, не понижавшейся в продолжение почти шести часов.

При этом я был не мало удивлен странным ощущением: при переходе от озноба к жару я почувствовал вдруг странный обман чувства осязания. Я положительно чувствовал, что мое тело растет, голова увеличивается все более и более, достает почти до потолка, руки делаются громадными, пальцы на руках становятся так толсты и велики, как сами руки. Я ощущал при этом чувство громадной тя-

жести разрастающегося тела. Странно, что при этом я не спал, это не был бред, а положительное ощущение, которое продолжалось около часу и которое очень утомило меня. Пароксизм был так силен и ощущения так странны, что я долго не забуду их.

27 января

Я принял 0,8 грамма хины ночью и ту же дозу перед завтраком, и хотя в ушах страшно звенело, и я был глух весь день — пароксизма не было. Сегодня погода была особенно приятная: слегка пасмурно, тепло (29° Ц), — совершеннейший штиль. Полная тишина прерывалась только криком птиц и почти постоянной песнью цикад. Монотонность освещения сменялась проглядывающим по временам лучом солнца. Освеженная ночным дождем зелень в такие минуты блестела и оживляла стены моего палаццо; далекие горы казались более голубыми, и серебристое море блестело заманчиво между зелеными рамами; потом опять мало-по-малу все тускнело и успокаивалось. Глаз также отдыхал. Одним словом, было спокойно, хорошо. . .

Мне кажется, что если бы не болезнь, я не прочь был бы остаться здесь навсегда, не возвращаться никогда в Европу.

В то время, когда я прогуливался между кустами, я обратил внимание на одно дерево, почти все листья которого были изъедены насекомыми и покрыты разными грибами. В умеренных странах я никогда не встречал таких различных форм листьев на одном и том же дереве. Рассматривая их, трудно поверить, что они все выросли на одной ветке.

Я каждый день наблюдаю движение листьев, по-

ложительно замечательное. У одного растения из семейства лилий листья гордо поднимаются по утрам и после каждого дождя и уныло опускаются вдоль ствола, касаясь земли, в жаркие солнечные дни.

Жалеешь, что не хватает глаз, чтобы все замечать и видеть кругом, и что мозг недостаточно силен, чтобы все понимать...

28 января

Забрел утром довольно далеко. Вышел из леса по тропинке; она привела меня к забору, за которым я увидал головы нескольких знакомых жителей Горенду. Между ними были и женщины; они работали, сняв лишнюю одежду, которая, вместо длинных фартуков из бахромы спереди и сзади, состояла, как и у мужчин, из пояса, гораздо более узкого, чем у первых. Как только я показался, они не замедлили скрыться за группой сахарного тростника и не показывались, пока я оставался на плантации.

Плантация была недавнего происхождения. Забор в рост человека, совсем новый, был сделан весьма прочно. Он состоял из очень близко одна к другой воткнутых в землю жердей, особенно стволов сахарного тростника; они были насажены в два ряда, отстоящие друг от друга на двадцать сантиметров. Этот промежуток был наполнен всевозможными обрубками стволов, сучьев, расколотого дерева; а затем очень часто тростники, приходившиеся один против другого, были связаны и придерживали всю эту массу хвороста. Главным образом придавало забору крепость то обстоятельство, что в непродолжительном времени после его насаждения тростник пускал корни, начинал расти и с каждым месяцем и

годом становился все крепче. Калитка или ворота заменялись вырезом в заборе так, что приходилось переступать порог, фута в два вышины. Это — мера

Папуас из деревни Бонгу

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

предосторожности против диких свиней, которые могли бы забраться на плантацию. Несколько перекрещивающихся дорожек разделяли большое огороженное пространство на участки, на которых возвыша-

лись очень аккуратно расположенные, довольно высокие, полукруглые клумбы. Они имели околс семидесяти пяти сантиметров в диаметре, а земля, из которой они состояли, была очень тщательно измельчена. В каждой клумбе были посажены различные растения: сладкий картофель, сахарный тростник, табак и много другой зелени, мне неизвестной. Замечательно хорошая обработка земли заставила меня обратить внимание на орудия, служащие для этой цели; но, кроме простых длинных кольев и узких коротких лопаток, я ничего не мог найти. У забора дымился небольшой костер, который служил туземцам главным образом для закуривания сигар.

До сих пор я не мог открыть у папуасов никакого способа добывать огонь и всегда видел, что они носят огонь с собой и, придя на место, раскладывают небольшой костер для того, чтобы огонь не потух.

Вечером я узнал от Туя много слов, но не мог добиться слова: «говорить». Туй, кажется, начинает очень интересоваться географией и повторял за мной имена частей света и стран, которые я ему показывал на карте. Вероятно, однако, он считает Россию немного больше Бонгу или Били-Били.

Февраль 1872 года

Кража. — Болезнь Туя. — Знакомство с женщинами. — Обработка земли. — Экскурсия в Колику-Мана. — Подготовка к обороне. — Пиршество. — Музыкальные инструменты. — Экскурсия в Били-Били.

2 февраля

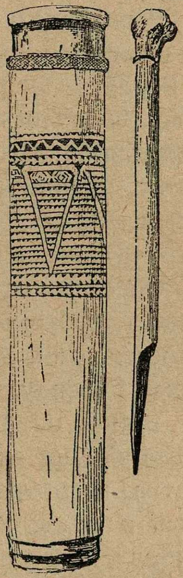
Сегодня явились гости из дальней горной деревни; ни физиономией, ни цветом кожи, ни украшениями они не отличаются от моих соседей. Когда я им показал их физиономии в зеркале, надо было видеть их глуповато-изумленные и озадаченные лица. Некоторые отворачивались, а потом снова осторожно заглядывали в зеркало, но под конец заморская штука им так понравилась, что они почти вырывали ее друг у друга из рук. Я выменял у одного из гостей футляр для хранения извести, с весьма оригинальным орнаментом, на несколько железных безделушек.

По их уходе Ульсон сказал, что из нашей кухни пропал нож и что он подозревает одного из приходивших жителей Горенду. Это первая кража, сделанная туземцами, и именно вследствие этого я не могу оставить ее без внимания и должен принять меры против повторения подобных оказий. Сегодня,

однако, я не мог пойти в деревню для обличения вора. Пришлось заняться шлюпкой, которая стала сильно течь; во многих местах оказались проточины червей. Я решил, очистив низ шлюпки, покрыть его тонким слоем смолы; для этого надо было шлюпку опрокинуть или поставить на бок, что для двоих было довольно тяжелой работой. Мы, однако, одолели ее.

3 февраля

Я был занят около шлюпки, когда пришел впопыхах один из жителей Горенду и объявил, что послан Туем, на которого обрушилось дерево. Туй его рубил, и при падении оно сильно ранило Туя в голову, и теперь он лежит и умирает. Собрав все необходимое для перевязки, я поспешил в деревню.

Бамбуковый футляр для хранения извести, употребляемой при жевании бетеля. Справа кость казуара, которой достают известь из футляра

Раненый полулежал на цыновке и был, кажется, очень обрадован моим приходом. Видя, что я принес с собой разные вещи для перевязки, он охотно снял ту, которая была у него на голове и состояла из трав и листьев. Рана была немного выше виска, с довольно длинными разорванными краями. Я забыл захватить с собой кривые ножницы, которые оказались необходимы, чтобы обрезать волосы около раны; большими же, бывшими со мной, я только раздражал рану. Мелко-курчавые

волосы, слепленные кровью, образовали плотную кору. Сделав, что мог, я рассказал Тую и старику Буа, который пришел посмотреть на перевязку, о вчерашней краже и сообщил подозрение на одного из жителей из Горенду. Оба заговорили с жаром, что это дурно, но что подозреваемый отдаст нож.

Вернувшись позавтракать в Гарагасси и на этот раз захватив ножницы, корпию и т. д., я возвратился в Горенду. Около меня и Туя, которому я обмывал рану, собралось целое общество. Между прочими находился также и предполагаемый вор. Кончив перевязку, я прямо обратился к этому человеку (Макине) и сказал:

— Принеси мне мой нож.

Он очень спокойно, как ни в чем не бывало, вытащил требуемый нож и подал мне его. Как я узнал впоследствии, это случилось по требованию всех жителей Горенду.

Тую я объяснил, чтобы он лежал, не ходил по солнцу и не снимал перевязки. Бледность была заметна, несмотря на темный цвет лица; она выражалась в более холодном тоне цвета кожи. Когда я уходил, Туй указал мне на большой сверток, в котором были «аусь» (съедобный корнеплод) и сахарный тростник; это был, кажется, гонорар за лечение. Туй не хотел брать за это табаку, который я, однако, ему оставил, не желая, чтобы он думал, что я ради гонорара помог ему.

Многие жители Горенду, приходившие ко мне вечером, указывая на деревья, стоящие около дома и угрожавшие мне падением, прибавляли, что крыша моего дома нехороша, что она протекает, и пред-

лагали переселиться к ним в Горенду, говоря, что все люди в Горенду очень скоро построят мне дом.

Что крыша плоха — это правда, так как в двух местах я могу видеть луну, просвечивающую между листьями.

5 февраля

Был в Горенду; хотел перевязать рану Туя, но во всей деревне не нашел никого, за исключением трех или четырех собак: все люди были на работе или в лесу. Туй, чувствуя себя, вероятно, лучше, также ушел.

6 февраля

Утром, придя в Горенду, я нашел Туя в гораздо худшем состоянии, чем третьего дня; рана сильно гноилась, и над глазом, и даже под ним, распространилась значительная опухоль. Побранив раненого за его легкомысленное вчерашнее гулянье, я перевязал рану, сказал, что он умрет, если будет ходить по солнцу, и прибавил, что увижу его вечером.

Я только-что расположился обедать, как прибежал Лялай, младший сын Туя, с приглашением от отца притти обедать в Горенду; он сказал, что для меня готова рыба, таро, аусь, кокосы и сахарный тростник. Я пообедал, однако, дома, а затем отправился с Лялай и Лялу в деревню.

Пройдя ручей, я услыхал вдруг восклицание Лялу; оказалось, что он наступил на змею, очень «борле» (дурную), от укуса которой человек умирает. Не медля я вернулся к тому месту, где Лялу

указал мне на змею, спокойно лежавшую поперек тропинки. Видя, что я приближаюсь к змее, оба туземца подняли крик:

— Борле, борле, ака, Маклай моен! (дурно, дурно, нехорошо, Маклай умрет).

Чтобы овладеть животным, мне пришлось почти-что отделить голову ножом, потом, подняв змею за хвост, я позвал Ульсона и отправил мою добычу домой, а сам скорым шагом (солнце уже садилось) пошел в деревню.

По обыкновению свистком я предупредил жителей Горенду о моем приближении; я это делал, как уже заметил ранее, чтобы женщины имели время спрятаться, зная, что мои соседи не любят показывать их мне. Я много раз замечал, что туземцам нравится мой образ действий. Они видели, что я поступаю с ними открыто и не желаю видеть больше, чем они хотят мне показать. При моем свистке все женщины, от мала до велика, прятались в кусты или хижины. Сегодня было то же самое.

Пользуясь последними лучами солнца, я перевязал рану Туя и расположился около больного, вокруг которого собралось уже большое общество соседей, а также и жителей Бонгу и Гумбу. Туй заметил, что при моем «кин-кан-кан» (название это он выдумал для моего свистка и произносил его в нос) все «нангели» (женщины) убежали, но что это очень дурно, потому что Маклай «тамо билен» (человек хороший). При этом я услыхал за собой женский голос, как-будто опровергающий слова Туя, и, обернувшись, увидал старую женщину, которая добродушно улыбалась — это была жена Туя, старая, очень некрасивая женщина, одетая в юбку из каких-то гряз-

ных, желто-серых волокон, которая закрывала ее от пояса до колен. Волосы ее висели намасленными пучками вокруг головы, опускаясь и на лоб. Она так добродушно улыбалась, что я подошел к ней и пожал ей руку, что ей и окружающим очень понравилось. При этом из-за хижин и кустов появились женщины разных возрастов и небольшие девочки. Каждый из мужчин представил мне свою жену, причем последняя протягивала мне свою руку. Только молодые девушки в очень коротких костюмах хихикали, толкали друг друга и прятались одна за другую. Каждая женщина принесла мне сахарного тростника и по пучку ауся. Все, кажется, были довольны знакомством или тем, что избавились, наконец, от обязанности прятать своих жен при моем приходе. Мужчины образовали группу около лежавшего Туя, курили и разговаривали, беспрестанно обращаясь ко мне (я теперь уже много понимаю, хотя еще не много говорю). Женщины расположились в некотором расстоянии около жены Туя, занимавшейся чисткой таро.

Подарков от женщин было так много, что двое туземцев должны были снести их в Гарагасси, куда я поспешил, потому что темнота уже наступала. Не успел я дойти до дома, как меня захватил ливень.

7 февраля

Нашел рану Туя в худшем состоянии вследствие того, что он не может усидеть на одном месте и ходит много по солнцу. Он захотел угостить меня таро, но костер в его хижине потух. Ляляй, семилетний сын Туя, был послан за огнем, но, вернувшись минут через десять, объявил отцу, что огня

нигде нет. Так как в деревне никого кроме нас троих не было, и хижины все были плотно заложены бамбуком, то Туй приказал сыну осмотреть все хижины, не найдет ли в них где огня. Прибежали несколько девочек и вместе с Ляляем стали осматривать хижины, но огня нигде не оказалось. Туй очень досадовал, желая сварить таро, а также и покурить. Он утешил себя, говоря, что люди с поля скоро принесут огонь. Я убедился таким образом, что мои соседи пока еще не знают способа добывать огонь.

Пришедшие женщины расположились около нас и с большим любопытством осматривали меня и мой костюм. Это любопытство было довольно натурально, так как до сих пор они никогда не видели меня вблизи. Пришедшие с плантации женщины и девочки принесли на спине большие мешки, перевязь которых охватывала верхнюю часть лба. Когда мешок полон и тяжел, они сильно нагибаются, чтобы сохранить равновесие.

Носовая перегородка у женщин, как и у мужчин, продырявлена. В ушах, кроме обыкновенного отверстия для больших серег, есть еще другое в верхней части ушей. Через эти отверстия проходит шнурок, средняя часть которого перехватывает голову как раз от одного уха к другому, а на обоих свободных концах, висящих до плеч, нанизаны попарно клыки собак.

Под крышей над входом в одну хижину я заметил большого жука, энергично старавшегося освободиться из петли, которая стягивала его поперек. Ляляй заявил, что это его жук, которого он принес, чтобы съесть, но если я хочу, то могу взять его. Жук оказался новым видом и совершенно целым, по-

чему я и воспользовался предложением мальчика. Пока я отвязывал жука, Туй указал мне на большого паука и сказал, что жители Горенду, Бонгу и Гумбу едят также и «кобум» (т. е. пауков). Итак, к мясной пище папуасов следует причислить жуков, пауков, личинки бабочек и т. п

8 февраля

Подходя поутру к хижине Туя, я издали увидел целую сходку мужчин и женщин. Присутствие женщин особенно удивило меня, так как обыкновенно к этому часу все женщины уже работают на плантациях.

Приблизившись к Тую, я догадался, в чем дело: весь лоб, щеки и верхняя часть шеи образовали у него сплошную подушку; веки так опухли, что он еле мог открывать глаза. Туй едва говорил; туземцы суетились около него, думая, что он умрет. Осмотрев больного, я решил пойти в Гарагасси за всем необходимым, чтобы делать припарки. Захватив с собою ланцет, я вернулся в Горенду, где был встречен всеми с выражениями радости.

Приготовив припарки из льняного семени, я стал прикладывать их очень усердно, так что скоро, без надреза, значительное количество жидкой материи вылилось через ранку на виске. Я продолжал припарки в продолжение нескольких часов, сменяя их очень добросовестно.

Большое общество окружило нас в почтительном расстоянии; все расселись и разлеглись в самых разнообразных позах, описывать которые при всем желании было бы очень не легко.

9 февраля

Чувствовал себя очень скверно, но опасение за здоровье Туя заставило меня отправиться в Горенду. Благодаря вчерашним припаркам опухоль была меньше. Вернувшись домой, я вынужден был пролежать весь день.

Сегодня, когда я пришел в Горенду, женщин не было. Убедившись, что Тую лучше, они отправились работать на плантации, куда уходят обыкновенно на весь день.

10 февраля

Сегодня сделал интересное открытие; проходя мимо хижины одного туземца, я обратил внимание на его занятие. Перед ним стояла чаша из большого кокосового ореха; другая с отверстием посредине, — тоже скорлупа ореха, — имела дно, покрытое слоем тонкой травы. Поставив вторую чашу на первую, он из третьей налил на траву какую-то темно-зеленую густую жидкость, которая профильтровывалась в нижнюю. Когда я спросил, что это такое, он мне ответил, подавая кусок корня «кеу», что, выпив эту жидкость, он заснет.

Хотя я не видал листьев этого «кеу», но я думаю, что это не что иное, как полинезийская кава. Насколько я знаю, употребление кавы туземцами Новой Гвинеи до сих пор было неизвестно.

12 февраля

Не найдя Туя в Горенду, я отправился на плантации, предполагая найти его там, и не ошибся. Он сидел под палящим солнцем около работавших членов семьи. Отправив его в деревню, я остался не-

сколько времени на плантации посмотреть на способ обработки земли.

Я уже говорил, что плантации папуасов очень хорошо обработаны; круглые высокие клумбы состоят из тщательно измельченной земли. Все это достигается, как я увидел, весьма просто, но с бо̀льшим трудом, с помощью двух самых примитивных орудий: простого заостренного кола, более двух метров длиною, называемого туземцами «удя», и узкой лопаты — «удя-саба» — в метр длиною.

Вот в чем заключается самая обработка: двое, трое или более мужчин становятся в ряд и вместе разом втыкают свои колья, по возможности глубже, в землю, потом, тоже разом, поднимают продолговатую глыбу земли, затем идут дальше и выворачивают целые ряды таких глыб. Несколько человек, также при помощи кольев, разбивают эти глыбы на более мелкие; за ними следуют женщины, вооруженные «удя-сабами», разбивают большие комья земли, делают клумбы и даже растирают землю руками.

15 февраля

Встал до света. Запасся провизией, вареными бобами и таро на целый день и отправился в Горенду, где по уговору я должен был найти Бонема и Дигу готовыми сопровождать меня в горную деревню Колику-Мана

Перевязав рану Туя, которому гораздо лучше, я спросил о Бонеме. Ответ — ушел в Теньгум-Мана.

— Где Дигу?

— Ушел с Бонемом.

— Тамо борле (плохие люди)! — сказал я.

Мне было тем досаднее, что я не знал дороги

в Колику-Мана. Направление было мне известно по компасу, но тропинки здесь такие капризные, что, желая попасть на юг, идешь, оказывается, часто на север, затем, идя извилинами то на запад, то на восток, доберешься, наконец, до настоящего направления. Бывают также такие оказии: тропинка вдруг кончается, перед тобою открывается узкий, но глубокий овраг, внизу ручей, на другой стороне сплошная стена зелени. Куда итти, чтобы выйти на дорогу? Тропинка хорошо протоптана, много людей ею прошло, но здесь ей конец. Что же оказывается? Надо при помощи свесившегося над оврагом дерева спуститься к ручью, там найти другое дерево, взобраться на один сук, почти что скрытый в зелени, перейти на другое дерево и затем пройти до известного поворота и спрыгнуть на пень, уже по другой стороне оврага, где тропа продолжается. Или случается, что надо подняться или спуститься по течению ручья, идя в воде, шагов на сто или двести, чтобы выйти на продолжение тропинки. Подобные загадки, встречающиеся на дорогах, заставили меня еще более досадовать на изменников.

Не желая подать виду, что меня можно водить за нос, я объявил, что сам найду дорогу, и вынул компас. Туземцы отступили шага на два, но все же могли заметить движущуюся стрелку компаса. Я посмотрел на него (более для эффекта) очень самоуверенно, выбрал дорогу, к великому удивлению папуасов, и отправился. Я решил итти в Бонгу и там найти себе спутника. Пройдя уже полдороги, я услышал за собою голоса знакомых, зовущих меня. Жители Горенду одумались, побоялись рассердить меня и прислали двух человек. Но эти люди пришли

более для того, чтобы уговорить меня не итти в Колику-Мана, а не для указания дороги. После длинных разговоров, они вернулись в Горенду, а я пошел вперед. Снова послышались шаги. Это был Лако, вооруженный копьем и топором; он сказал мне, что пойдет со мною в Колику-Мана.

Более я ничего не желал и весело отправился по тропинке. Часто сворачивал я в сторону. Лако, шедший за мною (папуасы так недоверчивы, что не допускают, чтобы я шел за ними), указывал мне настоящую тропинку. Будь я один, я бы уже много раз сбился с пути.

Из леса вышли мы, наконец, к обрывистому морскому берегу. Внизу, футов на тридцать или сорок ниже, была хорошенькая бухточка. Надо было сойти вниз. Тропинка, подойдя к обрыву, сворачивала и шла на юг, в глубь леса, а мне надо было итти на юго-запад. Лако подошел к дереву и махнул рукою, чтобы я следовал за ним. Когда я приблизился, он указал мне направление и сам быстро, но осторожно, стал спускаться по корням дерева к морскому берегу. Я последовал по этой воздушной лестнице, которая, хотя и казалась головоломной, но в действительности была не особенно трудной. Приходилось держаться на руках и, вися в пространстве, искать ногами следующую опору; если бы я оборвался, то, вероятно, раздробил бы себе череп. Внизу, пройдя минут пять по берегу, мы опять вошли в лес.

Снова вдали послышался крик. То были люди из Бонгу. Мы подождали немного, пока они присоединились к нам с заявлением, что пойдут со мной в Колику-Мана.

Сначала шли лесом, затем в брод, через два ручья, потом через небольшую речку Теньгум, по которой спустились к морскому берегу; затем перешли еще две речки. Вода речек была сравнительно очень холодна (25,5° Ц), что очень неприятно по сравнению с температурой горячего берегового песка, уже накаленного солнцем до 30° Ц, хотя было всего 8½ часов утра.

Пройдя еще с полчаса берегом, мы остановились у двух больших деревьев, откуда тропинка вела в лес; это место, оказалось, служит постоянным привалом путников в Колику-Мана. Потом вышли на поляну, покрытую высокой травой в рост человека. Эта трава покрывает все плоские и отлогие места в окрестностях и называется туземцами «унан»; она так густа и жестка, что без тропинки через нее невозможно пробраться.

Солнце давало себя чувствовать, но пересекавшие иногда поляны участки леса приятно оживляли своей прохладой. Мы незаметно поднимались в гору, но затем пришлось опять спуститься в глубокий овраг, внизу которого стремительно бежала речка. Нависшие с обеих сторон деревья образовали над нею свод. Дно ее было как бы вымощено камнями, и вода, не более фута глубиной, со своеобразным рокотом неслась к морю. Все речки этого берега имеют горный характер, с очень крутым падением, что объясняет их стремительность; при дожде они скоро делаются совершенно непроходимыми, катят с шумом и пеною большие камни, роют берега и несут вырванные или поломанные деревья.

По другую сторону речки тропинка вела все в гору и почти все время лесом. У последнего дерева Лако

показал мне первые хижины Колику-Мана. Мы прошли вдоль забора обширной плантации, расположенной на скате холма. Можно было подивиться предприимчивости и трудолюбию туземцев, тщательной обработке земли. У забора рос сахарный тростник, и моим спутникам захотелось потешиться. Мы остановились: сопровождавшие меня туземцы прокричали что-то; им ответил женский голос, который скоро приблизился. Тогда мои спутники стали передо мной на возвышенном крае тропинки и совсем закрыли меня. Из-за тростника я скоро увидел приближавшуюся молодую женщину; когда она подошла к забору, говорившие с ней туземцы быстро расступились, и перед ней стоял я.

Сильнейший ужас изобразился на лице папуаски, никогда еще не видавшей белого; полуоткрытый рот испустил протяжное выдыхание, глаза широко раскрылись и потом редко и конвульсивно заморгали, руки ухватили судорожно тростник и удерживали откинутую назад верхнюю часть туловища, между тем как ноги отказывались служить.

Спутники мои, довольные эффектом своей шутки, стали объяснять ей, кто я; бросив ей кусок красной материи, я пошел далее. Тропинка становилась все круче. Наконец, показалась первая кокосовая пальма, а затем крыша туземной хижины. Минуты через две я был на площадке, окруженной шестью или семью хижинами.

Меня приняли двое мужчин и мальчик, к которым присоединилась старая, очень некрасивая женщина. Мои спутники очень заботились о том, чтобы жители Колику-Мана получили обо мне хорошее впечатление. Насколько я мог понять, они расхваливали мои

качества: говорили об исцелении Туя, о разных диковинных вещах в моем «таль» (доме).

Отдохнув и раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки, я принялся рассматривать окружавшую местность и хижины. Площадка, на которой мы расположились, представляет вершину одной из возвышенностей хребта и окружена густою растительностью и десятком кокосовых пальм, так что только в двух или трех местах можно видеть окрестную местность. Вид на север особенно хорош: зеленые холмы на первом плане, цепь зеленых гор, а за ними оригинальный контур пика Константина; внизу блестящее море с островами. На юге и юго-востоке виднелся целый лабиринт гор и холмов, покрытых лесом. Некоторые скаты были зеленого цвета, именно те, которые покрыты не лесом, а унаном.

Хижины не особенно отличаются от хижин береговых деревень; они, однако же, меньше, вероятно потому, что места здесь на вершине мало, и трудно переносить строительный материал.

Собравшиеся вокруг меня туземцы по внешности отличаются от береговых тем, что носят гораздо меньше украшений.

Пока для меня и моих спутников готовили обед, я стал расспрашивать о «маб» (вид кускуса — плотоядного сумчатого животного), который, по уверениям береговых жителей, очень часто встречается в горах. Мне принесли обломанный череп одного и нижние челюсти двух других «маб».

Нам подали, наконец, два табира: один для меня, другой для моих спутников. После прогулки все показалось мне отлично сваренным. Когда мы принялись за еду, все туземцы вышли на площадку и оста-

вили меня и моих спутников одних. Некоторые из туземцев занялись приготовлением «кэу». Поданное мне блюдо было громадно, и я, разумеется, не съел и четверти содержимого; несмотря на мои возражения, все оставшееся было завернуто для меня в банановые листья, чтобы кушать «мондон» (потом).

Все туземцы были очень предупредительны, и когда я собрался итти, из каждой хижины хозяйкой было вынесено по несколько «аян» (съедобное культурное растение — диоскорея), которые были положены мне к ногам.

Уходя, я пригласил туземцев в Гарагасси.

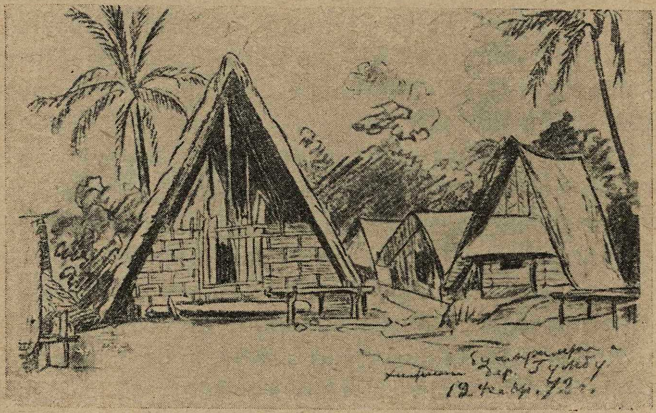
Был четвертый час, и солнце все еще сильно пекло; особенно утомительна была дорога вниз по открытым холмам; в тени же леса было очень сыро и прохладно. На берегу моря меня охватил ветер, и мне показалось очень холодно; несмотря на усталость я прибавил шагу, но все-таки от пароксизма лихорадки не увернулся. Придя в Бонгу, я, не говоря ни слова, отправился в одну из больших хижин, стащил мокрую обувь, растянулся на барле и скоро заснул. Проснувшись ночью и чувствуя себя вполне здоровым, я пошел домой. Была прекрасная лунная ночь.

16 февраля

Отправился в Гумбу, надеясь набрать там еще несколько черепов. Я не спешил, чувствуя еще некоторую усталость от вчерашней прогулки. Добравшись до тропинки, я присел отдохнуть и полюбоваться морем.

Мое раздумье было прервано появлением туземца, который бежал по берегу. Держа в левой руке над

головой лук и стрелы, с каменным топором, висевшим на плече, он бежал весьма быстро и по временам правою рукою делал какие-то знаки. Вышедшие ко мне навстречу жители деревни при виде бегущего о чем-то оживленно заговорили и еще более оживились, когда за первым бегущим последовал второй,

Буамрамра и хижины в деревне Гумбу
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

третий, четвертый. Все бежали скоро, ровно и, казалось, с важным известием. Трудно было не любоваться ими; так легко, свободно они двигались. Я сидел на своем месте; первый, не останавливаясь, пробежал мимо нас, прямо в деревню. Хотя он и не остановился, но выразительной мимикой сказал новость, которую бежал сообщить деревне.

Поравнявшись с нами, он ударил правой рукой себя в грудь, закинув на сторону голову и высунув немного язык (жест, которым папуасы выражают

обыкновенно смерть, убийство или что-нибудь подобное), и крикнул:

— Марагум — Горенду!

Второй последовал за ним; окружавшие меня туземцы побежали также в деревню; я сам направился туда же.

Не дойдя до первых хижин, услышали мы ускоренные удары «барума»; эти удары были другого темпа, чем обыкновенно. Из хижин было вынесено большое количество разного рода оружия. Не понимая, в чем дело, но видя общее смятение, я почти-что силою остановил одного из бежавших в Гумбу туземцев и узнал от него новость: люди Марагум напали на Горенду, убили нескольких, в том числе и Бонема, затем отправились на Бонгу, но придут, вероятно, и в Гумбу и в «таль Маклай».

Марагум-Мана — большая деревня, с которой мои соседи уже давно в неприязненных отношениях. Я припомнил, что в Горенду уже несколько недель около хижин лежала постоянно наготове куча стрел и копий, так как жители все ожидали нападения со стороны горцев. В Гумбу царствовало общее смятение, которое невольно подействовало и на меня. Мужчины громко разговаривали с большим жаром, другие приготовляли оружие, женщины, дети и собаки кричали и выли.

Я направился скорым шагом домой, мысленно браня тревогу и глупых людей, мешающих моей покойной жизни. Мой рассказ о происшедшем привел Ульсона в сильную тревогу. Он попросил разрешения приготовить шлюпку, на случай если бы «Марагум-Мана-тамо» оказались слишком многочисленными, и сказал, что, если нам не удастся отстоять хижину, мы

можем перебраться в Били-Били. Чтобы успокоить его, я согласился, но сказал, что переносить что-либо в шлюпку слишком рано; ведь первый мой выстрел так озадачит туземцев, что навряд ли они сунутся, чтобы испытать действие дроби. Я, однако, зарядил мои ружья и решил обождать их прихода, спокойно растянувшись на койке. Скоро я уснул, зная очень хорошо, что Ульсон, будучи сильно возбужден, не проспит прихода гостей. Знаю, что заснул очень крепко и спал хорошо.

Меня разбудили крики и шум в лесу. Я услышал изменившийся голос Ульсона:

— Вот они! Пусть господин теперь приказывает, я все буду делать, что он скажет, а то-я не буду знать, что делать, — говорил он на своем ломаном шведско-немецком языке.

Я приказал ему загородить ящиками дверь, самому же оставаться в доме и заряжать ружья и револьверы, которые я ему буду передавать по мере надобности; при том постараться, чтобы руки его не так тряслись.

Пока мы приводили все в осадное положение, крики и шум в лесу приближались. Я вышел на веранду, положив перед собою два револьвера. Двуствольное ружье, заряженное мелкой дробью, я держал в руках.

Между деревьями, за ручьем показались головы. Но что это?

Вместо копий и стрел я вижу кокосы и бананы в руках приближающихся. Это не могут быть люди из Марагума.

Действительно, то были жители Бонгу, которые пришли мне сказать, чтобы я не беспокоился о Мара-

гум-тамо, и рассказали мне причину тревоги. Утром сегодня женщины Бонгу, выйдя на работу далеко в поле, заметили на холмах несколько незнакомых вооруженных людей; им показалось, что эти люди стараются окружить их, и некоторым из женщин почудилось, что вооруженные люди направляются в их сторону. Они с криком бросились бежать; те, которые были впереди, услыхав шаги бегущих за собой, убедились, что за ними гонятся, стали еще больше кричать и направились к плантации, где работали несколько мужчин. Последние, увидав скоро, что все это была ложная тревога, стали бить своих жен, чтобы заставить их замолчать, но достигли тем противного. Жены и дочери подняли такой гвалт, что вдалеке проходившие люди Гумбу не могли более сомневаться, что люди Марагум-Мана бьют и убивают жителей Горенду. Поэтому они кинулись бежать в Гумбу, где и рассказали слышанную уже мною повесть о нападении на Горенду, смерти Бонема и т. п. Они прибавили, что люди, виденные женщинами Бонгу, могли быть действительно жителями Марагум-Мана, и поэтому все-таки опасаются нападения.

Моим соседям очень понравилось то обстоятельство, что и я приготовился принять как следует неприятеля, и они просили позволения прислать своих женщин под мое покровительство, когда будут ожидать нападения горцев.

Я подумал, что это удобный случай познакомить моих соседей с огнестрельным оружием. До сих пор я этого не делал, не желая еще более возбуждать подозрительность и недоверие туземцев; теперь же я мог им показать, что в состоянии, действительно, защитить себя и тех, кого возьму под свое покрови-

тельство. Я приказал Ульсону принести ружье и выстрелил. Туземцы схватились за уши, оглушенные выстрелом, и кинулись, было, бежать. Затем остановились, прося спрятать ружье скорее в дом и стрелять только тогда, когда придут «Марагум-тамо». Ружье туземцы назвали сегодня «табу», вследствие того, кажется, что с первого дня моего пребывания здесь все недозволенное, все, до чего я не желал, чтобы туземцы дотрагивались, я называл «табу», употребляя полинезийское слово, которое таким образом ввелось в употребление и здесь.

18 февраля

Приходили люди Гумбу просить меня итти с ними и жителями Горенду и Бонгу на Марагум. Они обещали делать все, что я прикажу, и прибавляли, что, услыхав о приближении Маклая, жители деревни Марагум убегут в горы.

Пришли также жители Колику-Мана, а с ними Туй и Лялу. Все говорили о Марагум и хором прибавляли, что теперь, когда Маклай будет с ними, Марагум-тамо будет плохо.

Такое распространяющееся мнение о моем могуществе мне не только не лестно, но в высшей степени неприятно. Чего доброго, придется вмешаться в чужие дела; к тому же такие шутки нарушают мою покойную жизнь лишним шумом и тревогой.

Пошедший вечером дождь заставил меня опять отложить поездку в Били-Били.

Сидя в шалаше у костра, я занимался печением на углях ауся и бананов себе на ужин и наслаждался тишиною ночи, как вдруг слух был поражен сильными и учащенными ударами барума в Горенду.

Одна и та же мысль мелькнула в голове у меня и у Ульсона: люди Марагум нападают на жителей Бонгу и Горенду.

Но вот оттуда стали доноситься протяжные звуки каких-то нестройных инструментов. Это сразу успокоило меня, и я решил лечь спать, не прислушиваясь к фантастическим звукам, долетавшим из деревни.

19 февраля

Ночью сквозь сон несколько раз слышал звуки барума, звуки папуасских музыкальных инструментов и завывания самих туземцев. Около половины пятого утра услышал сквозь сон, что кто-то зовет меня. Я вышел на веранду и разглядел в полумраке Бангума из Горенду, который пришел позвать меня от имени всех туземцев, жителей Горенду, Бонгу и Гумбу, на их ночной праздник. Я, конечно, согласился, оделся второпях, и мы пошли, часто спотыкаясь в темноте о корни и лианы.

На первой площадке Горенду меня встретил Туй. Он был очень бледен от бессонной ночи. Он попросил перевязать его рану, которая все еще сильно беспокоила его. Когда я кончил, он указал на тропинку, которая из деревни вела между деревьями к морю, и прибавил: выпей «кэу» и покушай «аяна» и «буам».

По тропинке пришел я к площадке, окруженной вековыми деревьями, на которой расположились человек пятьдесят туземцев. Открывшаяся картина была не только характерна для страны и жителей, но и в высшей степени эффектна.

Было, как я сказал, около пяти часов утра. Начинало светать, но еще лес покоился в густом мраке.

Площадка была с трех сторон окружена лесом, а переднюю сторону представлял обрывистый морской берег; но и эта сторона была не совершенно открыта. Стволы двух громадных деревьев рисовались на светлой уже поверхности моря. Мелкая растительность и нижние сучья этих двух деревьев были срублены, так что прогалины между ними казались тремя большими окнами громадной зеленой беседки среди леса.

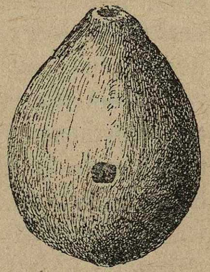
На первом плане вблизи ряда костров группировалась на цыновках и голой земле, вокруг нескольких больших табиров, толпа туземцев в самых разнообразных позах. Некоторые, закинув голову назад, допивали стоя из небольших чаш последние капли кэу; другие уже с отуманенными мозгами, но еще не совсем опьяненные, сидели и полулежали с вытаращенными, неподвижными и мутными глазами и глотали зеленый напиток; третьи уже спали, — кто лежа на животе, кто на спине с раскинутыми руками и ногами, кто полусидя с головой, низко склонившейся на грудь. Иных уже одолела бессонная ночь и кэу, другие, сидя вокруг табиров с аяном и буамом, еще весело болтали. Были и такие, которые хлопотали около больших горшков с варящимся кушаньем.

Несколько, вероятно, отъявленных любителей музыки, подняв высоко над головой или прислонив к деревьям свои бамбуковые трубы, более чем в два метра длиною, издавали протяжные, завывающие звуки; другие дули в продолговатый, просверленный сверху и сбоку орех, — получался звук резкий и свистящий. Кругом к стволам деревьев были прислонены копья; луки и стрелы торчали из-за кустов.

Картина была в высшей степени своеобразна,

представляя сцену из жизни дикарей во всей ее первобытности, — одна из тех, которые вознаграждают путешественника за многие труды и лишения.

Я погрузился в рассматривание новой для меня картины. Мой взгляд переходил от одной группы к другой, от окружающей обстановки к спокойному, серебрившемуся морю и далеким горам, по которым разливался розоватый свет восхода. Мне жаль было, когда несколько знакомых голосов, приглашавших присесть к ним, оторвали меня от наблюдений.

Дудка из просверленной скорлупы кокосового ореха

Завтрак должен был быть сейчас готов, о чем возвестили раздирающие ухо завывания бамбуковых труб.

Скоро собралось значительное число жителей трех деревень — Бонгу, Горенду и Гумбу. Они накинулись на кушанья, принесенные в табирах очень большого размера. Из одного табира мне было положено в свеже-отколотую половину кокосовой скорлупы немного желтовато-белой массы, предложенной с уверениями, что это очень вкусно. То был «буам» (саго, приготовленное из саговой пальмы) с наскобленным кокосовым орехом. Это папуасское кушанье имело, действительно, приятный вкус. Затем меня угостили хорошо сваренным аяном, который надо было есть сегодня с так называемым «орланом», но этот кислый соус имел такой острый запах, что я отказался от него. Скатертью служили банановые листья, посудой, то есть тарелками и чашками — скорлупа кокосовых орехов, вилками — обточенные

бамбуковые палочки и заостренные кости, а многие пускали в ход и свои гребни (на папуасском языке вилка и гребень называются одинаково); ложками служили туземные яруры. Было оригинально видеть это разнообразие инструментов, употребляемых здесь при еде.

Уже совсем рассвело, и, рассматривая окружающих, я везде встречал знакомые лица из соседних деревень. Когда я поднялся, чтобы уйти, мне дали целый сверток вареного аяна, и послышались приглашения притти обедать. Уходя, я должен был посторониться, чтобы дать пройти процессии, которая несла припасы для продолжения праздника. Туй с Бонемом принесли на палке большой сверток буама, тщательно обернутый листьями; за ними несколько туземцев несли кокосы, а другие принесли, также на палке, лежащей на плечах двух носильщиков, большую корзину аяна, за ней другую и третью. Дальше шесть туземцев несли трех свиней, крепко привязанных к палкам, концы которых лежали у них на плечах. Эта процессия подвигалась с некоторой торжественностью.

Припасы раскладывались по порядку на известных местах площадки. Гости из других деревень осматривали и считали принесенное, делая свои замечания. Все это должно было быть съедено за обедом, которым заканчивался пир, начавшийся накануне вечером.

Вскоре после того, как я пришел домой, за мной явилось несколько туземцев, чтобы снова звать меня в Горенду. Пришлось опять вернуться в деревню, что я и сделал, запасшись табаком. По дороге я был остановлен женщинами всех трех деревень.

— Дай нам табаку!

Пришлось дать.

Женщины не принимают непосредственного участия в этих папуасских пиршествах; они едят отдельно. Им, как и детям, доступ на площадку воспрещен. Так было и в Горенду. Мужчины пировали в лесу, женщины и дети расположились в деревне и чистили аян. На площадке сцена была очень оживленной, но имела несколько иной характер, чем утром. На одной стороне на цыновках лежали куски распластанных свиней; некоторые резали мясо ножами, полученными у меня; другие — бамбуковыми ножами и своими костяными «донганами», а затем очень искусно рвали его руками.

На другой стороне площадки на бревнах были поставлены большие горшки, фута полтора в диаметре; таких горшков я насчитал тридцать девять; далее стояли на двух бревнах пять горшков еще бóльшего размера; в них варился буам. Посреди площадки очищали буам от листьев и других нечистот и скребли кокосы. Жители Горенду, как хозяева, разносили воду в больших бамбуках и складывали дрова около горшков.

Я пришел как раз в то время, когда шел делёж мяса; оно лежало порциями, нарезанное или оторванное руками от костей. Туй громко вызывал каждого гостя, называя его имя и прибавляя: «тамо» (человек) такой-то деревни. Названный подходил, получал свою порцию и шел к своему горшку (для каждого из гостей пища варилась в особенном горшке).

Не успел я сесть около одной группы, как раздался голос Туя:

— Маклай, тамо-русс!

Я подошел к нему и получил на зеленом листе несколько кусков мяса. Услужливый знакомый из Бонгу указал мне, где стоял предназначенный для меня горшок. Я остановился в раздумье перед ним, не особенно довольный перспективой заняться варкой своей порции, — как это делали все гости, — мой знакомый, догадавшись, что мне не хочется варить самому, объявил, что он сделает это для меня, и сейчас же принялся за дело. Он сорвал с соседнего дерева два больших листа и положил их крест-накрест на дно горшка; затем вынул из большой корзины несколько кусков очищенного аяна и положил вниз, а сверху куски свинины. Его сменили двое других туземцев, которые наполняли поочередно все горшки аяном; один стоял с полною корзиной по одну сторону ряда горшков, другой по другую, — и наполняли их, как можно плотнее, аяном. Когда у всех гостей были приготовлены таким образом горшки, жители Горенду, исполнявшие, как хозяева, роль слуг, вооружились большими бамбуками, наполненными морской и пресной водой, и стали разливать воду в каждый горшок. Морской воды они лили, приблизительно, одну треть, доливая две трети пресной. Каждый горшок был прикрыт сперва листом хлебного дерева, а затем «гамбого»; это опять было сделано одним из молодых людей Бонгу, который затем стал разводить огонь под горшками. Все это делалось в большом порядке, как бы по установленному правилу, — то же самое происходило и при разведении громадного костра, на котором должно было вариться кушанье. Костер имел не менее восемнадцати метров длины и метра ши-

рины. Топливо было так хорошо расположено под бревнами, на которых стояли горшки, что пламя скоро вспыхнуло.

Я направился к другим группам. В одной несколько туземцев скребли кокосовый орех, усердно работая своими ярурами. Наскобленный орех назначался для буама, который варился в особенных больших горшках. Около другой группы лежали разные музыкальные инструменты, которые без различия называются папуасами — «ай». Главный «ай» делается из бамбука, метра в два и более длины; бамбук хорошо очищен, и перегородки внутри его уничтожены; один конец этих длинных труб папуасы берут в рот, растягивая губы. Дуя или, вернее, крича в бамбук, они издают пронзительные, протяжные звуки, немного похожие на завывание собак; звук этих труб можно слышать за полмили. Другой инструмент, называемый «орлан-ай», состоит из ручки, к которой прикреплено много шнурков, с нанизанными на них скорлупами «орлана». Держа ручку и потрясая инструментом, туземцы производят такой звук, как будто кто трясет большими деревянными четками. Затем — «монки-ай», пустая скорлупа кокосового ореха с отверстиями наверху и сбоку, которые попеременно закрываются пальцем.

Участники пиршества, отрываясь временами от еды, хватались за какой-нибудь из описанных инструментов и старались показать свое искусство по возможности более оглушительным образом, чтобы превзойти, если можно, все предшествовавшие раздирающие уши звуки.

Я отправился в деревню посмотреть, что там делается.

Женщины все еще чистили аян, по временам отщипывая внутренние слои бамбуковой пластинки, которая служила им ножом, отчего край пластинки снова делался более острым. Что эти туземные ножи режут очень хорошо, я убедился сам, вырезав себе накануне, нечаянно, из пальца кусок мяса.

В деревне было жарко, гораздо меньше тени, чем в лесу. Уставшие от работы женщины стали просить у меня табаку. Так как мужчин нигде не было видно, то женщины были гораздо менее церемонны, чем обыкновенно в присутствии мужей, отцов и братьев.

Я вернулся на площадку, где готовился наш обед. Несколько туземцев из стариков принялись за приготовление «кэу».

Несколько раз в продолжение дня я замечал, что туземцы, обращаясь ко мне, называют меня: «Туй», а Туя — Маклаем. На мое замечание, что я Маклай, а не Туй, один из туземцев объяснил мне, что я так заботился о Туе во время болезни, что исцелил его, и что поэтому Туй готов решительно все делать для меня; мы теперь такие друзья, что Туй называется Маклаем, а Маклай Туем.

Значит и здесь, в Новой Гвинее, существует обычай обмена именами, как и в Полинезии.

От жары, а особенно от оглушительной музыки у меня разболелась голова, и я сказал Тую, что отправлюсь домой. Как раз кушанье в моем горшке поспело, и меня не хотели отпустить, не дав мне его с собою. Его положили в корзину, обложенную внутри свежими листьями хлебного дерева. Моя порция была так велика, что я еле поднял корзину. Я искренно пожалел тех, кому предстояло набить свои желудки даже половиной того, что я отнес домой.

21 февраля

Заперев палками, гвоздями и веревками обе двери моей хижины и укрепив перед каждой пальмовую ветвь, одним словом, заперев их совершенно так, как делают туземцы, я поднял около двенадцати часов ночи якорь и направился к Били-Били, островку, отстоящему отсюда миль на пятнадцать.

Я рассчитывал добраться туда с попутным береговым ветром и вернуться, пользуясь обыкновенно дующим днем норд-вестом, к вечеру сегодняшнего же дня.

Береговой ветерок, действительно, потащил нас вперед, хотя и медленно. Впрочем, спешить было некуда, перед нами была еще почти вся ночь. К рассвету ветерок посвежел, и мы пошли скорее. Поднявшееся солнце осветило интересную картину гор, которые на этом расстоянии кажутся очень высокими. Я старался рассмотреть расположение хребтов и запомнить, в каких местах можно было с меньшими препятствиями проникнуть вглубь страны. Солнце совсем поднялось, и ветер стал спадать; наступил, наконец, полный утренний штиль перед норд-вестом, который начинает задувать около восьми-девяти, а иногда только десяти часов утра. Пришлось грести, что было довольно утомительно после ночи, проведенной без сна.

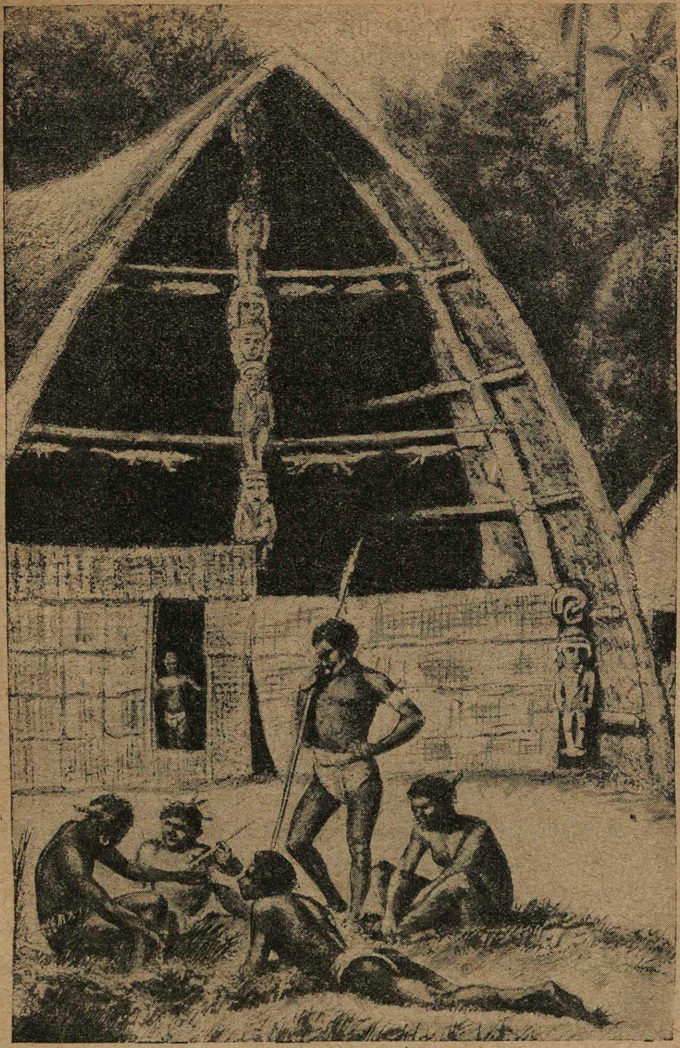
Наконец мы приблизились к юго-восточному берегу островка. Это был поднятый коралловый риф, о который бил прибой. Высыпавшие туземцы, узнав меня, весело бежали по берегу и показывали мне, что следует обогнуть остров. Вскоре открылась и деревня. На песчаный берег были вытащены боль-

шие пироги, и так высоко, что казалось, они стояли в самой деревне. Между ними возвышались высокие крыши хижин, за ними, в свою очередь, высились ряды кокосовых пальм, светлая зелень которых ярко выделялась на темнозеленом фоне остального леса.

Когда мы подошли ближе к песчаному берегу, шлюпка моя была мигом подхвачена десятками рук и скоро вытащена на отлогий берег. Оставив Ульсона в шлюпке при вещах, я отправился в деревню, сопровождаемый почти всем мужским населением. Женщин не было. Желая познакомиться и с женщинами, а главное избавить их от затруднения прятаться при моем приближении, я настоял, чтобы они сами вышли получить подарки, которые я для них приготовил. Каин, один из влиятельных людей деревни, который уже не раз бывал у меня в Гарагасси и знал, что женщины Гумбу, Горенду, Бонгу и других деревень более от меня не прячутся, уговорил и жителей Били-Били не прятать женщин. Тогда на зов мужчин из хижин вылезло несколько старух. Мне объяснили, что большинство женщин на плантациях, на материке, но что они скоро вернутся.

Раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки и бусы, я направился в довольно обширную буамрамру, стоявшую по середине деревни. Четыре угловых столба были вырезаны в виде телумов. Нарисовав их в мой альбом, я обошел всю деревню. Вышел также на противоположный берег острова. Вид оттуда был великолепный, но, к сожалению, все вершины гор были покрыты клубами облаков.

Когда я вернулся в деревню, меня окружили женщины и девушки, только что вернувшиеся с план-

Буамрамра на острове Били-Били.
Видны „телумы" и изображения ящериц и рыб, подвешенные к перекладинам хижины
Рисунок О. Финша

таций. Все они громко просили бус и красных тряпок. У женщин украшений из раковин и собачьих зубов было гораздо больше, чем в деревнях на материке, но зато костюм их был короче и воздушнее. К их поясам по обеим сторонам были привешены украшения из раковин, больших черных и красных зерен. Уши были продырявлены во многих местах.

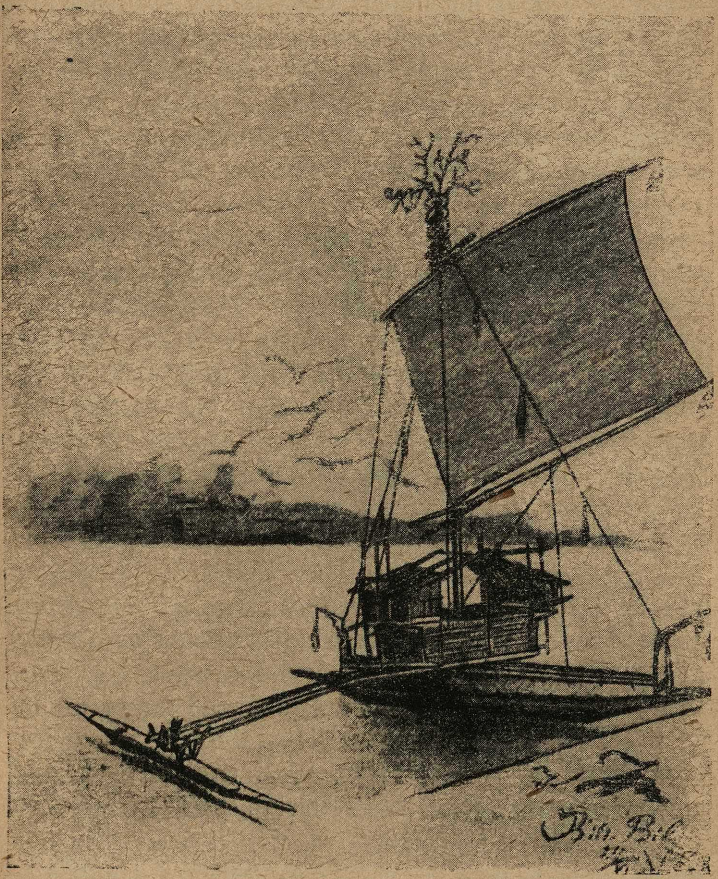
Женщины на островке Били-Били очень деятельны; на них лежит приготовление или выделка горшков, которые развозятся и вымениваются их отцами или мужьями в береговых деревнях.

Перед отъездом я хотел напиться и спросил кокосовых орехов. Мне принесли их несколько, называя их «пиу». Я записал слов пятнадцать или двадцать диалекта Били-Били, который оказался весьма отличным от языка моих соседей, хотя встречаются и одинаковые слова. Многие жители Били-Били знают диалект Бонгу.

Шутя, я сказал, что, может быть, я перееду жить в Били-Били. Эти слова были подхвачены, и жители островка с восторгом (скорее поддельным, чем истинным) стали повторять, что Маклай будет жить в Били-Били, что люди Били-Били лучше, чем люди Бонгу, и т. д. Когда я собрался уезжать, пошел сильный дождь, и я решил остаться ночевать в Били-Били, повидимому, к удовольствию жителей.

Оставить вещи в шлюпке было нельзя, и поэтому я попросил указать мне место, где я мог бы провести ночь. Мне предложили хижину или каюту одной из вытащенных на берег больших пирог.

Эти пироги очень интересны по своему устройству. Сама пирога отличается от малых единственно своими размерами. Длина некоторых из них при-

Большая пирога с острова Били-Били
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

близительно около десяти или двенадцати метров, и они (как и малые) выдолблены из одного толстого ствола; но для того, чтобы пирогу не так легко заливало, к обоим краям выдолбленного ствола «пришито» по длинной планке, или по две, одна на другой. В борту пироги и в планке сделано по отверстию, через которое проходит гибкий, тонкий ствол, связывающий планку с самой пирогой. Щели и промежуток, оставшиеся в отверстиях, законопачиваются разбитой и вымоченной в воде древесиной какого-то дерева. Нос и корма кончаются высокой, иногда выгнутой доской с различной резьбой. На одной стороне пироги находится вынос.[1] На перекладинах выноса находится платформа, на которой, в больших пирогах Били-Били, построена целая хижина, длиной метра в два, шириной в четыре или пять метров. Стены ее сделаны из расколотого бамбука, крыша из сплетенных листьев саговой пальмы. Мачта делит хижину на две части, по обеим сторонам которых находятся два длинных сиденья, где, лежа, могут помещаться двое. Таким образом, считая двух других, которые могут спать на полу, в хижине могут разместиться на ночь или на случай непогоды до восьми человек. Стены верхней половины хижины разборные, и даже крыша может быть разобрана в очень короткое время. Вообще все в пироге прилажено очень удобно. У самой мачты, на высоте сиденья, укреплен плоский ящик, наполнен-

[1] «Вынос» — это бревно, прикрепленное длинными перекладинами к пироге для того, чтобы она была более устойчива при плавании в море во время волнения. Сооружение это может быть названо также «балансиром». *Ред.*

ный землей, в котором, в случае надобности, можно разложить огонь совершенно безопасно.

Я нашел предложенное мне помещение очень удобным, и мне тотчас же пришла мысль воспользоваться современем подобной большой пирогой для посещения деревень вдоль берега.

Каин, хозяин пироги, мой хороший приятель, принес скоро большой табир с дымящимся саго и наскобленным кокосовым орехом. Перед заходом солнца дождь перестал, и я обошел еще раз деревню. В углу одной хижины я нашел череп крокодила. Меня уверяют, что в море очень много крокодилов.

Били-Били славится по этому берегу Новой Гвинеи производством горшков. Выделкой горшков занимается почти каждая семья, и у каждой хижины под крышей стоят ряды готовых и полуготовых горшков. Выделывание горшков, как я уже говорил, падает на долю женщин; я проследил весь процесс, начиная от смешивания глины с мелким песком, до обжигания готовых горшков.

Орудия, употребляемые при выделке горшков, ограничиваются двумя или тремя дощечками и парой круглых, немного приплюснутых с обеих сторон камней. Сперва, с помощью плоской палочки, делается из глины верхний ободок горшка, который оставляется сушиться на солнце. Когда он немного отвердеет, к нему постепенно прилепляются по кускам остальные стенки. Правильная форма горшку придается тем, что, держа горшок на коленях, женщина просовывает левую руку с круглым или плоским камнем в горшок, подставляя его к внутренней поверхности стенки, а правой рукой ударяет до-

щечкой по соответственному месту на внешней стороне. При этом выравнивается как поверхность, так и толщина горшка. Когда горшок готов, его сперва сушат на солнце, а потом обжигают на слое хвороста и обкладывают листьями, тонкими прутьями и т. п. Положив горшки в несколько рядов один на другой и обложив всю кучу мелким, легким хворостом, поджигают костер. Все горшки приблизительно одной формы, хотя разной величины. Украшений на них мало: иногда ряд точек вокруг горла, или нечто вроде звезды; иногда те же украшения выдавлены ногтем.

При заходе солнца я сделал снова прогулку вокруг острова. Я уже чувствовал себя в Били-Били как дома и познакомился со многими тропинками и закоулками островка. Вид высоких гор, открытое море, красивые деревья вокруг и даже однообразный, убаюкивающий гул прибоя — мне так понравились, что мысль переселиться сюда, которую я высказал туземцам шутя, показалась мне довольно подходящей. Я даже отыскал два уголка, куда я мог бы поставить свою хижину, и не знал, которому отдать предпочтение. Одно мешает: островок мал, а людей много, — пожалуй, будет тесно.

Когда я отправился гулять, мне понравилось, что никто из туземцев не побежал за мною поглядеть, куда я иду, никто не спросил, куда и зачем я отправляюсь. Все были заняты своим делом. Мои соседи на материке гораздо любопытнее или, может быть, подозрительнее. Здесь зато люди гораздо разговорчивее и любознательнее.

Место жительства туземцев на небольшом островке повлияло значительно на характер их занятий.

Лепка горшков на острове Били-Били
Рисунок О. Финша

Не имея достаточно места на острове для земледелия, они получают все главные съестные припасы из соседних береговых деревень, сами же занимаются ремеслами: горшечным производством, выделыванием деревянной посуды, постройкой пирог и т. п.

Когда я возвращался в деревню, меня остановили у одной хижины. Хозяин пожелал поднести мне подарок и, схватив какую-то собаку за задние лапы, ударил ее с размаха головой о дерево. Размозжив несчастному псу голову, он положил его к моим ногам. Он это сделал так скоро, что я не успел его остановить. Не желая обидеть дарящего, я принял подарок, но попросил, чтобы хозяин сам приготовил, сварил или изжарил собаку. Когда мне подали целый табир с кусками вареного собачьего мяса, я роздал обступившим меня туземцам по кусочку, оставив большую порцию Каину, небольшую Ульсону и маленькую себе.

Перед тем, как стало темнеть, все население островка, мужское и женское, было налицо. Была также масса детей, многим из коих родители хотели дать имя Маклай, на что, однако ж, я не согласился.

22 февраля

Проспав отлично ночь, я отправился на восточный берег островка посмотреть на вершины гор Мана-Боро-Боро, как называют туземцы горы Финистер. При восходе солнца горы видны ясно; к семи-восьми часам утра собираются облака и ложатся на вершины до вечера. Сегодня утро было великолепное, и два горных прохода в береговой цепи около деревни Мале и около деревни Богатим так и манили возможностью пробраться во внутрь страны.

Я так замечтался, что не заметил, как около меня расположилась целая группа туземцев и молча следила за мною. Подошел также и Каин, которому я сказал, что, поев его саго, я отправлюсь домой, как только ветер будет посильнее. В ожидании саго и ветра, я занялся записыванием слов наречия Били-Били.

На лицах туземцев я мог заметить желание, чтобы я убрался поскорее, желание, которое они хорошо скрывали под личиною любезности. Чувство это я нашел вполне естественным, может быть, потому, что и сам испытывал его нередко. Эти люди привыкли быть одни; всякое посещение, особенно такого чужестранного зверя, как я, было для них хотя сперва и интересно, но потом утомительно, и желание избавиться от него, отдохнуть — вполне натурально.

Поэтому, как только подул слабый ветерок, я подал знак, и человек тридцать проворно стащили в воду мою шлюпку. Я поднял флаг, который жителям очень понравился, что они и выразили громким «ай!» — и медленно стал подвигаться домой, сопровождаемый прощальными криками жителей и обещаниями скоро навестить меня. Главной причиной этого желания было то, что ребенок из Кар-Кара с большими ранами на ногах, отцу которого я дал свинцовую мазь, очень поправился, и поэтому множество больных Били-Били пристали с просьбами помочь и им, но я не взял с собою никаких лекарств.

К двум часам пополудни мы были уже в виду мыса Гарагасси. Не без чувства ожидания и любопытства поднялся я к своей хижине, которую в пер-

вый раз оставил так надолго без присмотра. Все, однако, оказалось целым, и не успел я распутать веревки у дверей, как один за другим явилось человек двадцать или более, которые с удивленными физиономиями спрашивали, где я был, и на мой ответ: «в Били-Били», — сказали, что думали, что я отправился в Россию.

23 февраля.

Выйдя утром на веранду, я увидел на моем столе медленно и красиво извивавшуюся змею. Уловив момент, я схватил ее за шею, у самой головы и, опустив ее в банку со спиртом, держал до тех пор, пока она, наглотавшись спирту, не опустилась бессильно на дно банки.

Между кокосами, которые я привез из Били-Били, было много уже пустивших ростки. Выбрав несколько из них, я посадил их перед домом. По этому случаю я спросил Туя о кокосовых пальмах Горенду: принадлежат ли они всей деревне или же отдельным лицам. Туй сообщил мне, что в Горенду есть кокосовые пальмы, принадлежащие отдельным лицам, а другие всей деревне. Так же и большие хижины: есть буамрамры, принадлежащие отдельным лицам, и другие, принадлежащие всей деревне.

Вечер был очень темен и тих. Я долго оставался у берега, сидя на стволе большого, свесившегося над водой дерева. Поверхность моря была очень покойна, и, следя за движением тысяч светящихся животных в море, я наблюдал, как движутся они самостоятельно и каждое с различной скоростью.

24 февраля

Опять хозяйственные занятия. Белые бобы начинают портиться. Пришлось сушить их на солнце, причем сотни толстых червей выползли на подложенный холст.

Становлюсь немного папуасом; сегодня утром во время прогулки почувствовал голод и, увидев большого краба, поймал его и съел сырого, то есть съел, что можно было в нем съесть.

Март 1872 года

Черный какаду. — Прогулка в окрестности Горенду. — Экскурсия в горную деревню Теньгум-Мана.

2 марта

Встал с сильнейшей головной болью: малейший шум был для меня несносен. Вдруг на большом дереве, к которому прислоняется моя хижина, раздался громкий, резкий, неприятный крик черного какаду, этой специально новогвинейской птицы. Я подождал несколько минут, надеясь, что он улетит. Наконец, не вытерпел и вышел с ружьем из хижины. Птица сидела почти прямо над головой, на высоте, по крайней мере, ста футов, и кричала. Ружье было заряжено очень мелкой дробью, так что при такой высоте и густой зелени кругом я сомневался в эффекте выстрела, но все-таки выстрелил, чтобы, по крайней мере, спугнуть птицу и избавиться от ее несносного крика. Стрелял я, почти не целясь, тем не менее птица с пронзительным криком, сделав несколько кругов, упала у самого ствола дерева. Неожиданная редкая добыча заставила меня на время позабыть головную боль и приняться за препарирование какаду. Расстояние между концами растянутых крыльев было более метра.

Черный какаду

К двенадцати часам головная боль так одолела меня, что я принужден был бросить работу и пролежал, почти не двигаясь, без еды до следующего утра.

5 марта

Туземцы настолько привыкли ко мне и настолько убеждены, что я не причиню им зла, что я перестал стесняться относительно употребления огнестрельного оружия. Хожу почти каждое утро в лес за свежей провизией. Я не пренебрегаю при этом мясом попугаев, какаду и других. Пробовал на-днях даже мясо серого ворона, скелет которого я отпрепарировал.

Туземцы очень боятся выстрелов; несколько раз они просили не стрелять близ деревень, но вместе с тем очень довольны, когда я им дарю перья убитых птиц, которыми они украшают свои гребни.

Сегодня с восходом солнца мы отправились с Туем в дальнюю прогулку. Поднялись сперва на Горенду-Мана (около 300 футов вышины) и прошли лесом на юго-восток. Хребет невысокого кряжа был покрыт не густым, но высоким лесом, и, раз взобравшись туда, итти было удобно. Птиц почти не было, даже крика их нигде не было слышно. Пройдя около часа, мы вышли из леса к другому склону хребта, покрытому высоким унаном. Отсюда открылась красивая, обширная панорама холмов и гор, покрытых темным лесом, между которым в немногих местах проглядывали светлозеленые лужайки. На дальних высоких вершинах клубились уже облака.

Туй не дал мне долго любоваться видом и стал

быстро спускаться по крутому скату, держась за унан и почти исчезая в нем. Мы сошли к болоту, где высокая трава сменилась тростником и папоротниками. Послышалось далекое журчанье. Туй объяснил мне, что мы приближаемся к большой воде (реке).

Снова вошли в лес. Изрытая то тут, то там земля указывала на частое посещение этой местности дикими свиньями. Шум воды становился все сильнее. Деревья стали редеть. Мы выходили к опушке леса, когда на одном из деревьев я заметил несколько вырезанных фигур. Они меня заинтересовали, и я их срисовал. Туй объяснил, что, вероятно, кто-нибудь из людей Теньгум или Енглам-Мана вырубил их топором.

Мы подошли к реке. На значительном протяжении она отделяет низкий береговой хребет от более высокого внутреннего, течет с юга на север и наконец впадает около Гумбу в море. Русло реки очень широкое, но в это время года оно было пересохшим; несколько отдельных рукавов различной ширины образовали множество островков, покрытых крупным булыжником. Ложе реки было в этом месте шире Невы против Петропавловской крепости, и я насчитал не менее пяти рукавов, которые надо было перейти, чтобы попасть на другой берег. В средних рукавах вода бежит очень стремительно. Не желая мочить обувь, я снял башмаки, но это оказалось ошибкой. Итти по мелкому булыжнику было очень трудно. Течение было здесь очень сильное, и только благодаря копью Туя, которое он мне подал, я перешел благополучно на одну из отмелей. Перейти через четыре остальных рукава мы не рискнули.

Туй попробовал было, но в нескольких шагах от берега погрузился выше пояса в воду. Итти дальше было невозможно. При такой глубине реки и силе течения я не мог бы без чужой помощи добраться до противоположного берега. Плавать я не умею. На силы Туя, не совсем еще поправившегося от раны, я не мог положиться. Уже при переходе в брод через первый рукав крупные голыши (больше куриного яйца), которые неслись по течению, бомбардировали ноги. В средних, более широких и глубоких рукавах камни были больше и могли бы, пожалуй, сшибить человека с ног.

Булыжники островка, на который мы перешли, были очень крупны (некоторые величиной с детскую голову), что свидетельствовало о силе течения во время дождей. Толстые стволы деревьев, лежавшие там и сям на островках, тоже доказывали, что при дождях воды в реке должно быть очень много. Туй сказал, что в реке много рыбы и что люди Горенду и Бонгу приходят иногда ее ловить.

Я не хотел возвращаться старой дорогой. Поэтому мы влезли на крутой холм, цепляясь за корни. На вершине опять оказался унан и опять жара от палящего солнца. Снова сошли вниз к реке и опять поднялись по отлогому скату холма, покрытого лесом. Здесь, думал Туй, будет хорошая охота на птиц. Но их нигде кругом не было ни видно, ни слышно. Мы очень проголодались и решили итти домой. Туй попросил подождать, говоря, что он хочет вырезать неподалеку несколько бамбуков. Я согласился. Прождав полчаса, я стал его звать, — ответа нет. Пустил в ход свисток — молчание. Прождав еще четверть часа, я понял, что Туй преспо-

койно отправился домой. Мне оставалось только последовать его примеру.

Надо было пройти сперва широкий луг унана. Не найдя настоящей тропы, я стал прокладывать себе путь сам, что оказалось очень трудно. Жесткий, густой, выше человеческого роста унан представлял упругую массу, раздвинуть которую руками или ногами подчас оказывалось мне не под силу. Чтобы двигаться дальше, я придумал средство, которое увенчалось успехом. Я во весь рост ложился на унан, который под тяжестью моего тела медленно спускался, тогда я вставал и мог итти дальше, чтобы через несколько шагов повторить придуманный маневр. Трава была выше моего роста, и только при помощи компаса я мог итти по направлению к дому, а не блуждать по сторонам. Раз пять я отдыхал: так трудно было прокладывать себе дорогу по этому зеленому морю. Отвесные лучи солнца, пустой желудок, вся охотничья сбруя — вызвали у меня даже опасение солнечного удара. Несколько раз я чувствовал головокружение. Наконец я добрался до леса, но и здесь долго пришлось искать тропинку в Гарагасси.

18 марта

Приготовил скелеты серого ворона и красного попугая. Окончив работу, из обрезанных мускулов срубил себе котлету, которую сам изжарил, так как Ульсон был занят стиркой белья. Котлета оказалась очень вкусной. Погода хороша: в тени не более 31° Ц, что здесь вообще бывает не часто.

Когда стемнело, туземцы из Горенду приехали ловить рыбу перед моей хижиной, на что они сперва

пришли спросить позволения. Туй и Бугай остались посидеть и покурить около меня, отправив молодежь на ловлю рыбы. По их просьбе Ульсон спел им шведскую песню, которая им очень понравилась.

Ловля рыбы с огнем очень живописна, и я долго любовался освещением и сценой ловли. В левой руке ловец держит факел, которым размахивает по воздуху, как только он начинает гаснуть; правой держит и бросает юр; на правой ноге он стоит, тогда как левой, по временам, снимает рыб с юра. Когда ловля кончилась, мне поднесли несколько рыбок.

19 марта

Я размерил рис и бобы на следующие пять месяцев; порции оказались очень небольшими, но все-таки, имея этот запас, приятно чувствовать себя независимым от туземцев. К тому же ружье доставляет мне ежедневно свежую провизию, так что с этой стороны наша жизнь вполне обеспечена.

Последние недели я замечаю изменение погоды: норд-вест, иногда очень свежий, дувший последние месяцы в продолжение дня, заменился тихим ветерком, и часто, даже днем, наступают штили. В марте выпало меньше дождя, чем в предыдущие месяцы, но часто по ночам собираются черные тучи.

По деревням я замечаю тоже недостаток провизии.

21 марта

Ночью была великолепнейшая гроза. Непрерывная молния ярко освещала деревья, море и тучи. Почти одновременно слышались раскаты грома вдали и грохот его над самой головой. Молнии поло-

жительно ослепляли, так что самый дальний горизонт был так же ясен, как днем. В то же время меня трясла сильная лихорадка. Холод и сырость врывались с ветром в двери и щели. Как раз над головой в крыше была небольшая течь, и не успевал я немного успокоиться, как тонкая струйка или крупная капля дождя падала на лицо. Каждый порыв ветра мог сорвать толстые сухие лианы, все еще висевшие над крышей. Если бы это случилось, неминуемо свалились бы тяжелые ящики, лежавшие на чердаке надо мной.

Отчаявшись заснуть при всех этих условиях, я принял небольшую дозу морфия и скоро уснул.

22 марта

После обеда отправился в Бонгу достать проводников для экскурсии в Теньгум-Мана. Я воспользовался отливом, чтобы дойти туда засухо.

По обыкновению, по приходе гостя, туземцы готовят ему угощение. Сегодня угощение вышло не особенно удачным; вместо аяна сварили «бау», а саго имело сильный запах плесени.

Я сидел у костра; тут же несколько женщин занимались приготовлением ужина, и я удивлялся ловкости, с какой они чистили овощи своими первобытными инструментами: обломком раковины и бамбуковым ножом. Одна женщина пробовала чистить «бау» ножом, данным мною ее мужу; но она владела им гораздо хуже, чем своими инструментами. Она беспрестанно зарезáла слишком глубоко, вероятно потому, что, работая раковиной или бамбуком, она привыкла прилагать гораздо больше силы, чем это требовалось для европейского ножа. Мне

показали сегодня в первый раз род бобов («могар»), который туземцы поджаривают, как мы, например, жарим кофе.

У одной женщины на руках был грудной ребенок, который вдруг раскричался. Я невольно нахмурился, и это испугало женщину. Она моментально поднялась и удалилась в хижину. Ребенок не переставал, однако, и там реветь. Женщина вышла снова из хижины, положила ребенка в большой мешок, который повесила себе на спину, так, что лямка охватывала лоб. Нагнув голову, чтобы сохранить равновесие, она принялась быстро бегать взад и вперед между хижинами. Ребенок скоро умолк.

Мой ужин был готов; меня повели в буамрамру и пригласили сесть на нары, потом передо мной поставили табир с дымящимся бау и аусем. У папуасов обычай оставлять гостя одного во время еды или только сидеть против него и прислуживать ему; хозяин при этом ничего не ест, а только прислуживает, другие же все отворачиваются или уходят на время.

Я нашел себе двух проводников, и еще третий, по собственному желанию, присоединился к нам.

Когда я собрался итти домой, почти совсем стемнело. В лесу царствовала полная темнота. Ощупью я пробрался по узкой тропинке и дошел только до Горенду. Жители Горенду были крайне удивлены моему позднему приходу. Несколько человек сидели около своих хижин и в темноте перекидывались изредка словами; только в буамрамре горел костер и зарился ужин для гостя из Гумбу. Мне также предложили ужинать; я отказался и попросил только горящее полено, чтобы добраться до дому. Мне хо-

тели дать проводника, но я отказался, полагая, что мне следует привыкать быть в некоторых отношениях папуасом.

Я отправился с пылающим поленом в руках, но огонь скоро погас, а зажечь его снова я не сумел. Тлеющий конец мне вовсе не помогал, и я бросил полено на полдороге. Несколько раз я сбивался с тропинки, по которой днем проходил много сотен раз, натыкался на пни и сучья и раза два усомнился, дойду ли я в этой темноте до дому. Я уже примирился с мыслью переночевать в лесу, но все же подвигался вперед и, наконец, добрался до дому. С удивлением убедился, что пришел с целыми глазами и неоцарапанным лицом.

26 марта

Теньгум-Мана — горная деревня, лежащая за рекой Габенеу, особенно интересует меня. Это одна из самых высоких деревень горного хребта Мана-Боро-Боро. Хотя многих жителей горных деревень я не раз уже видел у себя в Гарагасси, мне хотелось посмотреть, как они живут у себя.

Оставив Ульсона в Гарагасси, я взвалил на плечи небольшой ранец, с которым, еще будучи студентом в Гейдельберге и Иене, я бродил по Германии и Швейцарии. Захватив с собой легкое одеяло, я направился в Бонгу. Дорогой, однако, ноша моя оказалась слишком тяжелой, и в Горенду я отобрал некоторые вещи, свернул их в пакет и передал Дигу, который охотно взялся нести мои вещи. Прилив был еще высок; пришлось разуться и итти по колена в воде.

Солнце садилось, когда я вошел в Бонгу. Боль-

шинство жителей собиралось на рыбную ловлю, но многие, по случаю моего прихода, остались, чтобы приготовить мне ужин. Совсем стемнело, но папуасы и не думали зажигать других костров, кроме тех, которые были необходимы для приготовления ужина, да и эти не горели, а догорали. Наскучив сидеть впотьмах, я пошел к морю посмотреть на рыбную ловлю. Один из туземцев зажег пук кокосовых листьев, и при свете этого факела мы пришли к берегу, где дюжина ярких огней пылала на пирогах, и отражение их, двигаясь по воде, освещало пену прибоя.

Весь северный горизонт был покрыт темными тучами. Над Кар-Каром беспрестанно сверкала молния и, по временам, слышался далекий гром.

Я присоединился к группе сидевших на берегу, на стволе выброшенного прибоем большого дерева. Пироги одна за другой стали приставать к берегу и рыбаки приступили к разборке добычи. Мальчики стояли у пирог, держа факелы, между тем как взрослые раскладывали в кучки улов. Как всегда, каждый рыбак принес мне по несколько рыбок, и один из них, когда мы вернулись в деревню, испек их для меня в горячей золе.

Когда я отправился в буамрамру, где должен был провести ночь, меня сопровождали человек пять туземцев, которым было любопытно видеть, как я лягу спать. Лако, хозяин хижины, сидел у ярко горевшего костра и занимался печением рыбы. Внутренность довольно обширной хижины производила, при ярком освещении, странное впечатление своей пустотой. По середине помещался костер, у правой стены — длинные нары; на широкой полке вдоль

левой стороны хижины лежало несколько кокосов, над нарами висели два-три копья, лук и стрелы. От конька крыши опускалась веревка, за четыре конца которой была привязана небольшая бамбуковая корзина. В ней лежали завернутые в зеленые листья вареные съестные припасы. Вот и все, что находилось в хижине, вся движимая собственность Лако, как, впрочем, и большинства папуасов.

Я приготовил себе постель, разостлал одеяло на длинных нарах, подложил под голову ранец и надул резиновую подушку, к величайшему удивлению туземцев. Человек шесть туземцев следили молча, но, видимо, с большим интересом, за каждым моим движением. Когда я закрыл глаза, они присели к костру и стали шептаться, чтобы не мешать мне. Я очень скоро заснул.

27 марта

Проснулся ночью, разбуженный каким-то толчком. Это Лако, спавший на противоположном конце нар, соскочил с них, чтобы поправить тухнувший костер; повидимому, ему стало холодно, так как ночной ветерок пробирался через многочисленные щели хижины.

Лако не удовольствовался тем, что раздул костер и подложил дров; он разложил еще другой костер под нарами, под тем местом, где лежал, так что теплый дым, проходя между расколотым бамбуком, согревал одну сторону его непокрытого тела. Я нашел, что мое войлочное одеяло было не лишним удобством; ночь была действительно прохладная. Несколько раз сквозь сон слышал, как Лако вставал, чтобы поправить огонь; по временам бу-

дил меня также крик детей, раздававшийся из ближайших хижин. Крик петуха и голос Лако, разговаривавшего с соседом, окончательно разбудили меня. Я встал и оделся. Не найдя ни у хозяина, ни у соседей достаточно воды, чтобы умыться, я отправился к ручью. Было еще совсем темно, и я, с горящей головней в руках, принужден был искать дорогу к берегу моря, куда впадал ручей.

Над Кар-Каром лежали темные массы облаков, из которых сверкала частая молния; восточный горизонт начинал только что бледнеть.

Умывшись у ручья, я вернулся в деревню и занялся приготовлением чая. Процесс этот очень удивил Лако и пришедших с утренним визитом папуасов; все стали хохотать, увидя, что я пью горячую воду и что она может быть «инги» (кушанье, еда) для Маклая. Покончив с чаем и выйдя из хижины, я был неприятно удивлен тем, что еще продолжается темнота, хотя я уже около часа был на ногах. Я решил снова лечь и дождаться дня. Проснулся, когда уже совсем рассвело, и стал собираться в путь. Оказалось затруднение. Люди Бонгу не желали ночевать в Теньгум-Мана, между тем как я хотел провести там ночь. Я решил отпустить людей Бонгу по приходе в деревню сегодня же и вернуться завтра с людьми Теньгум-Мана. Дело уладилось, и, вместо двух, со мной отправилось семь человек.

Перейдя чрез береговой хребет (около 400 футов), мы спустились к речке Габенеу. Спуск был очень крут; тропинка шла без всяких зигзагов прямо вниз. Я спустился благополучно только благодаря копью, которое взял у одного из спутников.

Наш караван остановился у берега реки, мутные

воды которой шумно неслись, стуча камнями, катившимися по дну. Я разделся, оставшись в одной рубашке, башмаках, которые принес для этой цели, и шляпе, и сошел в реку. Вода показалась мне очень холодной (хотя термометр показывал 22° Ц) и доходила мне выше груди, а в одном месте до плеч. Камни бомбардировали ноги, но течение могло нести только небольшую гальку, которая не в состоянии была сбить человека с ног.

Перейдя на другой берег, я уже хотел одеться, когда мне сказали, что нам придется перейти еще через один рукав, и я остался в своем легком, хотя и не совсем удобном костюме. Солнце очень пекло мои голые и мокрые ноги; вместо того, чтобы взобраться на правый берег, мы пошли вверх по руслу реки, по каменистым отмелям, переходя десяток раз рукава реки, вода которой была во многих местах выше пояса. Мы шли таким образом около двух часов, под палящим солнцем.

Оба берега реки были высоки, покрыты лесом и в некоторых местах обрывисты. Можно было видеть залегающие пласты серо-черного глинистого сланца. У большого ствола саговой пальмы, принесенной сюда, вероятно, в последнюю высокую воду, Лако сказал мне, что здесь я могу одеться, так как более в воде не придется итти. Пока я одевался, туземцы курили, жевали бетель и разглядывали мои башмаки, носки, шляпу, причем делали насмешливые замечания.

На пне, где мы сидели, я заметил несколько фигур, вырубленных топором и похожих на те, которые я видел во время последней экскурсии к реке.

На правом берегу, в месте, где я менее всего

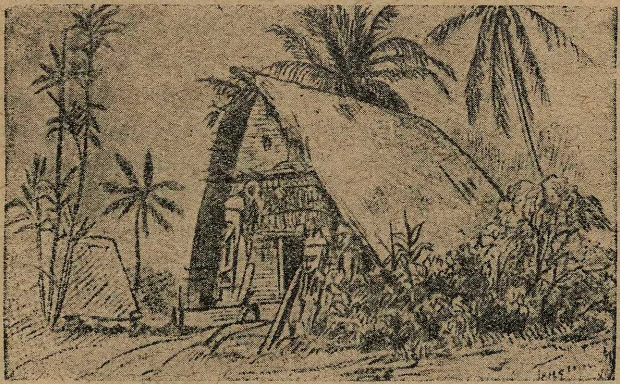
ожидал тропинки, мне указали узкую тропу вверх. Взобраться можно было только с помощью корней и ветвей. Дорога была очень крута, и я несколько раз принужден был отдыхать. Наконец, пройдя обширную плантацию сахарного тростника и бананов. мы достигли вершины.

Я думал, что сейчас покажется деревня, но ошибся, — пришлось итти дальше. В ответ на крик моих спутников послышалось несколько голосов, а затем, немного спустя, показались несколько жителей деревни, из которых, однако, многие бросились назад, увидав меня. Многих усилий и крику стоило моим спутникам вернуть их; боязливо приблизились они снова, но когда я протянул одному из них руку, он опять стремглав бросился в кусты. Было смешно видеть, как эти здоровенные люди дрожали, подавая мне руку, и быстро пятились назад, не смея взглянуть на меня и смотря в сторону. После этой церемонии мы отправились в деревню: я впереди, а за мною гуськом человек двадцать пять.

Мое появление в деревне произвело то же действие панического страха: мужчины убегали, женщины быстро прятались в хижины, закрывая за собою двери, дети кричали, а собаки, поджав хвосты и отбежав в сторону, начинали выть. Не обращая внимания на весь этот переполох, я присел, и скоро убежавшие жители стали показываться один за другим снова из-за углов хижин. Мое знакомство с наречием Бонгу здесь не пригодилось, и только при помощи переводчика я смог объяснить, что намереваюсь остаться ночевать в деревне, и попросить, чтобы мне указали хижину, где я мог бы провести ночь. Я сказал также, что желал бы достать, в обмен

на ножи, один экземпляр «маба» (кускуса) и «дюги» (казуара).

После некоторых прений меня привели в просторную хижину, и, оставив там вещи, я отправился, сопровождаемый толпой туземцев, осмотреть деревню. Она была расположена на самом хребте. Посредине тянулась довольно широкая улица; с обеих

Общественная хижина в деревне Теньгум-Мана
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

сторон ее стояли хижины, за которыми спускались вниз крутые скаты, покрытые густою зеленью. Между хижинами и за ними поднимались многочисленные кокосовые пальмы; по скату ниже были насажены арековые пальмы, которые здесь растут в изобилии, к великой зависти всех соседних деревень.

Большинство хижин было значительно меньших размеров, чем в прибрежных деревнях. Все они были построены на один лад: имели овальное основание и состояли почти что из одной крыши; стен по сто-

ронам почти не было видно. Перед маленькой дверью была полукруглая площадка под такой же крышей, которая опиралась на две стойки. На этой площадке сидели, ели и работали женщины, защищенные от солнца. Вскоре прибежали два мальчика с известием, что для нас готово «инги». За ними следовала процессия: четыре туземца, каждый с табиром; в первом находился наскобленный кокосовый орех, смоченный кокосовой водой, в трех остальных — вареный бау. Все четыре табира были поставлены у моих ног. Взяв по небольшой порции «монки-ля» и вареного таро, я отдал все остальное моим спутникам, которые жадно принялись есть.

Мне принесли несколько сломанных черепов маба, но не оказалось ни одного черепа казуара. По всему было видно, что здешние жители не занимаются правильной охотой, а убивают этих животных при случае.

Мои спутники между тем наговорили так много страшного обо мне, — что я могу жечь воду, убивать огнем, что люди могут заболеть от моего взгляда и т. д., — что, кажется, жителям Теньгум-Мана стало страшно оставаться в деревне. Они серьезно спрашивали людей Бонгу, не лучше ли им уйти, пока я у них в деревне. Я очень негодовал на моих спутников за такое застращивание горных жителей моей личностью, не догадываясь тогда, что это было сделано с целью установить мою репутацию, как очень опасного или очень мощного человека. Они это делали, как я потом понял, для своей же пользы, выставляя меня, как своего друга и покровителя.

Мне так надоели вопросы: останусь ли я в Тень-

гум-Мана или вернусь домой, что я повторил свое решение — остаться, лег на нары под полукруглым навесом хижины и заснул. Прошло больше часа. Сквозь сон я слышал прощанье туземцев Бонгу с жителями Теньгум-Мана.

Отдохнув от утренней ходьбы, я пошел погулять по окрестностям деревни, разумеется, сопровождаемый целой свитой туземцев. Пять минут ходьбы по тропинке привели нас к возвышенности, откуда слышались голоса. Взбираясь туда, я увидел крыши, окруженные кокосовыми пальмами. Это была вторая площадка деревни; выше ее была еще третья, — самая высокая точка в Теньгум-Мана; вид оттуда был очень обширный, но его отчасти закрывала растительность. На северо-востоке вдали расстилалось море, на востоке, отделенная глубокою долиной, возвышалась гора Энглам-Мана, на западе, за рядом холмов, виднелось каменистое ложе реки Коли, на юго-западе тянулся лабиринт гор. Расспросы о них убедили меня, что только Энглам-Мана заселена, а все другие горы совершенно необитаемы, туда никто не ходит, и там нет нигде тропинок.

Возвращаясь, я обратил внимание на хижины. Перед входом многих из них висели кости, перья, сломанные черепа собак, кускусов, а у некоторых хижин — человеческие черепа.

В одном месте, поперек площадки, на растянутой между двумя деревьями веревке висел ряд пустых корзин, свидетельствовавших о подарках, полученных жителями Теньгум-Мана из других деревень.

Обед и ужин, который мне подали, состояли снова из вареного бау, бананов и наскобленного

кокосового ореха. Один из туземцев, знавший немного диалект Бонгу, взялся быть моим переводчиком и не отходил все время от меня; заметив, что принесенный бау так горяч, что я не могу его есть, он счел обязанностью своими не особенно чистыми руками брать каждый кусок и дуть на него. Поэтому я поспешил взять табир из-под его опеки. Это, однако, не помешало ему следить пристально за всеми моими движениями. Заметив волосок на куске бау, который я только-что подносил к рту, туземец поспешно полез своей рукой, снял его и, с торжеством показав мне, бросил...

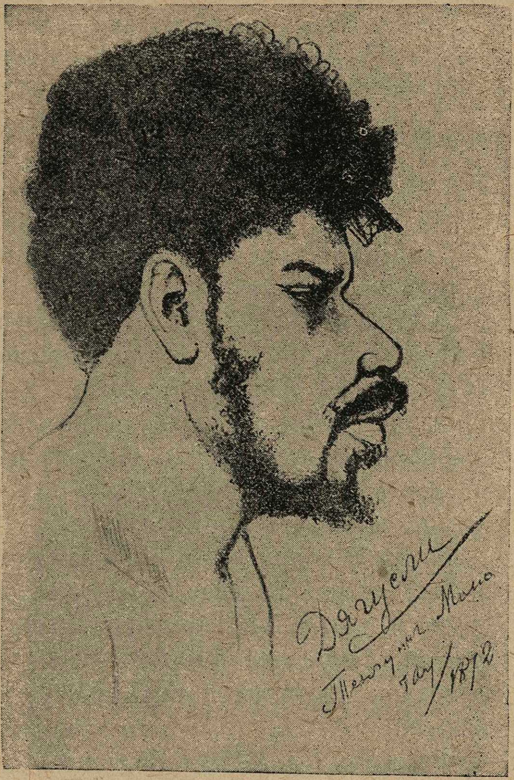
Чистотой здешние папуасы, сравнительно с береговыми, не могут похвастаться. Это отчасти объясняется недостатком воды, которую им приходится приносить из реки по неудобной горной лесной тропе.

Когда я спросил воды, мне вылили из бамбука, после долгого совещания, — такую грязную бурду, что я отказался даже пробовать ее.

Около шести часов облака опустились и закрыли заходящее солнце: стало сыро и холодно, и скоро совершенно стемнело. При тлеющих угольях костров едва-едва можно было разглядеть фигуры, сидевшие в двух шагах. Я спросил огня. Мой переводчик понял, должно быть, что я не желаю сидеть в темноте, и, принеся целый ворох сухих пальмовых листьев, зажег их. Яркое пламя осветило сидящую против меня группу туземцев, которые молча курили и жевали бетель.

Среди них около огня сидел туземец, по имени Минем, которого я уже и прежде заметил; он кричал и командовал больше всех, и его слушались; он

также вел преимущественно разговор с жителями Бонгу и хлопотал около кушанья. Никакими внешними украшениями он не отличался от прочих, но

Папуас из деревни Теньгум-Мана

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

манера его командовать и кричать заставила меня предположить, что он главное лицо в Теньгум-Мана, и я не ошибся.

Такие субъекты, род начальников, встречаются во всех деревнях; насколько мне известно, они не имеют особенного названия; им часто принадлежат большие буамрамры, и около них обыкновенно группируется известное число туземцев, исполняющих их приказания.

28 марта

Толпа перед хижиной, в которой я лежал, еще долго не расходилась; туземцы долго о чем-то рассуждали. Особенно много говорил Минем, которого я принял за начальника.

Только я стал засыпать, как крик свиньи разбудил меня. Несколько зажженных бамбуков освещали группу туземцев, которые привязывали к длинной палке довольно большую свинью, назначенную для меня. С первыми лучами солнца я встал и обошел снова всю деревню для сбора черепов кускуса и всего, что могло попасться интересного.

После завтрака я дал нести мои вещи трем туземцам и вышел из-под навеса хижины. На площадке стояло и сидело все население деревни, образуя полукруг: посредине стояли двое туземцев, держа на плечах длинный бамбук с привешенной к нему свиньей.

Как только я вышел, Минем, держа в руках зеленую ветку, подошел торжественно к свинье и проговорил, при общем молчании, речь, из которой я понял, что эта свинья дается жителями Теньгум-Мана в подарок Маклаю, что люди этой деревни снесут свинью в дом Маклая, что там Маклай ее заколет копьем, что свинья будет кричать, а потом умрет, что Маклай развяжет ее, опалит волосы, раз-

режет ее и съест. Кончив речь, Минем заткнул зеленую ветвь за лианы, которыми свинья была привязана к палке.

Все хранили молчание и ждали чего-то. Я понял, что ждали моего ответа. Я подошел тогда к свинье и, собрав все мое знание папуасского языка, ответил Минему, причем с удовольствием убедился в том, что меня понимают и довольны моими словами.

Я сказал, что пришел в Теньгум-Мана не за свиньей, а чтобы видеть людей, их хижины и гору Теньгум-Мана, что хочу достать по экземпляру «маба» и «дюги», за которых я готов дать по хорошему ножу (общее одобрение с прибавлением слова «эси»), что за свинью я также дам в Гарагасси то, что и другим давал, т. е. «гануй» (зеркало) — (общее одобрение), что когда буду есть свинью, то скажу, что люди Теньгум-Мана хорошие люди, что если кто из людей Теньгум-Мана придет в таль Маклай, то получит табак, маль (красные тряпки), гвозди и бутылки; что если люди Теньгум-Мана хороши, то и Маклай будет хорош (общее удовольствие и крики: Маклай хорош и тамо Теньгум-Мана хороши).

После рукопожатий и криков «еме-ме» я поспешил выйти из деревни, так как солнце уже поднялось высоко.

Проходя мимо последней хижины, я увидел небольшую девочку, которая вертела в руках связанный концами шнурок. Остановившись, я посмотрел, что она делает; она с самодовольной улыбкой повторяла свои фокусы со шнурком. Это те же самые фокусы, какими занимаются иногда и дети в Европе. Но у здешних детей в игре участвуют не только пальцы рук, но и пальцы ног.

Сходя с возвышенности, я обернулся и был удивлен многочисленности проводников. Все они были вооружены копьями, луками и стрелами. Многие несли с собою дымящиеся поленья. Повидимому, и им до сих пор неизвестен способ скорого добывания огня.

Они повели меня другой дорогой, а не той, которой я пришел. Зная свои тропинки лучше, чем люди Бонгу, они хотели сократить путь, но этот новый путь оказался круче и неудобнее, чем тот, по которому мы шли вчера.

В одном месте, около плантации, вдоль тропинки лежал толстый ствол упавшего дерева, диаметром по крайней мере в метр. На стороне, обращенной к деревне, были вырублены несколько иероглифических фигур, подобных тем, которые я видел в русле реки на саговом стволе, но здешние иероглифы гораздо старее.

Эти фигуры на деревьях, как и изображения в Бонгу и на пирогах Били-Били, заслуживают внимания, потому что они представляют собою не что иное, как первые проявления письменности, первые шаги в изобретении так называемого идеографического письма. Человек, рисовавший углем, краской или вырубавший топором свои фигуры, хотел выразить известную мысль, изобразить какой-нибудь факт. Эти фигуры не служат уже простым орнаментом, а имеют абстрактное значение; так, например, в Били-Били изображение процессии для приготовления к празднеству было сделано в воспоминание об окончании постройки пироги. Знаки на деревьях имеют очень грубые формы, состоят из нескольких линий; их значение, вероятно, понятно только для

вырубавшего их и для тех, которым он объяснял смысл своих иероглифов.

Мы подошли к тому самому месту, где вчера начали восхождение к Теньгум-Мана. У последнего уступа, в несколько десятков футов вышиной, оказалась прогалина, и вид на реку был очень живописен. Я остановился, чтобы отдохнуть и сделать набросок местности, сказав людям, чтобы они сошли вниз к реке и там ждали меня.

Папуасы сошли вниз и расположились на отдых разнообразными группами. Всего их было восемнадцать человек. Одни из них лежали на теплом песке, другие, сложив принесенные головни, сидели у костра и курили, третьи жевали бетель. Некоторые, наклонившись к реке, пили мутную воду. Многие, не расставаясь со своим оружием, стояли на больших камнях, опираясь на копья. Они, как часовые, зорко осматривали противоположный берег. Я узнал потом, что жители Теньгум-Мана находятся во вражде и ведут войну с жителями Гадаби-Мана; поэтому они все были вооружены и настороже.

Я так загляделся на окружавшую картину, что позабыл рисовать; притом мой неискусный карандаш мог бы воспроизвести лишь неполно и бледно картину этой своеобразной местности и ее жителей. Я сошел к реке, как вчера разделся, и мы отправились вниз по ее руслу. Солнце сильно пекло, и камни, по которым пришлось итти, поранили мне ноги до крови.

Две сцены оживили нашу переправу. Один из туземцев, заметив гревшуюся на солнце ящерицу и зная, что я собираю различных животных, подкрался к ней, затем с криком бросился на нее, но

она улизнула. Человек десять пустилось ее преследовать, она металась между камнями, туземцы преследовали ее с удивительной ловкостью и проворством, несмотря на все препятствия, ношу и оружие. Наконец ящерица скрылась между камнями под камышом, но и здесь туземцы отыскали ее. В один миг камыш был выдернут, камни разбросаны, и земля быстро раскопана руками. Один туземец схватил ящерицу за шею и подал ее мне. Кроме платка у меня не нашлось ничего, чтобы спрятать ее; пока ее завязывали, она успела укусить одного из туземцев так, что показалась кровь, но улизнуть она не могла.

При переходе через один из рукавов реки туземцы заметили множество маленьких рыбок, быстро скользивших между камнями; мои спутники схватили камни, и в один миг десятки их полетели в воду, часто попадая в цель. Убитые и пораненные рыбки были собраны, завернуты в листья и сохранены на ужин.

Сегодня пришлось итти вниз по реке дольше чем вчера, так как я хотел попасть прямо домой, а не в Бонгу или в Горенду. Придя, наконец, домой, часам к четырем, я застал Ульсона бледным и шатающимся. У него было два пароксизма лихорадки, так как он не во-время принял хину.

Пришли еще жители Горенду и их гости из Били-Били. Около моей хижины расположились, болтая, человек сорок туземцев. Раздав табаку и по куску красной материи моим проводникам, я дал, как обещал, одному из них за свинью зеркало, две бутылки и несколько больших гвоздей и отпустил их, очень довольных, обратно в Теньгум. Сам же, не

евши в течение десяти часов, с удовольствием выпил чаю без сахару, с вареным аяном.

31 марта

Отнес сегодня свиного мяса в подарок жителям Горенду. Свинья из Тенгум-Мана была слишком велика для нас с Ульсоном, и я, не желая возиться с солением и следуя местному обычаю, решил отдать половину знакомым в Горенду и Бонгу. Подарок произвел большой эффект в Бонгу, и хотя я принес свинину только трем из жителей, но сейчас же были созваны женщины со всех трех площадок, чтобы вместе чистить и готовить аян и бау.

Обратил внимание на приготовление папуасского кушанья — «кале», которое видел в первый раз. Оно состояло из наскобленного и слегка поджаренного кокосового ореха, растертого с бау или аяном, из чего выходит довольно вкусное тесто.

Детей здесь рано приучают помогать в хозяйстве. Смешно видеть, как ребенок полутора или двух лет тащит к костру большое полено, а затем бежит к матери пососать грудь.

Апрель 1872 года

Маб. — Стреляющее «табу». — Личинки и флейта. — Островитяне. — Первая тыква. — Пир в лесу.

3 апреля

Погода меняется, частые штили, слабый ветер иногда с юго-востока, пасмурно.

Мое помещение так мало, что, если не соблюдать самый строгий порядок и не аккуратно каждый день ставить и класть все на место, — положительно негде было бы сидеть.

7 апреля

Дождь лил всю ночь и все утро и наполнил 480 делений моего дождемера.

8 апреля

Зайдя в Горенду, я сидел в ожидании ужина на барле. От нечего делать взял в руки лежавшую на земле стрелу и вынул нож, чтобы заострить обломанный конец стрелы; туземцам эта операция, производимая кремнем, не очень легка и отнимает много времени.

Стоящий около меня Вангум объяснил, что стрела сломалась, будучи пущена в маба. Я спросил,

убит ли маб; Вангум ответил, что маб жив и находится в соседней хижине. Я вошел, или, вернее, влез в хижину (так высоки пороги и так малы двери) и в полумраке рассмотрел белую, висящую у потолка массу. Это и был маб.

Животное висело крепко привязанным за хвост головой вниз. Желая рассмотреть маба поближе, я сказал, чтобы его вынесли из хижины. Вангум раковиной перерезал лиану, привязанную к хвосту маба. Раненый зверь ухватился передними лапами за бамбук. Вангум ухватил его за хвост обеими руками, но не смог стащить с места, так как маб с огромной силой вонзил свои крепкие острые когти в дерево. Тогда Вангум с силой ударил толстой палкой по передним ногам маба; от боли животное вынуждено было уступить, и его, наконец, стащили вниз. Вангум за хвост выбросил его из хижины. Маб сердито разевал рот при каждом моем движении, показывая свои длинные нижние резцы и серо-красноватый язык, но не пробовал убежать. Он был около полуметра длиной. Мех серовато-белого цвета был мягок и густ, но волосы не длинны. Жирное тело не могло держаться на коротких ногах, снабженных длинными согнутыми когтями. Когда, собравшись с духом, маб вздумал бежать, то это не удалось ему на ровной земле. Он сделал несколько неуклюжих движений, остановился и прилег.

Желая приобрести маба, я сейчас же предложил за него нож и спросил, кому принадлежит зверь. Оказалось, что настоящего владельца его не было, потому что он был пойман следующим образом. Утром двое туземцев в одно и то же время заметили зверя, который спускался с дерева почти у самой де-

ревни. Когда они бросились ловить его, испуганный маб, не видя другого спасения, влез быстро на пальму, после чего в ловле приняло участие полдеревни: один выстрелил из лука, ранив животное слегка в шею, другой влез на дерево и сбросил маба, — остальные поймали его уже внизу. Было решено съесть его сообща и уже приготовляли костер, чтобы опалить его густую шерсть.

Мое предложение поэтому очень озадачило туземцев. Каждому хотелось получить нож, но никто не смел сказать: животное мое. Мне отвечали, что дети в Горенду будут плакать, если им не дадут поесть мяса маба. Я объявил поэтому стоящим в ожидании моего решения туземцам, что пусть люди Горенду съедят маба, но что голову его я беру себе. Обрадованные таким оборотом дела, несколько человек бросились помогать мне. Тупым ножом, за неимением другого, перепилил я шею несчастного животного, которое во время этой варварской операции не испустило ни единого звука. Когда я мыл покрытые кровью руки, я вспомнил, что надо было отрезать переднюю и заднюю ноги, но маб был уже на костре, и я должен был удовольствоваться полуобугленными конечностями. Я успел спасти еще часть цепкого голого хвоста, который очень похож на длинный палец и покрыт в разных местах роговыми бородавками.

9 апреля

Срисовал морду, ноги и хвост маба и отпрепарировал череп, который несколько отличался от черепов, полученных в Теньгум-Мана; мех у той разновидности был черный с желтоватыми пятнами. Вы-

нул мозг, срисовал его и сделал несколько разрезов. Когда я занимался этим, послышался легкий шорох.

Маб (кускус)

Большая ящерица, по крайней мере метра полтора длиной, собирала под верандой обрезки мускулов маба, которые я выбросил, препарируя череп. Пока я схватил заряженное ружье, ящерица, быстро

перебежав площадку перед домом, скрылась в лесу. Я сделал несколько шагов и вдруг услышал странный звук над головой. Высоко в зелени я заметил красивый гребень черного какаду. Он, должно быть, увидел меня и с криком улетел в лес. В то же время я услыхал падение ореха кенгара. Обойдя дерево, я увидал другого какаду, который сидел еще выше и молча раскусывал твердую скорлупу ореха. Я рискнул выстрелить, и большая птица, махая одним крылом, упала вниз. Несколько дробинок пробили крыло и череп, глаз был налит кровью. Какаду бился здоровым крылом и рыл клювом землю. Ему попалась бамбуковая палка сантиметра в три толщиной; он схватил ее клювом и изгрыз в щепки. Птица упала, наконец, на спину и открыла широко клюв. Мясистый язык закрывал все отверстие рта, хотя клюв был раскрыт. Язык, как хорошо прилаженный клапан, прижатый к небу, замыкает совершенно рот. Эта способность (вероятно, встречающаяся и у других птиц), несомненно, имеет значение при полете птиц.

Вскоре я принялся за препарировку скелета. Я смерил расстояние между концами крыльев, осторожно отпрепарировал красивый хохол и выдернул большие перья хвоста, которыми туземцы украшают свои гребни. Они, действительно, красивы, черно-матового цвета с голубоватым отливом.

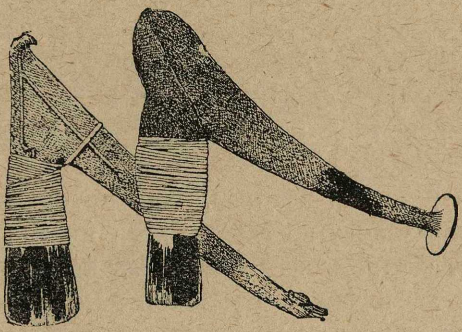
Вес отрезанных мускулов какаду равнялся приблизительно двум фунтам; вес же всей птицы был около четырех с половиной фунтов. Срубленные отрезки мускулов какаду дали нам по чашке (вернее — по кокосовой скорлупе) хорошего бульона.

Я должен сказать, что наша посуда мало-по-малу заменилась более примитивной, которая не так

бьется, как фарфор или фаянс. Я наделал десяток чаш из скорлупы кокосовых орехов, и они заменили нам разбитые тарелки и блюда.

14 апреля

Вчера в Бонгу пришла пирога из Били-Били; сегодня с раннего утра толпа знакомых расположилась перед моей хижиной. Между пришедшими были также четыре человека из деревни Рай. Эта деревня ле-

Каменные топоры новогвинейских папуасов

жит на юго-восточной стороне залива, за рекой, и я в первый раз видел перед собою жителей с того берега. Внешностью и украшениями они не отличаются от здешних.

Мой приятель Каин просил отточить ему маленький топор. Я ему как-то прежде дал обломок железа от сломанного ящика. Он очень аккуратно сделал ручку топора по образцу обыкновенных ручек каменных топоров, но вместо камня он вложил этот кусок железа и прикрепил его к ручке совершенно так же, как туземцы прикрепляют камень. Он пробо-

вал отточить железо на камне; но это ему не удалось. Вот он и принес свой новый топор ко мне в Гарагасси.

Мои гости сидели долго. Перед уходом люди Били-Били, наслышавшись в Бонгу и в Горенду о моих «табу», которые убивают птиц на высоких деревьях, а могут убивать и людей, — попросили меня показать им «табу» и выстрелить. Люди из Рай-Мана очень боялись и просили не делать этого. Другие, однако, их пристыдили, так что наконец все стали упрашивать меня пострелять, и я согласился.

Я вынес ружье. Тут мои папуасы, как стадо баранов, прижались один к другому. Многие обхватили соседей рукой в ожидании страшного происшествия.

Когда раздался выстрел, они все разом, точно снопы, повалились на землю; ноги их так тряслись, что они даже не могли усидеть на корточках.

Я уже давно опустил ружье и рассматривал группу лежащих, когда некоторые осмелились взглянуть в мою сторону, поднимая немного голову и отнимая руки от ушей, которые они заткнули, как только раздался выстрел. Выражение страха было написано на их лицах: рты полуоткрыты, язык двигается, но еще не может внятно произносить слова, глаза открыты больше обыкновенного. Трясущейся рукой многие из них делали знаки, чтобы я унес страшное оружие.

Выйдя снова из хижины, я застал туземцев в оживленном разговоре. Они передавали один другому свои впечатления и были очень расположены скорее уйти. Я успокоил их, говоря, что ружье мое может быть опасным только для дурных людей, а

для хороших, как они, у меня есть табак, гвозди и прочее.

Если бы я не видел сам, то с трудом мог бы себе представить такой страх от ружейного выстрела у

Папуас из деревни Бонгу, играющий на флейте
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

крепких, взрослых людей. В то же время я заметил, что страх туземцев не продолжителен и что они скоро привыкают к этому эффекту их нервной системы.

Когда они ушли, я отправился с ружьем в лес, где наткнулся на трех туземцев. Один играл на папуасской флейте из простой тоненькой бамбуковой трубки, закрытой с двух концов, но с двумя отвер-

стиями по бокам, внизу и сверху. Двое других сидели около толстого гнилого пня и прилежно рубили его каменными топорами. Рыхлая гниль так и летела в разные стороны. Из этой массы вываливались белые жирные личинки, которые сотнями пробуравливали лежащий ствол. Папуасы с большим аппетитом жевали и глотали толстые личинки, обеими руками запихивая их в рот. Поев, один снова принимался за флейту — другие за топоры. Они имели очень веселый вид, лакомясь таким образом и снова принимаясь за музыку.

Я заметил, что в разные периоды года у туземцев в ходу различные музыкальные инструменты и что это сопряжено как бы с характером употребляемой пищи. Так, например, «тюмбин» они употребляют, когда едят бау; при аяне он лежит у них без употребления. Когда едят свинью, то трубят в большие бамбуковые трубы, бьют в барум и т. д.

17 апреля

Подходя к Бонгу, я увидел вытащенную на берег большую пирогу, совершенно похожую на те, которые строятся в Били-Били. Она принадлежала жителям Гада-Гада. Увидев меня, они попросили посидеть с ними. Они видели меня в первый раз, но все знали мое имя очень твердо. Между ними и жителями Митебог я встретил людей с очень симпатичными физиономиями. Выражение лица некоторых молодых папуасов было кротко и мягко. Такие лица, если не говорить о цвете кожи, представляли бы исключение даже в так называемой цивилизованной среде. Мои соседи, жители прибрежных деревень, имеют вид гораздо более суровый, и обращение их

не такое предупредительное; вообще, они составляют переход между островитянами и жителями горных деревень.

Когда гости с островов Гада-Гада и Митебог собрались в путь, я заметил, что в числе подарков деревни Бонгу, состоявших из большого количества таро в корзинах, была также пустая бутылка и три гвоздя, как большие ценности. Таким образом вещи европейского происхождения могут странствовать далеко и давать, может быть, повод к неправильным соображениям, предположениям и т. д.

20 апреля

Месяца два тому назад я дал туземцам семена тыквы. Посев принес первые плоды. Туй и Лялу пришли утром, чтобы пригласить меня притти вечером «поесть тыкву»; я был удивлен, что они запомнили это имя, и нашел, что оно вошло в общее употребление.

Отправившись рано в Горенду, я застал Бонема с другим туземцем за работой — они делали парус пироги. Работа была не хитрая: между двумя шестами были протянуты довольно часто тонкие растительные шнуры; один туземец обломком раковины резал в длину листья пандануса, отдирая колючий край листьев и вырезая среднюю жилу, так что из каждого листа получались две длинные полоски, которые переплетались между натянутыми шнурками. Я присел к этой группе. Скоро пришло еще несколько человек из лесу с длинными шестами. Шесты были прямые, и все ветви и веточки с них были тщательно устранены. Кора была стянута с палок очень искусно, вся зараз, затем снова вывернута, ос-

вобождена от верхней кожицы и разбита на плоском камне ударами толстой короткой палки. Двое воодушевляли работающих заунывными звуками тюмбина.

Оказалось, что Туй пригласил меня, чтобы я показал, как следует есть тыкву, так как это была первая, которую им случилось видеть. Я разрезал ее и положил в горшок с водой, где она скоро сварилась. Туземцы обступили меня, желая посмотреть, как я буду ее есть. Хотя я и не люблю тыкву, но решил показать, что ем ее с аппетитом, чтобы и туземцы попробовали ее без предубеждения. Новое кушанье все-таки показалось им чем-то особенным, и, наконец, они порешили есть его с наскобленным кокосовым орехом. В этом виде они скоро уничтожили всю тыкву.

22 апреля

Всю ночь из Бонгу слышались удары барума. Около полудня пришли несколько туземцев с приглашением итти с ними поесть свиньи и послушать их пение. Не желая нарушать хорошие отношения, я пошел с ними.

В деревне не было ни одного мужчины — одни женщины и дети; зато на площадке, в лесу, я был встречен продолжительным завыванием со всех сторон, после чего все разом стали звать меня присесть к ним. Я выбрал место, немного в стороне, чтобы лучше видеть происходящее. Человек десять были заняты приготовлением еды, несколько туземцев образовали в другом углу группу, усердно занятую жеванием и процеживанием кэу, действие которого уже заметно было на многих физиономиях; боль-

шинство сидело, ничего не делая, и вело оживленный разговор, причем я часто слышал имя «Анут» и «тамо-Анут».[1] Про них мои соседи рассказывали, что они хотят напасть на мою хижину, слышав, что у меня много ножей, топоров и красных «маль», а что нас всего двое: я и Ульсон.

Я думаю, что если это случится, то не без согласия моих знакомых из Бонгу или Гумбу, которые будут весьма не прочь разделить с теми людьми добычу. Я счел поэтому уместным обратить все это в шутку и прибавил, что не мне будет худо, а тем, которые придут в Гарагасси. Затем я переменил разговор, спросив, не пойдет ли кто со мною в Енглам-Мана. Мне ответили, что Бонгу с Енглам-Мана не в хороших отношениях и что если пойдут туда, то будут убиты, но что жителям Гумбу туда итти можно.

Когда кушанье было готово и разложено по порциям, один из туземцев побежал в деревню, и мы скоро услышали удары барума. При этом все бывшие на площадке стали кричать изо всех сил, другие принялись трубить. Шум был оглушающий и доставлял туземцам заметное удовольствие.

На некоторых влияние кэу было хорошо заметно. Они плохо стояли на ногах, язык не слушался их, а руки тряслись. Лицо их выражало состояние, которое немцы называют Katzenjammer.

По случаю пира головы и лица туземцев раскрашены: у одних вся голова была намазана черной, у других красной краской; у третьих голова была

[1] В точности я не мог определить, где живут эти люди Анут; мне известно только, что где-то за рекою около Марагум-Мана, и составляют не одну, а много деревень. *Примечание Миклухо-Маклая.*

красная с черным бордюром, у иных черная с красным бордюром; только у стариков ни лица, ни головы не были раскрашены. Вообще старики употребляют только черную краску для волос и лица и почти не носят никаких украшений на шее.

24 апреля

Вечером был в Горенду. Инго нарисовал мне в записную книжку фигуры разных животных и людей. Я удивлялся твердости руки при употреблении совершенно нового для него инструмента, как карандаш.

Я воспользовался приходом четырех туземцев, чтобы поднять свою шлюпку выше на берег, чем прежде; для этого надо было снести вниз толстое бревно и подложить под киль. Я и Ульсон с большим усилием пронесли его шагов двадцать, и потом, донеся до берега, я сказал, что теперь его можно катить по песку, но туземцы, очень удивленные нашей силой, хотели показать свою: все четверо приступили к бревну, подняли с большим трудом и, крича и пыхтя, почти бегом донесли его до шлюпки. Так поступают они при каждом случае, где требуется сильное напряжение: они бросаются с криком и азартом, воодушевляя друг друга восклицаниями, и, действительно, успевают сделать то, что навряд ли бы могли сделать, действуя молча и медленно.

Май 1872 года

Похороны в Гумбу. — Военная игра. — Поминки. — «Человек с луны». — Экскурсия в Енглам-Мана.

2 мая

Много посетителей: из Енглам-Мана человек пятнадцать или двадцать, из Ямбомбы, Тути, Били-Били и других деревень.

Очень болит нога. Я поранил ее как-то, и теперь, вследствие небрежного ухода, маленькие ранки стали большими, так что я не могу ходить. Из Горенду принесли мне роскошный ужин: вареное таро, печеный хлебный плод, затем саго с натертым кокосовым орехом.

10 мая

Нарывы на ноге еще не прошли; не мог с ними няньчиться, так как приходится ежедневно ходить на охоту, чтобы не голодать. Сегодня в Горенду туземцы серьезно попросили меня прекратить дождь. На мой ответ, что сделать этого я не могу, они все хором заявили, что могу, но не хочу.

13 мая

При восходе солнца из Горенду донесся звук барума, но не такой громкий и продолжительный, как обыкновенно. Пришедший Туй сказал мне, что барум

был слышен по случаю смерти одного из жителей Гумбу и что жители Горенду и Бонгу отправляются в Гумбу. Я поспешил напиться кофе и пойти туда же. Дорогой встретил целую вереницу туземцев, вооруженных копьями, луками и стрелами. Завидя меня, все они остановились, чтобы пропустить меня вперед. Когда они узнали, что и я иду в Гумбу, было заметно, что они сразу не могли решить, что им делать: отговаривать меня или нет. После общего совещания они предпочли молчать.

Выйдя к морю, мы догнали целую толпу женщин; многие шли с грудными детьми в мешках или на плечах, смотря по возрасту. У входа в деревню все остановились; мне сказали, что женщины должны пройти вперед; мы пропустили их и скоро услышали их плач и вой. Когда я подошел к первым хижинам, меня предупредил один из спутников, чтобы я был осторожнее, так как в меня может попасть стрела или копье. Не понимая, в чем дело, я отправился далее. Действительно, с площадки, окруженной хижинами, неслись громкие крики.

Мои спутники, держа в левой руке лук и стрелы, а копье наперевес в правой, беглым шагом поспешили на площадку и выстроились в ряд против группы туземцев, находившихся там. Между обеими, одна против другой стоявшими шеренгами нападающих и защищающихся выступил один из жителей Гумбу, кажется, родственник умершего. Он ораторствовал очень громко, подкрепляя свои слова энергичными движениями, кидаясь в разные стороны и угрожая наступавшим своим копьем. В общем обе группы действовали больше гортанью и языком, чем луками и копьями. Некоторые пускали свои стрелы,

очевидно стараясь не задеть никого. Смотря на эту военную игру, я любовался красивым сложением папуасов и грациозными движениями их гибкого тела. На меня оглядывались с удивлением, как на непрошенного гостя.

Наконец, набегавшись и накричавшись, все воины уселись в несколько рядов на площадке; за ними расположились женщины с детьми. Стали курить и не так громко, как обыкновенно, разговаривать. Несколько человек занялись приготовлением гроба. Принесли отрезки листьев разных пальм и сшили их лианами; получилось два длинных куска. Эти куски были положены крест-на-крест и снова скреплены посредине, затем концы загнуты так, что вышла большая коробка в один метр высотой. Чтобы стенки не распадались, коробка была обвязана в нескольких местах лианами. Туземцы не спешили, курили и разговаривали вполголоса; вой в хижине покойника то усиливался, то стихал.

Немного в стороне варился в большом горшке бау; когда он сварился, его положили на листья, связали в пакет и повесили на дерево около хижины, у дверей которой висела убитая собака. Мне объяснили, что эту собаку будут есть гости, присутствующие при погребении. Несколько человек вошли в хижину умершего и скоро показались в дверях, неся покойника в сидячем положении, так что его подбородок касался колен; лицо смотрело вниз, рук не было видно; они находились между туловищем и согнутыми ногами. Все тело было обвязано поясом. Трое туземцев несли умершего; две женщины — мать и жена умершего — замыкали шествие, придерживая концы пояса, который обхватывал

тело покойника. Обе они были измазаны черной краской, очень небрежно, пятнами. На них не было никаких украшений и даже обыкновенная, весьма приличная по своей длине юбка их была заменена сегодня очень незначительным поясом, от которого висели спереди и сзади обрывки бахромы — также черной, — которые едва покрывали тело. Все показывало, что они умышленно нарядились так, чтобы показать, что не имели ни времени, ни желания заняться своим костюмом. Обе они плаксивым голосом тянули печальную песню.

Когда покойник показался у дверей, все присутствовавшие смолкли, встали и хранили молчание до конца. Покойника опустили в гроб, стоявший посредине площадки; голову покрыли «тельруном» (мешком, в котором женщины носят детей) и потом, пригнув боковые стенки коробки, связали их над головой так, что коробка приняла форму трехсторонней пирамиды; затем обвязали тщательно лианами и привязали верхний конец к толстому шесту. Во время этой операции несколько туземцев выступили из рядов и положили около коробки с телом несколько сухих кокосовых орехов и новый, недавно выкрашенный пояс. Двое туземцев взяли концы шеста, к которому был привязан сверток с покойником, на плечи и понесли обратно в хижину; третий взял кокосы и пояс и последовал за ними. Этим церемония кончилась. Присутствовавшие разобрали свое оружие и стали расходиться. Я пошел в хижину посмотреть, куда положат тело.

В хижине шест с гробом подняли на верхние перекладины под крышей, и пирамидальная коробка закачалась посреди опустевшей хижины.

Возвращаясь домой, я догнал туземцев; человек сорок зашли ко мне в Гарагасси поболтать о покойнике, покурить, попросить перьев и разбитого стекла для бритья.

17 мая

Несмотря на головную боль и головокружение я решил не откладывать моей экскурсии в Енглам-Мана и итти вечером в Гумбу, а оттуда, на следующее утро, направиться в Енглам-Мана. Приняв на всякий случай хины, я отправился в Гумбу, сопровождаемый тремя мальчиками из этой деревни, которые несли нужные для экскурсии вещи.

При входе в Гумбу меня ожидала молодежь. С криками «Маклай гена!» (Маклай идет), «Еме-ме!» — они выхватили мои вещи у мальчиков и проводили меня до площадки, где я нашел целое собрание, занятое ужином. «Тамо» — взрослые мужчины — сидели на барле, «малаcи» — молодежь — на земле около хижин. Сегодня был ужин в память умершего. Ели свинью, но одни только тамо; малаcи же довольствовались одним бау. Как «тамо-боро» (большому человеку) и как гостю — мне предложили большой табир с таро и с большим куском свинины. Немного в стороне, на цыновке, около костра, лежал Кум и просил меня помочь ему; он жаловался на сильную боль в боку и животе. Я дал ему несколько капель опия, и на другой день Кум прославлял мое лекарство.

После ужина около меня собралась вся деревня. Мы сидели в совершенной темноте. Костра не было, а луна всходила поздно. Меня расспрашивали о России, о домах, свиньях, деревьях. Перешли потом к

луне, и я понял, что мои папуасы считали, что луна — это и есть Россия. Они хотели знать, есть ли на луне женщины, сколько у меня там жен; спрашивали о звездах и допытывались, на каких именно я бывал. Каждое мое слово выслушивали с большим вниманием.

Стало холодно и сыро, и я пошел спать. Несколько человек проводили меня в обширную буамрамру, принадлежавшую Алуму, одному из туземцев, который должен был итти со мною.

Я встал часов в пять, и около семи мы собрались в путь. Солнце уже поднялось довольно высоко. Сперва лесом, потом между высокими бамбуками и открытым полем, поросшим густым унаном, мы пришли к реке Габенеу, которая в этом месте оказалась широкой и очень быстрой. Вода точно кипела; я сошел в нее и только с помощью туземцев, которые окружали меня, мог перебраться на другую сторону. Течение было так сильно, что удержаться на ногах почти не было возможности. Потом я оделся, и мы вошли в лес, где прохлада была очень приятна.

Когда мы идем под солнцем, я натираю себе затылок, уши, нос и щеки глицериновым желе. Эту операцию я повторяю раза два или три, как только чувствую, что кожа высыхает; без глицерина, какого-нибудь другого масла или жира действие солнечного жара на кожу может быть серьезным и по меньшей мере неприятным.

Перейдя невысокий гребень холмов, местами покрытых лесом, местами унаном, часа через два ходьбы от реки Габенеу мы подошли к песчаному берегу небольшой речки Альгумбу, протекавшей между кра-

сивыми лесистыми холмами. Берег в одном месте представлял длинную песчаную полосу, и моим спутникам вздумалось попробовать здесь свое искусство стрельбы из лука. Для этого они сняли с плеч свои ноши и один за другим пустили стрелы, натянув сколько было силы тетиву своих луков. Я смерил шагами расстояние до упавших на песок стрел и получил 46, 47, 48 шагов, но на этом крайнем расстоянии стрела уже совсем теряла свою силу и только едва втыкалась в песок. Шагах в двадцати — двадцати пяти эти стрелы могут нанести серьезную рану. Замечу, что между моими спутниками не было ни одного тамо, а только мальчики и молодые люди четырнадцати — двадцати пяти лет.

Мы расположились отдохнуть около речки. Я взял с собой остатки от вчерашнего ужина, чтобы было чем закусить в дороге, и предложил часть моим спутникам, но они все отказались под предлогом, что с этим таро варилась свинья, которую ели только тамо, почему маласи не могут его касаться, а если они это сделают, то заболеют. Это мне было сказано вполне серьезно, с полной верой в то, что это так, и я снова убедился, уже не в первый раз, что понятие «табу» существует здесь, как и в Полинезии.

Отсюда началась самая трудная часть дороги: почти все в гору и большей частью вдоль открытых склонов, на которых рос высокий унан, коловший и резавший мне лицо и шею своими верхушками. Туземцы, чтобы защитить свое далеко не нежное тело от царапин унана, держали перед собой ветви в виде щитов. Тропинки не было видно. Одни ноги чувствовали ее, не встречая препятствия для движе-

ния. Пропустив человека, унан снова замыкал тропинку.

Солнце давало себя мучительно чувствовать. На значительной высоте, там, где уже начались плантации Енглам-Мана, открылась далекая панорама; были видны несколько островов у мыса Дюперре. Берег от Гумбу далеко простирался на северо-восток, и, кроме реки и речки, через которые мы перешли, виднелись еще две, одна небольшая, а другая не меньше реки Габенеу.

Пока я записывал и рисовал, мои спутники усердно кричали, чтобы вызвать кого-нибудь из плантаций. Наконец, в ответ на их зов послышались женские голоса. Мои спутники, как это бывало и раньше, обступили меня, так что собравшимся женщинам меня не было видно. Когда последние подошли, спутники мои расступились, и женщины, прежде никогда не видавшие белого, остановились передо мною как вкопанные. Они не могли ни говорить, ни кричать; наконец, опомнившись, с криком стремглав кинулись вниз при страшном хохоте моих проводников. Младшая из женщин, вздумавшая оглянуться, оступилась при этом и растянулась, к счастью для нее, на мягком унане. Мои спутники сказали ей что-то вслед, что заставило ее взвизгнуть, быстро вскочить и последовать за остальными. Мы поднялись к небольшому леску; Обор сломал ветку, прошептал что-то над ней и, зайдя за спину каждого из нас, поплевал и ударил раза два веткой по спине, затем, изломав ветку на мелкие кусочки, спрятал их в лесу между хворостом и сухими листьями.

Не умея добывать огонь, туземцы ходят, как я уже не раз говорил, с головнями, особенно отпра-

вляясь в далекие экскурсии. Так было и сегодня: двое из моих спутников запаслись огнем, но узнав, что я могу добыть его, как только они этого пожелают, очень обрадовались и бросили лишнюю ношу. При остановках мне, к величайшему удовольствию сопровождавших меня туземцев, уже случалось зажигать спички и давать им возможность разводить маленький огонек, чтобы высушить табак и зеленый лист, в который они его завертывают. Здесь я доставил им в третий раз удовольствие посмотреть на вспыхивающую спичку и покурить.

Крики моих проводников были услышаны жителями Енглам-Мана, которые, завидя меня, тотчас же умерили скорость шагов и не без робости подошли к нам. После обычных приветствий, жевания бетеля и курения мы двинулись дальше. Тропинка обратилась в лестницу, состоявшую из камней и корней. Местами она была так крута, что даже туземцы сочли нужным вбить между камнями колья, чтобы дать ноге возможность найти опору. В местах, где положительно нельзя было пройти, были построены из бамбука узкие мостики. Вдоль обрывистой стены надо было переставлять одну ногу за другой, чтобы не свалиться. Разрушив немногие искусственные приспособления, деревню можно было в полчаса сделать с этой стороны почти недоступной.

Я был рад добраться, наконец, до деревни. Отдохнув немного, я отправился, сопровождаемый целой процессией, по деревне. Хижины здесь были так же малы, как в Теньгум и Колику-Мана, и вообще деревня эта, как и другие горные, грязнее прибрежных. Зная, что я интересуюсь «телумами», меня зазывали во многие хижины. Везде, где только я

останавливался, мне приносили орехи арековой пальмы, которыми Теньгум и Енглам-Мана изобилуют.

Солнце уже садилось. Я выбрал место близ огня и принялся за ужин. Скоро все мужское население Енглам-Мана собралось около меня и моих спутников. Последние много рассказывали обо мне и даже такие пустые мелочи, которые я сам давно забыл. Разумеется, все было очень искажено, преувеличено, пройдя целый ряд рассказчиков и пересказчиков. Особенно много говорили о луне, где я раньше жил, о воде, которую я мог заставлять гореть, о чудесном стреляющем „табу" и т. д. и т. д. Мне стало ясно, что папуасы считают меня совершенно необыкновенным существом.

19 мая

Посредственно проспав ночь, я проснулся рано, еще перед рассветом. Решил измерить при помощи аппарата Реньо высоту Енглам-Мана над уровнем моря. Я опасался, как бы туземцы не испугались сложных манипуляций и не приняли мои инструменты за колдовские принадлежности, которые могут повредить им. Поэтому я придумал несложную хитрость.

Вставая, я стал кряхтеть и потирать себе ногу, и когда туземцы спросили меня, что со мной, я ответил, что нога очень болит. Мои вчерашние спутники стали также охать и повторять: «самба-борле» — нога болит. Я посидел, как бы что обдумывая; затем встал, говоря:

— У Маклая есть хорошая вода, — потереть ногу — все пройдет.

Все туземцы поднялись с нар, посмотреть, что будет. Я достал мой гипсотермометр, налил из принесенной склянки воды, зажег лампочку, приладил на известной высоте термометр, сделал наблюдение, записал температуру и, сказав, что мне надо еще воды, сделал опять наблюдение и, записав снова температуру, слил оставшуюся воду в стакан и уложил весь аппарат в мешок. Видя, что публики набралось очень много, я снял носок и усердно начал вытирать ногу, поливая ее водой; затем я снова улегся, сказав, что скоро боль пройдет. Все присели, чтобы посмотреть на чудо исцеления, и вполголоса стали говорить о нем. Минут через десять я начал шевелить ногой, попробовал ступить на нее и, сперва хромая, уложил все вещи, а затем вышел из хижины, уже совсем здоровым. Велико было удивление туземцев, видевших чудо и отправившихся рассказывать о нем по деревне.

Туземец горной деревни Енглам-Мана
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

Это скоро привлекло ко мне разных больных, ожидавших быстрого исцеления от моей воды. Я показал им пустую склянку и сказал, что воды больше нет, но что в Гарагасси я могу найти для них лекарство.

Хижина, в которой я провел ночь, стояла позади других, на небольшой возвышенности, состоящей из голой скалы, и не отличалась постройкой от прочих. Размерами своими она была даже меньше многих других хижин; зато по обеим сторонам узкой и низкой двери, походившей больше на окно, стояло несколько телумов. Некоторые из них были в рост человека. Над дверью и под крышей висели кости казуара, черепах, собак, свиней, перья птиц, кожа ящериц, клювы наренга,[1] зубы разных животных и т. п. Все это вместе с телумами, серой старой крышей, обросшей травой, придавало хижине особенный характер. Между четырьмя телумами один был наиболее интересен: он был самый большой и держал обеими руками перед грудью длинную доску, покрытую неправильными нарезами, похожими на какие-то иероглифы, почти потерявшие, впрочем, от ветхости свои контуры. Внутренность хижины отличалась от прочих: над нарами был устроен потолок из расщепленного бамбука, — там хранились разные музыкальные инструменты, употребляемые только во время праздника «ай». Между прочим, мне показали с таинственностью, говоря при этом шопотом, большую деревянную маску с вырезанными отверстиями для глаз и рта, кото-

[1] Наренг (Buceros) — птица-носорог. У нее длинный очень толстый, согнутый клюв с несколькими роговыми наростами. *Ред.*

рая надевалась во время специальных пиршеств; ее название здесь «аин», и это была первая, которую мне пришлось видеть.

Не успел я кончить эскиз хижины и напиться чаю, как пошел дождь, который постепенно так усилился, что итти сегодня домой оказывалось неудобным. Пришлось вернуться под крышу. Имея достаточно времени, я сделал с помощью камеры-люциды портрет одного из туземцев с очень типичной физиономией.

Жители Енглам-Мана очень различного роста, цветом светлее прибрежных, но зато между ними встречаются чаще некрасивые лица, чем среди береговых папуасов.

Я узнал, что жители соседней деревни Самбуль-Мана, лежащей на северо-восток от Енглам-Мана, получив известие о моем приходе сюда, явятся познакомиться со мною. Действительно, когда дождь немного перестал, на площадку пришли люди из Самбуль-Мана. Я вышел к ним, пожал каждому руку и указал место полукругом около меня. Когда я смотрел на кого-либо из них, он быстро отворачивался или смотрел в сторону до тех пор, пока я не отводил глаз на другое лицо или на другой предмет. Тогда он, в свою очередь, начинал рассматривать меня, оглядывая с ног до головы. Меня усердно угощали бетелем; я не чувствую отвращения к нему, но не люблю его, главным образом потому, что вкус его остается во рту очень долго и изменяет вкус всех других съестных продуктов.

Люди из Самбуль-Мана во всем схожи с жителями Енглам и Теньгум-Мана. Наречие Енглам-Мана

немного отличается от наречия Самбуль и Теньгум-Мана. Я собрал ряд слов всех трех диалектов.

После непродолжительного отдыха я совершил прогулку в лес; нашел тропинки хуже вчерашних. Видел несколько новых для меня птиц, не встречающихся внизу. После дождя в лесу раздавалось немало птичьих голосов; почти все были мне не знакомы; я убежден, что орнитологическая фауна гор значительно разнится от береговой. Голод вернул меня в деревню.

Один из первых попавшихся мне навстречу туземцев спросил меня, ем ли я кур. Я ответил утвердительно. Тогда принесли двух кур и при мне размозжили им головы о дерево; затем, вместо ощипывания, опалили или сожгли перья; принесли также несколько связок таро и стали его чистить. Все это были приношения отдельных личностей; меня угощала целая деревня.

Один из туземцев, чистивших таро, попросил у меня для этого нож, но он действовал им хуже и медленнее, зарезая слишком глубоко, а под конец даже обрезался. После этого двое туземцев принялись за изготовление бамбуковых ножей. Принесли кусок старого бамбука, каменным топором обрубили оба конца и затем раскололи на тонкие длинные пластинки, которые потом согрели на угольном огне. От этого пластинки стали такими твердыми, что ими можно было резать не только мягкие таро и ямс,[1] но также мясо и даже волосы. Пример этого я увидел здесь же: один из туземцев, нечаянно попав ногой в лужу, обрызгал грязью волосы дру-

[1] Ямс — растение, на корнях которого образуются содержащие крахмал съедобные клубни. *Ред.*

гого; тогда первый взял один из бамбуковых ножей и стал отрезать большие пучки волос, забрызганные грязью. Дело не обошлось без гримас сидящего, но редким ножом можно резать столько волос зараз, как этой бамбуковой пластинкой. Здесь же я видел, как такой же деревянной бритвой выбрили голову девочки. Это было сделано весьма искусно и успешно, без всякой боли для пациентки.

Туземцы положительно ходили за мною по пятам, целой толпой сопровождая меня всюду, то умильно улыбаясь, когда я глядел на кого-нибудь из них, то без оглядки убегая при первом моем взгляде. Такая свита везде и повсюду весьма утомительна, особенно, когда не можешь говорить с ними и объявить им вежливо, что постоянное присутствие их надоедает.

По случаю дождя все в деревне рано улеглись спать, и я могу записать эти заметки, сидя один у костра.

20 мая

Встав до рассвета, я один отправился бродить по деревне и в окрестностях ее, чтобы найти удобное место с обширным видом на горы кругом. Высокие цепи их, одна выше другой, покрытые зеленью до вершин, очень манили меня. Были бы там деревни, я, во всяком случае, скоро отправился бы туда, переходя от одной в другую, все выше и выше. Но высокие горы не населены; я сперва не верил этому, но сегодня убедился: нигде в горах, выше Енглам-Мана, нет и признаков жилья.

Позавтракав, я стал торопить туземцев к уходу. Человек двенадцать захотели итти со мной: одни,

чтоб нести мои вещи, другие — свинью, подарок туземцев, третьи — ради прогулки. Один из них, старик лет под шестьдесят, усердно обмахивал себе шею, спину и ноги зеленой веткой, что-то нашептывая. На мой вопрос, для чего это он делает, он мне объяснил, что дорога длинна и что для этого нужно иметь хорошие ноги; чтобы иметь их, — он и делает это. Отдав ветку одному из моих спутников, он сказал несколько слов, после чего и этот стал делать то же самое. Принесли горшок с вареным таро; когда его содержимое было разложено по табирам для моих проводников из Гумбу и моих новых спутников из Енглам-Мана, то один из туземцев взял тлеющую головню и, подержав ее над каждым блюдом, проговорил короткую речь, высказав пожелание, чтобы мы благополучно вернулись домой и чтобы с нами не случилось какого-нибудь несчастья.

Вследствие дождя дорога стала очень неудобна, но спускаться все-таки было легче, чем подниматься. Мы часто останавливались, чтобы партия женщин Гумбу, возвращавшаяся вместе с нами из Енглам-Мана, могла следовать за нами. Кроме грудного ребенка, почти у каждой лежал на спине громадный мешок с провизией, подарок жителей Енглам-Мана; мужья же их несли одно только свое оружие.

Я вернулся в Гарагасси не ранее пяти часов после слишком восьмичасовой ходьбы.

25 мая

Старый Бугай из Горенду пришел в Гарагасси с людьми из Марагум-Мана, с которыми Горенду и соседние деревни заключили мир. Бугай с жаром

Папуас из деревни Марагум-Мана.
Его волосы облеплены глиной и выкрашены.

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

рассказывал четырем пришедшим о могуществе моего страшного оружия, называемого туземцами «табу».

Пока мы говорили тихо, прилетел большой черный какаду и стал угощаться орехами кенгара, как раз над моей хижиной. Раздался выстрел, птица свалилась, а мои туземцы обратились в бегство. Торжествующий Бугай, и сам не мало струхнувший, вернул их, уверяя, что Маклай человек хороший и им дурного ничего не сделает. Вернувшиеся туземцы, попросив спрятать «табу» в дом, подошли к убитой птице, заахали и стали очень спешно прищелкивать языками. Я подарил им перья из хвоста какаду, которыми они остались очень довольны, и несколько больших гвоздей. Жители Марагум-Мана не знали, что делать с гвоздями, вертели их в руках, ударяя один о другой, и прислушивались к звуку, пока Бугай не рассказал им о значении гвоздей и о той многосторонней пользе, которую туземцы уже умеют извлекать из железных инструментов. После этих объяснений Марагум-Мана-тамо завернули гвозди в старый маль, род папуасской тапы.

Вздумал пригласить жителей Горенду есть у меня свинью, подаренную мне в Енглам-Мана. Ульсон стал приготовлять суп и, отправившись за водою, оставил в кухне несколько кусков мяса. Пока он ходил туда, я заметил большую ящерицу, пробирающуюся с большим куском мяса из кухонного шалаша. Незначительный шорох заставил ее бросить добычу и скрыться. Наконец, мои гости пришли и пробыли до пяти часов. Они даже принесли с собою кэу, одним словом, распоряжались у меня

в Гарагасси как у себя дома. Мы расстались большими друзьями

27 мая

Полагая, что мне удастся добыть вчерашнюю большую ящерицу, я снова положил несколько кусков мяса в кухню и велел Ульсону не входить туда. Действительно, через полчаса ожидания я заметил ящерицу; она осторожно пробиралась между хворостом. Не желая раздробить кости дробью, я взял револьвер и убил ее. Длина ее туловища была больше метра. Пришедшие туземцы очень упрашивали меня дать им шкуру легуана. Они обтягивают ею свои «окамы» (небольшие барабаны). Мясо ящерицы также очень ценится.

Июнь — июль 1872 года

Домашний кускус. — Сбор орехов кенгара. — Дети папуасов. — Наренг. — Охота на диких свиней. — Соль из пепла. — Падение деревьев.

1 июня

Небольшой кускус, которого я приобрел несколько недель тому назад, живет и растет у меня отлично. Ест все: рис, аян, бау, кокосовые орехи, сладкий картофель и очень любит бананы. В продолжение дня спит, обыкновенно свернувшись, но все-таки ест, если ему что дадут; ночью же немилосердно грызет дерево ящика, куда я его сажаю.

2 июня

Приходили туземцы с просьбой указать им место, где находятся их три большие «ненира» (корзины для рыбной ловли), которые были снесены в море несмотря на якоря; они были крайне разочарованы, услыхав, что я не знаю, где они находятся.

Зайдя в Горенду, я был окружен женщинами, просившими меня дать имя родившейся день или два тому назад девочке. Я назвал несколько европейских имен, между которыми имя Мария им понравилось более всех. Все повторяли его, и мне бы-

ла показана маленькая обладательница этого имени. Очень светлый цвет кожи удивил меня; волосы также не были еще курчавыми.

8 июня

Туземцы начинают собирать орехи кенгара. Несколько человек влезают на дерево и сбрасывают ветки с множеством орехов; под деревом место очищено от мелких кустарников, и женщины и дети собирают сброшенные орехи. Так как черные какаду питаются в это время исключительно кенгаром и уничтожают в день значительное количество его, то месяца уже три или четыре мне приходится частенько слушать крики папуасов, которые ежедневно приходят под деревья спугивать какаду. Эти крики часто в последнее время нарушают тишину леса.

18 июня

Убив голубя и какаду на моем дереве, я позволил Дигу влезть на него за орехами. На высокий гладкий толстый ствол Дигу влез так же, как туземцы влезают на кокосовые пальмы, то есть, при помощи связанной веревки, которую надевают себе на ноги. Он взобрался на самый верх и стал кидать оттуда орехи. Я, Ульсон и восьмилетняя дочь Буа подбирали их. В результате оказалось, что маленькая девочка собрала больше, чем мы оба вместе, так хороши были ее глаза и так ловко, несмотря на голое тело, она пролезала везде, даже между самыми колючими лианами и хворостом.

Довольно характерная черта туземцев та, что они очень любят поучать других. Если кто-нибудь делает что-либо не так, как они, туземцы сейчас же

останавливают и показывают, как нужно делать. Это заметно даже в детях; много раз маленькие дети лет шести или семи показывали мне, как они делают то или другое. Это происходит оттого, что родители очень рано приучают детей к практической жизни, так что, будучи еще совсем маленькими, они уже присмотрелись и даже научились более или менее всем искусствам и действиям взрослых, даже и таким, которые вовсе не подходят к их возрасту. Дети мало играют; игра мальчиков состоит в метании палок наподобие копий, в стрельбе из лука, и как только они делают небольшие успехи, то применяют их к практической жизни. Я видел, как мальчики, очень небольшие, проводили целые часы у моря, стараясь попасть из лука в какую-нибудь рыбу. То же самое бывает и с девочками, и даже в большей степени, потому что они раньше начинают заниматься хозяйством и делаются помощницами своих матерей.

Погода великолепная, купаюсь в море несколько раз в день, по вечерам не хочется входить в хижину. Температура, однако, не превышает 31°.

19 июня

Между многочисленными птицами самым заметным после черного какаду является наренг (Buceros) не только по своей величине, большому, немного загнутому клюву, но и по шуму полета, который слышится уже издали. Наренги летают очень высоко, обыкновенно парами, садятся на вершины самых высоких деревьев и при малейшем шуме улетают. Несмотря на все старания мне не удалось пока застрелить ни одного.

Наренг (птица-носорог)

Сегодня в продолжение по крайней мере трех часов я провозился с одним из них. Выстрелив в него, но очень мелкой дробью, и ранив его, вероятно, незначительно, я стал следить за ним далее в лесу. Снова выстрелил и, по всему вероятию, опять-таки попал, так как наренг не улетел, а только перелетел на соседнее, более высокое дерево. Заметив себе это место, я вернулся позавтракать и снова возвратился туда, где оставил птицу. Пробираясь в лесу, попал в такую трущобу, что был сам не рад. Десятки тонких лиан, гибкие, колючие хвосты-пальцы тростника, цепляющиеся за платье, царапающие лицо, сбрасывающие шляпу, задержали меня минут на десять. Это было тем более досадно, что птица оказалась все еще на дереве. Выбравшись, наконец, из чащи, я приблизился к дереву, так что наренг увидел меня, но все-таки остался на месте, стал кричать очень громко, точно протестуя против преследования, и бить одним крылом; другое висело без движения. Он, однако, попытался, продолжая кричать, влезть выше. Густые листья скрыли его из виду, но я мог слышать иногда его голос. Явился другой наренг и с криком стал летать, описывая большие круги, над деревом, где сидел его раненый товарищ. Исколотые ноги, солнце, особенно же муравьи обратили мое пребывание под деревом в добровольную пытку. Дерево было высокое, и, для того чтобы следить за движениями птицы, приходилось смотреть постоянно вверх. Через полчаса шейные мускулы очень устали; глаза, которым плохо от солнца и от освещенных листьев, почти отказывались служить; но я все-таки сидел и ждал. Наренг не показывался, но откликался на постоян-

ный крик товарища, который в сотне шагов перелетал с дерева на дерево. Головокружение и головная боль заставили меня, наконец, вернуться домой. Проспав около часа, я вернулся обратно. Раненый все еще находился там, но товарищ его улетел при моем приближении.

21 июня

Проходя недалеко от дерева, где два дня тому назад я оставил раненого наренга сидящим высоко на дереве, а другого — летающим около него, я подошел к тому месту и, к удивлению моему, увидел обеих птиц в том же положении, как и 48 часов тому назад.

22 июня

В Горенду Туй строит новую хижину с помощью людей Горенду, Гумбу и Бонгу, за что угощает их по вечерам. По случаю постройки несколько раз слышался барум.

29 июня

Около четырех часов был довольно сильный шквал с дождем, затем прояснило, ветер спал, и я сидел на веранде, рисуя кое-что. Вдруг мне почудилось, что большое дерево напротив как будто покачнулось; следующая мысль была, что я, вероятно, дремлю и вижу это во сне; не успел я додумать, быстрее чем я теперь это записываю, громадное дерево сначала медленно, затем быстрее и быстрее склонилось, рухнуло и легло не более как шагах в двух от хижины, перпендикулярно к ее фасаду или веранде. Дерево было совсем зеленое и каза-

лось совершенно здоровым, только в месте перелома, метрах в двух от земли, оно было почти что проедено личинками разных жуков. Вышина дерева оказалась 26 футов, и если бы оно свалилось на хижину, то проломило бы крышу, могло бы переломать много вещей и, пожалуй, ранить одного из нас. Сегодня я поверил предостережению туземцев, что деревья в Гарагасси могут убить меня. Особенно странно было то обстоятельство, что, когда это случилось, ветра уже почти не было.

30 июня

В последнее время туземцы часто говорили мне:

— Завтра будут жечь унан; много будет там диких свиней и других животных, Маклай пойдет со своим «табу» бить свиней, мы же придем с нашими копьями, луками и стрелами.

Но это «завтра» все откладывалось, а сегодня в деревне меня снова уверили, что завтра непременно будут жечь унан, и некоторые заявили, что придут за мною около полудня. Увидим.

1 июля

Не было еще одиннадцати часов, я и не думал собираться на новую для меня охоту, как вдруг послышались приближающиеся голоса и затем скоро явилось несколько жителей Бонгу в полном воинском убранстве, с туго натянутыми луками и множеством вновь заостренных стрел разного рода. Каждый имел по два копья, концы которых были натерты красной краской, как бы уже покрыты кровью; кроме развевающихся на голове перьев, в волосах туземцев красовались алые цветы китай-

ской розы; за «сагю» были заткнуты ветки с красно-желтоватыми и темнокрасными листьями. При каждом движении все эти украшения развевались и производили блестящий, своеобразный эффект.

Пришедшие за мною объявили, что унан уже горит и что следует итти немедленно. Накинув на себя охотничью сбрую и захватив кое-что на завтрак, я отправился, сопровождаемый пестрой свитой.

Пройдя ближайшей тропинкой лес и подходя к опушке, я услышал шум, похожий на плеск водопада, масса воды которого то увеличивается, то уменьшается. Выйдя из лесу, я увидел в сотне шагов, у самой земли, полосу огня, которая удалялась от нас, оставляя по себе черные обгорелые следы унана и груды легкого пепла. Столбы дыма поднимались около Горенду, далеко на юго-запад, у самого края, около Бонгу, и с другой стороны, на восток на Гумбу, около берега реки Габенеу.

Пожар только еще начинался, и мы расположились в тени, у опушки леса. Я принялся завтракать, туземцы курить и жевать бетель. Через три четверти часа огонь отодвинулся от опушки приблизительно на полмили. Северо-западный ветер гнал дым в противоположную от нас сторону. Мы пошли по сожженной поляне и подошли шагов на десять к линии огня. Каждый из нас избрал себе кочку для наблюдения; таким образом, параллельно огневой линии, образовалась цепь охотников, следящих за движением пламени и готовых напасть на добычу. Пожар то увеличивался, то уменьшался; по временам целая стена буро-белого дыма поднималась к небу, и пламя большими языками неслось по вет-

ру; порою же пламя почти потухало, пелена дыма разрывалась, открывая вид далеких гор и ближайшего леса. Вдруг неожиданно дым столбом поднимался вновь, двигался, ложился, и пламя тонкими змейками вилось над почерневшей землей.

Туземцы стояли в воинственных позах. Каждый держал наготове лук и стрелы в левой руке, а в согнутой правой — копье, над плечом наперевес, острием вперед. Каждый внимательно следил за движением пламени, желая первым открыть неприятеля. Несколько мальчиков, лет десяти - одиннадцати, с миниатюрными луками и копьями, также стояли немного поодаль от отцов и служили живым примером тому, как наука папуасской жизни передается из поколения в поколение.

Сухой унан трещал, вспыхивал, падал; иногда порыв ветра гнал массу дыма на нас; легкий пепел травы влетал нам в нос и рот, заставляя чихать и кашлять. Иногда огонь, точно недоумевая, кидался в разные стороны, возвращался назад и прибавлял духоту к жаре уже и без того палящего солнца.

Очень утомившись, я положительно заснул бы стоя, если бы, по мере удаления огня, голос соседнего часового не напоминал мне, что надо итти вперед.

После томительных двух часов мы дошли до противоположной стороны. Наша линия сошлась с встречной линией; взоры туземцев, внимательно исследуя почерневшую поляну, ничего не находили, и когда последние стебли вспыхнули и потом мелким дождем пепла разлетелись по воздуху, я услышал от ближайшего охотника неутешительное «буль-арен» (свиньи нет). Мы сошли со своих ко-

чек; несколько жителей Гумбу, образовавших противоположную линию, тоже заявили, что ничего не видали. Я остановил одного из них, за спиной которого, привязанное к копью, висело новое для меня животное, похожее на большую крысу. Туземцы называют его «габенеу». Я занялся рассматриванием его: волосы были интересны тем, что походили на плоские иглы, хотя и эластичные. Они были отчасти опалены так же, как и ноги и морда, а высунутый язык немного обуглен. Животное, вероятно, задохнулось от дыма. Я рассматривал его острые зубы, как вдруг крик отошедших в сторону туземцев: «Буль-буль!» — заставил меня оглянуться.

В сотне шагов, лавируя между многочисленными копьями, которые со всех сторон вонзались в землю, бежала большая свинья. Я выхватил двуствольное ружье из рук туземца, который держал его, пока я рассматривал новое для меня животное. Подпустив свинью шагов на двадцать, я выстрелил. Пуля пробила ей грудь, но ниже сердца. Свинья пошатнулась, однако кинулась в сторону и пробежала мимо меня. Я снова прицелился и раздробил ей заднюю ногу. Свинья остановилась на несколько секунд, но, видя мое наступательное движение, снова отбежала на несколько шагов. Вынув револьвер, я стал подходить. Животное, поднимая верхнюю губу и показывая почтенные клыки, издавало глухое рычание. С каждым выстрелом я подходил ближе и остановился шагах в шести от свиньи, которая свалилась на сторону, но иногда все еще приподнималась и показывала клыки. Подбежавшие туземцы не дали мне времени выстрелить: один копьем пробил ей бок; другое копье пролетело мимо, а из трех

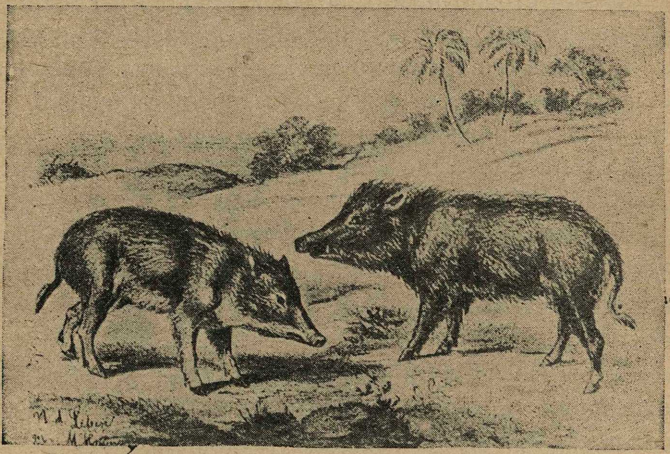
стрел одна («палом», с широким, плоским бамбуковым концом) вонзилась в шею животного. Свинья имела еще настолько силы, что несколькими движениями освободилась от копья и стрелы, конец которой остался в ране. Желая покончить с нею, я подошел с противоположной стороны, хотя охотники и кричали мне, чтобы я не подходил, и, выбрав момент, вонзил свой длинный нож по рукоятку ей в бок, немного позади передней конечности. Струя теплой крови покрыла мою руку, и животное окончательно свалилось.

Окружившие нас туземцы единогласно объявили свинью моей и стали расхваливать мое «табу» и меня самого. Далекие крики возвестили о том, что можно рассчитывать еще на добычу. Я снова зарядил ружье. Охотники, один за другим, удалились, раздраженные первой неудачей. Я же, найдя удобную кочку, сел и стал ожидать. Вдали слышались крики: «Буль-буль, буль!» Голоса издали призывали меня. Затем туземцы вернулись и рассказали мне, что там было еще две свиньи, но они ушли, потому что не было меня и моего табу. Партия людей Бонгу пришла объявить, что они убили одну свинью, но что при этом Саул, которого она повалила, был так ею искусан, что бок, рука, голова и глаз были все в крови, когда его отвели в Бонгу. В свою очередь, мои спутники рассказали о наших похождениях, о «табу» и о большом «буль» Маклая.

Мы отправились к убитому животному, и на вопрос, куда его нести, я сказал, что беру голову и заднюю ногу себе, а прочее отдаю людям Бонгу, что, оставив ружье дома, я пойду в Бонгу перевя-

зать раненого Саула и что приглашаю всех ко мне покурить моего табаку. Все остались довольны, и мы двинулись вперед длинной процессией.

Я поспешил в Бонгу к раненому. Меня встретили плачущие женщины и сын Саула. Кроме множества мелких ран, оказались две глубокие на руке, одна

Новогвинейские дикие свиньи

сбоку живота, несколько других около глаза, на лбу, за ухом на шее, но все это были только царапины. Запекшаяся кровь с пеплом и грязью придавала жалкий вид раненому, который, размахивая здоровой рукой, рассказывал окружающим, как он вонзил свое копье в смертельно-раненую свинью, как та внезапным движением переломила копье и сшибла его самого с ног, как, поранив его, свинья пробовала бежать, но издохла. Его товарищи, думая, что Саул справится один со свиньей, которая

уже была сильно поранена, занялись другой и не видели происшедшей с ним катастрофы.

Я потребовал воды, нагрел ее, обмыл раны, затем перевязал их, смазав карболовым маслом. Присутствующие внимательно следили за моими движениями, повторяя, что я хороший человек.

Солнце стояло низко, когда я пришел в Горенду, где между тем борову опалили волосы и ждали меня, чтобы я взял свою часть. Я отрезал голову и заднюю ногу и, несмотря на приглашение ночевать — или, вернее, провести с туземцами бессонную ночь, — взвалил на плечо добычу сегодняшнего дня и отправился домой. Ноша была, однако, так тяжела, что пришлось отдыхать раза два. В восьмом часу я сел покойно в свое кресло обедать, очень голодный, так как целый день почти был на ногах и мало ел.

Удары в барум в Горенду возвестили начало «ай» в соседних деревнях, который должен был продолжаться всю ночь и весь завтрашний день. Лунная ночь была тиха, и звуки труб и других инструментов доносились очень внятно.

4 июля

Туземцы окрестных деревень снова заняты выжиганием травы и охотой, от которой я сегодня отказался

Хотел сделать портрет папуаса Налая, но он и другие около него стоявшие туземцы заявили, что, если я сниму с него портрет, он скоро умрет. Странное дело, что и в Европе существует подобное же поверье.

5 июля

Прибирал и чистил вещи в хижине; если бы по временам не делать этого, то трудно было бы войти в мою келью в семь квадратных футов.

Был снова в Бонгу у раненого. Около нас собралось целое общество, но каждый был чем-нибудь занят: один кончал новую «удя-саб» и скреб ее раковиной, другой такой же раковиной заострял концы своего «юра», третий ножом, полученным от меня, строгал конец своего копья, сломанного во время последней охоты. Когда я собрался итти, Бугай, один из жителей Горенду, также поднялся, чтобы итти со мною.

У берега моря Бугай подошел к дымящемуся толстому стволу, прибитому давным-давно приливом. К моему удивлению он стал с большим аппетитом глотать целые пригоршни золы.

Не понимая, что это за особенное дерево, я также попробовал золу, и она оказалась приятного соленого вкуса. Этот ствол, долго носимый волнами, источенный морскими животными, вобрал в себя такое количество соли, что зола его отчасти может заменить обыкновенную соль.

Бугай сказал мне, что золу эту многие едят с бау, аяном и другими кушаньями. Для меня это очень полезное открытие; моя соль уже совсем на исходе, и я все ем без соли, исключая мяса.

Я обратил внимание на «донган», заткнутый за браслет Бугая; он был сделан из кости животного, которого я еще здесь не видел. Он называется туземцами «тиболь» и водится в лесах, но встречается также на полянах унана. По словам туземцев,

тиболь имеет длинный толстый хвост и высоко прыгает.

Повидимому, это кенгуру.

19 июля

Несколько туземцев приехали в Гарагасси на своих пирогах; некоторые по обыкновению уселись у самой лестницы, ведущей к моей веранде. Болтали об охоте, просили перьев и т. д.

Вдруг один из них, точно ужаленный, в два прыжка соскочил с лестницы с криками:

— Маклай, гена, гена! (Маклай, иди, иди сюда!)

Остальные последовали его примеру. Не понимая, в чем дело, я спросил туземцев, но не успел получить ответа, как над головой, на крыше, услышал сильный удар, и столб пыли ослепил меня. Дождь сучьев разной толщины падал на землю у самой веранды. Некоторые из них были достаточно толсты для того, чтобы, упав с высоты 70—80 футов, серьезно ранить человека. Оказалось, что Буа, соскочивший первым, услыхал над головой легкий треск и, зная, что он мог значить, поднял тревогу. Туземцы очень боятся падения деревьев и сухих сучьев, которые, падая, могут причинить смерть или опасную рану. Уже давно они находят положение моей хижины в Гарагасси не безопасным и весьма часто предлагают или переселиться в Горенду или Бонгу, или построить новую хижину на другом месте. Отчасти они совершенно правы, но возня, сопряженная с постройкой и переселением, так неудобна для меня, что, полагаясь на «авось», я продолжаю жить здесь.

20 июля

Рассматривая мой метеорологический журнал за десять месяцев, можно удивиться замечательному постоянству температуры: редко бывает в тени 32°, большей частью 29 или 30°; ночью на семь или восемь, очень редко на десять градусов холоднее дневного максимума. Притом здесь нет, собственно, дождливого времени года: дождь распределен довольно равномерно на каждый месяц. Несмотря на приятный климат одно скверно — лихорадка.

Август — сентябрь 1872 года

Папуасы просят остаться у них навсегда.— Первый кенгуру. — Оплакивание свиньи. — Поездка в Тиару. — Годовщина жизни на Новой Гвинее. — Трудности и лишения.

1 августа

Сидел дома и писал антропологические заметки о туземцах, которые намерен послать академику Бэру. Пришло большое число жителей окрестных деревень, одни только «тамо-боро», с весьма странною просьбой: они хотят, чтобы я навсегда остался с ними, взял одну, двух, трех или сколько пожелаю жен и не думал бы уезжать снова в Россию или куда-нибудь в другое место. Они говорили очень серьезно, один за другим повторяя то же самое. Видно было, что они пришли с этим предложением после долгих общих совещаний. Я им отвечал, что, если я и уеду (в чем я нисколько не был, однако, уверен), то вернусь опять, а что жен мне не нужно, так как женщины слишком много говорят и вообще шумливы, и что этого Маклай не любит. Это их не очень удовлетворило, но они остались, во всяком случае, довольны табаком, который я роздал членам депутации.

Вот уже месяцев шесть, как Ульсон и я каждый вечер кладем на костер большое бревно, чтобы поддержать огонь до следующего утра, так как приходится быть экономным со спичками и не дойти до необходимости бегать в Горенду в случае, если костер погаснет. Иногда мы заменяем обыкновенное дерево обрубком, пролежавшим долго в морской воде, и совершенно по-папуасски собираем белый пепел, который и употребляем как соль. Чтобы выпаривать морскую воду на огне, нужно слишком много дерева, а для добывания соли посредством испарения на солнце у меня не найдется достаточно большого и плоского сосуда.

Я, впрочем, легко и скоро отвык от соли и не замечаю никакого вреда от ее недостатка.

3 августа

Утром на охоте, когда я шел по тропинке около плантации, шорох между сухими листьями заставил меня остановиться. Прислушиваясь к шуму, я заметил шагах в двадцати между деревьями, около сухого пня, небольшое животное. Это был небольшой кенгуру, рыжевато-серого цвета, которого туземцы называют «тиболь». Я выстрелил и ранил животное, так что его не трудно было словить. Обрадованный своей добычей, я вернулся немедля домой, забыв, что не застрелил ничего для завтрака или обеда, но мне было не до того, чтобы думать об этом. Вот уже около года, как я здесь, и это был первый экземпляр тиболя, которого мне удалось добыть.

8 августа

Я сидел в Горенду, куда пришел за аяном, и разговаривал с окружавшими меня туземцами, как

вдруг раздались пронзительные вопли и причитания, совершенно подобные тем, которые я слыхал в Гумбу при похоронах. Голос был женский; скоро показалась и сама плачущая; обеими руками она закрывала глаза и утирала слезы, шла медленно и крикливо нараспев голосила какие-то слова; немного поодаль за ней следовали несколько женщин и детей, также понуря голову, но молча. Я спросил:

— О чем плачет и кричит Кололь?

Оказалось, что ночью издохла большая свинья плачущей, желая пробраться между кольями забора в огород. Кололь отправилась к себе в хижину и продолжала голосить, как о покойнике. Такая привязанность женщин к свиньям может быть отчасти объяснена тем, что в этих странах некоторые женщины кормят поросят грудью. Так было и в настоящем случае. Когда я, смеясь, заметил, что свиней много, она отвечала, указывая на грудь, что она сама вскормила эту.

Подобные сцены случаются здесь в деревнях нередко; при каждой неудаче, потере, смерти обязанность женщин кричать, выть, плакать. Мужчины ходят молча, насупясь, а женщины воют.

Двое туземцев принесли издохшую свинью. Она была назначена Аселем, которому принадлежала, в подарок людям Бонгу. Ее и понесли туда. Такие обоюдные подарки одной деревни другой — здесь общее правило. При отправке свиньи из Горенду ударили в барум. Около получаса спустя послышался барум в Бонгу, означающий получение свиньи и начало «ая».

10 августа

Вчера вечером собрался в Били-Били, завязав обе двери веревкой и белой ниткой, которой опутал их, как паутиной.

Ночью ветер был слаб; зыбь, однако, значительная; к рассвету, после небольшого шквала с дождем, совсем заштилело. Через час гре́бли, очень утомительной по случаю штиля и солнечного жара, мы подошли близко к Били-Били. Туземцы толпою шли вдоль берега, распевая песни, в которые часто вплетали мое имя. Несколько пирог выехало к нам навстречу, и жители Били-Били, стараясь говорить на диалекте Бонгу, который я понимаю, наперерыв уверяли меня, что они очень рады моему приезду.

Красивый островок с густою растительностью, толпа туземцев, разукрашенных цветами и листьями, пироги вокруг шлюпки, песни, громкий разговор, шутки и крики туземцев, все это живо напоминало мне описание островитян Тихого океана первыми мореплавателями.

11 августа

Собирался отправиться в Тиару (остров и деревня того же имени); но так как дует свежий норд-норд-вест и на море сильная зыбь, то туземцы просят подождать хорошей погоды. Этот ветер, дуя с открытого моря, сопровождается обычно значительной зыбью и называется у туземцев «карог». Вест-вест-норд — также очень обыкновенный здесь ветер, но он не сопровождается сильным волнением, ибо дует с берега; он называется «яварь».

Исходил остров по всем направлениям; на берегу нашел раковину.

12 августа

Ветер все еще силен для туземцев; просят подождать. Мне все равно, так как везде и всегда работа у меня под рукою, только гляди — узнавай, рисуй и записывай; материал неистощим.

С утра почти вся мужская молодежь отправлялась на четырех пирогах на особенный пир, или, вернее, бал в Богатим (туда им ветер попутный). Физиономии молодых людей, которых я знал хорошо, были так разрисованы, что я должен был пристально вглядываться в знакомые лица, чтобы распознать их: до такой степени обыкновенное выражение и черты лица изменялись несколькими цветными узорами. Отправляясь, совсем готовые, к своим пирогам, туземцы в угоду мне произвели на отлогом, сыром (был отлив) песчаном берегу репетицию пляски, которую должны будут исполнять вечером в Богатим. При этом они держали в зубах свои «сари», представлявшие курьезно украшенные белыми раковинами языки. В левой руке у них было по небольшому барабану, в который они ударяли правой. При пляске, состоявшей из плавных движений, они не только пели, но и ударяли в барабан, который то опускали к земле, то поднимали над головой. Пляска была в высшей степени оригинальна.

13 августа

Проснувшись ночью и видя, что погода хорошая, оделся, зажег фонарь и отправился будить Каина и Гада, с которыми должен был отправиться в Тиару. После нескольких отговорок Каин разбудил Гада; они достали парус и весла. Я перенес в небольшую пи-

рогу разные вещи для обмена и для подарков и стал ждать у берега моих спутников. Размахивая горящими палками, они принесли мачту, парус и свои по-

Папуас Каин

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

дарки. Отправляясь в гости, туземцы всегда берут с собою подарки и вещи для обмена, пользуясь при этом тем, в чем они сами имеют избыток.

Луна вышла из-за туч и таинственно проглядывала между пальмами, освещая живописную кар-

тину деревни, спокойного моря и группу работавших у пироги. Я поместился на платформе или на «кобум-барле» по одну сторону мачты со всеми своими вещами; на другой стороне горел небольшой костер в сломанном большом горшке. На носу и на корме в специально устроенных местах поставлены были копья, луки и стрелы обоих туземцев. Один из них поместился впереди платформы, другой на корме, чтобы грести и, кроме того, управлять парусом и рулем. Около трех часов утра все было готово, и пирога, или, на диалекте Били-Били, «кобум», была стащена в море. Вскочив в нее, Каин и Гад принялись грести, так как у берегов ветер был слаб. Я решил, что всего рациональнее для меня продолжать прерванный сон.

Меня разбудил Гад, предупреждая, что я сожгу свой башмак, так как, потянувшись во сне, я положил одну ногу почти на костер. Туземцы попросили у меня табаку, закурили свои сигары и стали расспрашивать меня о России, о людях, живущих не только в России, но на луне и на звездах.

Мы вошли в значительную бухту, представляющую целый архипелаг островков разной величины, — все одинаково образованные поднятым коралловым рифом и покрытые лесом. По мере того как мы подвигались, я записывал имена островков.

Солнце показалось на горизонте и осветило архипелаг, спокойную поверхность бухты и далекие горы. Этой бухте надо будет подыскать имя, так как, хотя каждый островок имеет здесь свое название, бухта именуется туземцами просто морем. Мы обогнули три небольших острова; на одном росли кокосовые пальмы и были расположены план-

тации жителей деревни Гада-Гада; пять или шесть других островов — необитаемы. В глубине, на юг, находится устье значительной речки. Продолжая плыть дальше, мы обогнули средний из трех необитаемых островов и увидели, наконец, цель нашей экскурсии — остров Тиару. Группа кокосовых пальм и вытащенные на берег пироги означали, что здесь пристань деревни.

Мои спутники принарядились, надели новые пояса, взбили большими гребнями волосы и принялись усердно грести. Можно было различить толпу собравшихся тиарцев, которые, завидя пирогу из Били-Били, вышли к берегу. Многие громко звали меня по имени. Подойдя к песчаному берегу, пирога была разом вытащена высоко на песок целой толпой туземцев. Я сошел с платформы и, раздав окружавшим нас жителям Тиары мои вещи, отправился в деревню, где нам указали большую хижину, в которой и были поставлены привезенные мною столик и складная скамейка.

Среди обступивших меня туземцев я узнал троих, которые были в Гарагасси месяца два тому назад. Имена их занесены в мою записную книжку. Взяв ее из кармана, я нашел страницу и прочел громко их имена. Очень удивленные и вместе с тем обрадованные, они, один за другим, по мере того как я произносил их имена, подходили ко мне и по моему знаку усаживались у моих ног, потом целый день они почти не отходили от меня, стараясь услужить мне, чем и как могли. Каин и Гад также почти не покидали меня.

Я роздал около полуфунта табаку, нарезанного небольшими пачками; это хватило только пожи-

лым — из молодых его получили лишь немногие, преимущественно обладающие более красивыми физиономиями. Пока они курили, я занялся рисованием хижин, которые, как и многие в Били-Били, были построены на столбах более метра вышиной, но, как и вообще все папуасские хижины, состояли преимущественно из крыш. Я обошел затем всю деревню; она была не мала, но не представляла той чистоты и уютности, как деревни моих соседей.

Вернувшись к прежнему месту, я застал туземцев, готовящих нам обед. За розданный табак жители Тиары принесли мне по стреле, от которых я не отказался, — они были очень красиво вырезаны. Я обратил здесь внимание на особенную породу собак из Кар-Кара, отличную от распространенной на материке Новой Гвинеи. Собаки из Кар-Кара имеют толстое, удлиненное туловище, сравнительно очень короткие ноги и толстую морду.

После обеда я обошел остров и сделал эскиз архипелага, записав при этом более тридцати названий.

Наш «кобум» был уже нагружен и готов к обратному пути. Все население деревни высыпало на берег посмотреть на наш отъезд. Наша пирога оказалась очень нагруженной подарками разного рода, предназначенными тиарцами для моих спутников. Около острова Григера навстречу нам выехала пирога, и несколько человек усердно просили меня заехать к ним. Я не согласился, так как было поздно, а на завтра я желал вернуться в Гарагасси.

14 августа

Утром, когда я собирался в путь, вернулась пирога с молодежью из Богатим. У всех был очень

Папуас с острова Били-Били

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

усталый вид. На прощанье, желая подарить туземцам что-нибудь и не имея уже ни кусочка табаку, я придумал очень простое средство дать каждому что-нибудь для него полезное. Я разбил привезенную с холодным чаем бутылку на кусочки, величиною в серебряный четвертак; таких кусочков из одной бутылки вышло несколько сотен. Стекло, будучи для туземцев очень важным материалом (оно служит для бритья, шлифования дерева и резьбы украшений), доставило им огромное удовольствие. Вся деревня, даже женщины и дети собрались около шлюпки, протягивая руки.

Хотя и не было свежего ветра, но он был попутный, и я вернулся в Гарагасси около четырех часов, то есть употребил почти шесть часов для переезда; на путь из Гарагасси в Били-Били потребовалось часов двенадцать.

Дома нашел все в порядке, хотя по разным соображениям был уверен, что не мало туземцев побывало в Гарагасси во время моего отсутствия; но они не могли удовлетворить свое любопытство, найдя двери опутанными веревкой и ниткой. Вероятно, они думают, что, если дотронуться до веревки у дверей, на них посыплются со всех сторон выстрелы, или, если прикоснуться к нитке, с ними приключится какое-нибудь несчастие.

18 августа

Отправился в Богатим и добрался туда только через шесть часов; сначала дул ровный ветер, а потом только порывами. Подходя к берегу, где я был одиннадцать месяцев тому назад с офицерами «Витязя», я увидел толпу туземцев, которая присела,

когда шлюпка приставала, и оставалась в этом положении до тех пор, пока я не приказал им вытащить ее на берег, что было немедленно исполнено.

Я обошел деревню, которая мне показалась самой большой между всеми расположенными вокруг бухты Астролябии. На бóльшой площадке виднелись еще следы плясок, в которых участвовали жители Били-Били, о чем было сказано выше. Высокая барла была украшена зеленью разного рода, которую еще не успели снять, а кушанья, приготовленные по случаю пиршества, доедались туземцами подогретые еще и сегодня, на третий день после праздника.

19 августа

Утром, при восходе солнца, нарисовал панораму гор юго-восточного берега залива. Я приобрел за нож музыкальный инструмент «орлан-ай». Таинственно обходя задами хижины, старик Коды-Боро привел меня к небольшой буамрамре, где показал мне «орлан-ай». Когда я согласился дать за него нож, он завернул «ай» в цыновку и с тою же заботливостью, чтобы никто нас не видел, повел меня назад к шлюпке, сам неся тщательно завернутый «орлан-ай», и положил его сам под банки в шлюпку, обложив сверток кокосами, которые уже там лежали.

Когда шлюпку столкнули в море, все туземцы опять присели, пока Ульсон поднимал парус и пока я, сидя у руля, не прокричал им прощального «еа-ба» и «еме-ме». При порядочном ветре я скоро добрался до дома, где все нашел в исправности.

20 августа

Сильная лихорадка.

21 августа

Топором рассек себе колено и довольно глубоко, работая над кое-какими исправлениями хижины. Придется просидеть дома несколько дней.

28 августа

К боли в колене присоединилась лихорадка. Провел три-четыре очень неприятных дня, в течение которых пароксизмы сопровождались сильнейшей головной болью. К довершению удовольствия, приходилось по целым дням слышать стоны Ульсона и причитания его, что мы оба умрем от лихорадки или от голода.

Погода стояла пасмурная, по временам лил дождь и капал мне на стол и на постель.

3 сентября

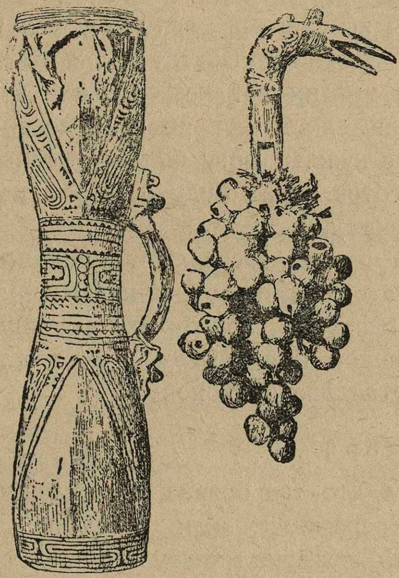
Решил сохранить остатки провизии, бобы и рис исключительно на те дни, когда буду не в состоянии итти на охоту, а Ульсон, также по случаю нездоровья, не сможет итти за провизией в деревню. Вместо бобов и риса мы питаемся ямсом, сладким картофелем и бананами. Иногда, если нет дичи, приходится голодать, и уже не раз я видел во сне, что роскошно обедаю или ужинаю.

5 сентября

Ульсон жалуется на ревматизм во всем теле и опять лежит почти целый день.

6 сентября

Несколько дней, как птиц совсем нет. Черных какаду, которых во всякое время дня можно было застать на деревьях кенгара, более не видно. Ходишь по лесу, прислушиваешься, но даже и голубей не

Музыкальные инструменты папуасов — барабан (слева) и погремушка „орлан-ай“ (справа)

слышно. Появление известных птиц связано натурально с созреванием известных плодов. Это одна из причин скудости птиц в настоящее время. Другая причина, вероятно, рубка леса в местности, где я преимущественно охотился. Жители Бонгу устраивают несколько новых плантаций, для чего вырубают мелкий кустарник и ветви больших деревьев.

Когда весь этот хворост достаточно высохнет, его поджигают, а затем сооружается забор из воткнутых в землю обрезков тростника и расщепленного дерева поваленных стволов.

8 сентября

Сегодня исполнился ровно год, как я вступил на берег Новой Гвинеи. В этот год я подготовил себе почву для многих лет исследования этого интересного острова, достигнув полного доверия туземцев, и, в случае нужды, могу быть уверенным в их помощи. Я готов и рад буду остаться несколько лет на этом берегу.

Но три пункта заставляют меня призадуматься, будет ли это возможно: во-первых, у меня истощается запас хины, во-вторых, я ношу последнюю пару башмаков, и, в-третьих, у меня осталось не более как сотни две пистонов

15 сентября

Заметил, что два бревна, образующие фундамент хижины, перегнили или съедены насекомыми. Мысль, что каждую минуту пол может провалиться, заставила меня не медля принять меры, чтобы привести хижину в более безопасное положение. Так как Ульсон стонет на своей койке и собирается умирать, то мне самому приходится вырубать новые стойки. Вырубил, но не мог снести их из леса к хижине.

В два часа пошел дождь со шквалом. Небо было обложено со всех сторон. Пришлось вернуться в хижину, и, несмотря на перспективу, что она может рухнуть, я решил, вместо того чтобы готовить обед,

лечь спать, так как не было шансов, чтобы дождь перестал лить. Qui dort, dine,[1] — говорит пословица, но она верна только на один день, потому что, если и на второй не придется пообедать, навряд ли уже удастся заснуть, ибо при сильном голоде спать невозможно. Я уже был близок ко сну, как струйка холодной воды на моем лице из новой щели в крыше заставила меня подняться и принять меры, чтобы моя постель не была совершенно залита. Я прикрепил с помощью палок и шнурков гутаперчевую простыню над головою, так что вода будет теперь стекать по ней, а не падать на подушку.

Я упоминаю о всех этих удовольствиях специально для тех людей, которые воображают, что путешествия — ряд приятных впечатлений, и совершенно забывают обратную сторону медали. Не думаю, чтобы эти господа позавидовали мне сегодня: крайняя усталость, головная боль, сырость кругом, перспектива пролежать голодным всю ночь и возможность провалиться. Бывают, однако, положения и хуже.

28 сентября

Трудно выразимое состояние овладевает иногда мною. Частая лихорадка и, может быть, преобладающая растительная пища ослабили до того мускульную систему, в особенности ног, что взойти на возвышение, даже незначительное, для меня стало трудно, и часто, даже идя по ровной дороге, я елееле волочу ноги. Хотя к занятиям охота и есть, но здесь я так устаю, как никогда раньше. Не могу

[1] Кто спит, тот обедает *(франц)*.

сказать, чтобы при этом я скверно себя чувствовал; изредка только посещают меня головные боли, но они находятся в связи с лихорадкой и проходят, когда прекращаются пароксизмы. Но я так быстро устаю, что никуда не хожу, кроме как в Горенду или в Бонгу за провизией; а то сижу дома, где работы всегда много. Спокойствие и уединение Гарагасси — восхитительны.

На Ульсона наша уединенная, однообразная жизнь производит заметное впечатление. Он стал угрюм и сердится на каждом шагу. Его вздохи, жалобы, монологи так надоели мне, что раз я объявил ему: деревьев кругом много, море в двух шагах; если он действительно так тоскует и находит жизнь здесь такой ужасной, то пусть повесится или бросится в море. Я и не подумаю ему помешать.

Октябрь — декабрь 1872 года

Еще следы «тамо-русс» — Жалкое состояние Ульсона. — Дожди. — «Биа-Биа». — Прощание с друзьями. — Отъезд.

13 октября

Проведя ночь в Бонгу, я очень рано собрался в путь в Мале. Солнце еще не всходило, и только весьма немногие из жителей были на ногах и грелись у огней. Один из них нашел, что и ему нужно итти в Мале, и предложил отправиться туда вместе. Пошли.

Мы рано пришли в деревню, где меня привели в большую буамрамру и просили остаться непременно ночевать.

Один из туземцев пришел ко мне с жалобой на «тамо-русс» (офицеров или матросов корвета «Витязь»). Он объяснял, что хижина его была заперта и завязана, что тамо-русс открыли двери хижины, влезли в нее и забрали его «окам» (барабан) и что теперь у него «окама» нет, так как их делают только «тамо-Раймана». Он просил меня о возвращении окама или, по крайней мере, об уплате за него. Другой также пристал, уверяя, что тамо-русс подняли его «ненир» (корзина для ловли рыб), вынули рыбу, а, может быть, взяли и ненир или опустили его в не-

хорошем месте, так что после этого он не мог нигде его найти. Третий заявил, что из его хижины тамо-русс взяли очень хорошее копье. Будучи уверен, что это не были выдумки, я счел справедливым удовлетворить их жалобы и обещал вознаградить за вещи, взятые тамо-русс; зная, что окамы туземцами очень ценятся, я обещал дать за него топор; за ненир я предложил нож, а за копье — мне показалось довольно дать три больших гвоздя. Все эти вещи они могут получить в Гарагасси. Мое решение, которого они, кажется, никак не ожидали, произвело громадный восторг, и возгласы — «Маклай — хороший, хороший человек!» послышались со всех сторон. Меня, однако, не мало удивило, что после тринадцати месяцев туземцы еще не забыли все происшедшее во время посещения корвета «Витязь».

Несколько молодых папуасов, сидевших против меня, занимались оригинальной операцией, именно «выкручиванием» себе волос из подбородка, щек, губ и бровей с помощью вдвое сложенного крепкого тонкого шнурка. Они держали шнурки очень близко к коже, причем попадавшиеся волосы вкручивались между обоими шнурками и небольшим движением одной руки выдергивались с корнем. Несмотря на вероятную боль при этой операции, туземцы спокойно продолжали ее в течение двух или трех часов.

16 октября

Одиночество производит на Ульсона странное действие. Я иногда думаю, смотря на него, что его мозг начинает приходить в беспорядок: он по целым часам что-то бормочет, вдруг к чему-то прислуши-

вается, затем снова заговорит. Бесполезно советовать ему чем-нибудь заняться; он убежден, что мы скоро умрем, будем убиты или каким-нибудь другим образом погибнем. Единственно, чем он интересовался и что иногда делал — было приготовление пищи; иногда же он валялся целый день, притворяясь очень больным. Мне этот ленивый трус противен, я почти не говорю с ним и не удостаиваю даже приказывать ему; достаточно с моей стороны, что я переношу его присутствие, кормлю и пою его, когда по лени или болезни он не хочет или не может двинуться с места.

Мне много раз случалось долго прислушиваться: вдали точно слышатся человеческие голоса. Слушаешь, слушаешь, звуки немного приближаются — и что же оказывается? Оказывается — муха жужжит (может быть, и не муха, потому что я ее не видал, но жужжит, производя звуки, очень человекоподобные). Не только я и Ульсон ошибались много раз, но и туземцы сами бывают вводимы в заблуждение.

18 октября

Дождь и снова дождь. Течет на стол, на постель и на книги... Положение мое таково: провизия вышла, хина совсем на исходе, капсюль остается около сотни, так что ходить на охоту каждый день не рационально; беру по две каждый раз, но не всегда приносишь двух птиц. Многие препараты пришлось выбросить, новых нельзя сохранять, так как нет спирту; донашиваю последнюю пару башмаков, лихорадка сильно истощает; хижина к тому же приходит в плачевное состояние.

21 октября

Сегодня ночью с треском обрушилась боковая веранда. Думал, что вся хижина валится. Дождь шел весь день, так что поправлять веранду нельзя было и думать. Птиц не было слышно.

22 октября

Утром приходил Туй просить меня прекратить дождь, уверяя, что люди Горенду и Бонгу все сделали, чтобы заговорить дождь, но без успеха. Если Маклай это сделает, то дождь немедленно перестанет.

6 декабря

Я согласился на просьбы туземцев и отправился на «ай» в Бонгу. Приготовление кушаний, жевание кэу, раздирающая уши музыка — прошли своим чередом, и так как я запоздал, то остался ночевать в буамраме Саула.

7 декабря

Свет утренней зари уже проник в буамраму, а я еще не подымался. Ночью меня много раз будили музыка и крики, всегда сопровождающие здесь «ай».

— Биа, биа! (огонь, огонь!), — послышалось в некотором расстоянии от буамрамы.

Несколько туземцев вошли очень встревоженные и заявили, что около Кар-Кара виден огонь или дым от огня.

— Так что же? Люди Кар-Кара жгут унан, — сказал я, потягиваясь, но все еще не вставая.

— Нет, это не в Кар-Каре виден дым, а из моря он выходит. Скажи, Маклай, что это такое?

— Я посмотрю, а потом скажу, — отвечал я.

Несколько человек прибежали, крича:

— Маклай, о Маклай, корвета-русс гена; биарамборо! (Маклай, о Маклай, русский корвет идет; дым большой).

Еще не веря новости, я оделся и отправился к морю. При первом взгляде сомнение было невозможно: дым принадлежал большому пароходу, вероятно военному судну, корпуса которого еще не было видно, но можно было заметить, что судно приближается. Во всяком случае, мне надо было отправиться сейчас же в Гарагасси, поднять флаг у хижины, переодеться и отправиться навстречу судна. Какой бы национальности оно ни было, командир его не откажется взять мои письма, уступить мне немного провизии и перевезти больного Ульсона до ближайшего порта, посещаемого европейскими судами. Все это я обдумал, сидя на платформе пироги, которая везла меня из Бонгу в Гарагасси.

Ульсон еще лежал на своей койке и по обыкновению охал, но когда я ему сказал, что мне нужен флаг, что приближается военное судно, я подумал, что человек этот положительно сошел с ума. Он так болтал несвязно и не то плакал, не то смеялся, что я стал опасаться, не случился бы с ним какой-нибудь припадок.

Я поспешил поднять русский флаг на флагштоке, сделанном еще матросами корвета «Витязь». Как только флаг был на месте и легкий ветер развернул его, я заметил сейчас же, что судно, бывшее около островов Ямбомбы, переменило курс и направилось прямо в Гарагасси.

Я вернулся в мою комнату, хотел переодеться.

но нашел это совершенно лишним. Платье, которое я мог надеть, было во всех отношениях одинаково с тем, которое уже было на мне.

Я сошел вниз к песчаному берегу, и не малого труда стоило мне убедить троих туземцев отправиться со мною навстречу приближающемуся судну. Я уже мог различить русский флаг. Сагам и Дигу гребли очень медленно, следя более за движением судна и беспрестанно прося меня вернуться на берег. На мостике я мог видеть офицеров, смотрящих на меня в бинокль. Наконец, мы были так близки к судну, которое шло теперь малым ходом, что я невооруженным глазом мог различить несколько знакомых лиц между офицерами. Они также узнали меня.

Мое внимание было отвлечено состоянием моих спутников. Вид такого большого количества людей привел их в сильное волнение; когда же по приказанию командира матросы были посланы по реям и когда они прокричали трехкратное «ура», мои папуасы не выдержали, выпрыгнули из пироги и, вынырнув далеко от нее, стали плыть к берегу. Гребки также были захвачены ими или брошены в море. Я остался один в пироге и без гребков. Пришлось кое-как, гребя руками, приблизиться к клиперу и поймать брошенный мне конец. Наконец, я взобрался на палубу, где общая суматоха и множество людей странно подействовали на меня.

Я был встречен командиром клипера «Изумруд», М. Н. Кумани, и офицерами. Все были очень любезны, но говор кругом сильно утомлял меня. Мне было сказано, что клипер был послан генерал-адмиралом и что, между прочим, г. Р. был переведен

с корвета «Витязь» на клипер «Изумруд» специально для того, чтобы указать место, где должны были быть зарыты мои бумаги, так как в Европе распространился слух, что я убит или умер, и даже некоторые офицеры признались, что, увидя человека в европейском платье, выехавшего им навстречу, они думали, что это Ульсон, так как были почти уверены, что не застанут меня в живых. Я попросил командира позволить мне отправиться домой и приехать через несколько часов переговорить с ним.

Приход клипера был так неожидан, что я не составил себе еще плана о том, что надо предпринять. Самым подходящим мне казалось — с помощью людей клипера поправить мою хижину, достать с клипера новый запас провизии и остаться здесь продолжать мои наблюдения, отослав никуда негодного мне Ульсона. Я мог также послать мой дневник и метеорологический журнал Географическому обществу и написать начатое письмо об антропологии папуасов академику Бэру.

К обеду я вернулся на «Изумруд». Командир сказал мне, между прочим, что, по случаю моего не слишком хорошего здоровья, он желал бы, чтобы я уже с сегодняшнего дня поселился на клипере, а перевоз моих вещей из Гарагасси на клипер предоставил бы одному из молодых офицеров. Это предложение показалось мне немного странным.

— А кто вам, Михаил Николаевич, сказал, что я поеду с вами на клипере? Это далеко еще не решено, и, так как я полагаю, что вам возможно будет уделить мне немного провизии, взять с собою Ульсона и мои письма до ближайшего порта, то мне всего лучше будет остаться еще здесь, потому что

мне еще предстоит довольно много дела по антропологии и этнологии здешних туземцев. Я попрошу вас позволить мне ответить вам завтра, отправлюсь ли я на «Изумруде» или останусь еще здесь.

Командир согласился, но я мог заметить, что мои слова произвели на многих курьезное впечатление. Некоторые подумали (я это знаю от них самих), что мой мозг от разных лишений и трудной жизни пришел в ненормальное состояние. Я узнал, между прочим, от командира, что голландское правительство посылает военное судно с ученой целью вокруг острова Новой Гвинеи. Это обстоятельство сильно заинтересовало меня; я мог бы, таким образом, подкрепив мое здоровье морской экскурсией, вернуться с новыми силами и новыми запасами на берег Маклая. Я рано вернулся в Гарагасси и заснул вскоре, как убитый, после утомительного дня, предоставив себе на другое утро решить важный для меня вопрос: ехать или нет.

8 декабря

Желание командира «Изумруда» было остаться здесь, по возможности, на короткое время, так как на этом месте, после непродолжительной стоянки, на корвете «Витязь» заболело несколько человек. Это было одно; но в два или в три дня я буду не в состоянии написать достаточно подробный отчет Географическому обществу; послать же мой дневник в том виде, как я его писал, мне также кажется неудобным.

Другое обстоятельство, важное для меня, было известие, что если я приму необходимые меры, то буду иметь возможность вернуться сюда на голланд-

ском судне. Одно мне казалось неизбежным, это то, что мне необходимо будет вернуться снова сюда, где, вследствие знакомства с туземным языком и заслуженного мною у туземцев доверия, дальнейшие наблюдения по антропологии и этнологии будут мне значительно облегчены. Таковы были мысли, которые на другое утро привели меня к решению оставить на время Берег Маклая с тем, чтобы вернуться сюда при первой возможности.

Когда я объявил капитану мое решение, он спросил меня, сколько времени мне нужно, чтобы собраться. Я ответил, что через три дня после того, как «Изумруд» бросил якорь, он будет в состоянии поднять его и итти, куда пожелает. Остающиеся два дня я предоставил себе на упаковку вещей и на прощанье с туземцами. Михаил Николаевич любезно уступил мне одну из своих кают, и я уже перевез многие вещи из Гарагасси.

Вечером пришли ко мне с факелами много людей из Бонгу, Горенду и Гумбу; между ними были также жители Мале и Коликум-Мана. Туй, Бугай, Саул, Лако, Сагам и другие, которых я более знал и которые чаще бывали в Гарагасси, особенно сокрушались о моем отъезде и, наконец, пришли к решению: просить меня остаться с ними, не ехать, а поселиться на этом берегу, уверяя, что в каждой деревне мне будет построен дом, что для каждого дома я могу выбрать в деревне из девушек по жене или даже по две, если одной недостаточно.

Я отклонил это предложение, сказав, что вернусь со временем и опять буду жить с ними.

Люди из Гумбу просили меня притти к ним в Гумбу, где кроме местных жителей собрались люди Тень-

гум, Енглам и Самбуль-Мана, и все желают меня видеть. Не желая отказать, может быть, в последний раз, я пошел, окруженный большой толпой туземцев, с факелами в руках.

В Гумбу было повторение сцены, бывшей в Гарагасси.

Все просили меня остаться. Мне мало пришлось спать, и когда к утру я хотел подняться, то почувствовал значительную боль в ногах. Последние два дня я много ходил и не обращал внимания на раны на ногах, которые сильно опухли и очень мешали при ходьбе. Я пошел, однако, по берегу, желая вернуться скорее в Гарагасси. Боль была так сильна, что пришлось устроить из нескольких перекладин род носилок, и я был перенесен на них туземцами до мыска Габина, а оттуда перевезен на клипер, где я отдохнул и где раны мои были обмыты и перевязаны.

По приказанию командира, толстая доска красного дерева, на которой была прибита медная с вырезанной надписью:

«VITIAZ» *SEPT. 1871*

MIKLOUHO-MACLAY

«IZOUMROUD» *DEC. 1872*

должна была быть прибита к одному из деревьев около моей хижины в Гарагасси. Я отправился, несмотря на больные ноги, указать сам место, которое для этого будет наиболее подходящим. Я выбрал самое высокое и представительное дерево в Гарагасси. Остаток дня я провел дома, доканчивая

упаковку вещей, так как завтра будет последний день моего пребывания в этой местности.

9 декабря

Вечером, засыпая, я подумал, что в продолжение пятнадцати месяцев я не нашел времени устроить мою койку более удобным образом: край корзины, на которой помещалась верхняя часть моего тела, был дюйма на два выше крышки другой, где лежали мои ноги; а ведь стоило только подложить два бруска под более низкую корзину. Разумеется, я не подумал тревожиться об этом в последнюю ночь, проспав столько ночей и часто пробуждаясь вследствие неудобства койки.

Вчера я уговорил туземцев приехать на клипер, осмотреть его, и, действительно, довольно многие явились в Гарагасси, но весьма небольшое число отправилось со мною на клипер, а еще меньшее отважилось взобраться на палубу.

Но там вид множества людей и разных аппаратов, для них непонятных, так испугал их, что они ухватились со всех сторон за меня, думая быть, таким образом, в безопасности. Чтобы удовлетворить их и не быть стесненным в моих движениях, я попросил одного из матросов принести мне веревку; середину ее я обвязал себе вокруг талии, а оба конца веревки предоставил моим папуасам.

Таким образом, я мог итти вперед, а папуасы воображали, что держатся за меня. С таким хвостом, беспрестанно останавливаясь, чтобы отвечать и объяснять туземцам разные предметы, обошли мы всю палубу. Пушки пугали их: они отворачивались и переходили к другим предметам.

Что их особенно поразило и вместе с тем заинтересовало — это были два небольших бычка, взятых в качестве живой провизии для команды; они не могли наглядеться на них и просили подарить им одного. Спросив название, они старались не забыть его, повторяя: бик, бик, бик!

Спустились вниз, в кают-компанию; дорогой туда машина их очень заинтересовала. Разумеется, они не могли понять, что это такое. Затем большие зеркала в кают-компании, в которых они могли видеть несколько человек сразу, очень им понравились. Фортепиано, которое я назвал «ай-боро-рус», не только обратило их внимание, но одному из них захотелось даже самому попробовать его. Я поспешил выпроводить их наверх.

На палубе одному из туземцев захотелось вновь посмотреть быков; он обратился ко мне, но, забыв название «бик», стал спрашивать о «большой русской свинье». Не поняв его, я отвечал, что никакой свиньи на корвете нет; тогда, чтобы более точно назвать животное, он прибавил, что хочет видеть: «большую русскую свинью с зубами на голове». Один из товарищей подсказал ему «бик», и они все хором затянули: бик, бик! Видя, что они достаточно освоились с палубой, я высвободился из петли и предоставил им свободно ходить по палубе.

Сегодня же последние мои вещи были привезены из Гарагасси; Ульсон также перевезен на корвет и, как больной, помещен в лазарет.

Перед отъездом Туй просил сказать ему, через сколько месяцев я вернусь в Гарагасси. Даже и теперь, уезжая, после пятнадцатимесячного пребывания я не мог сказать «много», так как этого слова

я до сих пор не узнал, почему ответил «навалобе», что значит приблизительно: «со временем».

10 декабря

С самого утра несколько пирог окружали клипер, и мне постоянно докладывали, что «черные» хотят видеть меня или зовут меня. Когда я выходил, туземцы начинали кричать, но шум якоря, который стали подымать, и несколько оборотов винта разогнали скоро все пироги, и крики «еме-ме» и «еа-ба» стали не так ясно доноситься с берега, как с пирог.

Когда клипер стал подвигаться вперед и огибать мысок Габина, раздались удары барума почти одновременно в Горенду и Бонгу; когда же корвет прошел мысок, к этим звукам присоединился барум Гумбу. Отдаляясь, мы еще долго слышали барум; проходя Били-Били, я мог в бинокль ясно видеть туземцев, которые сидели, стояли и ходили вдоль скалистого берега.

Пройдя архипелаг Довольных Людей и порт Алексея, мы обогнули мыс Круазелль и вошли в пролив между Новой Гвинеей и островом Кар-Кар, который я назвал на моей карте проливом «Изумруд».

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА НОВУЮ ГВИНЕЮ 1874

Отрывки из дневника

(Февраль — май 1874 года)

Предварительные сведения о Папуа-Ковиай. — Отправление из Гесира. — Остров Ватабелла. — Бурная ночь. — Остров Наматоте. — Бухта Тритон. — Остров Мавара. — Развалины форта Du Bus на берегу Лобо. — Берег Айва. — Постройка хижины. — Оран-алифуру. — Экскурсия в местность Варика. — Горные жители «вуоусирау». — Озеро Камака-Валлар. — Острова Айдума и Лакахия. — Встречи с папуасами. — Вести о резне и грабеже в Айве. — Хижина в Айдуме. — Захват «капитана Мавары». — Возвращение.

Целью моего второго путешествия в Новую Гвинею был юго-западный берег ее, именно берег, идущий на восток от высокого полуострова Кумавы (полуострова принца Оранье-Нассауского).

Этот берег от большой реки Каруеры на полуострове Кумаве до мыса Буру (реки Утанату) носит туземное название Папуа-Ковиай.

Вследствие частых войн между папуасскими народами, а также нередких убийств и грабежей торговых экспедиций, берег Папуа-Ковиай имеет дурную репутацию и теперь весьма редко посещается большими макассарскими[1] прау (пирогами). Папу-

[1] Макассар — главный город на острове Целебесе. *Ред.*

асы берега Ковиай ведут жизнь бродячую. Редкие посещения торговцев и вследствие этого меньшее влияние чужого элемента решили мой выбор, хотя по рассказам макассарцев и серамцев[1] я мог заключить, что вместе с более интересным избираю и более рискованное. Уже отправляясь в Папуа-Ковиай, я ожидал чего-нибудь подобного случившемуся и нашел потом, что ряд моих приключений совершенно соответствовал характеру населения этой страны.

Главной мыслью, определившей цель моей поездки, было желание составить себе ясное понятие об антропологическом отношении населения юго-западного берега Новой Гвинеи к жителям северо-восточных ее берегов, что можно было получить только из личного наблюдения.

23 февраля 1874 года отправился я из Гесира (островка между восточной оконечностью острова Серама и небольшим островом Серам-Лаут) на туземном урумбае[2] на юго-западный берег Новой Гвинеи.

Меня сопровождали двое слуг, жители острова Амбоины — Давид Хукома и Иосиф Лопис — и мой папуасский мальчик Ахмат;[3] экипаж урумбая со-

[1] Серамцы — жители острова Серам в южной части Молуккского архипелага. *Ред.*

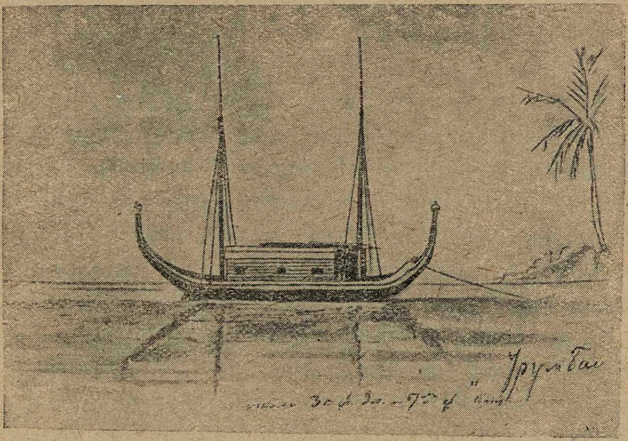
[2] Урумбай — большая лодка без палубы с каютой в виде хижины; посредине борт урумбая не выше 1½ фута от ватерлинии, нос и корма заострены и приподняты. Урумбай — общеупотребляемое судно в Молуккском архипелаге, бывает различной величины; мой урумбай мог поднять не более двух тонн груза.

[3] Ахмат, папуасский мальчик лет двенадцати, был подарен мне в январе 1873 года султаном Тидорским. Пробыв около пяти месяцев на клипере «Изумруд», он выучился говорить по-русски, и я до сих пор не говорю с ним иначе, как на

стоял из шестнадцати человек, из которых десять были папуасы.

23 февраля

Кончил письма в Русское географическое общество и частные в Европу и Батавию и, вложив их вместе с оставшимися деньгами в пакет на имя резидента Амбоины, передал его анакоде кутера,[1] при-

Урумбай
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

бавив, что мне более его не нужно и что он может вернуться в Амбоину. Сам же, удостоверившись перекличкой, что все люди налицо, поднял якорь. К девяти часам прошли мимо Мар, красивой дере-

этом языке. Хотя он имеет очень незначительную склонность к послушанию, но бывает мне полезен, будучи сметлив и расторопен. *Примечания Миклухо-Маклая.*

[1] Кутер — небольшое судно; анакода — малайский шкипер. *Ред.*

вушки на острове местожительства радьи[1] Лодс. К ночи бросили якорь около острова Горам.

24 февраля

Посетив несколько деревушек на острове Горам, я снова отправился в путь к двенадцати часам пополудни и, после довольно удачного плавания, пришел вечером в Ватабелла.

25 февраля

Остров Ватабелла. Даже тот, кто имеет только зачатки чувства прекрасного, должен отдать справедливость, что некоторые местности этого островка представляют очень приятные группы скал и тропической растительности. Кокосовые пальмы, бананы, пандванусы, разные ароидные растения, лианы своими разнообразными формами покрывают почти отвесные скалы и растут в ущельях, спускаясь до моря.

Когда мы подходили к острову, совсем заштилело. Жителей в деревне немного. Между женщинами с малайским типом есть очень высокие, с прекрасными немного вьющимися волосами, но, к сожалению, с совершенно черными зубами и ртами, вследствие жевания бетеля. Есть также много папуасских женщин. Между мужчинами я заметил нескольких с длинными вьющимися в кольца волосами, очень похожих на таитян и вообще на полинезийцев. У многих были браслеты из золота и серебра.

Когда жара начала спадать, к четырем часам, я

[1] Радья или раджа — индийский титул царя или князя. *Ред.*

отправился в горную деревню. Тропинка была живописна, но трудно проходима. Пришлось лазать по отвесной стене с выступами; наконец, у самой деревушки надо было подняться, взбираясь по ветхой, изломанной лестнице. С верхней площадки вид на море был великолепен. Отсюда я уже мог видеть высокие горы Папуа-Ковиай. Вокруг площадки стояло полдюжины хижин. Несколько гробниц находилось на самом краю отвесной стены, которая спускалась высоким обрывом прямо в море. Вернулся вниз по другой тропинке.

26 февраля

При попутном западном ветре направились мы часов в семь утра к берегам Новой Гвинеи. Кругом горизонт был обложен серыми тучами, дождь шел часто.

Ветер стал крепнуть к полудню, потом после проливного дождя заштилело. Сильная качка была крайне неприятна. Течением нас несло на север. К заходу солнца остров Ватабелла виднелся очень ясно. К восьми часам ветер, вест-зюд-вест, стал очень силен; пришлось взять по рифу у парусов. Ветер и волнение усиливались. Вода вливалась в мою каюту даже в окна. Ветер стал нам попутный. Налетел шквал, разорвал в клочья кливер; волной залило маленькую шлюпку, купленную мною в Гесире; она оторвалась и была унесена или затонула. Каждую минуту можно было ожидать, что вал вкатится с кормы и затопит урумбай. Ветер все крепчал; приходилось зажигать фонарь каждую минуту, чтобы смотреть на компас.

В это критическое время я заметил, что рулевые

совсем обезумели от страха, и при отблеске фонаря, который сейчас же потух, я заметил, что один из них лежит на коленях и, упрятав лицо в руки, молится, вместо того, чтобы делать свое дело. Схватив револьвер, я пробрался к нему, поднял его голову и, приложив револьвер к его уху, сказал:

— Завтра можешь молиться, а теперь, если не будешь править как следует, я тебе всажу пулю в лоб!..

Когда выстрел раздался у самого уха, рулевой понял, что, пожалуй, мой револьвер может оказаться для него более опасным, чем ветер и волны, и стал просить, чтобы я не сердился.

К двенадцати часам снова сильный шквал с дождем привел урумбай в очень серьезное положение. Кроме дождя, который лил ливнем, волны часто заливали урумбай. Приходилось иметь постоянно несколько человек для отливки. Я не был уверен, что какая-нибудь волна не зальет нас окончательно. Я, разумеется, не спал всю ночь: я не мог доверять рулевым. Так как все небо было покрыто темными облаками, то для соблюдения курса единственным средством был компас. К рассвету — новый шквал, но не такой сильный.

К восходу солнца я имел удовольствие убедиться, что, несмотря на плохую ночь, мы все-таки оказались очень недалеко, немного только на севере от мыса.

Затем к девяти часам показался остров Ади. К десяти часам небо прояснилось, и свежий западный ветер стал быстро подвигать нас вперед. Около трех часов при сильном попутном ветре и волнении мы прошли через пролив Наутилус, и здесь нас чуть

не залило попутной волной. Зайдя за остров Ади, мы очутились как бы в большом озере. Бросили якорь. Жителей на берегу не было видно. Вечером слышны были человеческие крики, но я не уверен, что это были люди, а не голоса птиц. Ночью пошел снова дождь.

28 февраля

Направился к острову Наматоте. Было жарко, и ветер сперва был очень слабый норд, но когда мы отошли от острова Ади, он переменился на вест и вест-зюд-вест; стало свежеть. Горы около бухты Тритона были покрыты облаками, и кругом висело много дождевых туч. К вечеру мы подошли к Наматоте. На берегу вдали показался огонек, который сейчас же скрылся; вероятно, жители испугались звука барабана и песен на урумбае, которыми мои люди воодушевляют друг друга, когда гребут.

При лунном свете можно было видеть скалы, покрытые наверху растительностью. В некоторых местах они представляли отвесные стены. По временам замечательно громкое эхо вторило звукам гонга и голосам людей. Группы скал были соединены песчаными перешейками, и маленькие бухточки вдавались между скалами, представляя удобные убежища для небольших судов: и действительно, серамские прау часто бросают здесь якорь.

Нас окликнула небольшая пирога. Сангиль, мой «папала-оран», старший моей команды, отозвался в свою очередь, крикнув свое имя, но люди долго не признавали его голоса, однако, слыша понятный язык, пирога приблизилась немного. Затем другая, бо́льшая, с просторной платформой, на которой си-

дело несколько вооруженных людей, вышла из-за другой скалы. Завязались переговоры, и, наконец, убежденные словами Сангиля и других матросов-папуасов, они подошли к урумбаю, и несколько черных фигур с громким говором влезли к нам, оставив оружие в пироге. Пока здесь шел оживленный разговор, на пироге послышались выстрелы; папуасы разряжали свои кремневые ружья, которые они зарядили на всякий случай. Два выстрелили, а третье ружье, несмотря на приложенное старание, не послушалось.

Прекрасное утро придавало много красоты скалам и зелени островка Наматоте и красивым горам с величавыми контурами бухты Тритона.

1 марта

После завтрака, вооруженный записной книгой, зонтиком и револьвером, я отправился в туземной пироге на берег. Сангиль, вооруженный старым тесаком, и Давид с охотничьим ружьем и небольшим каучуковым ковром сопровождали меня. Папуасские пироги следовали за нами.

Высадившись у кораллового рифа, я направился к нескольким хижинам, почти скрытым зеленью. При моем приближении две-три женщины с детьми бросились в кусты. Несколько человек вышли ко мне навстречу и привели к месту, покрытому цыновками, где я и поместился. Мне сказали, что радья-Муда-Наматоте скоро явится.

Деревушка, в которую я пришел, почти не заслуживает этого имени. Всего там было два или три шалаша и две прау с крышами, вытащенные на берег. Шалаши были очень примитивной постройки и по-

хожи на те, которые я видал в горах Моривелес, у так называемых негритосов Лузона. Несколько женщин сидели около них и приготовляли пищу. Между женщинами была одна, очень разговорчивая, из Серама, с длинными, прямыми малайскими волосами, последовавшая за своим мужем-папуасом, который вернулся из Серама.

Показалась из-за скалы пирога с большой платформой и высокой мачтой, на которой развевался голландский флаг. Несколько человек с пироги, завидя меня, выразили, повидимому, намерение вернуться, и только громкие крики окружавших меня снова ободрили их. Двое шли впереди: один, одетый в красные штаны и куртку, был молодой радья-Муда-Наматоте; другой — в желтом арабском жилете, с белым платком на голове, рослый, с большим носом и неприятной физиономией — «капитан» Мавары. Радья-Муда был довольно большого роста, с вдавленным носом и неприятным голосом в нос. Нос майора также отличался своей формой; внизу он был очень широк, крылья носа почти одинаково высокие, как и кончик носа. Я им указал на место около меня и объяснил им, что намереваюсь поселиться здесь, между ними, месяца на три, и что хочу видеть здесь горы, деревья, животных, людей и хижины их, что хочу также знать обо всем, что здесь делается.

Начались сейчас же жалобы на опустошения папуасами, «онимы» [1] и на войны между деревнями. Мне рассказали, что в январе жители острова Ади, чтобы отомстить за нападение людей Лакахии, наняли людей залива Камрау, которые вырезали лю-

[1] «Оним» — колдовство. *Ред.*

дей островов Каю-Меры и разогнали людей острова Айдумы.

Радья-Муда-Наматоте предложил мне осмотреть его дом, где я могу, если захочу, поселиться на время пребывания на этом берегу. Я согласился, и мы пошли сперва по лесу, по очень мокрой и неудобной тропинке, потом берегом. Обогнули мысок и оказались между двумя скалистыми стенами. Здесь, между кокосовыми пальмами, стояли несколько хижин, из которых бо́льшая принадлежала радье-Наматоте. Недалеко от этой хижины стояли две полусожженные и одна полуразвалившаяся. Две другие, с резными досками, стояли по сторонам высокой платформы из сложенных кораллов. Это были гробницы родственников радьи-Наматоте. Кубическая куча кораллов оказалась также старой гробницей. В одной из хижин (гробниц) в траве лежали вещи умершего.

Дом радьи-Муда был сложен из досок и не отличался оригинальностью постройки. Все место с сожженными и развалившимися хижинами и могилами имело запущенный и непривлекательный вид. Затем отсутствие воды (есть один источник очень плохой, полусоленой воды) и малая величина островка, как местности для охоты, заставили меня совершенно отказаться от мысли поселиться здесь. Я сказал, что намерен отправиться в Айдуму. Видя, что нет возможности уговорить меня остаться жить в Наматоте, радья-Муда перешел к вопросам, — есть ли у меня ром или джин, которые, по его словам, папуасы здесь очень любят. Я ответил на это, что пить ром нехорошо, и для его людей будет лучше, если они никогда не будут пробовать этих напитков.

Отправились на остров Айдуму и бросили якорь

к четырем часам около большой старой хижины. Около нее стояла другая, поменьше, как оказалось, тоже гробница. Ни души кругом не было видно и не слышно. Большая хижина была слишком ветха, чтобы жить в ней; поправить же ее было труднее, чем выстроить новую. Отправился далее. Прошли мимо трех шалашей, тоже покинутых.

Солнце уже заходило, когда я снова отправился на другую сторону бухты Тритон, к острову Мавара. Эти острова очень скалисты. Скалы возвышаются стенами и башнями и покрыты местами роскошной растительностью.

Когда взошла луна, мы бросили якорь у юго-западной оконечности острова Мавары. Маленькая хижина, окруженная зеленью, стояла между отвесными скалами, виднелся огонек на берегу, который сейчас же потух, как только заслышались голоса на урумбае. Очевидно, нас сочли за непрошенных гостей. Я не захотел тревожить жителей и приказал не съезжать на берег.

2 марта

Утром рано отправился к хижине. При моем приближении несколько женщин выбежали оттуда и бросились в лес. Кучи раковин лежали в разных местах около хижины, как бы указывая собою, что богатство экваториальной растительности не дает еще человеку достаточно пищи. Ему приходится голодать или собирать по рифам мизерно-маленьких безвкусных моллюсков.

После завтрака отправился в Лобо посмотреть на местность, где голландцы сорок шесть лет тому назад думали основать колонию, так называемый

форт Du Bus, который просуществовал недолго и превратился в кладбище со многими сотнями могил.

Подъехала пирога, и вошедший из нее на урумбай худощавый длинноносый старик оказался радья-Айдума, который должен был покинуть, вследствие нападения людей Телок-Камрау, свой остров. Он плаксивым тоном рассказал мне свое несчастье. Чтобы иметь более определенное понятие о войнах между туземцами, я стал допытываться о числе нападавших. Оказалось, что людей Камрау было около ста (даже и эта цифра, вероятно, преувеличена); убитых людей в Кайю-Мере было десять, раненых десять или двенадцать. Из этого видно, что войны эти не что иное, как ничтожные стычки, но, несмотря на то, они главная причина кочевого образа жизни туземцев и мизерности их селений. Поселись они большим селением, оно скоро было бы разграблено и разорено соседями. Постоянные опасения быть убитыми и ограбленными принуждают туземцев жить преимущественно в своих пирогах, перекочевывая с места на место.

Радья-Айдума пожелал сопровождать меня, и его пирога, в которой находилась его семья, состоящая из двух женщин и двух детей, последовала за урумбаем. Я приказал дать им рису и саго, чем радья и его жены остались очень довольны.

Почти совершенный штиль прерывался иногда довольно сильными порывами ветра. При одном из таких порывов, когда урумбай сильно и неожиданно накренило, Ахмат, сидя на невысоком борту и занятый едой, не успев удержаться, полетел вверх ногами в воду. Разумеется, он без труда был вытащен весь мокрый при общем хохоте.

Около часу пополудни подъехали к берегу у самого того места, где был расположен форт Du Bus, основанный в 1828 году. Местоположение очень красивое: большой, глубокий бассейн, замкнутый со всех сторон горами, расстилается у подножия живо-

Ахмат
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

писной, очень крупной горы Ламансиеры. Горы здесь так круты и при сильных дождях с них стекает в море так много воды, что можно черпать пресную воду на его поверхности. Это мне сказал радья-Ай-

дума и подтвердили несколько других туземцев. Берег был покрыт высоким лесом, и положительно нигде не было заметно ни малейшего признака колонии, существовавшей здесь сорок пять лет тому назад. Между туземцами, однако, сохранилось воспоминание о ней.

Несмотря на полуденную жару, я высадился около группы кокосовых пальм, и старик радья-Айдума взялся показать мне остатки «рума-бату-оран-Голланда» (каменных домов людей Голландии). Пройдя несколько шагов, мы наткнулись на четыре могилы, состоящие из небольших построек, из кольев и «атапа»,[1] наподобие маленьких хижин (около двух метров длины, одного метра ширины и одного метра вышины). В одной из них находился еще «татумбу» (умерший). Тропинки никакой не было. Позвал Иосифа и Ахмата, которые по указанию радьи-Айдума стали прорубать «парангами» (большие малайские ножи) путь. Мы наткнулись скоро на каменный пьедестал, на котором стоял полусгнивший толстый столб; подходя к пьедесталу, я почувствовал под ногой что-то твердое и гладкое, которое издало при соприкосновении с гвоздями каблуков металлический звук. Мои люди расчистили хворост и сухие листья, и под этим слоем оказалась овальная массивная чугунная доска, на которой, когда ее повернули на другую сторону, обозначилось изображение нидерландского герба. Сгнившее дерево столба не могло выдержать тяжесть чугунной доски, которая, вероятно, уже много лет как упала и покоилась на

[1] Атап — малайское название плетеной цыновки из листьев кокосовой и других пальм. *Ред.*

земле. Я приказал очистить ее и приставить в полулежачем положении к остатку столба. Между тем Ахмат, следуя за радья-Айдума, проложил дорогу к так называемым «рума-бату». Это были два четырехугольных фундамента из кораллового известняка. Большие деревья росли посреди них, и фундаменты были почти скрыты растительностью. Несколько толстых пней когда-то срубленных деревьев пустили новые ростки и в свою очередь превратились в деревья; они также являлись остатками бывшей здесь колонии.

Было сыро и очень жарко в лесу, и так как осматривать ничего более не представлялось, то я решил итти в туземное селение, которое, по словам радьи, было недалеко; я был, однако, неприятно изумлен тем, что нам пришлось пройти три четверти часа, чтобы добраться до него. Сперва надо было итти через болото, перебираясь по корням мангров, потом через ручей, затем вверх на крутой холм, на котором разведена была небольшая плантация бананов и сладкого картофеля. Солнце так пекло при отсутствии малейшей тени, что я, измученный, спустился к двум хижинам, очень убогим, но расположенным в тени и у самого моря. Эти хижины были убежищем радьи-Айдума после нашествия людей Телок-Камрау.

Расположившись на цыновке и отдохнув немного, я стал рассматривать хижину, хотя и это название было для нее слишком претенциозно. Она стояла на кольях, имела очень дырявый пол, еще более дырявые стены из «атапа», была менее метра вышины, так что стоять в ней могли одни дети; внутри ее, однако, было сделано несколько отделений при по-

мощи перегородок. Небольшой навес перед хижиной служил спальней свиты радьи-Айдума.

Старик снова затянул свои жалобы и объявил мне, что желает поселиться с своими подданными там, где я останусь. На это я не сказал «нет», потому что я не прочь иметь постоянно объекты для моих антропологических наблюдений и, разумеется, люди Айдумы, если поселятся около моей хижины, сделаются скоро моими слугами и могут служить мне проводниками по окрестным горам и лесам. Я увидел здесь двух так называемых вуоусирау, жителей гор Камака. Они были совсем сходны с прибрежными жителями, и один из них был светлее всех остальных окружавших его папуасов.

К шести часам вечера я вернулся на урумбай, и мы снялись. Заштилело так, что пришлось грести всю ночь, что, однако, мои люди делали только временами, прерывая это занятие сном. Три пироги с женщинами и детьми следовали за урумбаем.

Местность была очень живописная; жалко, что здесь легче умирать, чем жить. Между туземцами я видел устрашающие формы болезней, вероятно, занесенные сюда малайцами при их ежегодных посещениях этого берега.

3 марта

Из залива Ленгуру мы вышли в большой спокойный бассейн, затем, через пролив, в другой, потом в третий. Направо лежал материк Новой Гвинеи, налево — архипелаг красивых, но необитаемых скалистых островков. Это одна из самых красивых местностей Ост-Индского архипелага. Известковые скалы представляли большое разнообразие форм и, бу-

дучи размыты прибоем, образовали длинные пещеры до двух метров глубины. Во многих местах подмытые скалы обваливаются и представляют среди зеленого леса белые и желтые пятна. Встречаются также обвалы на самых вершинах гор, и следы их заметны в виде длинных полос поломанных и вырванных обвалом деревьев. Такие полосы можно проследить в некоторых местах до самого моря. Курьезную форму представляют небольшие островки, принявшие от действия прибоя и размыва скал у поверхности воды вид пирамидальных грибов.

К десяти часам мы подошли к селению Мавара, состоящему из двух хижин. Мне и этот островок не понравился, как местожительство. Вечером переправились на противоположный берег, в местность, называемую туземцами Айва. Здесь, может быть, я останусь, так как Айва находится на материке, что в отношении фауны для меня важно. Место красивое, и, живя здесь, я не буду вблизи уже занятого другими участка. Меня не будут стеснять, и я не буду мешать другим. У Давида сильно вспухла рука при значительной лихорадке; сам я часто чувствую боль в ногах и неприятное болезненное ощущение во всем теле.

4 марта

Не желая больше терять времени, я выбрал место для хижины на уступе скалы с красивым видом на море. Ввиду того, что выбранное мною место было покрыто лесом, я приказал расчистить площадку, на которой обозначил место для будущей хижины. Сегодня ограничились расчисткой площадки и прокладкой тропинки к ней.

5 марта

Постройка подвигается хорошо. Папуасы, даже женщины, помогают моим людям.

6 марта

Кончили к вечеру крышу и стены; остаются полы обеих комнат. Вид из моей двери и окна на острова Мавара, Айдума и на море — великолепен.

7 марта

На четвертый день мои люди кончили хижину. Она разделена на две половины и состоит из передней, моей половины с двумя комнатами и с дверью, и другой половины, почти вдвое большей—для моих людей. Окна в последней они нашли для себя лишними, так что свет в нее проникает только через дверь. Моя комната имеет 4½ метра длины и 3½ метра в ширину. Ставни и дверь опускаются сверху. Сегодня же перенесли все вещи из урумбая. Мои люди выгружали, а туземцы носили, выговорив себе в подарок две больших бутылки джину, которые я принужден был им дать, так как они отказывались от всего остального. Они так усердно помогали моим людям при постройке хижины, что мне необходимо было дать им что-нибудь, хотя я и жалел, что пришлось дать джин, который я, собственно, привез для консервирования зоологических объектов, а не для потворства дурным привычкам туземцев. Они роспили одну бутылку перед моей хижиной, сперва морщась, затем с видимым удовольствием, и стали так веселы, так кричали, пели и плясали до того, что мне пришлось предложить им отправиться к своим баракам, которые они располо-

жили на песчаном берегу у самого моря. Но и оттуда голоса их долетали до меня, и к этому гаму они присоединили еще выстрелы из своих кремневых ружей, так что я послал спросить, что случилось, не думая, что эти выстрелы служили лишь выражением приятного расположения духа туземцев.

8 марта

Наконец могу сказать, что я снова житель Новой Гвинеи. Целый день я устраивался в хижине и нахожу, что помещение довольно комфортабельно. Пришедшие туземцы рассказали мне, что дней пять тому назад, именно в день, когда я выбрал эту местность для постройки моей хижины, жители Телок-Камрау убили одного человека острова Наматоте с женой и детьми. Это случилось очень недалеко отсюда, в Телок-Пичару. Необходимо здесь быть настороже.

9 марта

Ночью я был разбужен криками, похожими на завывание собак. Мне, однако, объяснили, что это были голоса туземцев, поселившихся на песчаном берегу в Айве, которые, боясь нападения оран-алифуру,[1] перекликаются или показывают, что находятся настороже. Лил сильный дождь. Наконец, крики усилились, послышалось много голосов. Немного

[1] Оран-алифуру — название жителей Серама, распространенное у малайцев и перенятое также и здешними жителями вообще для обозначения туземцев гор или материка в отличие от прибрежных. *Примечание Миклухо-Маклая.*

погодя раздался выстрел. Я встал и вынул из ящика ружье. В эту ночь, однако, ничего более не случилось.

Утром мне сказали, что оран-алифуру бродили всю ночь в окрестностях и один из моих серамских матросов выстрелил из ружья, чтобы немного успокоить испуганных жителей Айдума, которые к пущему страху видели чужую собаку, верный признак, по их мнению, что алифуру находятся где-нибудь вблизи и высматривают случай и время для нападения.

Пришли радья-Наматоте и другие начальники, просясь в отпуск на несколько дней. Я согласился. Пять пирог ушло по разным направлениям.

Чувствую большую слабость в ногах; левая рука сильно болит. Она совершенно бессильна.

10 марта

Записывал слова диалектов Серама и Айдумы. Много слов общих. Положительно большинство папуасских слов я не мог верно произнести. Я слышал разницу, но не мог привести гортань и язык в надлежащее положение, чтобы выговорить правильно папуасские слова.

Все папуасы, а за ними и серамцы называют людей Камрау и Каймана разбойниками. Я же уверен, что все они ненадежны. Туземцы здесь сами говорят, что «оран-папуа» убивают людей, чтобы завладеть их вещами, и тот же радья-Айдума, который так жалуется на нападения людей Карас и Камрау, сопровождал тидорские «хонгии» («хонгиями» называются морские экспедиции, предпринимаемые султанами Тидора и Тернате для собирания по берегам Новой

Гвинеи дани, которую эти султаны считают себя в праве взимать), чтобы убивать людей Лакахии, жечь их хижины и разорять плантации. Этого там еще не забыли, почему Сангиль и радья-Наматоте не советуют мне брать с собой радью-Айдума в Лакахию, а то там туземцы будут опасаться меня или нападут на нас, из желания, собственно, отомстить старому радье.

Последние дни дождь шел несколько раз каждый день.

13 марта

Ахмат болен сильной лихорадкой; жар почти не уменьшался всю ночь и в течение дня, несмотря на приемы каломеля и хины.

Охота довольно удачна: кроме трех птиц Давид принес мне большого кенгуру, старого самца. Эти животные не влезают на деревья, как говорит К. Мюллер. Я отпрепарировал скелет и сохранил сердце и мозг. Мясо превосходно. Папуасские начальники из подражания серамцам не едят кенгуру.

14 марта

Отправился посмотреть, откуда мои люди берут воду. Я пришел к небольшому озеру, окруженному лесом, а с двух сторон высокими скалами. Местность была очень живописна, но не особенно безопасна. Сопровождавшие меня матрос и Давид сообщили мне, что в озере много крокодилов, и не успели они сказать это, как у противоположного берега мы услышали плеск воды и увидали голову большого крокодила, который только-что с берега спустился

в воду. Я был совершенно без оружия, но мои люди имели в руках по большому малайскому «парангу».

Подвигаясь, мы стали внимательнее оглядывать края тропинки. Небольшой ручей впадал в озеро, и в этом месте мои люди брали воду, которая хотя и была пресная, но не могла быть здоровой, протекая в болотистой местности. Воду же озера нельзя пить, так как в высокую воду оно соединяется с одним из многочисленных морских заливчиков.

Чтобы иметь лучший вид на красивое озеро, я приказал вырубить кусты, прилегающие к скалистому берегу, и при этом мы открыли большую пещеру, очень узкую, но высокую, с большим отверстием наверху, через которое падал свет, проникая сквозь зеленую занавесь разнообразной растительности. Во многих местах громадные куски скал, громоздясь один на другой, грозили падением. На стенах были заметны сталактиты, на других много окаменелостей, которые я не замедлил собрать.

Мои спутники наткнулись на кости, и один из них спросил меня, не кости ли это свиньи; но они были человеческие. Многие торчали между камнями, другие едва-едва были прикрыты землею. Судя по величине, это были кости женщины. Я разгреб камни и землю, ища череп, но без результата. В подобных пещерах, как мне объяснили серамцы, туземцы зарывают свои более ценные вещи, боясь нападений «хонгий», и странствуют в своих пирогах только с самым необходимым; сами же они, если находятся в значительном количестве, готовы тоже убивать и грабить более слабых. Так, например, в Айве брат радьи-Айдумы убил торговавшего здесь жителя Га-

лела, урумбай которого находился на берегу. Здесь говорят, что старик радья-Айдума большой мошенник, что он не раз забирал у макассарских и серамских торговцев товары, а затем скрывался в далеких заливах, не думая платить по обещанию за взятые вещи. Теперь при мне он щеголяет под маской большой честности.

Многие серамские матросы трусят отправиться со мной в Лакахию, боятся папуасов, говоря, что в Гесире я нанимал их с целью отправиться в Айдуму и требовал от них только постройки хижины. Это для меня безразлично, так как мне необходимо оставить часть моих людей для охраны хижины и вещей. Оставляю здесь нежелающих отправиться со мной и возьму только охотников.

15 марта

Оказывается, белые муравьи проникли в нашу хижину и забрались в несколько ящиков. Пришлось выбрать из них все вещи, разрушить все ходы муравьев и т. д.

Ахмату лучше, но он очень слаб

16 марта

Радья-Наматоте принес мне экземпляры голубя и молодого наренга. Первых зовут здесь «титер» и ловят их ловушками, которые расставляют в местах, куда эти птицы обыкновенно прилетают. Ловушка эта носит у туземцев название «это». Подобная ловушка употребляется и на Сераме, где называется «сау-саут» и где ею ловят даже оленей. Доставленный мне вид голубей не встречается в Сераме, но ежегодно отсюда и с других берегов Новой Гвинеи

вывозят значительное число их на острова Серам-Лаут, Серам и даже в Макассар.

17 марта

Вчера заболел Иосиф и помешал мне отправиться в горы Камака. Сегодня ему не лучше. Радья-Айдума рассказал, между прочим, что вглубь страны, по реке Утанате, живут люди очень небольшого роста, но большие людоеды; они даже вырывают мертвых и едят их; мозг человека кажется им особенно вкусным. Названия этого племени радья не знал.

Ахмату положительно хуже. Хотя пароксизмы реже и не так сильны, но он крайне слаб, не может не только ходить и стоять, но даже сидеть без посторонней помощи. Кашляет и жалуется на грудь. Не могу решиться оставить его в таком положении. Отложил поэтому отъезд до послезавтра. Досадно, время идет.

Живописный вид из моего окна заставляет меня часто забывать все неприятности ежедневной жизни.

19 марта

Утром во время отлива собрал целую коллекцию губок.

Ахмату не лучше; навряд ли поправится.

20 марта

На горизонте едва заметно показался и вскоре скрылся парус. Сангиль полагает, что это урумбай из Гесира, что капитан Кильтай отправляется торговать на берегу Новой Гвинеи, в Лакахию и Утанате. Я приказал спустить урумбай и решил отправиться

завтра. Ахмату очень плохо: он с трудом и редко говорит, не может без помощи приподнять голову. Мне его очень жаль, но взять я его не могу, а терять далее время мне не следует.

21 марта

Назначив Иосифа быть главным, так называемым «папала-оран», над людьми, которых оставляю сторожить хижину, я приказал радье-Наматоте и радье-Айдума также оставаться в Айве. Иосифу я оставил значительное количество хины (малайцы и даже серамцы знают действие этого лекарства и очень ценят его) и, попросив его специально, чтобы Ахмат получал исправно лекарство, позволил ему брать для больного все, что он захочет из моей провизии. Оставив шесть моих людей в Айве, я поднял якорь и отправился.

Мы опять прошли узкие и спокойные бассейны пролива между архипелагом Мавара и Новой Гвинеей, и опять я любовался красотами пейзажа. Приморские скалы с их растительностью представляли самые разнообразные и эффектные комбинации. Безлюдность кругом поразила меня: единственная пирога, которую мы встретили, принадлежала одному туземцу из Лобо и его семейству, состоявшему из трех жен, на которых приходился один только ребенок; они скитались от одного «пасера» [1] к другому, и на мой вопрос — «откуда» и «куда» — отвечали: «чари моканан» (ищу, что поесть).

Если взять всех жителей Наматоте, Айдумы, Лобо, даже с горными жителями Майрасис, Вуоуси-

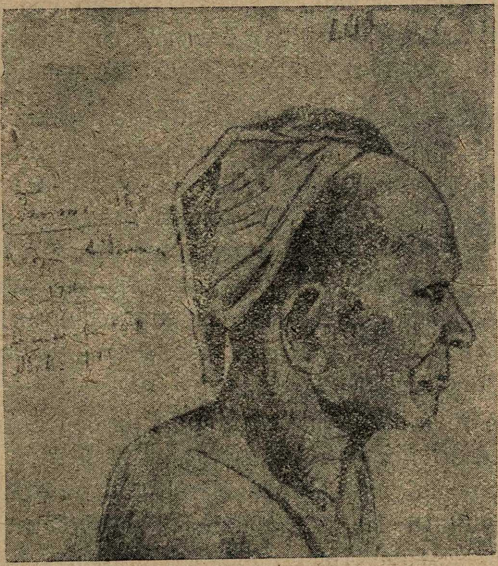
[1] Песчаный берег — по-малайски. *Ред*

рау, то не думаю, чтобы набралось всего более ста человек. Кругом горы почти не населены. Там и сям встречается песчаный берег (пасер) с кокосовыми пальмами, несомненный признак того, что здесь когда-то жили люди. Туземцы живут больше в своих пирогах, на платформах которых помещается их семья. Пироги эти имеют довольно основательные крыши из «кальян» (прочные цыновки из листьев пандануса). Когда подходят к песчаному берегу, пирога вытаскивается на берег и преобразуется в шалаш, в котором туземцы живут по неделям, занимаясь «чари-моканан», — ловят рыбу, собирают хлебный плод в лесу, ставят ловушки для птиц, иногда даже разводят скрытую в лесу небольшую плантацию таро и сладкого картофеля, изредка заглядывая на нее, чтобы собрать плоды. На одном же месте они остаются недолго.

Вечером мы подошли к островам Койра, в глубине бухты Тритон. На берегу встретили несколько жителей Айдумы, которые были посланы радьей-Айдума ожидать нашего прибытия. Один из них, по имени Ямба, отличался своим высоким ростом и значительной силой. Надо было здесь достать проводников, знающих дорогу к озеру в горах, так как радья-Айдума и другие береговые папуасы знали озеро только по наслышке. В пироге в сопровождении радьи-Айдума, его двух людей — Ямба и Турона, я отправился в Ломиру, где мы надеялись встретить несколько вуоусирау и уговорить их отправиться с нами.

Было великолепное утро, и при полном штиле маленькая пирога наша скользила очень быстро под самым берегом. При каждом повороте картина ме-

нялась; на отвесных бело-желтых скалах, в которых прибой вырыл длинную пещеру, растительность теснилась до самой линии прилива. Старый радья, сидя важно в своем желтом халате, бил в «тифу»,[1] и ее звуки отдавались сильным эхом из глубины пещеры.

Радья-Айдума

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

В одном месте старик указал мне на небольшое углубление в скале; это была маленькая бухточка, в десяток метров ширины, наполненная подводными камнями и спереди совсем закрытая свесившеюся зеленью; вода в этом тенистом, прохладном уголке была почему-то (у меня не было времени остано-

[1] Сигнальный инструмент. *Ред.*

виться и доискаться причины) в постоянном движении, и плеск ее при полной тишине утра, повторяемый эхом пещеры, был слышен издали. Старый радья сказал мне, что это место «помали» [1] и что пирогам не следует близко приближаться к нему. Он много говорил о нем, но было трудно его понять. Я понял только, что оно называется Намбатека и почему-то особенно опасно замужним женщинам.

Мы проехали между многими небольшими островками, направляясь к юго-восточному углу бухты. Эта местность приблизительно обозначена на карте Дюмон Дюрвиля. На голландской карте ее нет. Несколько пирог виднелись вдали, занятые рыбной ловлей. Звуки нашей «тифы» привлекли их внимание, и они направились к нам. За несколькими скалистыми островами виднелась бухточка, у подошвы высокой и очень крутой горы — Ароры.

Кроме трех пирог, вытащенных на берег, мы увидели недавно построенный шалаш. Зеленые листья крыши еще не успели пожелтеть. Около костра сидели женщины. Из-под шалаша вышло несколько мужчин к нам навстречу. Между ними я увидел Хукома Драмая, начальника вуоусирау, который был раза два у меня. Он очень почтительно подошел ко мне, изгибаясь, прикладывая руки к голове, и представил мне несколько горных жителей вуоусирау, между которыми одного он даже назвал «капитан», прибавив, что все они находятся здесь и ищут для меня животных, которых привезут мне по возвраще-

[1] Помали — малайское слово, равнозначное полинезийскому «табу», — запрет трогать какую-нибудь вещь или делать что-либо. *Ред.*

нии из Лакахии. Я ответил, что намерен отправиться сегодня же к озеру Камака-Валлар и что мне нужны люди. После нескольких возражений все устроилось, по крайней мере, на словах, и я роздал табак, который привез с собой.

Название «вуоусирау» происходит от слова «вуор», что значит «гора». Туземцы эти не отличаются от других. Различие в цвете кожи и росте встречается у них в той же степени, как и у береговых жителей. Между женщинами я заметил одну девочку, лет около тринадцати, большие темнокарие глаза которой с длинными ресницами могли бы удовлетворить самых взыскательных ценителей женской красоты. У вуоусирау я также увидал собак, совершенно похожих на собак берега Маклая. Береговые папуасы собак не держат.

Я вернулся на урумбай, чтобы собрать необходимые вещи для экскурсии в Камака-Валлар. Урумбай, войдя в пролив между островами Койра и материком, высадил меня и моих спутников: Давида, Сангиля, радью-Айдума и человек пять или шесть туземцев. Место, где мы сошли на берег, называлось Варика. Не стану описывать подробно дорогу, узкую папуасскую тропинку, то взбиравшуюся на холм, то спускавшуюся круто в лощину, чтобы потом опять подняться. Корни, лианы, толстые стволы повалившихся от дряхлости или от ветра деревьев, болотистый грунт — всего этого здесь было довольно.

Через полчаса я почувствовал себя очень усталым, в ногах ощущал сильную слабость, и при каждом шаге боль в опухшем левом боку усиливалась. Возвращение из Ломира в открытой пироге под солнцем не прошло мне даром. Я чувствовал прибли-

жение пароксизма, но принятая незначительная доза хины парализовала его силу. Ограничилось головной болью и головокружением.

В двух или трех местах мы встречали развалившиеся шалаши, временные жилища вуоусирау. Я был рад, когда часа через два ходьбы мне сказали, что мы на вершине хребта и что теперь будем спускаться. В этом месте находились два повалившиеся шалаша. Пока мы отдыхали, а спутники мои курили, я собрал при помощи двух переводчиков, радьи-Айдума и Сангиля, следующие сведения. В горах далее Камака-Валлар жителей нет; люди вуоусирау в своих дальних экскурсиях в горы следов людей никогда не встречали, и по всему этому берегу единственно на горе Ламансвери и в горах Камака живут люди, из коих первых называют м а й р а с и с, а вторых — вуоусирау.

На другой вопрос: «Знают ли, откуда они пришли, из какой береговой местности переселились», — мне ответили, что вуоусирау всегда жили в горах, что язык их отличен от наречия майрасис, но что береговые папуасы думают, что они и майрасис — одни и те же люди, но живут в разных местах. Во всяком случае, если они физически и не отличаются от майрасис, то живут отдельно весьма долго, так как у них выработалось особое наречие.

Мы спустились в болото. Здесь все эти ночи шел дождь, почему тропинки были скользки и мокры. Затем поднялись к покинутой плантации, где солнце меня крайне утомило. Плантация была обширна; на ней стояло несколько толстых пней, срубленных метра на три-четыре от земли. Дерево, которое желают срубить таким образом, окружается подмостками.

Такой способ рубки деревьев, когда рубят, главным образом, для того, чтобы уничтожить тень, совершенно рационален, так как построить подмостки — труд очень небольшой сравнительно с рубкой дерева в самом низу, где работы оказалось бы втрое больше, чем на несколько метров выше.

Направление, которому мы следовали, было восточным и восточно-северо-восточным. За плантацией находились еще два длинных шалаша на сваях, напоминавшие мне шалаши негритосов на острове Лузоне. Сваи состояли из трех связанных тонких подставок, что доказывает опять стремление к более легкой работе и сметливость.

Пошел дождь. Тропинка стала круче и хуже. Пришлось пройти, однако, целых три часа под сильным дождем, часто скользя и спотыкаясь. К закату солнца пришел к двум хижинам очень усталый, с натертыми пузырями на ногах от новых промоченных башмаков, и очень голодный. Меня ожидал сюрприз. Давид забыл захватить кофе и сахар, на которые в продолжение последних трех часов я очень рассчитывал. Надо было довольствоваться вареным рисом и сушеною говядиною.

Проспав сносно ночь в хижине и за неимением кофе выпив немного безвкусной рисовой воды (отвару), я собрал принадлежности для рисования и отправился к озеру, которое находится в пяти минутах ходьбы от хижины. Мы пришли к песчаному берегу, покрытому стволами сухих деревьев, из которых многие еще стояли на берегу, другие же торчали или лежали в воде. Дальше от берега из воды виднелись одни верхушки деревьев.

Озеро было не широко, но очень длинно. Близ

берега находились два островка. Противолежащие горы на востоке и северо-востоке тянулись длинными однообразными хребтами. Вокруг островков виднелась полоса сухих деревьев, отчасти на берегу, отчасти в воде. Обоих концов озера на юге и на севере, несмотря на то, что вид был обширный, нельзя было видеть: они были закрыты выдающимися мысками. Сделав эскиз озера с берега, я выехал в сопровождении радьи-Айдума и двух папуасов в пироге на середину озера. Здесь вид был иной, гораздо более живописный. Высокие горы с красивыми контурами замыкали озеро, которое имело неправильную форму; много мысков и островков разнообразили его. Длина его была раза в три более ширины. Я полагаю, что в быстрой, легкой пироге можно было бы переехать его в длину, с севера на юг, часа в два; обойти кругом (предполагая существование хорошей дороги) — часов в восемь — десять. При настоящем положении тропинок туземцы сомневались, чтобы возможно было это сделать даже и в три дня.

Кроме гор на западе, которые мы вчера перешли, нашлось одно более низкое место на юго-востоке, между высокой горой Арора и другой. Сделав еще два рисунка, я был обрадован приобретением трех экземпляров одной рыбки, которая водится в озере. Есть еще другая, но ее можно ловить только с помощью крюка, так как она живет в глубине.

На возвратном пути я осмотрел отвесные белые скалы, на которых виднелись две параллельные линии одна над другой; нижняя отстояла, приблизительно, на сто пятьдесят сантиметров, другая на три метра от постоянного уровня моря. На камнях, стволах и ветвях стоящих в воде деревьев я собрал

несколько экземпляров губки. Эта находка навела меня на мысль, что озеро Камака-Валлар было некогда заливом или же находилось каким-нибудь образом в связи с морем. Собранные раковины, отчасти живущие и теперь в озере, делают это предположение довольно вероятным. На мои вопросы о сухих деревьях в воде и по берегу туземцы сказали, что вода озера была некогда высока, и все эти деревья погибли, будучи совсем или отчасти покрыты водою, и что теперь вода в озере понизилась. Но когда вода была высока и когда понизилась, я не мог добиться. Определив с помощью аппарата Реньо высоту уровня озера, я вернулся к хижине и занялся рисованием ее и людей.

Я нарисовал портрет начальника вуоусирау, так называемого «капитана», и одного из его людей (самого красивого и высокого), а также портрет двух женщин, жены и дочери капитана: первая была очень мала ростом, вторая, лет четырнадцати-пятнадцати, имела очень недурненькую, для папуаски, рожицу. Я захотел убедиться, насколько наречие вуоусирау отличается от остальных диалектов этого берега. Я стал записывать слова. Чтобы сделать это вернее, я несколько раз перед записыванием произносил узнанные слова громко. Мое произношение много раз возбуждало общий смех туземцев, и я сам чувствовал, что никак не могу выговорить некоторые слова. По собранным сведениям оказалось, что число всех вуоусирау не превышает тридцати пяти—сорока человек, включая мужчин, женщин и детей.

Мне хотелось добиться того, чего я не мог узнать утром, именно: сколько лет тому назад вода озера была высокая и когда она понизилась. Я придумал

для этого следующее средство: указывая на нескольких детей, я спросил, видели ли эти дети высокую воду. Оказалось, что нет, что они родились гораздо позже. Я перешел к другим подросткам — также нет. Я указал на дочь капитана, которую звали Соси; на этот раз вопрос удался: отец ответил, что именно немного времени перед тем, как Соси родилась, вода озера вдруг понизилась. Этой девочке нельзя было дать более четырнадцати лет. Итак, оказывается, что, приблизительно, лет четырнадцать тому назад вода Камака-Валлар понизилась; с тех пор, по единогласному отзыву всех туземцев, вода держалась на том же уровне. Оставались, однако, еще и другие вопросы. Я снова стал допрашивать людей: помнят ли они, когда вода повысилась до того уровня, на котором находилась четырнадцать лет тому назад. Оказалось, что никто не видел и никто не помнит рассказов старых людей о повышении воды. Самому старшему из окружавших меня вуоусирау было лет сорок пять. Выходит, следовательно, что вода повысилась до 1825 года.

Однако есть полнейшее доказательство тому, что вода озера находилась когда-то на гораздо более низком уровне, чем в настоящее время, метров, может быть, на сорок или еще ниже, так как одни верхушки больших деревьев виднеются во многих местах вдоль берега. И чтобы вырасти до того объема, до которого достигли ныне стоящие в воде деревья, требуется не один десяток лет. Итак, в середине прошлого столетия вода озера Камака-Валлар была на гораздо более низком уровне. Озеро было гораздо меньше настоящего, и берега его, находящиеся теперь под водою, были покрыты растительностью.

Часа в три пополудни я был вынужден отправиться назад к урумбаю, так как ни у меня, ни у моих спутников, ни даже у вуоусирау не было еды. Мои люди, полагаясь на гостеприимство вуоусирау, захватили с собою очень мало провизии, а у них почти что ничего не оказалось. Проехав в пироге вдоль берега озера четверть часа, мы очутились около плантации, где проходили вчера. Это обстоятельство значительно сократило путь; к тому же сходить с горы было легче, чем взбираться на нее.

Вуоусирау затянули песню, воткнули себе в волоса, за пояс и за браслеты на руках и на ногах разноцветные листья, и таким образом мы спустились в Арику, где нас ожидали урумбай и пироги.

В тот же вечер я отправился на старую стоянку к острову Койра, в сопровождении девяти пирог. Вид этой процессии был характерный: все наперерыв хотели обогнать друг друга, оставляя, однако, урумбай всегда впереди. На каждой пироге народу было много; женщины, дети все пели и кричали, стараясь перекричать друг друга. На трех пирогах, не закрытых крышей и где были только мужчины, одним из них был исполнен воинственный танец. Стоя на платформе, он то прыгал, размахивая руками, то пел, причем крик его переходил в визг; иногда он сильно рубил воздух своим «парангом» или, схватив лук, пускал в воздух высоко стрелы; иногда, набрав горсть песку из ящика с очагом, искусно бросал песок вверх.

На окружающих горах собирались черные тучи и грозил дождь, почему многие туземцы занялись «заговариванием грозы». Они обращались лицом к туче, грозя ей пальцем или тем, что находилось

у них в руке, и что-то усердно бормотали. Это очень напомнило мне подобный же прием у жителей Берега Маклая. Даже и мои матросы-серамцы делали что-то подобное.

Вечером, отдохнув немного от прогулки, я был на берегу и видел танцы туземцев, в которых мужчинам приходится играть главную роль. Женщины двигаются медленно, делая маленькие шаги и выдвигая зад, которым они вертят из стороны в сторону. При пляске мужчин также главным образом движется средняя часть туловища, колени остаются согнутыми, руки заняты ударами в «тифу», которыми они аккомпанируют танцу. Движения постоянно усиливаются, и под конец темп делается совсем неистовым и затем вдруг прерывается. Женщины плясали в центре, мужчины кругом их, двигаясь один за другим все быстрее и быстрее. Эта пляска напомнила мне танцы «алифуру» минагасов и негритосов Лимай (на острове Лузоне).

Дождь заставил меня вернуться на урумбай, но он не помешал туземцам плясать: гам продолжался далеко за полночь.

24 марта

Ветер был неблагоприятный весь день, так что к вечеру мы добрались только до Вайкалы, на северном берегу острова Айдумы. У самого берега стояла хижина или, вернее, развалины ее. По здешнему обычаю, после смерти хозяина хижина его покидается; жить в ней считается не безопасным. Хижина Вайкалы оставалась уже много лет необитаемой; крыша ее была как решето, столбы едва держались, а пол провалился бы при первом шаге. Мои

матросы, несмотря на папуасское «помали», воспользовались старым канатом, который нашли в хижине, и несколькими досками.

26 марта

Около двух часов пополудни мы пришли к восточному песчаному берегу маленького острова Лакахия, который бывает населен только временно, когда, например, торговая прау бросает поблизости якорь. Мои люди отправились за водой на южный берег, где находится, как говорят, небольшой резервуар дождевой воды, вкус которой оказался весьма солоноватым. На песчаном берегу разбросаны кусочки каменного угля, нахождение которого здесь известно уже давно и в последний раз было констатировано комиссией парохода «Этна».

Набрав воды, мы направились вдоль низменного южного берега и, пройдя залив Терера и островок Ния, пришли ко входу в залив Куруру. Берег был болотистый и покрыт мангровыми деревьями. Людей мы заметили только около мыса Ваймета. В ответ на наш выстрел показался высокий столб дыма. Когда мы подошли ближе, туземцы бегали по берегу, махали снятой одеждой и бросали вверх песок, что издали казалось маленькими облаками дыма.

Часа два люди мои перекликались с папуасами, но, несмотря на наш зов, туземцы не решались приблизиться, и, хотя у них были пироги, они обращались в бегство, как только урумбай двигался в их сторону. Имена «Оран-Серам», «Гесир» не помогали им. Я вздумал привлечь их: я вышел из каюты, приказал людям замолчать и сказал по-малайски, что если они подойдут, я дам им табаку. К моему удив-

лению, это удалось. Сперва они приблизились немного, но потом, собравшись с духом, подошли ближе, а затем и к самому борту; но решились взойти на палубу только после того, как я поднял занавес моей каюты и они убедились, что там нет спрятанных вооруженных людей. Удостоверившись в своей безопасности, они с криком влезли на урумбай, стали обнимать всех, громко говорить, смеяться и все-таки по временам боязливо озирались кругом. Я мог, однако, заметить, что эта веселость была одной маской.

Такое недоверие неудивительно. Сколько раз этих людей грабили, избивали, уводили в рабство. Один тидорский принц Амир несколько лет тому назад увез, как говорят, много сотен людей отсюда; в январе этого года люди Камрау убили и ранили людей Каймера, а женщин и детей увели с собой. Неудивительно, что каждый чужой кажется им неприятелем. Они также старались в свою очередь отплатить без разбора всем, кто легкомысленно попадался им в руки. Именно эта местность, берег около Лакахии, имеет дурную репутацию. Здесь были убиты матросы капитана Кольфа, много людей Серама и др.

Туземцы здесь темнее людей Наматоте и Айдумы и почти не носят малайского платья; вообще они кажутся более сильными и рослыми. Они привезли с собой «сагуер», жидкость, добываемую посредством надрезов ростков гомутовой пальмы. Сок был совершенно свеж и показался мне очень вкусным. Кроме гомутовой здесь много саговых пальм. Вероятно, вследствие обильной пищи страна более заселена.

Ночь провели на якоре около острова Бавия.

28 марта

Утром, часам к одиннадцати, мы вошли в большой бассейн, окруженный горами. Мы направились к месту, где стояли две кокосовые пальмы и виднелась полуразвалившаяся хижина. Я пошел в лес с Давидом и тремя серамцами, поднимаясь вдоль левого ската кряжа. Мы достигли хребта часа через два ходьбы. Перед закатом солнца мои люди привязали койку между двумя деревьями; над нею в виде крыши было растянуто каучуковое одеяло. Не более десяти минут потребовалось на устройство бивуака. Я считаю такой гамак самым удобопереносимым, простым и здоровым при путешествиях в тропических странах. Он практичен еще в том отношении, что подвешенная койка может годиться не только в лесу, но и в хижинах туземцев.

29 марта

К утру было ощутительно свежо, хотя термометр не опускался ниже 25° Ц. Перед рассветом мы слышали шаги казуара, но ни одного не пришлось убить: птица эта слишком осторожна. Я отправился выше с целью заглянуть по ту сторону хребта, но кроме леса и гор ничего не видал: деревья очень мешали. Надо было бы влезть на самую верхушку их, чтобы иметь возможность рассмотреть всю панораму холмов и гор этой части перешейка, который именно здесь не особенно широк.

Эта экскурсия показала мне, что лес здесь далеко не такой непроходимый и что экспедиция вглубь страны здесь не встретит затруднений со стороны населения, которое в этом лесу, несомненно, существует; об этом свидетельствовали свеже-срезанные

ветви кустов, замеченные мною вчера и сегодня, а также и многочисленные тропинки. Кроме того я был удивлен тем обстоятельством, что в этом лесу большинство деревьев были молодые; старые встречались редко. Грунт везде выказывал толстый слой довольно рыхлого и мягкого гумуса.

Я вернулся к месту ночлега, где оставил вещи и людей, исключая одного, который сопровождал меня и прорубал тропинку в неудобопроходимых местах. В ожидании завтрака я определил точку кипения на этом месте, которое оказалось ниже (209 футов) того хребта, где я был утром.

Из Тимобны я направился вдоль берега тем же путем, каким пришел вчера, желая захватить три черепа, которые мои люди заметили в трещине скалы. Мы, действительно, нашли место с черепами, но не успел один из матросов достать их и передать мне, как мы все были не мало удивлены неожиданным появлением пяти больших пирог с очень значительным числом туземцев.

Была минута обоюдного недоразумения; мои серамцы, вообразив, что через несколько минут туземцы нападут на нас, очень переполошились и стали приготовлять ружья; с другой стороны, папуасы на своих пирогах, видя, что мы остановились, в свою очередь взялись за оружие, прекратив моментально громкое пение. Между туземцами на пирогах было несколько человек, которых мои люди признали за жителей деревень Ваймата, Терера и Баик. Внезапность появления пирог, многочисленность папуасов, их громкое пение, а, главное, известная неблагонадежность жителей именно этих берегов были причиною того, что мои серамцы предположили, что

пироги явились сюда с намерением напасть на урумбай. Сообразив возможность нападения, я на всякий случай приказал шести человекам грести, направляясь прямо к пирогам, а остальным готовиться к защите, вооружиться своими ружьями старого образца и «парангами». Дав Давиду, очень меткому стрелку, мои два двуствольных ружья — одно нарезное, заряженное пулями, а другое — крупной дробью, я расположился сам на крыше каюты с ружьем, револьвером и скорострельным ружьем системы «Бомон». Я предупредил Давида и людей, чтобы никто не стрелял ранее, чем выстрелю я сам, а затем стреляли бы, хорошо целясь, а не просто без толку жгли бы порох.

Мы все приближались. Из пирог папуасы могли хорошо видеть наши приготовления. Громкое пение и пронзительные крики, на минуту возобновившиеся, снова смолкли, и пироги остановились. Было ясно, что папуасы совещаются. Я приказал из всех сил грести на группу пирог. Это обстоятельство прервало совещание папуасов; четыре пироги быстро отгребли в сторону и только одна старалась держаться в почтительном расстоянии, но не слишком близко от урумбая. Казалось, она имела намерение начать переговоры. Когда я окликнул ее, один из находившихся в ней людей на ломаном малайском языке стал объяснять, что он начальник деревни Ваймата и, узнав, что урумбай отправился в залив Тимбону, захотел видеть «туан-пути» (белого господина). Я тогда пригласил его подойти к урумбаю, на что он не решался, извиняясь тем, что на других пирогах находятся начальники других деревень. Я сказал ему тогда, чтобы и другие пироги прибли-

зились и все начальники собрались бы на урумбай. Услышав это, люди пироги стали грести по направлению к остальным, и в непродолжительном времени все пять пирог приблизились к урумбаю. В них мы увидели очень большое количество оружия — стрел и копий, что отчасти подтверждало предположение серамцев или же доказывало недоверие папуасов относительно урумбая. Папуасы только тогда решились войти на урумбай, когда я открыл по их просьбе занавес моей каюты и они удостоверились, что у меня нет людей в засаде. Только начальникам было дозволено войти на палубу. От них я поспешил узнать имена окружающих местностей, кое-что о населении, а также удалось записать и несколько слов их диалекта; но, несмотря на щедро розданный табак, они не чувствовали себя в безопасности на урумбае, и, пока я занялся записыванием слов, внимательно прислушиваясь к выговору, все папуасы, один за другим, тихонько спустились в свои пироги. Велик был страх моего собеседника, который диктовал мне слова, когда он заметил, что остался один. Забыв даже данный ему табак, он соскочил в свою пирогу, после чего папуасы, не говоря ни слова, стали усиленно грести от урумбая.

Налетевший легкий шквал с дождем позволил нам поставить паруса и скоро отдалиться от пирог. Серамцы нисколько не были успокоены визитом папуасов. Он только увеличил подозрение моих людей; между ними находилось несколько, посещавших уже десятки раз берега Новой Гвинеи. Они говорили, что папуасы только потому приблизились мирно, что заметили наши приготовленные ружья, и сделали это для того, чтобы удостовериться в числе людей на

урумбае и рассчитать относительные силы. Они были убеждены в том, что папуасы ожидают теперь ночи, чтобы напасть на нас, и очень просили меня не оставаться здесь до утра, а выбраться скорее в море. Доводы моих людей одержали верх, и я согласился исполнить их убедительные просьбы, соображая, что папуасов пятьдесят человек, а нас всего тринадцать, и ночью шансы были бы не на нашей стороне, так как схватка была бы рукопашная. Они одолели бы нас своею сравнительною численностью. Серамцы были так убеждены в опасности, что замечательно усердно гребли всю ночь, и к рассвету урумбай бросил якорь у выхода из залива Кируру, откуда я решил вернуться в Айву и заняться исследованием Телок-Камрау и Телок-Бичару.

31 марта

Обогнув мыс Тандион-Бой при значительном волнении, мы вошли в Телок-Каю-Мера, где мои люди обратились ко мне с просьбою позволить им отдохнуть после двух утомительных дней.

1 апреля

Люди были заняты ловлей рыбы и собиранием ракушек, так что только к трем часам пополудни мы подняли якорь и вышли из Телок-Каю-Мера в открытое море. Прибоем нас несколько раз едва-едва не выкинуло на скалы, и часу в одиннадцатом ночи мы бросили якорь у острова Драмай.

2 апреля

Ветер был противный, и нам пришлось грести весь день вдоль берега острова Айдумы. Я решил переночевать около Вайкалы.

Вот что я узнал здесь от туземцев. Папуасы моей

колонии в Айве, полагая, что благодаря моему соседству они будут в безопасности, перестали быть постоянно настороже и вовсе не думали о внезапном нападении. В одно дождливое и угрюмое утро, когда начальников и большинства мужчин не было в селении, а другие по случаю дождя спокойно спали, внезапно появилось множество папуасов-врагов (жителей из бухты Бичару). Они все были хорошо вооружены, и, чтобы придать себе более страшный вид, их лица были выкрашены черной краской. Застав маленькое поселение врасплох, они бросились на спящих мужчин, не щадя и женщин. Один из первых шалашей, который был атакован, принадлежал старому радье-Айдума, который был в отсутствии. Дома спали его жена и дочь (хорошенький ребенок лет пяти—шести). Раненая двумя ударами копья, бедная мать нашла, однако, силы добраться с дочерью до моей хижины, где она надеялась быть в безопасности. Другие туземцы колонии последовали ее примеру, по крайней мере те, которые не были тяжело ранены, чтобы добраться туда; таким образом, моя хижина стала центром свалки.

Число нападавших было около сотни, между тем как в Айве было не более дюжины мужчин, но много женщин и детей. Разумеется, люди Айдумы были совершенно разбиты. Мои семь слуг не заступились за них, боясь быть убитыми. Победители не удовольствовались тем, что ранили и убили около десятка людей Айдумы (мужчин и женщин), но, убедившись, что раны жены Айдумы были смертельны, изрубили на куски ее дочь. Отрубленная голова с частью туловища и болтающейся рукою была нанизана на копье и с торжеством унесена в горы.

Впоследствии я узнал, что причиной этих убийств была старая вражда и давно уже решенная месть. После убийства начался грабеж моих вещей, который продолжался до трех часов пополудни. Тогда горные туземцы отправились в обратный путь, неся, как трофей, голову ребенка, уводя с собой в плен двух молодых девушек и мальчика и унося, сколько могли, вещей, награбленных в моей хижине.

Между тем один из моих людей — амбоинец Иосиф — не совсем потерял голову. С помощью двух других он отправился в маленькой пироге к большому падуакану, пришедшему недавно для меновой торговли с туземцами. Он убедил анакоду туземной прау послать шлюпку с вооруженными людьми для того, чтобы спасти, по крайней мере, хоть часть моих вещей. Они прибыли в Айву к вечеру и застали людей Наматоте и Мавары занятыми разборкою и дележом добычи. Утомленные дневными приключениями, туземцы, при виде вооруженных людей, не стали сопротивляться, и мои слуги собрали несколько остатков моих вещей и отнесли их к падуакану.

Несмотря на всю неожиданность и неприятность известия, оно меня скорее заинтересовало и рассердило, чем смутило или напугало. Мое решение вернуться в Айву уже было принято. Поэтому, несмотря на усталость людей и на их возражения, я заставил их грести всю ночь в канале между островами Мавара и Симеу.

3 апреля

К рассвету мы были в Маваре. Я отправился на берег, на этот раз вооруженный, так как опасался, что люди Мавары, также грабившие мои вещи, мо-

гут отнестись не особенно дружелюбно к моему визиту. Я хотел видеть «капитана» Мавары, физиономия которого мне никогда не нравилась и которого я считал вместе с радьей-Наматоте главным виновником убийств и грабежа. Я отправился к его хижине, но там никого не нашел кроме двух баб, сильно испуганных, забившихся в угол хижины, и нескольких плачущих детей. Я был почти-что убежден, что капитан и другие туземцы-мужчины, не ожидавшие моего визита, попрятались где-нибудь поблизости. Расправляться с ними я пока не хотел, тем менее с женщинами и детьми, поэтому я вернулся к урумбаю и направился далее к острову Наматоте, где, по словам встреченного туземца, находились падуакан и мои слуги.

Скоро можно было различить падуакан, стоявший на якоре в проливе, отделяющем остров Наматоте от материка.

Нетерпение моих людей по мере приближения к нашей цели возрастало, и последние полчаса гребцы хорошо исполняли свое дело. Когда мы были уже недалеко, от падуакана отделилась шлюпка, в которой сидели Иосиф Лопис, Ахмат и один из моих людей из Серама. Я был рад, что Лопис догадался приехать, так как единственно от него я мог узнать приблизительную истину обо всем происшедшем. Как только шлюпка приблизилась, я позвал его в мою каюту; он схватил мою руку и казался очень растроганным; когда же пришел Давид, он бросился его обнимать и чуть не плакал. Я приказал ему рассказать мне все, что он знает, прибавив, что я уже слышал многое, но желаю знать от него подробности. Его рассказ оказался во многом отличным

от уже слышанного мною, что было совершенно естественно, потому что туземца я вчера не мог расспрашивать иначе как через переводчика, человека из Серама, а последний имел причины, как оказывалось, не переводить всего, что ему было передаваемо.

Лопис начал свой рассказ, с жаром уверяя, что вся история была общим делом людей Бичару, Наматоте, Мавары и оставленных мною людей Серама. Частная месть была причиною убийств жены и дочери старика радьи-Айдума. Прельщенные грабежом моих вещей, люди Наматоте, Мавары, вместе с моими слугами из Серама, решили пожертвовать семьей и друзьями старика Тонеме, радьи-Айдума, ограбить меня и свалить всю вину на людей из бухты Бичару. Иосиф был в этом вполне убежден, уверяя меня, что, когда он услыхал крики и гвалт схватки на берегу, он роздал аммуницию, порох и пули всем нашим людям, чтобы встретить нападающих. Люди мои, действительно, принялись стрелять, но, как уверял Иосиф, стреляли одними холостыми зарядами, и не потому, что боялись быть убитыми жителями Бичару, а просто потому, что были в стачке с ними.

Это показалось мне совершенно правдоподобным, так как я не сомневался, что восемь человек, вооруженных ружьями, без особого труда могли бы обратить в бегство сотню туземцев, вооруженных копьями, если бы они, действительно, стреляли пулями и дробью.[1]

.

Радья-Айдума и радья-Наматоте всячески ухаживают за мной, пожимают беспрестанно руки и изъ-

[1] В этом месте в дневнике имеется, повидимому, пропуск. *Ред.*

являют желание всюду следовать за мною, куда я только пожелаю. Серамцы просят, в свою очередь, не верить ни одному их слову и видят в них лишь новые сети. Восемь человек моих людей, серамцев, больны лихорадкой.

Вечером Иосиф пришел сказать, что оба радьи говорили моим матросам, чтобы они за себя не боялись, что им никто ничего не сделает. Серамцы этому верят, но сильно трусят за меня или, вернее, за самих себя, полагая, что в случае, если меня здесь убьют, им достанется от голландского правительства, когда они вернутся домой.

8 апреля

Анакода приехал сказать, что вследствие последних событий он боится остаться здесь, что торговля в этом году плоха и что он предпочитает поэтому отправиться на острова Кей или Ару. Я приготовил два ящика с препаратами в спирту и черепами, которые хочу отправить с ним, и дал ему несколько писем для передачи первым голландским властям, которых он встретит.

Между похищенными или разбитыми вещами находились, между прочим, две банки с хиной. У меня осталась одна неполная, почему приходится весьма экономно обходиться с приемами. Между моими людьми очень много больных: из шестнадцати матросов только четверо здоровы.

11 апреля

Направился, наконец, на остров Айдуму. Выбрал будущим местожительством Умбурмету, положение которой мне кажется более здоровым в сравнении с Вайкала.

Когда я вечером выбирал место для моей хижины, серамцы стали снова ворчать; я сейчас же прекратил это ворчанье, заявив опять, что в хижине жить я буду один, а они все могут оставаться ночью и даже днем на урумбае, а что если им и этого мало, то пусть отправляются домой, а я один останусь здесь. После этого снова послышались уверения в преданности и полной готовности слушаться. Пользуясь моментом, я заставил их дать мне обещание, что они начнут постройку хижины завтра с рассветом.

12 апреля

Я еще не встал, т. е. не было еще 5½ часов, как партия серамцев съехала на берег, чтобы до завтрака вырубить нужный материал для будущей хижины. Позавтракав, я тоже съехал на берег и указал на месте, которое Иосиф с одним из серамцев уже расчистили, размеры хижины. Так как эта хижина будет служить только для ночлега, а днем для письменных занятий, вещи же мои останутся на урумбае, то размеры ее могли быть очень небольшие; метра три в ширину и четыре в длину, как раз достаточное помещение для койки, стола и стула. Люди работали очень хорошо, так что к завтраку хижина будет готова.

15 апреля

Переселился вчера и провел ночь уже в хижине; она такая дырявая, хотя сверху и не протекает, что вечером нельзя зажечь свечи, да и спать холодно.

Сегодня пришли шесть пирог с кучей народа. Вечером, просидев весь день над кое-какими анато-

мическими работами, я вышел на веранду и любовался игрою мальчиков и юношей на песчаном берегу. Был отлив, почему они имели большое пространство для своих игр. Они играли в войну: бросали друг в друга песчаные пули и легкие палки вместо копий. Главное искусство состояло в том, чтобы бросить ком песку или копье и потом быстро увернуться, броситься в сторону или на землю или прыгнуть высоко и увернуться от копья, направленного в ноги. Трех- и четырехлетние мальчики участвовали в игре, которая очень интересовала четырнадцати- и пятнадцатилетних юношей. Здесь, как и в других местах Новой Гвинеи, дети замечательно рано начинают упражняться в метании в цель: они бросают чем попало и во что случится и достигают в этом большой ловкости.

Имел с Давидом и Иосифом серьезный разговор. Я начал с того, что спросил их: побоятся ли они остаться здесь со мною, если я позволю урумбаю вернуться в Серам. Оба отвечали положительно, что боятся, потому что папуасы здесь готовы убить человека из-за пустой бутылки или старой тарелки. Они прибавили, что общее мнение, что на папуасов невозможно положиться и что серамцы, несмотря на общую выгоду сохранить мирные отношения, трусят каждую ночь, боясь неожиданного нападения.

Если мы останемся здесь вчетвером, то есть я, Давид, Иосиф и Ахмат, то нам не сдобровать. Затем оба прибавили, что у них есть жены и дети. Вследствие этого разговора, я принужден был задержать урумбай.

Часов в десять вечера пришла пирога с людьми

Айдумы и с очень интересным известием, оправдавшим предположения моих людей и подтверждающим выраженное ими мнение, что здесь невозможно полагаться на туземцев. Известие состояло в следующем: на-днях (кажется, вчера) около трехсот человек из горных деревень около Телок-Камрау приходили действительно в Айву с намерением убить меня и разграбить окончательно мои вещи. Эта экспедиция была очень разочарована, найдя в Айве одни обгорелые столбы вместо хижины и людей. Серамцы, как говорит Давид, очень встревожились этим известием и очень трусят. Давид просил меня спать не здесь, а вместе с моими людьми в урумбае. Я не согласился.

17 апреля

Опять тревога. Новое известие пришло к вечеру. Говорят, что люди Наматоте и Мавары хотят напасть на меня ночью или на рассвете, и если придут, то, вероятно, в значительном числе. Мои люди так встревожены, что ожидают нападения непременно в эту ночь, — ведь, у страха глаза и уши велики, а главное, страх заразителен. Я, разумеется, постарался убедить моих людей и даже успел рассмешить их всех, спросив, каким образом они думают, что горные жители попадут сюда, не имея пирог, или же станут гоняться за урумбаем по морю. Я наотрез отказался перебраться из хижины на урумбай. Пришлось, однако, лечь спать одетым.

21 апреля

Под утро был разбужен криками, которые произвели общую тревогу. Оказалось, однако, что причи-

ной тому была небольшая прау, пришедшая из Горама.

Анакода пришедшей прау и несколько человек горамцев пришли ко мне с визитом и сказали, что прибыли сюда, надеясь встретить на этом берегу анакоду Чечонэ, чтобы торговать его товарами, и, узнав, что падуакан Чечонэ уже покинул этот берег, они думают вернуться назад в Горам.

Мои люди снова перепугались. Множество пирог показалось у мыска. Сейчас же явилось предположение, что и люди Наматоте собираются напасть на нас, и когда все пироги снова, вместо того, чтобы итти вперед, вернулись и скрылись за мысом, в этом обстоятельстве было найдено подтверждение тому, что это произошло вследствие неожиданного прихода прау из Горама. Все это может быть и правда, а может быть, и даже вероятнее, вздор. Серамцы так возбуждены, что во всем готовы видеть неминуемую опасность.

22 апреля

Охота здесь бедна, — беднее, чем на материке в Айве.

Присутствовал при браке Тагара с дочерью старого радьи-Айдума. Это был простой торг. Тагар купил невесту за ружье, ценность которого на островах считается 10 флоринов; в придачу был дан кусок белой бумажной материи в 2½ флорина; итого 12½ флоринов.

Тагар должен был, однако, ждать следующего муссона, чтобы взять жену в Серам. Она девица не слишком юная, на вид ей за двадцать лет, что здесь далеко не первая молодость.

23 апреля

Встал рано, думая отправиться на охоту с Давидом. Пока я пил кофе, любуясь видом гор при утреннем освещении, Иосиф рассказал мне, что ночью была снова большая тревога. Пришла какая-то пирога из Мавары; когда ее окликнули, она хотела удалиться; он, Иосиф, звал меня с урумбая, но я, видно, спал, так как ничего не ответил. Я, действительно, спал очень крепко, и все, что Иосиф рассказывал, было для меня новостью. Иосиф прибавил, что капитан Мавары — один из главных участников грабежа. Мои вещи из Айвы находятся именно в этой пироге, которая прибыла ночью.

— А радьи-Наматоте там нет? — спросил я.

— Не видал, — отвечал Иосиф.

— Очень жаль, хорошо было бы захватить их обоих.

Иосиф посмотрел на меня вопросительно. Я сам не знал, что предприму, однако решился не выпускать этого человека. Не следовало терять времени: я послал Иосифа за Давидом, а сам допивал кофе, обдумывая, как удобнее все устроить. Давид явился, и я объяснил ему в двух словах, что решил взять капитана Мавары живым или мертвым, что нам не придется после этого долго оставаться здесь и чтобы он зарядил все ружья, пока я соберу мои бумаги и книги.

Наша работа шла быстро; и когда двое из серамцев пришли с Иосифом, мои бумаги, книги и белье были уже мною уложены. Иосиф объявил, что не ошибся и что капитан Мавары находится в пироге. Я приказал Давиду остаться при ружьях, Иосифу итти со мною и, обращаясь к Майбериту, чистокров-

ному папуасу, который почему-то всегда беспрекословно исполнял мои приказания, спросил:

— А ты боишься со мною итти или нет?

— Нет, — отвечал он, — если ты пойдешь первый.

Я указал ему на крепкую веревку, надеясь, что не револьвера, а веревки будет достаточно для капитана Мавары.

С веранды я мог видеть положение всех и каждого и невольно заметил весьма значительное число папуасов, сравнительно с моими людьми. Хотя я их не считал, но полагаю, что их было раза в три больше нас. Промелькнула мысль: «а ну, если все кинутся защищать капитана Мавары?» Хотя я не сомневался в исходе дела даже и в таком случае, но мне жаль было допустить возможность резни, в которой все-таки я буду виноват. Но это была только минута; я припомнил вид моей разграбленной хижины в Айве, лужи крови несчастного ребенка на моем столе и кровавые следы его матери, убитой также в моей комнате. Приказав никому ничего не говорить, я вышел с Давидом и папуасом.

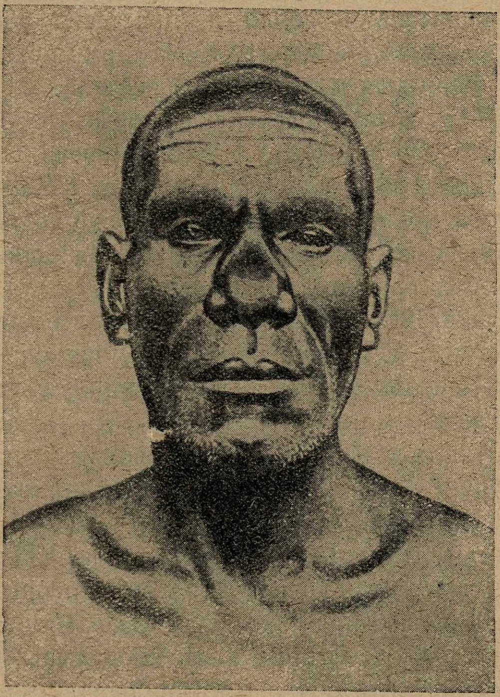
Большинство людей занималось приготовлением пищи; мои серамцы завтракали в урумбае, и только немногие были на берегу, любезничая с молодыми папуасами. Медленно переходя от одной группы к другой, я, наконец, подошел к пироге.

— Где здесь капитан Мавары? — спросил я не особенно громким голосом. Ответа не было, но все голоса затихли, и много физиономий обернулось, как бы ожидая чего-то.

— Капитан Мавары, выходи! — повторил я громче.

Общее молчание. Я подошел к пироге.

— Выходи же! — были мои последние слова. Тут я сорвал цыновку, служившую крышей пироги. В ней, действительно, сидел капитан.

Капитан Мавары

Фотография Н. Н. Миклухо-Маклая

— Сламат туан, — произнес он дрожащим голосом.

— Так это ты грабил мои вещи вместе с людьми Телок-Камрау! Где теперь радья-Наматоте?

— Не знаю, — еще более слабым голосом произнес этот человек, который был вдвое или втрое сильнее меня, а теперь дрожал всем телом. Все папуасы и мои люди окружили нас.

— Смотри за людьми, — шепнул я Иосифу, а сам схватил капитана за горло и, приставив револьвер ко рту, приказал Майбериту связать ему руки. После этого я обратился к папуасам и сказал:

— Я беру этого человека, который грабил мои вещи, которого я оставил в Айве стеречь мою хижину и который расхитил, что было в ней, допустил, что в моих комнатах убили женщин и детей. Возьмите его сейчас же на урумбай; Майберит и ты, Сангиль, будете отвечать за него.

Я решил, что следует покончить все дело как можно скорее, а главное — не дать времени людям опомниться и не допустить какого-нибудь совещания. Видя, что мои серамцы убедились в необходимости слушаться меня и даже потащили моего пленника в урумбай, я положил револьвер обратно в чехол у пояса и сказал туземцам:

— Я сержусь не на вас, а только на начальников, капитана Мавары и радью-Наматоте, которые были заодно и делали то же, что люди Телок-Камрау.

Заметив, что некоторые были вооружены, я предложил им оставить оружие в стороне, так как никто их не тронет, и помочь моим людям перенести мои вещи из хижины на урумбай. Мои слова произвели хорошее впечатление; серьезные лица приняли веселое выражение. Все снова заговорили и принялись перетаскивать мои вещи из хижины на урумбай.

Давид и Иосиф распоряжались очень расторопно. Мои люди, не полагаясь на мирный исход, остава-

лись вооруженными, и все ружья на урумбае были заряжены. Я принял меры предосторожности и положительно запретил, чтобы какая-либо пирога покинула Умбурмету. Иосифу, Ахмату и радье-Айдума велел следить за исполнением этого приказания. В какой-нибудь час все было перенесено на урумбай и мы могли отправиться в путь каждую минуту.

Я не забыл, однако, об интересном черепе, лежавшем недалеко от дома старого радьи; я до сих пор не хотел трогать череп из нежелания показать туземцам, что я не уважаю гробниц их родственников. Теперь же, уходя, я не хотел оставить интересный антропологический препарат в добычу сырости и времени. Надо было ухитриться удалить всех с того места на несколько минут, так как даже и теперь я не желал сделать этого похищения открыто. Я послал поэтому серамцев на урумбай готовиться к уходу, других — за водой и, шепнув несколько слов Давиду, сказал туземцам, что иду успокоить женщин и проститься с ними. Я рассчитывал, что все мужчины пойдут со мной, в чем и не ошибся. Женщины, как только произошел арест капитана Мавары, вероятно, боясь насилия, сочли более благоразумным немедленно убраться и спрятаться в старом доме радьи-Айдума. Может быть, они это сделали по приказанию мужчин. Я отправился к дому и вызвал женщин, которым сказал с помощью переводчика, чтобы они ничего не боялись, что я им ничего не сделаю, не убью и не увезу никого насильно с собою и чтобы они передали мои слова другим. Я велел им также передать жене капитана Мавары, что я его взял потому, что он, вместе с другими, грабил мои вещи, вместо того, чтобы защищать их,

но я ничего с ее мужем не сделаю, а только отвезу его в Амбоину на суд резидента. Увидя жену Тагара, я позвал ее и подарил кусок красной бумажной материи, зеркало и табаку. Я думал, что застану ее в большом горе по случаю отъезда ее молодого мужа; но замечательно, как мало грусти выражала ее довольно миловидная физиономия при расставании с своим супругом, с которым она жила только один месяц и который едва ли в такое короткое время мог уж ей надоесть.

Мне сказали, что одна из жен капитана Мавары находится между женщинами. Я сейчас же предложил ей сопровождать мужа, думая, что это ее обязанность. Но она не захотела и вовсе не казалась опечаленной участью мужа.

Май 1874 года

Простившись окончательно с туземцами Умбурметы, которым я роздал значительное количество табаку, я переехал на урумбай в одной из туземных пирог и, убедившись, что все в исправности, приказал поднять паруса и при легком южном ветре направился к острову Ади. Отойдя несколько миль от берега, я приказал развязать руки моему пленнику и дать ему есть. Он сделался очень послушным и старался подружиться с моими людьми. Он предлагал им, как я это узнал от моих амбоинских слуг, значительное количество продуктов, если они помогут ему бежать при первой возможности.

Чтобы помешать исполнению этого плана, я в продолжение восьми дней пути до острова Кильвару нигде не останавливался, несмотря на просьбы людей зайти куда-нибудь за свежей провизией и на

то, что вода, взятая в Умбурмете, начала портиться. Раз мне даже пришлось пригрозить револьвером, чтобы сохранить дисциплину. Придя в Кильвару 29 апреля, я передал моего пленника радье-Кильвару, сказав, что он будет отвечать перед резидентом Амбоины в случае побега капитана Мавары, и предупредил его, что он должен остерегаться людей Гесира, которые ради выгод, обещанных капитаном, пожалуй, будут склонны помочь ему.

Я послал Иосифа на небольшой прау с пятью туземцами на остров Банду с письмом к резиденту Амбоины, который, однако ж, прибыл в Кильвару только 21 мая. Все это время я прожил на острове Кильвару и сделал ряд интересных наблюдений над малайско-папуасскими помесями и вообще над туземцами.

Капитан Мавары был взят на пароход «Бали» резидентом Амбоины, а затем переслан, кажется, в Тидор. Наказанием ему было переселение из Новой Гвинеи, а не тюремное заключение.

ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
НА НОВУЮ ГВИНЕЮ
1876—1877

Острова Адмиралтейства

(Отрывки из дневника за май, июнь 1876 года)

Предварительные замечания об островах Адмиралтейства. — Остров Вуап. — Трэдоры. — Побоище у рифа Иезу-Мария. — Украшения и татуировка. — Отвратительные приемы торговли с туземцами. — Деревни Пуби и Лонеу. — Антропологические работы. — Особенности зубов меланезийцев. — Обсидиановые лезвия. — Заметки по общественному строю. — Оружие черных и оружие белых. — Северный берег острова Тауи. — Островок Андра. — Разоренная деревня. — Меланезийская гимнастика. — Женщины и дети. — Торговля черепами.

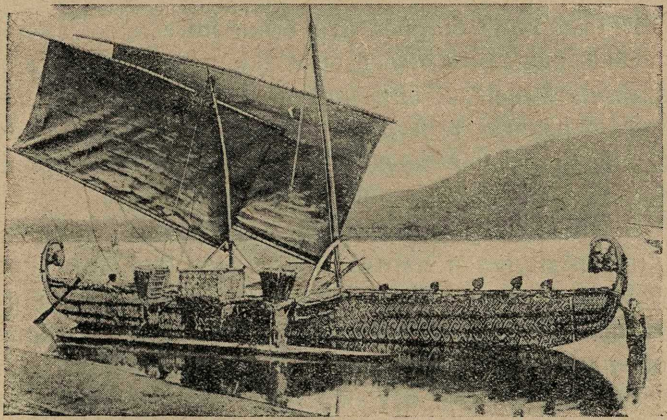
Острова Адмиралтейства, хотя и были открыты в 1616 году, остаются до сих пор мало известными, несмотря на то, что в течение 260 лет со времени их открытия они были посещены многими мореплавателями и несколькими естествоиспытателями. Они представляют группу, состоящую из одного большого гористого острова и многих, вокруг него лежащих, по большей части низких островков. Группа находится между 1° 58′ и 3° 10′ южной широты и 146° и 148° 6′ восточной долготы, милях в ста на юг от экватора, в 130 милях от острова Нового Ганновера и в 150 от ближайшего берега Новой Гвинеи. Большой остров Адмиралтейства, называемый Тауи,

приблизительно 50 миль длины и 15 миль ширины, тянется от запада на восток и имеет поверхность приблизительно в 550 квадратных миль; во многих местах он не высок, между тем как в других (в юго-восточной части) горы поднимаются до 3000 футов вышины.

Ле-Мер и Шутен, проходя в июле 1616 года мимо островов Адмиралтейства вдоль южной стороны их, дали им название: «Двадцать три острова», которое, однако же, не удержалось, а заменено названием островов Адмиралтейства, данным им капитаном Ф. Картере, подошедшим на английском военном шлюпе «Swallow» в сентябре 1767 года к одному из островков на юге группы Адмиралтейства. Двенадцать или четырнадцать туземных пирог приблизились к шлюпу и атаковали его, бросив неожиданно большое число копий в матросов, бывших на палубе. Капитан Картере, несмотря на свои миролюбивые намерения относительно туземцев, был принужден стрелять, чтобы отделаться от них. Несколько туземцев было убито, остальные спаслись вплавь, покинув пирогу, которая была забрана на шлюп, осмотрена, а затем расколота на топливо. Это было первое знакомство туземцев этой группы с европейцами.

Причиною посещения островов Адмиралтейства двумя французскими судами «Recherche» и «Espérance» под командой генерала Дантркасто в 1792 году были известия, полученные Дантркасто на мысе Доброй Надежды, будто бы разные вещи, принадлежащие экспедиции Лаперуза, замечены у туземцев островов Адмиралтейства. Это известие было сообщено коммодором Хунтером, который в 1790 году, потеряв свое судно, фрегат «Сириус», у острова Нор-

фольк, отправлялся на голландском судне в Батавию. Когда судно это проходило мимо островов Адмиралтейства, несколько туземных пирог были замечены в отдалении. Белые украшения из раковин, резко выделяющиеся на темной коже, и куски выделанной древесной коры, намазанной охрой, были приняты коммодором Хунтером за клочки мундиров

Пирога с островов Адмиралтейства

французских матросов и офицеров экспедиции Лаперуза; он был так уверен в этом обстоятельстве, что поспешил сообщить командующему экспедицией, посланной французским правительством отыскать место и узнать все подробности, касающиеся гибели экспедиции Лаперуза. Дантркасто, получив сообщения коммодора Хунтера, прибыл на острова Адмиралтейства в июле 1792 года и, побывав сперва на островах Иезу-Мария и Ла-Вандола, прошел вдоль северного берега большого острова. При посредстве

торга, он вошел в сношения с туземцами многих островов группы, но нигде не нашел следов европейских произведений; поэтому, заключив, что коммодор Хунтер ошибся, экспедиция покинула группу, нигде не высадившись. Об этом посещении островов Адмиралтейства существует два описания. Одно самого Дантркасто, другое — естествоиспытателя Лабиллардиера.

В 1843 году острова эти были посещены американским клипером «Margaret Oakley» под командою капитана Морреля; описание посещения этого было сделано некиим Т. Якобсом; экипаж клипера съезжал на берег в разных местах большого острова, а также на малых островах.

Экспедиция «Челленджера» посетила острова Адмиралтейства в марте 1875 года. Семь дней пребывания фрегата у восточной оконечности большого острова дали возможность офицерам сделать съемку довольно удобного порта у северо-восточной оконечности большого острова Адмиралтейства, названного в честь командира Nares Harbour, а естествоиспытателям экспедиции позволили съезжать часто на небольшие острова порта и ознакомиться с флорой, фауной и отчасти этнологией этой местности. Профессор Мозлей в отдельной брошюрке с иллюстрациями сообщил не мало интересных сведений о туземцах и их домашней обстановке.

Я несколько раз бывал на островах Адмиралтейства — на большом острове и на маленьких островках, прилегающих к нему; не раз жил по неделям на берегу и имел случай, более чем другие естествоиспытатели, посетившие эту группу, познакомиться с туземцами островов Адмиралтейства и образом их

жизни. Первое посещение было в мае 1876 года, через год после экспедиции «Челленджера». Я тогда побывал на юго-восточном берегу большого острова, а затем прожил несколько дней на островке Андра, одном из островков, лежащих вдоль северного берега большого острова.

Шестого мая 1876 года на маленькой шхуне под английским флагом по имени «Sea Bird» («Морская птица») мы подошли к острову Вуап, и я съехал на берег у большой деревни Киливит, на севере острова. Из этой деревни отправлялась с нами партия из двадцати двух туземцев, для ловли и приготовления трепанга,[1] на острова, на юг от экватора, нанятая одним из трэдоров, живших на острове Вуап. Более года тому назад он заключил условие с вождем Киливита, который обязался в уплату за перевоз «фэ»[2] из Пелау отпустить с этим трэдором известное число туземцев для ловли трепанга.

Вскоре после заключения договора случился печальный факт, что из шестидесяти пяти туземцев Вуап, отправившихся в двух партиях на европейских судах, вернулось обратно только семь человек, из которых умерло еще несколько по возвращении домой. Это обстоятельство, разумеется, очень озадачило жителей Киливита, и начальнику было трудно

[1] Трепанг — различные разновидности голотурий; употребляются в пищу китайцами. *Ред.*

[2] «Фэ» — туземные деньги на острове Вуап (Яп) в Каролинском архипелаге. Изготовляются на островах Пелау из грубо обтесанного белого камня. Делаются в форме диска с отверстием посредине; достигают семи футов в диаметре и нескольких тонн весом. Самые большие «фэ» по ценности соответствуют тысяче долларов. *Ред.*

добыть людей: никто не хотел отправляться, видя, что шансы на возвращение очень неверны. Но туземцы, несмотря на это, сдержали слово, и начальник, чтобы убедить других, сам показал пример, послав с прочими своего старшего сына. Пример подействовал, и трэдору удалось на этот раз получить работников.

Когда многочисленные пироги привезли отправляющихся с нами туземцев и провожающих их родственников и друзей, я заметил, что между первыми был и их «матра-мат»,[1] который привез с собою маленького деревянного идола, обвязанного тряпками. Идол этот висел у него на груди. На мои вопросы я получил весьма неудовлетворительные ответы: мне сказали, что, когда кто из туземцев заболеет, этого идола ставят около больного, и что один из больших «матра-мат» дал идола, чтобы сопровождать экспедицию, для предотвращения всяких бедствий. Мое любопытство, видимо, не нравилось туземцам, и они поспешили унести свою святыню в трюм.

Через неделю, 14 мая, мы приблизились к группе Улеай.[2] Я насчитал шестнадцать островков, из которых шесть были больше других. К нам выехало значительное число пирог. Люди были немного темнее туземцев Вуап, имели лицо, раскрашенное красной краской; носовая перегородка была пробуравлена, зубы белые. Некоторые были татуированы; рисунок татуировки не отличался от виденного на островах Вуап и Магмуг. Красиво татуированный произво-

[1] «Матра-мат» — название колдунов (шаманов) на острове Вуап (Яп). *Ред.*

[2] На некоторых картах этот архипелаг носит название Волеа. *Примечание Миклухо-Маклая.*

дит впечатление хорошо одетого, и в толпе, в которой находятся татуированные и нетатуированные, невольно сперва обращаешь внимание на первых. Между людьми среднего роста, из которых многие молодые были весьма красивы лицом и хорошо сложены, некоторые отличались замечательно высоким ростом. Я смерил одного, который был выше других, он оказался ростом 1810 миллиметров.

Проштилевав всю ночь, мы незначительно отдалились от группы; но миль пять или шесть расстояния от нее не помешали выехать пирогам. Туземцы здесь очень падки на табак, так что небольшой кусок его предпочитают ножу.

На одном из островов этой группы живет европейский трэдор.

На второй день после того, как мы увидели силуэт острова св. Матфея, именно 27 мая, мы оказались при рассвете на восток от главного острова группы Адмиралтейства, около островков, которые на карте носят названия: Los Reyes, Gabriel, Refael, Horno, La Vandola. Как и у острова Матфея, к нам не выехала ни одна туземная пирога; это было еще понятно там, так как мы прошли в значительном расстоянии от берега, здесь же мы проходили некоторые из островов в расстоянии не более одной мили и даже менее, так что можно было различать предметы на берегу: хижины, пироги, людей. Причиной было, вероятно, то, что утром шкипер, под предлогом «быть наготове», пробовал свои игрушечные орудия; хотя и не звук, а дым выстрела, вероятно, достаточно напугал туземцев, чтобы парализовать их любопытство.

Около группы Иезу-Мария, которую мы прошли

27 мая около четырех часов, в октябре прошлого года произошло трагическое событие, один из многочисленных примеров поведения европейских шкиперов, плавающих в этих морях.

Шхуна «Рупак» (шкипер Голл) под английским флагом, забрав на острове Вуап человек тридцать туземцев, крейсировала около островов Адмиралтейства, отыскивая удобное место для ловли трепанга. Около архипелага Иезу-Мария к шхуне выехало множество пирог; шкиперу показалось опасным это обстоятельство, тем более, что он заметил большие связки копий на пирогах. Не имея других причин кроме трусости, он стал стрелять по пирогам туземцев. Видя, что испуганные туземцы, выехавшие к шхуне, по всему вероятию, для торга, обратились в поспешное бегство, шкипер вздумал дополнить свою победу. Он послал бывших с ним туземцев Вуап на большой шлюпке в погоню, оставшись, разумеется, сам на шхуне.

Незнакомые с местностью, в пылу погони, туземцы Вуап попали на риф и, не умея хорошо управляться с европейской шлюпкой, не могли скоро спихнуть ее в глубокую воду, почему были врасплох настигнуты жителями Иезу-Марии и в виду шхуны перебиты копьями. Шкипер не попытался подать им во-время помощь и поспешил в свою очередь обратиться в бегство.

Пройдя в ночь незначительное расстояние, мы увидали утром 28 мая южный берег большого острова Тауи, который к западу был горист, на восток же тянулся длинной низменной полосой. Кроме этого берега главного острова виднелись несколько высоких и низких островков, которых я не могу

с точностью указать на морских картах. Один из островков отличался своими холмами, форма которых заставляла предполагать их вулканическое происхождение. Я впоследствии узнал, что туземное название этого острова Лу или Ло и что туземцы получают там обсидиан, из которого они выделывают острия своих копий.

Довольно большая пирога с маленьким четырехугольным парусом шла от этого острова, пересекая наш путь; туземцы, находившиеся на ней, не показали и тени страха, когда встреча со шхуной стала неизбежной. Они, вероятно, уже не раз бывали в подобном положении и, как знающие в чем дело, свернули во-время парус, поймали брошенный со шхуны конец и, убедившись, что за кормой пирога их совершенно вне опасности быть залитой волнением, влезли на палубу.

Пирога эта, кроме небольшого четырехугольного паруса, имела еще две другие особенности, которые бросались в глаза. Во-первых, мачта ее была укреплена не в самой пироге, а за бортом ее, где заостренный нижний конец мачты был укреплен в петле из ротанга; во-вторых, платформа посредине пироги не лежала горизонтально, а стояла наклонно, образуя тупой угол с бревнами, соединяющими балансир с пирогой. Такое положение платформы представляет большое неудобство для сидящих в пироге, но имеет, как я предполагаю, ту выгоду, что облегчает сохранение равновесия.

Рея и стеньги пироги были украшены кистями длинных прядей человеческих волос. При виде этих вымпелов туземцы Вуап, которые были на шхуне, встревожились и опечалились, признав в них волосы

своих соотечественников, перебитых недалеко от этого места в прошлом году. Это предположение было весьма вероятным потому, что волосы этих длинных кистей, во всяком случае, принадлежали не меланезийцам, а туземцам Вуапа, которых было перебито достаточно у рифа Иезу-Мария, чтобы украсить снасти не одной пироги. Мысль, что туземцы, которых мы встретили, нередко бывают в сношениях с европейскими судами, скоро оправдалась: между поклажей, которую они имели с собою на пироге, находились небольшое зеркало, несколько ножей и топор. Кроме разных туземных украшений, на руках и ногах наших новых знакомых были браслеты из разноцветных бус, по форме и качеству которых трэдоры, бывшие на шхуне, заключили, что перед нами было здесь судно из Австралии.

Наши новые спутники жестами показывали на берег, где была их деревня, которую они называли Лонеу, и приглашали нас туда. На берегу виднелись кокосовые пальмы и ряд хижин вдоль берега.

Когда можно было ясно различить людей, находящихся на берегу, туземцы, бывшие с нами, знаками и криком стали звать своих соплеменников на шхуну, вследствие чего несколько пирог со множеством туземцев всех возрастов окружили судно; туземцы старались перекричать друг друга, предлагая свои произведения или передавая свои замечания один другому.

Если бы я встретил эту толпу около берегов Новой Гвинеи, то никогда не подумал бы отличить этих людей от тамошних папуасов, туземцев Берега Маклая, и считать их за особую разновидность. Не обращая внимания на множество оригинальных укра-

шений и новых для меня мелочей, как навешанных на туземцах, так и наполнявших их пироги, я старался уловить общий их тип. Чем больше я всматривался, тем менее мне казалось естественным считать туземцев Новой Гвинеи, Новой Ирландии и островов Адмиралтейства (южного берега) чем-либо иным, как географическими разновидностями одного племени.

Туземцы носят здесь много разнообразных украшений. Начну с головы и волос. Из разных причесок, которые здесь в моде, одна особенно отличалась от усвоенных папуасами причесок. Зачесанные назад и смазанные маслом с охрой волосы были туго обвязаны красной тапой (выделанная древесная кора), что представляло вид как бы надетого на затылок узкого колпака; если же тапа не скрывает всех волос, то расчесанный пук их, окрашенный красной землей, образует довольно оригинальный шиньон, висящий на тонком стебле, который образуется из туго связанных волос, часто до двадцати сантиметров длиною.

Характерное украшение, носимое здесь то на голове, то на груди, состоит из правильно вырезанного и хорошо выполированного круга, нередко в двенадцать сантиметров в диаметре, сделанного из одной большой раковины; иногда этот круг заменяется одной обчищенной, но не полированной жемчужной раковиной. Часто поверх этого белого круга бывает прикреплен в центре красиво и разнообразно вырезанный орнамент из черепахи, рисунок которого резко выступает на белом фоне раковины.

В отверстие носовой перегородки у туземцев был вдет шнурок с нанизанными на нем мелкими раковинами, на которых также висел выточенный из ра-

ковины наконечник величиною в большую ручку для стальных перьев. Это оригинальное украшение длиной в 20—25 сантиметров болталось под носом. Ожерелья были сделаны из зубов собак, между которыми находились нередко и зубы людей; для придания ожерелью разнообразия, в известных промежутках между зубами были нанизаны мелкие кости, между прочим и фаланги человеческих пальцев.

Туземцы были настолько хорошо знакомы с требованиями европейских торговых судов, что подъехавшие пироги были нагружены всеми предметами торга. Кроме черепах и жемчужных раковин,[1] на пирогах находились предметы, заинтересовавшие меня в этнологическом отношении. Табиры[2] разных размеров по своей величине и искусной отделке, с красивыми резными ручками, обратили мое внимание. Диаметр некоторых достигал семидесяти двух сантиметров; правильность круга и изгиба вне и внутри были замечательны, как образчик ручной и глазомерной работы. Другие сосуды различной формы, как, например, большие блюда, вазы, бутылки и т. п. были собственно не что иное, как корзины, сплетенные из тонкого ротанга,[3] пропитанные непромокаемым черным составом, вероятно, соком

[1] Туземцы, будучи еще незнакомы с ценностью жемчуга, выбрасывали обыкновенно животное обратно в море, сохраняя от него одну только раковину.

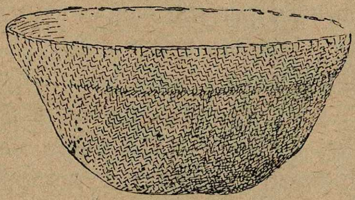
[2] Т а б и р — название, которое дают папуасы Берега Маклая большим чашам или блюдам, выдолбленным из дерева.

[3] Р о т а н г — пальмы с тонким гибким стеблем, перекидывающимся в тропическом лесу с дерева на дерево и образующим непроходимую чащу.

Примечания Миклухо-Маклая.

какого-нибудь растения. Туземцы привезли для мены также множество хорошо сделанных сетей, тонкая бичевка которых была сплетена из весьма крепких фибр. Наконец, копья с острием из удачно отколотого куска обсидиана имели оправу из какого-то весьма твердого цемента, часто мастерски украшенную резьбой; эта оправа соединяла острие с древком.

До захода солнца туземцы теснились вокруг шхуны. Когда стало темнеть, мы, не найдя хоро-

Непромокаемая корзина для воды с островов Адмиралтейства

шего якорного места, отошли немного от берега и легли в дрейф. Ночью все положительно на шхуне спали, даже шкипер и рулевой.

Утром 29 мая, когда понемногу весь служащий персонал проснулся, мы оказались занесенными далеко на юго-запад от вчерашней деревни, около которой предполагалось оставаться, и очутились около маленького островка, который виднелся вчера вечером на горизонте. Был почти штиль.

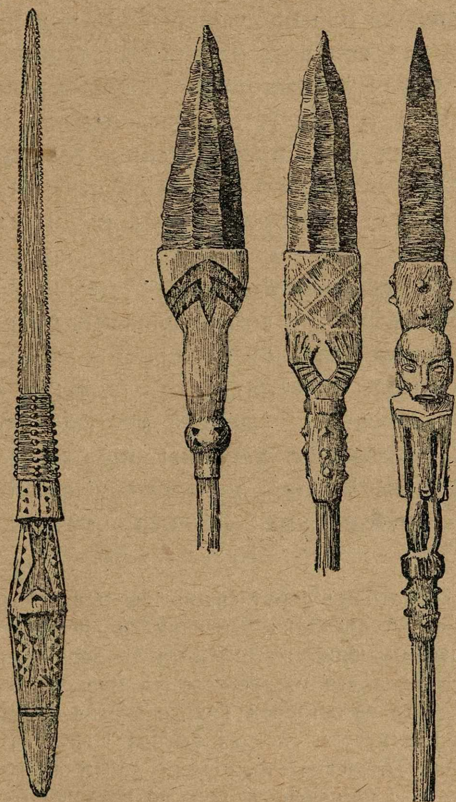
К нам приблизились от ближайшего берега две маленькие пироги. В одной из них находилась молодая женщина, которая, как и прочие туземцы, взобралась на палубу. Ее внешность отличалась множеством татуировки, которой было покрыто все

лицо и тело до колен. Это были шрамы, расположенные без всякого рисунка или симметрии; прямые и кривые линии их перекрещивались вдоль и поперек. Эти тонкие шрамы, шириной около трети миллиметра, были сделаны острым орудием, как я убедился впоследствии — осколком обсидиана. Другой род татуировки составляли пятна — зажившие ранки от обжогов древесным углем. Третий род — покрытые гладкой кожей желваки; эта гипертрофия кожи была вероятным следствием втирания какого-нибудь вещества в рану.

Не успел я измерить головы других туземцев, как они заговорили что-то в большой тревоге, указывая на берег, у которого мы стояли вчера, и на несколько пирог, показавшихся из-за мыска. Они мимикой уговаривали шкипера и трэдоров не возвращаться туда, а направиться в их сторону, далее на запад. Когда же пироги наших вчерашних знакомых стали приближаться, все поспешили спуститься в свои пироги и стали удаляться в противоположную сторону, между тем как туземцы Лонеу, завидя отваливавшие пироги, кричали им что-то вслед, стоя на платформах своих пирог, и грозили копьями. Очевидно, мы находились на границе двух враждебных деревень. Вновь прибывшие, заняв на палубе место первых, в свою очередь стали усердно звать нас к деревням Лонеу и Пуби и, указывая на удаляющиеся две пироги, постоянно повторяли «уссия»,[1] желая мимикой дать нам понять, что те люди людоеды и т. п.

[1] Значение слова «уссия» осталось мне неизвестным; может быть, оно значит: неприятель, или дурной, или просто выражает название местности. *Примечание Миклухо-Маклая.*

Часам к десяти шхуна была окружена более чем двадцатью пирогами различной величины, и на юте

Кинжал (слева) и наконечники копий с островов Адмиралтейства

шел очень оживленный торг. Незначительный ветерок едва подвигал шхуну и не мог парализовать сколько-нибудь силы лучей палящего, ослепляющего

солнца (в одиннадцать часов в тени было 32° Ц); у кормы несколько десятков разукрашенных, размалеванных папуасов кричали, прыгали из одной пироги в другую или бросались в море, держа предметы мены над головою и достигая таким образом шхуны. У борта происходила страшная давка: несколько рядов туземцев, стараясь перекричать других, предлагали свои произведения, толкались, пытаясь пробраться на палубу или спуститься обратно в пирогу. С другой стороны, трэдоры и шкипер, с револьверами за поясом, окруженные лежащими наготове штуцерами разных систем, с мешочками, наполненными бисером, и со стеклянными бусами в руках, отсыпали их маленькими мерками, не больше наперстка, туземцам в уплату за скорлупу черепах, жемчужные раковины и другие местные произведения.[1] Для дополнения картины прибавьте полдюжины туземцев Вуапа, с заряженными ружьями, стоящих на рубке около шкипера, который с ве-

[1] Проценты, которые берут европейцы при этой торговле, выменивая мелкий бисер на черепаху и перламутр, могут считаться сотнями. Один из опытных трэдоров, много лет занимавшийся этим делом, рассказывал мне, что во многих случаях при торге на островах Тихого океана барыш в 800% не редкость. Разумеется, главная выгода достается главной фирме, которая доставляет трэдорам — своим агентам — предметы для мены, с назначением цен, по которым от них принимаются произведения островов. Не помню всех мне сообщенных цен, но все они были замечательно высоки; например, пустая бутылка от вина или пива ценилась приблизительно около 1 доллара. Понятно, что трэдоры при торговле с туземцами также не упускают случая набить еще бо́льшую цену, чтобы и для себя заработать что-нибудь. *Примечание Миклухо-Маклая.*

чера зарядил свои игрушечные пушки и приготовил сегодня тлеющие фитили «на всякий случай».

Иногда, когда ют слишком переполнялся, на туземцев натравливали большую и сильную собаку-водолаза, которой они боятся более трэдоров, шкипера и всего гарнизона шхуны вместе взятых. Едва собака показывала свои большие зубы или начинала лаять, ют мигом очищался, и давка у борта еще более усиливалась; многие бросались в море, чтобы скорее уйти, другие лезли на ванты. Это очень тешило шкипера и трэдоров.

Насколько позволяли жара, влияние раздражающего нервы шума человеческих криков и говора, давка около борта, суматоха при травле туземцев собаками и досада при виде человеческой бесчестности, несправедливости и злости, — я старался развлечься наблюдением над папуасскою толпою. Это мне удавалось несколько раз в продолжение дня; тогда вся описанная непривлекательная обстановка исчезала для меня на время; я видел перед собою ряд интересных объектов для исследования и, пользуясь случаем, спешил записывать, измерять и чертить эскизы для дополнения моих заметок. Я измерил по возможности аккуратно дюжины полторы голов и нарисовал эскизы челюстей с громадными зубами, которых величина и форма сперва меня очень озадачили.

Торг, который шел без перерывов, не помешал, однако же, туземцам вспомнить о своем желудке. Одни ели таро, которого здесь, кажется, много и хорошего качества, другие саго, вареное с тертым кокосовым орехом; некоторые же какую-то массу кирпичного цвета, которую я сперва принимал за

особенным образом приготовленное саго, пока не подошел к завтракающему и не удостоверился, что эта масса не саго, а глинистая земля. Туземец ел ее с удовольствием и долго жевал перед глотанием. Земля, которую называют здесь «Е-пате» цветом и вкусом похожа на «Ампо» — землю, которую малайцы едят на острове Яве, около Самаранга и на многих других островах Малайского архипелага.

Мы употребили почти весь день, чтобы добраться до острова, и к заходу солнца бросили якорь около деревень Пуби и Лонеу, в нескольких саженях от берега.

30 мая я отправился в деревню, которая была расположена вдоль берега. Хижины тянулись около самого берега, а не были спрятаны, как в Новой Гвинее, на Берегу Маклая, за поясом берегового леса. Хижины были двух родов: одни, в меньшем числе, состояли из крыши, доходящей до земли, и не имели боковых стен. Передний и задний фасады этих хижин имели стены из того же материала, как и крыша, то есть из листьев кокосовой пальмы, в них были двери, из которых обращенная к морю была шире, и верхний карниз ее был украшен раковинами. Эти хижины служат для собраний мужчин и спальнями для холостых; женщин и детей в них не было. Таких хижин я заметил три во всей деревне; все остальные были меньшей величины и стояли на сваях, верхние концы которых были клинообразно заострены и снабжены круглыми горизонтальными досками, устраиваемыми, чтобы затруднить доступ крысам в хижины.

Осмотрев деревню, которая называлась Пуби и была очень невелика, я отправился по тропинке

вдоль морского берега в другую, Лонеу, которую также можно было видеть со шхуны. Местность между деревнями болотиста, и на ней растет много саговых пальм. Эта вторая деревня оказалась значительно больше первой, хижины стояли здесь тесно друг около друга. Пространство под хижинами содержится очень чисто, и сваи, на которых стоят хижины, образуют ряды пропилей, отделяющие амфилады пустых и низких комнат. Под хижинами было прохладно; такое устройство, я полагаю, весьма соответствует тропическому климату. Это были семейные хижины; я бегло осмотрел внутренность некоторых из них: крик грудных ребят выгонял меня скоро из хижин; я успел только заметить, что в хижинах не было перегородок, равно как и никакой особой утвари и мебели, кроме табиров, горшков и цыновок. Около некоторых хижин лежали барумы, [1] совершенно схожие по форме и по употреблению с теми, которые я видел на Берегу Маклая.

Туземцы здесь непугливого характера, они не угнали женщин и детей в лес или в другие отдаленные места, почему я имел возможность продолжить и над ними мои вчерашние антропологические измерения, за которые я принялся, как только осмотрел обе деревни. Вообще я принял за правило предпринимать наблюдения в первые же дни знакомства

[1] Барум — туземное название, которое дают папуасы Берега Маклая большому стволу, выдобленному наподобие корыта; ударяя толстой палкой в его стенки, они извлекают сильный, немного глухой звук, который слышится на большом расстоянии; он служит набатом для сообщения разных происшествий (смерти, пиршества, войны и т. п.) окрестным деревням. *Примечание Миклухо-Маклая.*

с туземцами, когда они еще находятся под влиянием известного смущения, с которым обыкновенно бывает сопряжено появление белого в странах, редко посещаемых европейцами. Новизна лица и любопытство, которые группируют туземцев около белого, непонимание его намерений и боязнь рассердить его делают их очень послушными объектами исследования, которых можно измерять, рассматривать и т. д. без помех, если только исследования не переходят границ их терпения.

Наученный опытом, я сократил значительно мои наблюдения и старался собрать достаточный материал для положительных ответов на ограниченное число вопросов. Я убедился уже при прежних путешествиях, что лучше всего начинать исследования со старейших по летам или по положению и сохранять при этом самый серьезный вид, заставляя хранить молчание всю толпу. Не раз, как и здесь, я замечал, что люди, над которыми я делал наблюдения, сами, без моего вмешательства, следили за тем, чтобы я кого из них не пропустил или чтобы кто-либо не укрылся от манипуляций, сделанных над другими. Это происходит, как я предполагаю, от того, что дикие видят даже в самом мелочном действии, произведенном над их особой, какое-то волшебство, навлекающее опасность, почему каждый судит так: если что дурное вследствие этого случится со мною, то пусть и с другими будет то же, как сделали со мною, пусть сделают также и с другими.

Окончив измерение голов и роста, я только что собирался рисовать профиль одной из женщин, как заметил суматоху в группе, которая окружала меня: почти все женщины, за исключением нескольких

старух, перебрались с детьми и со своим бисером, нанизыванием которого на нити они занимались, за несколько хижин от той, где я сидел; даже оригинал моего предполагаемого эскиза улизнул, пользуясь удобным случаем.

Я оглянулся, чтобы узнать причину общего передвижения. Несколько пирог с мужчинами возвращались со шхуны, — они-то и были причиной бегства женщин. Когда туземцы вернулись и обступили мой столик, женщины оставались в почтительном отдалении, как подобает «номерам вторым» рода человеческого.

Вернувшиеся со шхуны казались весьма усталыми: утро было очень жаркое, давка и травля собакой на шхуне также, вероятно, повлияли. Многие из туземцев расположились спать, улегшись на животе и уткнув лицо в подложенные под голову руки. Один же из них, которого интересовала почему-то моя камера-люцида, но у которого также слипались глаза, отправился к группе женщин и, сказав что-то одной из них, лег на землю.

Подошедшая женщина, присев около него и взяв его голову в руки, стала сдавливать ее то спереди и сзади, то с боков, насколько хватало ее сил. Это продолжалось минуты три или четыре; раза два она хотела перестать, но пациент ворчал что-то, вероятно, заставляя продолжать эту операцию. Наконец, он встал, протер глаза и, вернувшись ко мне, показал мимикой, что теперь он спать более не хочет; и, действительно, он оставался бодрым до вечера, между тем как его товарищи, все лежа на животе и по временам ворочая голову или раздвигая и сдвигая циркулеобразно ноги, проспали до сумерек.

Наиболее интересным результатом наблюдений этого дня было уяснение факта, что у женщин, как и у мужчин, некоторые зубы имеют способность расти преимущественно перед остальными и что у детей, особенно у мальчиков, некоторые зубы уже так значительны, что обещают достигнуть или даже перещеголять величину зубов их отцов; из этого следует, что эта характерная для расы особенность стала уже наследственной. Неровность зубов заметнее у женщин и детей, имеющих белые зубы, между тем у взрослых мужчин, от употребления пинанга,[1] поверхность зубов покрыта как бы черной глазурью.

Двое из трэдоров должны были по контракту, заключенному с сингапурской фирмой, остаться на островах Адмиралтейства, почему один из них 1 июня избрал деревню Пуби местом жительства. За несколько топоров, ножей и немного бумажной материи была куплена одна из хижин, и новый хозяин ее стал перевозить свои вещи на берег. Поэтому сегодня многие из мужчин оставались в деревне и толпились около хижины нежданного гостя. Дав мимоходом матери грудного ребенка немного бисера, я привлек внимание матерей: мне стали приносить всех грудных детей, надеясь получить тот же подарок; при этом мне удалось видеть ребенка, которому, по всему вероятию, было не более восьми или девяти дней. Цвет его кожи был сравнительно очень светел.

Сегодня я был окружен туземцами мужского пола, физиономии которых представляют не меньше

[1] Пинанг — орех арековой пальмы. *Ред.*

разнообразия, чем на Новой Гвинее. Несмотря на то, что туземцы островов Адмиралтейства любят украшения, что заметно по множеству предметов, которые они носят, татуировка отступает у них на второй план и заменяется раскрашиванием лица и тела красной краской. Причина этому та, что только в

Группа туземцев островов Адмиралтейства

первой юности кожа у мужчин бывает гладка и светла; по достижении зрелых лет, татуировка точками и тонкими шрамами уже не производит эффекта; у людей же лет тридцати, а иногда и ранее, кожа так темнеет, грубеет и покрывается морщинками (особенно на лице), что татуировка становится почти незаметной. Только пристально и вблизи разглядывая лица мужчин зрелых лет, я заметил татуировку на лице. Женщины, будучи светлее мужчин, татуированы значительнее.

Рисуя портрет одного из туземцев, с красивым римским носом, горб которого, однако, не был достаточен, чтобы отличить его обладателя от прочих туземцев, я заметил пять кругов, состоящих из лучеобразно расположенных шрамов до трех миллиметров длины. Они были симметрично распределены: один над переносицей и по одному на висках и под глазами.

По мере того, как я обозначал их на моем эскизе, стоящие вокруг туземцы, принимавшие большое участие в движениях моего карандаша, называли мне каждую фигуру татуировки особенным именем и показывали ее также у себя на лице.

По окончании эскиза мне захотелось узнать, чем туземцы татуируются. Это не легко было объяснить, но, наконец, мой вопрос был понят более сметливыми, которые, порывшись в мешечках, носимых на шее, достали несколько тонких, очень острых осколков обсидиана. Один из туземцев, чтобы показать, насколько он понял то, что я желаю знать, стал очень проворно делать, не думая спрашивать на то позволения, ряд надрезов на плече соседа, которые обнаружились скоро капельками выступившей крови. Желая показать все достоинства своего инструмента, он стал брить висок другого соседа, но заметив, что несколько волосков на его бровях успели отрасти, что не согласуется с модой на островах Адмиралтейства, он перешел к бровям. Когда непрошенный оператор делал надрезы, пациент даже не моргнул; мне интересно было удостовериться: было ли это спокойствие следствием самообладания, или боль при татуировке была незначительна. Я расстегнул рукав рубашки, и мне было сделано несколько над-

резов, к большому удовольствию оператора и окружающей толпы. Я не почувствовал положительно ничего, и тогда только удостоверился в существовании надрезов, когда выступила кровь. Также нечувствительно было и бритье: я предложил мою ногу для этой операции и едва написал несколько слов в записной книжке, как уже одна сторона ноги от колена до ступни была выбрита. Эти осколки-ланцеты и бритвы были приблизительно одной формы, напоминающей клинообразные зубы акул.

Взяв большой кусок обсидиана в руки, я захотел попробовать, легко ли получить подобный осколок и сумею ли я отколоть его сам. Однако же, как ни пробовал, как ни вертел камень, я не отколол ни одного сколько-нибудь годного осколка. Туземцы смеялись, а я должен был сознаться, что не умею отколоть, и, передав кусок обсидиана одному из них, стал смотреть, как он приступит к делу. Он встал, подошел к морскому берегу и поднял небольшую раковину (из рода Cyprаеа). Присев затем снова около меня, он положил обсидиан на подошву левой ноги так, что гладкая и широкая поверхность камня приходилась на верху. При втором или третьем легком ударе, также плоской стороной принесенной раковины, отскочило несколько осколков, совершенно подобных виденным. Выбирая разные стороны и края большого куска обсидиана и ударяя раковиной с разной силой, но всегда слегка, он получал осколки различной формы, то узкие, то широкие.

Таким же образом он заострил по моему желанию конец копья, которое держал один из толпы. Туземцы указали на остров Ло или Лу, силуэт кото-

рого виднелся на юго-востоке, как на место нахождения обсидиана.

Уже с первого дня знакомства с этими туземцами меня интересовал вопрос: есть ли у них какой-нибудь начальник, и если есть, то какова его власть? Но мои наблюдения дали отрицательный ответ; как и на Новой Гвинее (на Берегу Маклая), у них некоторые туземцы достигают большого влияния лишь вследствие опытности, знания дела и отчасти по старшинству лет. Мореплаватели и путешественники, которые видят страны только несколько дней или часов, руководясь общепринятыми идеями или тем, что видели в других странах, не стесняются раздачей титулов: вождь, начальник, король, — часто потому, что один из туземцев больше кричит, чем другие, или имеет какое-нибудь внешнее отличие. Повторяю, что я не мог убедиться в присутствии начальников между жителями посещенных деревень, хотя и знал, что Герланд, основываясь на описании французских мореплавателей, говорит о «князьях» на островах Адмиралтейства, которых туземцы слушаются и которые деспотически обращаются со своими подданными. Я могу так же ошибаться, как и французские мореплаватели, видевшие этих «князей», но, я, прожив много месяцев на Новой Гвинее, все-таки не решаюсь утверждать, что начальники там существуют. [1]

[1] На Берегу Маклая в Новой Гвинее нет, собственно говоря, ни родовых, ни выборных начальников; всем взрослым принадлежит одинаково право голоса, но между ними находятся более влиятельные, отличающиеся своим умом или ловкостью, которых люди слушаются, принимая от них советы или их мнения. *Примечание Миклухо-Маклая.*

В деревне вдруг произошла тревога: группа около меня также засуетилась, заговорила и разбежалась по хижинам. Много туземцев, вооружившись копьями, бросилось к берегу. Не зная языка, я не мог добиться, что случилось; вероятно, пироги из неприятельской деревни пробовали пробраться к шхуне, чтобы и на свою долю добыть несколько «буаям» (бисера), до которого туземцы здесь большие охотники. Это можно было предположить потому, что несколько отдаленных пирог давно уже занимали туземцев. Скоро и из Лонеу, куда известие уже успело дойти, прибежали воины, преимущественно молодые люди, со связками копий на плечах.

Я пришел в деревню Лонеу и кончал эскиз хижин, когда воины вернулись один за другим в деревню. Все дело оказалось не более как ложной тревогой.

Единственное оружие, которое я здесь видел, были уже описанные копья, с наконечниками из обсидиана или из твердого дерева, кажется, внешнего слоя древесины Caryota. Замечательно, что туземцы не имеют лука и не знают его употребления; я, желая убедиться в отсутствии этого оружия и думая, что рисунок может быть не понят, приказал моему слуге сделать небольшой лук и показал его употребление; туземцы смотрели на него как на игрушку. Я не счел нужным настаивать на выгодах такого снаряда перед копьем; для них пока и копья достаточно, чтобы кончать свои ссоры, а европейские трэдоры не замедлят познакомить их с преимуществами огнестрельного оружия. Это случится очень и даже очень скоро, так как в числе груза, ко-

торым нагружена шхуна, имеется для раздачи трэдорам порох, ружья и даже небольшие пушки, предметы, которые им надлежит ввести в употребление между дикарями. Они также обязаны стараться сделать спрос на эти предметы по возможности бо́льшим, для выгоды своих патронов в Сингапуре, которым дешево достаются тысячи ружей, вышедших из употребления в Европе.

На обратном пути в деревню Пуби я остановился около группы туземцев, занятых обделкой столбов для довольно большой общественной хижины, которая хотя еще стояла, но казалась очень ветхой. Можно было заметить, что маленькие, очень плохого достоинства железные инструменты почти вытеснили здесь старые топоры, которые делались из обточенных раковин. Кроме маленького железного топора европейской конструкции, куски железа, тщательно обточенные, были прикреплены к рукояткам старого образца. Несмотря на плохие инструменты, столбы были замечательно хорошо обделаны; для окончательной полировки, которой рабочие занимались, когда я подошел к ним, служили обломки разных раковин и большие сухие листья хлебного дерева, которыми они терли столбы, посыпая поверхность их мелким песком.

Я до сих пор не упомянул, что туземцы здесь незнакомы с табаком; они не только отказывались от сигар и трубок, которые им предлагали, но отворачивались и отходили в сторону от табачного дыма. Я также не видал у них кавы (Piper methysticum) в качестве опьяняющего средства, зато взрослые употребляют пинанг в значительном количестве.

3 июня снялись с якоря утром, оставив в деревне

Пуби одного из трэдоров, уроженца северной Италии, по имени Пальди. Он обещал прислать мне словарь, который поневоле должен будет составить, и несколько ответов на письменные вопросы, которые могут быть даны не иначе, как после некоторого срока пребывания между туземцами.

4 июня мы подошли утром к небольшому островку, который был отделен довольно широким проливом от главного острова; северный берег последнего горист и имеет более привлекательный вид, нежели юго-восточный, однообразный вследствие своей низменности. Горы здесь не высоки, вряд ли выше полутора тысяч футов; они не образуют цепи, а стоят отдельно или соединены в группы. Отсутствие высокой сплошной цепи гор имеет значение для расселения туземцев на острове:[1] можно предположить, что внутри, как и по берегам, он заселен. На островке оказалась большая деревня, из которой выехало много пирог, как только мы зашли за риф. Туземцы здесь не отличались физически от жителей юго-восточной оконечности острова; единственными отличиями было то, что они носили меньше украшений и меньше кричали.

Я отправился на большой остров, в деревню, предшествуемый и сопровождаемый туземцами, которые встретили шлюпку.

По крутой тропинке мы поднялись на холм, где расположена была деревня. Грунт был глинистый, а

[1] В Новой Гвинее, например, в местностях, мною посещенных, туземцы не селятся в горах выше 1500 футов, и горные хребты представляют непереходимые рубежи для распространения туземцев во внутрь и сношения с соседями.

Примечание Миклухо-Маклая.

тропинка, по случаю бывшего ночью сильного дождя, оказалась скользкой. Перешагнув через невысокий забор, который перегораживал дорогу (род порога против свиней), мы очутились на открытом месте, вокруг которого были расположены хижины. Вся деревня состояла из нескольких групп хижин, стоящих вокруг небольших площадок, соединенных между собою тропинками; это расположение напоминало мне деревни Новой Гвинеи (Берега Маклая). Деревня имела опрятный вид; хижины постройкой отличались от тех, которые я видел на южном берегу; здешние хижины не стояли на сваях и не имели отдельных стен; крыша везде опускалась до земли, образуя на земле круг или овал.

Меня привели в одну хижину, которая была больше других и служила сборным местом для мужчин. Внутренность ее представляла овал, и она освещалась единственной низкой, но широкой дверью; в крыше было небольшое отверстие для дыма; на полках у стен стояли табиры разных форм, горшки и т. п. Черепа рыб, черепах, нижние челюсти свиней рядами висели в разных местах. Что особенно удивило меня и что в первый раз мне приходилось видеть в папуасской хижине, была мебель: низкие, но широкие скамьи, род кушеток, широких, но несколько коротких, с небольшой спинкой (или деревянной подушкой) для головы. Туземцы не расположились на земле, а уселись, поджав ноги, на этих скамьях и указали мне на самую большую, с резной спинкой.

В этот же день я посетил и другую деревню на островке, который называется, как я узнал от туземцев, Андра. Этот островок есть не что иное, как

возвышенная часть рифа, который тянется параллельно северному берегу; таких островков на восток и на запад вдоль берега виднелось несколько. От островка Андра по обеим сторонам тянулся риф, который только в низкую воду и при спокойном море обозначался полосой прибоя. Каналообразная лагуна приблизительно в две мили шириной представляет удобную якорную стоянку.

Здесь хижины не были соединены в группы, а разбросаны по всему острову. Семейные хижины были, по большей части, не круглые и не овальные, а четырехугольные и имели перед дверьми небольшой огороженный высоким забором дворик, где стояла барла[1] и находился очаг. Иногда на один дворик выходили двери трех или четырех хижин, причем изгородь шла только от одного переднего фасада к другому, хижины же стояли вне ее. Эти изгороди служат преимущественно преградой для свиней. Хижины были очень низки (полтора-два метра), и крыша их доходила до земли.

Туземцы, казалось, уже не раз видели европейцев и были с ними в сношениях: железо почти совсем вытеснило топоры из камня и раковин; женщины и дети, хотя оставались в стороне, но не прятались и не убегали, как, например, на Новой Гвинее в первое время моего там пребывания в 1871—1872 годах. Несколько туземцев даже остались, в первый же

[1] Барла — папуасское название стола или высокой скамьи, на которой помещаются при еде туземцы, преимущественно с целью избавиться от докучливых собак и свиней, которые при каждом удобном случае готовы схватить все съедобное. *Примечание Миклухо-Маклая.*

день знакомства, ночевать на шхуне; такому доверию, должно быть, не мало способствовало присутствие на шхуне туземцев Явы, цвет кожи которых поддерживал дух в папуасах.

На островок Андра приезжали во время нашей стоянки жители ближайших деревень с главного острова, а также с других маленьких — Перелу и Шоу, которые виднелись на востоке, почему толпа постоянно сменялась, и я, таким образом, имел случай наблюдать постоянно новых людей. Из вновь приехавших с большого острова я обратил внимание на одного туземца, у которого были замечательно светлые глаза, цвет же кожи его не отличался от прочих.

Туземцы потешались между прочим, повторяя очень быстро и долго некоторые слова, что было похоже на кудахтание кур. Они это делали один за другим или вдвоем зараз, стараясь превзойти друг друга быстротою произношения и продолжительностью этой гимнастики.

Утром 6 июня я отправился на большой остров. Я хотел оставить шлюпку у тропинки, ведущей к деревне, которую я уже посетил, и пройти по берегу в другую, немного дальше на восток. Еще с острова Андра я видел в этом месте при помощи бинокля группу кокосовых пальм. Завидев приближающуюся шлюпку, на берегу собралась толпа туземцев, которая радушно встретила меня, как только я ступил на берег; на этот раз пришли не только мужчины, но и женщины и дети. Не зная языка, я жестом показал направление, куда хочу итти; за мною последовало несколько молодых людей. Пробираясь между мангровыми деревьями, которые по случаю от-

лива стояли вне воды, я дошел до места на берегу, где находились замеченные кокосовые пальмы, но, к удивлению моему, деревни там не оказалось.

Туземцы, видя, что я останавливаюсь по временам и ищу чего-то глазами под деревьями, догадались, что я смотрю, нет ли здесь хижин, и стали словами и жестами рассказывать мне длинную историю. Не понимая их слов, я из жестов мог заключить приблизительно то, что здесь прежде была деревня (мне указали на следы бывших хижин), но что враги здешних жителей, живущие далее по берегу, приходили сюда, убили несколько человек, а хижины разорили. Внимательно следя за мимикой моих собеседников, я был удивлен тем, как много времени потребовалось для передачи жестами этого случая. Так, например, чтобы показать, что человек убит копьем, они сперва делали жест метания копья (то есть жест противника), затем хватались обеими руками быстро за грудь или за левый бок, откидывали при этом слегка голову и, закрыв глаза, высовывали немного язык. Чтобы показать, что хижины, прежде бывшие, более не существуют, они, выдувая воздух, проводили рукой по губам.

Дойдя до глубокой речки с хорошей водой, я захотел выкупаться, тем более, что во время перехода я должен был довольствоваться обливанием морской водой и пресной только во время дождя. Туземцы, однако же, предостерегли меня, жестами показывая, что в воде много больших животных (вероятно, крокодилов), которые откусывают людям ноги. Становилось очень жарко на песчаном берегу, и я, боясь снова получить лихорадку, если подвергнусь несколько часов влиянию солнечных лучей,

предпочел возвратиться в деревню, куда меня звали туземцы, называя ее Соа.

Придя в ту же общественную хижину, где был в первый раз, я лег на барлу и несмотря на то, что она была не особенно удобна и что окружавшие меня туземцы не молчали, против воли заснул. Часа через полтора меня разбудили. Один из туземцев объяснил мне (поднеся руку ко рту, как бы кладя что-то в него), что мой завтрак готов.

Хотя я завтрака и не заказывал, но нашел эту предупредительность не лишней и отправился в хижину любезного туземца. Там я застал все его семейство, которое собралось во всем комплекте, чтобы посмотреть на кормление чужестранного зверя. Мне был подан большой табир с вареным таро, бананами и рыбой. Когда я стал есть, туземцы, следуя папуасскому этикету, немного отвернулись, но не могли преодолеть любопытства и следили за каждым моим движением. Я поспешил окончить мой завтрак, тем более, что за перегородкой находился грудной ребенок, который почти не умолкал и писк которого значительно уменьшил мой аппетит. Когда я вышел из хижины, меня наперерыв стали приглашать зайти в другие. В одной я застал четырех молодых женщин, из которых две няньчились с грудными детьми. Пригласивший меня в эту хижину туземец, еще очень молодой человек, представил мне этих женщин, как своих жен. Я не сразу понял, как человек по своей воле может жить в хижине, которая состоит из одной комнаты, с четырьмя женами и их детьми. Скоро вошла еще пятая женщина — мать хозяина или одной из его супруг; она жила, кажется, также в этой хижине.

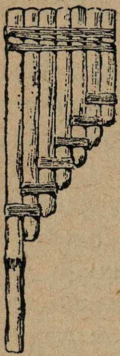
Туземцы умеют здесь приготовлять кокосовое масло: я видел в хижинах бамбуки, наполненные им. Один из жителей принес мне в подарок кусочек корицы; она здесь, как и в Новой Гвинее, употребляется как лекарство.

Когда я направился к шлюпке, туземец, в хижине которого я завтракал, нес за мною табир с остатками моего завтрака, а члены его семьи много бананов и кокосов, а также таро, которое здесь очень вкусное и очень крупное. Этот же обычай встречается и в Новой Гвинее.

Несмотря на мою предосторожность, вчерашняя экскурсия повлекла за собою лихорадку. Духота в каюте, крик туземцев, приезжающих на шхуну для торга, травля их собаками и т. п. не позволили мне остаться на шхуне, я отправился на островок Андра, где провел весь день, подвесив в тени большого дерева свою койку.

Развесистое дерево росло у самого морского берега, и я наслаждался красивой панорамой берега большого острова. Но любоваться видом мешали туземцы. Они то и дело приходили и, посмотрев на меня, на койку и другие вещи, уходили, так как неподалеку люди Вуап строили хижину для трэдора, который должен был здесь остаться. Некоторые, впрочем, оставались дольше и, расположившись на песке, ближе к морю, разглядывали внимательно занимавшие их мои вещи. Любимой их позой было лежание на животе, причем одна рука или обе подпирали подбородок. Ноги не оставались в бездействии, они или размахивали по воздуху, или рыли теплый песок. Наглядевшись вдоволь, некоторые предпочли заснуть, несмотря на палящее солнце, ко-

торое пекло их спины и головы, другие продолжали болтать, а один, протянув вперед ноги, стал забавляться гимнастикой пальцев ног, которая показалась мне весьма хитрой. Он так быстро двигал ими, что я долго не мог уловить, в чем состоит эта гимнастика. Он то растопыривал все пальцы, то отводил в сторону большой палец, то первый, и второй, то все три вместе, причем ни нога, ни остальные пальцы не двигались; то очень быстро клал первый палец на второй, то второй на первый и т. д. Заметя, что я обратил внимание на его искусство, другие, кто как мог, старались показать, что и они умеют делать то же ничуть не хуже. Пальцы ног у них двигались почти так же самостоятельно, как пальцы рук.

Панова флейта

Заметя у одного из туземцев на шее так называемые Пановы гусли или Панову флейту,[1] я знаками попросил, чтобы он показал мне свое искусство в игре на этом инструменте. Он не стал церемониться и, приложив гусли к губам, начал дуть поочередно в каждый бамбук, результатом чего был разнотонный негромкий свист. Пока я был занят музыкантом и его искусством, несколько человек, вновь прибывших с главного острова, подошли к группе туземцев. Один из них был так погружен в рассматривание меня, койки, столика и складной скамьи,

[1] Инструмент этот состоит из семи или восьми бамбуков, разной длины, связанных рядом сообразно своей длине, так что с одной стороны приходится самый большой (12—15 сантиметров), с другой самый малый (5—7 сантиметров).

Примечание Миклухо-Маклая.

что не подумал о необходимости смотреть под ноги и сильно ударился коленом о большой пень, прибитый морем и лежащий поперек его дороги. Сильная боль заставила его забыть на время обо мне; он потер колено, а затем, как будто бы вспомнив что-то, схватил большой осколок коралла и стал усердно бить то место пня, о которое ударился. Трудно было без улыбки смотреть на этого взрослого человека, бьющего дерево за то, что он сам наткнулся на него; туземцы же серьезно и как бы сочувственно поглядывали на это заслуженное наказание пня. Затем, как бы почувствовав облегчение, он подошел к группе и сел между соплеменниками, изредка потирая колено и дуя на него.

В это время внимание туземцев было привлечено большой шлюпкой, приближавшейся к берегу с вещами трэдора, который оставался жить и торговать здесь. Вся толпа, движимая любопытством, отправилась к новой хижине. Но и я не остался один: сцена переменилась, новые актеры сменили прежних. Немного дальше от группы мужчин с утра расположилась группа женщин и детей, которые оставались на втором плане в присутствии мужчин и стали смелее, когда они ушли, но все-таки еще не решались приблизиться. Небольшие свертки бус, завернутых в бумагу, которые я бросал на различные расстояния от койки, все ближе и ближе привлекали ко мне сперва детей, а затем и женщин. Почти у всех женщин были грудные дети на руках.

Я обратил внимание на одну из матерей, с которой делались по временам припадки нежности, обращаемые к полугодовалому сынишке. Она нанизывала бисер и кормила грудью ребенка, но, как

только он переставал сосать грудь, схватывала его и прижимала к своему носу и ко рту; губы ее при этом были раздвинуты, так что показывались ряды стиснутых зубов; прижимая ребенка к лицу, она носом сильно втягивала воздух и по временам покусывала дитя. Лоб и щеки ребенка были покрыты грязью; чтобы удалить ее, нежная мать прибегла к простому средству — она принялась лизать щеку и лоб своего сынишки, который стоически переносил обнюхивание, кусание и лизание.

Между детьми, которые бегали около моей койки, было несколько, имевших очень большие зубы. Мне очень хотелось осмотреть их ближе и дополнить мои заметки по этому вопросу, но дети были очень пугливы и не решались подойти близко. Бусы, однако же, приманили их, а когда я высыпал несколько яркокрасных бус на большой лист хлебного дерева, все дети, забыв страх, обступили меня и ожидали раздачи, выражая свое удовольствие шумным всасыванием воздуха между полуоткрытыми губами и блеском глаз.

Высмотрев у одного из мальчиков лет трех или четырех два больших зуба в верхней челюсти, я попробовал притянуть его ближе к себе, чтобы осмотреть его зубы. Но едва я дотронулся до него, как он с пугливым криком бросился к женщине, стоявшей невдалеке; другие дети также разбежались и спрятались за спины женщин. Я не успел даже взглянуть на лицо испугавшегося мальчугана. Обхватив руками ноги женщины, он уткнул лицо в бахрому, составляющую ее одежду. Но испуг его выразился не только на лице: он топал ногами, как бы силясь бежать, и по временам судорожные движения тела

доказывали, что испуг почти что дошел до степени, которая сопровождается внезапным расстройством желудка.

Восьмого июня на шхуну приехали для торга туземцы с одного из ближайших островов и привезли между прочим для обмена также человеческий череп. Такое предложение немного удивило меня, так как туземцы, вообще, редко вызываются сами продавать черепа своих соплеменников. Очевидно, на какомнибудь прежде здесь бывшем судне туземцам дали хорошую плату за этот товар. Во всяком случае достоверность происхождения приобретенного таким образом черепа мне кажется весьма сомнительной. Все черепа двадцати туземцев острова Вуап, убитых около рифа Иезу-Мария, могут таким образом перейти со временем в европейские музеи и красоваться под ярлыком: «черепа туземцев островов Адмиралтейства».

Утром девятого июня снялись с якоря, оставив здесь трэдора ирландца, по имени О'Хара, который как и трэдор, оставшийся на юго-восточном берегу, обещал собрать для меня некоторые сведения, что ему нетрудно будет сделать при продолжительном пребывании на острове; он также обещал переслать мне со временем копию со словаря туземного диалекта, который он должен будет составить для себя самого. Ветерок был тих, и мы весь день шли вдоль северного берега острова.

Берег Маклая

(Отрывки из дневника с июня 1876 года по август 1877 года)

Снова на Берегу Маклая. — Встреча со старыми друзьями. — Экскурсия на пик Константина. — Первый сбор кукурузы. — Антропологические занятия. — Экскурсия в Еремпи. — «Булурибут». — Свадьба Мукаю. — На островах Довольных Людей. — Часы из свечи. — Смерть и погребение жены Моте. — Траур. — Экскурсия в Гориму. — Экскурсия в деревню Телята. — Войне не быть! — Может ли Маклай умереть?

27 июня 1876 года прибыл на шхуне «Sea Bird» к Берегу Маклая. Заметил значительные изменения вида высоких вершин гор. Туземцы были очень обрадованы, но нисколько не изумлены моему приезду; они были уверены, что я сдержу свое слово.

Когда я съехал на берег у Горенду, в непродолжительном времени туземцы соседних деревень, не исключая женщин и детей, сбежались приветствовать меня. Многие плакали, и все население казалось возбужденным моим возвращением.

Я не досчитался нескольких стариков, — они умерли в мое отсутствие, но зато многие мальчики были уже почти что взрослыми людьми, а между молодыми женщинами, ожидавшими быть скоро матерями, я узнал нескольких, которых оставил маленькими девочками.

Жители ближайших деревень упрашивали меня поселиться среди них, но я, как и в 1871 году, предпочел не жить в деревне, а устроиться в некотором расстоянии от нее. Осмотрев местность около Горенду, а затем около Бонгу, я остановился на мыске у самой деревни Бонгу, и на другой же день туземцы, под руководством моих слуг и плотника со шхуны, стали расчищать место для моего дома и широкую дорогу от «улеу» (песчаный берег) к площадке, выбранной мною.

В этот раз небольшой деревянный дом в разобранном виде был привезен мною из Сингапура, но сваи, на которых он должен был стоять, весь остов его, а также и крыша были сделаны уже здесь на месте. К сожалению, желание не задержать слишком долго шхуну и вместе с тем воспользоваться услугами плотника принудило меня не обращать достаточно внимания на качество дерева, и оно очень скоро пришло в негодность, главным образом от белых муравьев, больших врагов деревянных построек. В числе деревьев Берега Маклая имеется, правда, не мало видов, которые противостоят этому насекомому, но достаточного количества их нельзя было добыть в короткое время.

Июль 1876 года

На шестой день дом мой был готов. В постройке его, кроме меня, принимали участие двое европейцев, двое из моих слуг, несколько десятков папуасов, переносивших срубленные стволы и крывших крышу, а также несколько десятков женщин, очень усердно расчищавших мелкий кустарник вокруг

дома. Вследствие того, что сваи, на которых стоял дом, были около двух метров вышины, я обратил нижний этаж в большую кладовую, в которую были перенесены мои вещи (около семидесяти ящиков, корзин и тюков разной величины), и я мог отпустить шхуну четвертого июля.

При помощи моих трех слуг, из которых один, Сале, был малаец и служил поваром, а при случае и портным, а двое микронезийцы, туземцы островов Пелау, и нескольких жителей Бонгу, я скоро привел мою усадьбу в надлежащий вид и устроился довольно комфортабельно.

Очень интересные сведения я получил от туземцев о бывших в мое отсутствие землетрясениях. Как я уже сказал, изменение вида вершин Мана-Боро-Боро (горы Финистер) поразило меня при моем возвращении на этот берег. До моего отъезда (в декабре 1872 года) растительность покрывала самые высокие вершины; теперь же во многих местах вершины и крутые склоны оказывались голыми. Туземцы рассказывали мне, что во время моего отсутствия несколько раз повторялись землетрясения на берегу и в горах, причем немало жителей в деревнях было убито упавшими кокосовыми деревьями, которые, падая, разрушали хижины.

Береговые деревни пострадали, главным образом, от необыкновенно больших волн, которые следовали за землетрясением, вырывали деревья и уносили с собою хижины более близкие к берегу. При этом я узнал далее от туземцев, что давно, еще до моего первого приезда, целая деревня, по имени Аралу, находившаяся недалеко от морского берега между реками Габенеу и Коли, была совершенно смыта

громадной волной вместе со всеми жителями. Так как это случилось ночью, то все жители погибли, только несколько мужчин, бывших случайно в гостях в другой деревне, остались в живых, но не захотели вернуться жить на старое место и переселились в Гумбу, которая избежала разрушения, как построенная дальше от берега.

Разрушение этой деревни хорошо помнят даже не очень старые люди, и я полагаю, что это случилось в 1855 или 1856 году. После этой катастрофы в соседних местностях случилось много заболеваний, окончившихся смертью. Это произошло, может быть, от разложения органических остатков, выброшенных на берег волнами и гнивших на солнце.

Я приехал как раз в то время, когда туземцы Берега Маклая жгли унан. Мне принесли один экземпляр «тиболя» (кенгуру), для которого я устроил род клетки, желая сохранить его живым. Туземцы различают здесь два вида тиболя, называя одного «итиболь», а другого «альтиболь» (речного и приморского тиболя). Первый из них, то есть речной, больше ростом и редко достается туземцам. Последние уверяют, что тиболь ест иногда рыбу

Август — сентябрь 1876 года

Экскурсия на пик Константина. Когда к девяти часам утра в своей дынге[1] я отправился в Богатим, вся гора Тайо с пиком Константина была ясно видна. Нигде ни облачка. При порядочном ветре в полтора часа прибыл в Богатим. Встретившие меня туземцы перенесли вещи в хижину старика

[1] Дынга — лодка. *Ред.*

Коды-Боро. Они мне сказали, что уже слишком поздно, чтобы итти на гору, и следует подождать до завтра.

13 августа

Поднял людей в три часа утра. Напившись кофе и распределив вещи между несколькими носильщиками, отправился при свете неполной луны сперва по лесной тропинке, а затем по высохшему ложу реки Иор. Когда рассвело, я записал имена моих спутников, которых оказалось тридцать четыре человека.

За провизией пришлось зайти в деревню Ярю. Моим спутникам очень не хотелось итти дальше в горы, но я не обратил на это ни малейшего внимания, тем более, что людей у меня было раз в пять больше, чем нужно. К каравану присоединилось несколько человек из деревни Ярю. Мы продолжали следовать по ложу реки; в некоторых местах (у порогов) пришлось карабкаться вверх по гладким мокрым камням. Вообще дорога была не особенно удобна. В третьем часу пошел дождь, и все горы покрылись облаками: итти поэтому вперед было не к спеху. Я сказал туземцам, чтобы они строили шалаш, а сам расположился на ночлег. Сварил себе кофе и смерил высоту местности помощью аппарата Реньо; результат был почти одинаков с показанием моего анероида. Высота оказалась равной 860 футам. Было очень прохладно, вероятно, вследствие дождя.

14 августа

Всю ночь дождь лил как из ведра. Крыша из непромокаемого одеяла, растянутого над моей койкой, оказалась расположенной удачно. Несмотря на

Старик Коды-Боро

ливень я остался совершенно сух, но воздух был весьма сырой, и я не был уверен, что день пройдет без лихорадки.

Я поднялся в шесть часов и, видя, что не все мои люди готовы, не стал их ждать, а объявил, что тамо-билен (хорошие люди) могут следовать за мной, тамо-борле (дурные люди) могут оставаться. Это подействовало: почти все последовали за мною. Вследствие ночного дождя в реке было гораздо больше воды, чем вчера; камни были очень скользки, и надо было быть весьма осторожным в некоторых местах. Вскоре пришлось лезть по склону направо, без малейшего следа тропинки. Мои спутники стали уверять, что здесь дороги нет, и мне пришлось самому итти или, вернее, лезть вперед.

К великой моей досаде я почувствовал, что вчерашний дождь, от которого я промок, и ночная сырость оказали свое действие и что пароксизма лихорадки мне не миновать. Голова сильно кружилась, и я подвигался как бы в полусне. К счастью, склон был покрыт лесом, так что можно было, придерживаясь и цепляясь за сучья и корни, подвигаться вперед. На одной крутизне, помню, протянул руку к лиане, а что произошло после этого — положительно не знаю...

Очнулся я как будто от человеческих голосов. Я открыл глаза — вижу кругом лес: не мог ясно представить себе, где я. От общего утомления я снова закрыл глаза и при этом почувствовал сильную боль в разных частях тела и отдал себе отчет, что нахожусь в очень странном положении: голова лежит низко, между тем как ноги — гораздо выше. Я все-таки не мог уяснить себе, где нахожусь.

Когда я опять открыл глаза, то недалеко от меня послышался голос: «А я тебе говорил, что Маклай не умер, а только спит». Несколько голов туземцев выглянули из-за деревьев. Вид этих людей возвратил мне память. Я вспомнил, что с ними я лез в гору, вспомнил, как схватился за лиану, чтобы удержаться. Мой вес оказался несоответствующим ее крепости, и вот каким образом я очутился на десяток шагов ниже и в таком неудобном положении.

Я недоверчиво ощупал ноги, бок и спину и затем приподнялся. Ничего не было сломано, хотя бок и спина болели, и, кажется, я чувствовал себя бодрее, чем когда свалился. Хотел посмотреть на часы, но оказалось, что от толчка при падении они остановились.

Солнце было уже высоко, так что я понял, что я пролежал в неособенно комфортабельном положении более двух часов, а, может быть, и дольше. Времени нельзя было терять, а то к трем часам, пожалуй, опять пойдет дождь, и с вершины ничего не будет видно. К счастью, один из моих анероидов оказался в полной исправности. В этом месте высота горы была 1500 футов. Немного пошатываясь, спустился я в неглубокую долинку, а затем взобрался снова на холм, который туземцы называют Гумуща и высота которого была 1880 футов. После него следовала опять неширокая долина, а затем возвышенность в 2400 футов. Идя все далее, мы пришли к вершине горы Тайо, куполообразной возвышенности, которая с моря придает этому пику такую характерную форму. На небольшой площадке росли высокие деревья; высота здесь была 2680 футов.

Мои спутники, чтобы показать жителям окрест-

ных деревень, что мы добрались до вершины, зажгли костер. Двум из них, более ловким, я передал белый флаг из толстой холстины, с приказанием привязать его у вершины самого высокого дерева, обрубив сперва сучья. Когда это было сделано, мы отправились вниз.

Мы сошли вниз до места нашего ночлега благополучно и, пообедав здесь, направились в Богатим. Из ближайших деревень сходились люди, так что к вечеру моя свита состояла более чем из двухсот человек. Я не захотел нигде останавливаться, хотя и чувствовал значительную усталость; при свете многих десятков факелов мы вошли в Богатим часу в десятом вечера.

20 сентября

Был в Гарагасси, где все очень заросло. Из посаженных мною кокосовых пальм только пять принялись. На большом кенгаре еще крепко держится оставленная клипером «Изумруд» медная доска, хотя красное дерево съедено отчасти муравьями. Я укрепил ее, вбив несколько гвоздей. Все сваи моей прежней хижины были до того изъедены муравьями, что легкого толчка ногой было достаточно, чтобы повалить их.

В Гарагасси гораздо больше птиц, чем около моего нового дома близ Бонгу, и знакомые крики их живо напомнили мне мою жизнь в этой местности в 1871—1872 годах.

Распорядился, чтобы Мебли, мой слуга из Пелау, и несколько жителей Горенду расчистили площадку на месте моей бывшей хижины и около растущих там кокосовых пальм.

Октябрь 1876 года

Благодаря моему теперешнему помещению, гораздо более удобному, чем в Гарагасси, я могу заниматься сравнительно-анатомическими работами. Вообще комфорт (лучшее помещение и трое слуг) благоприятно действует на здоровье.

В конце сентября и в начале октября был снят первый сбор кукурузы, которую я посеял в июле месяце. Затем я посеял снова кукурузу и множество семян разнообразных полезных растений, привезенных в этот раз. Вокруг моей хижины я посадил двадцать две кокосовых пальмы, которые все принялись.

Кроме письменной работы, я нахожу возможным заниматься антропологическими измерениями. В Гарагасси это было немыслимо, теперь же туземцы достаточно привыкли ко мне и не видят ничего опасного для себя при этих манипуляциях над их личностями.

Ноябрь 1876 года

Часто хворал лихорадкой, и раны на ногах плохо заживают. Когда было возможно, занимался сравнительно-анатомическими работами, а то читал. Боль от ран бывает по ночам так значительна, что приходится принимать хлорал, чтобы спать. Когда температура по утрам опускается до 21°, то я ощущаю положительно холод, совершенно как и туземцы, которые дрожат при этом всем телом.

Январь 1877 года

Мои наблюдения по антропологии подвигаются. Я рассматривал волосы новорожденных: они не курчавы. До сих пор измерено мною 102 головы муж-

чин, 31 женщин и 14 детей. Рассматривал также ноги, руки и ногти туземцев.

Февраль 1877 года

Экскурсия в деревню Еремпи. Так как Каин не знал дороги в эту деревню, то мы заехали на остров Сегу и забрали там двух людей, как проводников. Из бухты мы вошли в речку Аюн-Монгун. Проехав незначительный приток ее, мы очутились в небольшом, почти круглом, окруженном лесом озерке, называемом Моут-Монгун. Здесь пришлось оставить пирогу и итти по узкой тропинке, очень неудобной по причине множества пересекающего ее ротанга, цепляющегося за платье. Замечательно высокий дикий бананник обратил на себя мое внимание; плоды были маленькие, зеленые, полные зерен. Их нельзя было есть. Листья были также, сравнительно с другими видами, очень узки. Мы продолжали наш путь на запад и после более чем часовой ходьбы пришли в деревню Бомассия. Жители ее были очень испуганы моим неожиданным появлением и, вероятно, моим видом, так как они до сих пор, как мне сказал Каин, не видали белых.

Несколько протяжных ударов в барум созвали жителей деревни, которые работали на плантациях, и жителей окружных селений. (Люди Еремпи живут в небольших разбросанных в лесу хижинах, приходя от времени до времени в главную деревню.)

Хижины в Бомассии были почти все на сваях, но люди внешностью ничем не отличались от других папуасов Берега Маклая. Я смерил несколько голов и записал несколько слов их диалекта.

Хотя люди здесь, как говорят, людоеды, но

в своих украшениях не имеют ни одного человеческого зуба или кости, и последние никогда не употребляются ими, как орудия. Каин мне сказал, что остатки костей выбрасываются в море. Я здесь видел щиты другой формы, чем на островах Довольных Людей, — они не круглы, а продолговаты.

Возвращаясь на другой день рано утром, я с удивлением услыхал очень громкий голос, который я не мог отнести ни к какому мне известному животному; во всяком случае можно было думать, что животное это должно быть значительных размеров. Я был очень удивлен, узнав, что это был голос взрослого казуара. Каин уверял, что их здесь, в этом лесу, особенно много и что он часто слышал их.

Булу-рибут. Мне как-то не спалось, и я подумал, что хорошо было бы послушать музыку, которая всегда освобождает от различных назойливых размышлений. Путешествуя на Малайском полуострове, я не раз в селениях и даже в лесу засыпал под звуки своеобразной заунывной музыки малайских «булу-рибут».

Надеясь, что мой слуга Сале сумеет их сделать, я заснул, очень довольный своей идеей. Узнав на другой день, что Сале действительно умеет делать «булу-рибут», я приказал ему заняться ими и сделать мне четыре-пять штук различной величины.

Объясню в двух словах, что такое «булу-рибут»— по крайней мере та форма, которая в употреблении у малайцев Иохора и Явы. Они состоят из стволов бамбука разной величины (до 60 футов и более), внутренние перегородки которых удалены и в которых в разных местах и в различных расстояниях одна от другой сделаны продольные щели, широкие

и узкие. Такие бамбуки укрепляются у хижин или на деревьях в деревне, а иногда и в лесу. Ветер, проникая в щели, производит весьма оригинальные звуки. Так как отверстия расположены с разных сторон бамбука, то и различный ветер приводит в действие эти оригинальные эоловы арфы. От длины и толщины стенок бамбука, степени сухости его и положения «булу-рибут» (находится ли он посреди дерева или на вершине его) зависит характер звуков.

Дня через три Сале показал мне пять штук сделанных им «булу-рибут»; два из них имели более 40 футов в вышину. С помощью моих людей я распределил их по вершинам стоявших около хижины деревьев, укрепив один из них на самой веранде моего дома. Так как полагается, по объяснению Сале, чтобы «булу-рибут» стоял отвесно, то нам стоило немалого труда прикрепить их к деревьям надлежащим образом, тем более, что нужно было привязать их во многих местах, для того, чтобы их не сдуло ветром.

Я с нетерпением ждал вечера, чтобы убедиться, удались ли Сале его «булу-рибут». Днем ветер слишком силен, так что шелест листьев окружающего леса и шум прибоя на рифе, вокруг мыска, заглушают звуки малайской арфы.

Заботы и другие занятия в течение дня совершенно отвлекли меня от мысли о бамбуках и только, когда я уже лег и стал засыпать, я услышал какие-то протяжные, меланхолические звуки, а затем был озадачен резким свистом, раздавшимся у самого дома; свист этот повторялся неоднократно. Несколько других, трудно определяемых звуков — не то завывание, не то плач — слышались близ дома. Я услыхал го-

лоса Сале и Мебли, толкующих о булу-рибут, и вспомнил о нашем утреннем занятии. В течение ночи меня раза два будил резкий свист на веранде; также явственно слышались звуки и других бамбуков. Вся окрестность казалась оживленною этими звуками, которые перекликались, как разноголосые часовые на своих постах.

На другой день никто из туземцев не явился ко мне. Когда же и следующий день прошел без посещений, я стал недоумевать и думать, что в Бонгу, вероятно, что-нибудь случилось. Это было совершенно против их обыкновения, так как редко проходил день, чтобы кто-нибудь из жителей окрестных деревень не зашел посидеть и поболтать со мною или с моими слугами. Вследствие этого я отправился в деревню узнать, в чем дело.

Я пошел перед заходом солнца, когда туземцы обыкновенно возвращаются с работ, и застал всех по обыкновению занятыми приготовлением ужина. Я подошел к группе туземцев, поспешивших очистить для меня место на барле.

— Отчего вчера и сегодня не приходили в таль-Маклай? — спросил я.

Туземцы потупились, говоря:

— Мы боялись.

— Чего? — с удивлением спросил я.

— Да тамо-русс.

— Каких тамо-русс? Где? — допрашивал я, озадаченный. — Где вы их видели?

— Мы их не видели, но слышали.

— Да где же? — недоумевал я.

— Около таль-Маклай. Мы слышали их вчера и сегодня ночью. Их там много, они так громко говорят.

Тут мне стало ясно, что булу-рибут около моей хижины были причиною этого недоразумения, и я невольно улыбнулся. Туземцы, внимательно следившие за выражением моего лица, подумали, вероятно, что я соглашаюсь с ними, и осыпали меня вопросами:

— Когда прибыли тамо-русс? Каким образом? Корвета, ведь, нет. Долго ли останутся? Можно ли притти посмотреть их?

Все это показалось мне до такой степени смешным, что я захохотал.

— Никаких тамо-русс в таль-Маклай нет! Приходите посмотреть сами, — сказал я и вернулся домой в сопровождении полдеревни, отправившейся искать тамо-русс и оставшейся в большом недоумении, не найдя никого. Туземцы, однако же, не были совершенно убеждены, что тамо-русс не являются, по крайней мере, по ночам каким-либо образом для совещаний с Маклаем, и положительно боялись приходить ко мне после захода солнца.

Звуки булу-рибут первое время своею пронзительностью будили меня, но потом, привыкнув к ним, я хотя и просыпался, но тотчас же опять засыпал. И когда я засыпал, то мягкая заунывная музыка с аккомпанементом шелеста листьев и плеска прибоя убаюкивала меня.

Март 1877 года

Несколько мальчиков из Горенду прибежали сказать мне, что из Гумбу ведут невесту Мукаю. Я последовал за ними к улею — песчаному берегу около ручья — и застал там несколько сидящих тамо из Гумбу и немногих туземцев из Бонгу, пришедших

с невестой. Они сидели и курили, пока двое из молодых людей (лет семнадцати—восемнадцати) занимались туалетом невесты. Я подошел к ней.

Ее звали Ло, и она была довольно стройная и здоровая, но неособенно красивая девочка лет шестнадцати. Около нее вертелись три девочки восьми—двенадцати лет, которые должны были проводить невесту до хижины ее будущего мужа. Но собственно туалетом невесты занимались, как я уже сказал, молодые люди. Они вымазали ее, начиная с волос головы до пальцев ног, положительно всю красной краской или «суру». Потом невесте провели три прямые линии белой краской (известью) поперек лица, а также линию вдоль спинки носа, и навесили много ожерелий из собачьих зубов, а за браслеты на руках воткнули тонкие и гибкие отрезки пальмового листа, к концу которых прикрепили по разрисованному листику. Невеста подчинялась всем этим манипуляциям с величайшим терпением, выставляя поочередно ту часть тела, которую натирали. Остатками суру вымазали девочек, сопровождавших невесту.

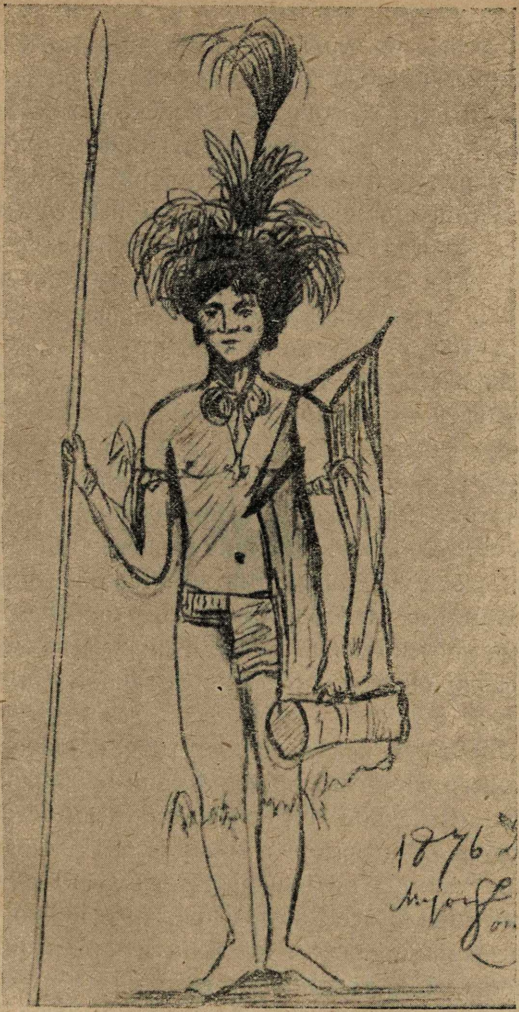
Ло положила обе руки на плечи девочек, которые обнялись таким же образом, и все двинулись по тропинке в деревню. У всех четырех головы были опущены, они смотрели не по сторонам, а в землю, и двигались очень медленно. На головы им был положен большой женский «гун» (сумка). Их сопровождали гуськом пришедшие с ними туземцы Гумбу. В процессии кроме трех девочек не было других женщин. Чтобы видеть все, я следовал одним из первых за невестой, смешавшись с толпой туземцев Гумбу.

Войдя в деревню, мы застали всех жителей, мужчин и женщин, у дверей хижин. Дойдя, наконец, до

площадки Конилю, где находилась хижина жениха, девушки остановились в том же положении, как и шли. Здесь же сидели женщины Бонгу и приготовляли «инги» (еду), а мужчины сидели в разных группах.

Прошло несколько минут общего молчания, которое было прервано короткой речью Моте, подошедшего к девочкам и положившего на мешок, закрывавший их головы, совершенно новый маль (передник). Отошедшего в сторону Моте сменил Амуй, вышедший из одной хижины напротив; произнеся короткую речь, он беглым шагом приблизился к девушкам и положил на голову Ло новый табир (блюдо). Из группы женщин Гумбу выделилась одна, которая сняла с головы невесты табир, маль и гун и положила их около нее. Далее следовал целый ряд жителей Бонгу, приносивших один за другим разные вещи: табиры, большое число мужских и женских маль, разные мужские и женские гун и т. д. Двое принесли по новому копью, так называемому «ходжа-нангор». При этом некоторые туземцы говорили короткие речи, другие же молча клали свои приношения около невесты и молча отходили в сторону. Женщины Гумбу поочередно подходили к невесте, чтобы снять подарки с ее головы, и клали их около нее. Когда последний табир был положен, подруги Ло отошли от нее и занялись разборкой даров, кладя табиры к табирам, мали к малям и т. д., а затем присоединились к группе женщин Гумбу. Воцарилось опять общее молчание.

Один из старых туземцев (тамо-боро), Гуна, опираясь на копье, подошел к Ло и, обвив вокруг пальца пук ее волос, начал речь, обращаясь к не-

Папуас деревни Бонгу в праздничном наряде
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

весте, сидевшей у его ног. По временам, как бы для того, чтобы подчеркнуть сказанное и обратить ее особенное внимание, он сильно дергал ее за волосы. Было ясно, что он говорил о новых ее обязанностях, как жены. Его место занял другой старик, который также перед тем, как начать говорить, навернул себе на палец прядь волос Ло и при некоторых наставлениях дергал их так усердно, что девушка прискакивала на месте, ежилась и тихо всхлипывала. Все шло, как по заученной программе; видно было, что обычай так уже установился, что каждый твердо знал свою роль.

При всей церемонии присутствовавшие сохраняли глубокое молчание, так что речи, произносившиеся не очень громко, можно было хорошо слышать. Собственно невеста и жених были совершенно на втором плане до того, что одно из главных действующих лиц, старик Гуна, забыв имя жениха, обратился к присутствующим, чтобы узнать его, что было принято, однако, не без смеха. Также отец и мать невесты не принимали никакого особенного участия в происходившем.

После того, как двое или трое стариков прочли свои инструкции, подкрепляя свои назидания дерганием волос бедной Ло, отчего она все более и более всхлипывала, церемония кончилась. Пришедшие с невестой туземцы стали собираться домой. Женщины Гумбу забрали все дары, сложенные около Ло, распределив их по своим мешкам, и стали прощаться с новобрачной, пожимая ей руку над локтем и гладя ее по спине и вдоль рук. Невеста, все еще всхлипывая, осталась ожидать в том же положении прихода своего будущего мужа.

Я узнал, что все вещи, послужившие для покупки Ло, были даны туземцами Бонгу вообще, а не только родственниками Мукау и, в свою очередь, они не пойдут исключительно в семью невесты, а будут распределены между всеми жителями Гумбу. Вероятно, однако, что при этом распределении родственные отношения к семье невесты будут играть известную роль, так как табиров не хватило бы на всех.

Когда я пришел в Бонгу через полчаса, Мукау уже был в группе мужчин, ожидавших угощения («инги уяр»). Кроме тамо Бонгу присутствовали также люди Горенду. Мукау — мальчик лет четырнадцати или пятнадцати; Ло — годом или двумя старше его.

На другой день я видел целую толпу молодых людей Бонгу, которые шли вместе с Мукау к морю купаться. Они громко говорили и смеялись. Это купанье, очевидно, имело непосредственную связь со свадьбой; провожали ли и мыли ли молодые девушки Ло, я не знаю; во всяком случае это купанье Мукау было последним актом его свадьбы.

Позже я видел другой род свадьбы, — именно похищение девушки силой, но собственно силой только для вида, по заранее условленному соглашению. Случай этот произошел таким образом. Часа в два или три днем послышался барум в Бонгу, призывавший к оружию. Прибежал мальчик в деревню с известием, что несколько вооруженных людей из Каликум-Мана неожиданно явились на плантацию, где работали две или три женщины Бонгу, и увели с собою одну из девушек. Несколько молодых людей Бонгу отправились в погоню за похитителями. Произошла стычка, но только для вида (так

как все было условлено заранее), после чего все отправились в Каликум-Мана, где было приготовлено общее угощенье. Между людьми, принимавшими участие в погоне, находились отец и дядя уведенной девушки. Все вернулись с подарками из Каликум-Мана и все довольные. Похищенная девушка осталась женой одного из похитителей.

Май 1877 года

Из Били-Били я отправился на остров Ямбомбу. Дорогой туда остановился у островка Урему или Урембу, как другие его называют. Здесь собственноручно посадил в разных местах на берегу двенадцать кокосовых пальм и приказал Каину помнить, что здесь посадил их Маклай, прибавив, что в следующий мой приезд я построю себе дом вместо Айру в Урему. На этом островке никто никогда не жил; только по вечерам слетаются сюда, как и в Били-Били, множество голубей и остаются здесь до следующего утра, когда они снова массами летят в леса. Каин называл часто поэтому Урему Мулики-Амб (Дом голубей). Мулики означает на диалекте Били-Били голубь, а амб — дом.

На материке, против острова Урему, впадает речка Ио-Гуму, довольно значительная. Небольшое селение находится в верховьях ее. Урему и Ямбомба ограждают небольшую гавань, которая может быть довольно удобной для небольших судов.

Я встретил в Ямбомбе очень радушный прием. Все, казалось, были рады моему приезду. Бирамор проводил меня в свой «дарем» (на диалекте Ямбомбы — буамрамра). Видел у него топор, ручка которого — образец папуасской резьбы. Это первый и

единственный экземпляр, виденный мною на Берегу Маклая. Заметил также висевший на шнурке пробуравленный плоский круглый камень. На мои вопросы: откуда? кто сделал? — туземцы отвечали: «из моря», «не знаем», «это было сделано не людьми». Однако нашелся один, который пояснил, что «наме-наме» (давно, давно) люди Ямбомбы привезли этот камень с острова Карагу,[1] который находится очень далеко от Ямбомбы, что теперь люди Ямбомбы не только не ездят туда, но не знают даже, где он находится. Люди Ямбомбы не знали, для чего делались эти камни.[2]

Группа туземцев работала над новой пирогой, — пришивала длинную планку у одного борта ее. Несколько отверстий было сделано на краях пироги и доски; в них продевалась крепкая лиана, которую туземцы называют «урамер», много раз, пока оба отверстия сантиметров около четырех в диаметре не были вполне заполнены оборотами лианы. Одно такое закрепление отстояло от другого приблизительно на полметра, и все скважины и отверстия были законопачены наскобленными и размоченными внутренними слоями коры «дым».

Работы было не мало, но прежде было еще больше, потому что, не имея гвоздей, им приходи-

[1] Я много раз и от других туземцев слышал название Карагу, но не мог добиться, где находится этот остров. Мне кажется, что из теперешних жителей Берега Маклая никто там не бывал, а только слышали от отцов или дедов это имя.

[2] Этот камень был не что иное, как каменный наконечник палицы; подобные палицы употребляются на южном берегу Новой Гвинеи, а также на некоторых островах Луизиады. *Примечания Миклухо-Маклая.*

лось делать отверстия каменными орудиями, вследствие чего отверстия были больше; теперь же они обтачивают большие гвозди в виде долот и очень искусно делают небольшие четырехугольные отверстия.

Они очень обрадовались, когда я им показал, что, накалив гвоздь на огне, они могут прожигать отверстия разного диаметра, смотря по толщине гвоздя, в бамбуке и не слишком толстых досках. Они очень серьезно просили меня поселиться на острове Урему, надеясь, вероятно, на помощь, которую я могу оказать им моими столярными инструментами.

Подаренные мне при отъезде старые кокосовые орехи с ростками я прибавил к тем, которые посадил сегодня утром на острове Урему.

Вернувшись в Били-Били, я сказал моему слуге Мебли, что подниму его очень рано, чтобы отправиться на острова Довольных Людей.

10 мая

Мы высадились на острове Тамб. Он весь покрыт лесом и не имеет воды. Кроме больших деревьев здесь встречается вид пандануса, а также один кустарник, который при положительном отсутствии здесь тропинок очень затрудняет передвижение по острову.

После завтрака Гассан очень тщательно собрал все объедки, свернул их, положил камень в средину и, обвязав все гибкой лианой, бросил связку далеко в море для того, чтобы дурные люди, найдя наши объедки, не заговорили их и этим не причинили нам вреда.

С острова Тамб мы направились к острову Митебог. Везде глубина была значительная, но было много удобных якорных стоянок. Пролив между материком, мысом Год-Аван и островом Митебог был достаточно глубоким для судов больших размеров. На острове Митебог две деревни: Митебог и Года-Года. Жители последней — выселенцы с другого острова, который они покинули вследствие войны с жителями островов Тиары. Семейные хижины все построены на сваях, «даремы» же — прямо на земле, как в Били-Били, Тиаре и т. д. На верхушке конька над входом красовалась большая, из дерева вырезанная рыба. Люди здесь были особенно любезны, упрашивали остаться ночевать у них, на что я не согласился, потому что Гассан предупредил меня, что очень боится остаться ночевать в Митебог или в Года-Года, с которыми жители Били-Били находятся в неприязненных отношениях. Он боялся, что во время сна ему отрежут несколько волос, заговорят их и он от этого заболеет.

В Митебоге строят много пирог; в одной полуготовой, не вполне выдолбленной пироге была налита вода, как объяснили, чтобы размочить дерево и сделать его более мягким для долбления.

Лишившись моих двух часов, я должен был приискать какое-нибудь мерило времени. Днем (так как пасмурных дней здесь сравнительно мало) солнечные часы исправляют это дело, но вечером я много раз замечал, что, занимаясь какой-нибудь работой, совершенно теряешь всякое представление о времени. Я придумал следующий способ, который оказался довольно практичным. Я взял две стеариновые свечи,

у которых отрезал верхние конические концы, а затем зажег одну из них. По прошествии часа я отметил на незажженной свече чертой, насколько вторая свеча сгорела, и, заметив время, снова зажег вторую. По прошествии часа я сделал то же, то есть отметил на целой свече, насколько вторая свеча укоротилась в продолжение двух часов. Я сделал то же и для третьего часа. Найдя, что отмеченные отделы были почти что равны, я взял среднюю величину и разделил ее на четыре равные части. Таким образом, я получил скалу сгорания свечи. Я, однако, скоро заметил, что сквозной ветер, дующий с разных сторон, делает сгорание свечи неравномерным, почему пришлось придумать какой-нибудь способ для ограждения свечи от сквозного ветра. Такой аппарат я себе устроил очень просто: вырезав одну из сторон большой жестянки от бисквитов, я получил аппарат, предохраняющий свечу от сквозняка и неравного сгорания. К подсвечнику, который был употреблен для этой цели, я прикрепил масштаб из бамбука с делениями. Так как в этой местности почти круглый год солнце поднимается в одно и то же время, то, зажигая мою свечу в шесть часов, я мог почти наверно определять с помощью ее сгорания часы вечера.

29 мая

Утром мне сказали, что жена Моте из Бонгу очень больна, и просили притти в деревню. В час пополудни один из туземцев пришел с известием, что женщина эта умирает и что муж ее просит меня дать ей лекарство. Я отправился и, услышав плачевные голоса женщин, которые голосили по разным углам площадки перед хижиной, подумал, что больная уже

умерла. Около хижины сидело несколько женщин из Бонгу и Горенду, кормивших грудью детей и голосивших.

Мне указали на хижину умирающей. Я вошел. В хижине было очень темно, так что, войдя в нее со света, я сперва не мог ничего разглядеть. На меня набросилось несколько женщин, прося лекарства.

Когда глаза мои привыкли к темноте, я разглядел, что умирающая лежала и металась по середине хижины, на голой земле. Около нее расположилось пять или шесть женщин, державших кто голову, кто спину, кто руки, кто ноги больной. Кроме того, в хижине было еще много других женщин и детей. Умирающая не разжимала зубов и только по временам как-то вздрагивала и старалась подняться. Вне хижины, как и внутри, все толковали о смерти. Сама больная иногда вскрикивала: «умру!», «умираю!» Не успел я вернуться домой, как Моте пришел за обещанным лекарством. Я повторил, что принесу его. Отвесив небольшую дозу морфия, я вернулся в Бонгу. Меня встречали и провожали, как будто действительно я нес с собою верное исцеление от всяких недугов. В хижине меня ожидала та же картина. Больная не захотела принять лекарство, несмотря на то, что все уговаривали ее и один из туземцев старался даже разжать ей зубы «донганом», чтобы влить лекарство в рот. Больная повторяла по временам: «умираю!», «умираю!»

30 мая

Солнце только что взошло, когда несколько коротких ударов барума, повторенных в разных кварталах деревни, возвестили, что жена Моте сконча-

лась. Я поспешил в Бонгу. Вой женщин слышался уже издали. Все мужчины в деревне ходили вооруженные. Около хижины Моте я увидал его самого: он то расхаживал, приседая при каждом шаге, то бегал, как бы желая догнать или напасть на кого; в руках у него был топор, которым он рубил (только для вида) крыши хижин, кокосовые пальмы и т. д.

Я пробрался в хижину, переполненную женщинами, где лежала покойница, но там было так темно, что я мог разобрать только, что умершая лежит на нарах и кругом ее теснятся с причитаниями и воем женщины. Часа через два Лако и другие родственники покойницы устроили в переднем отделе хижины род высокого стула из весел и полок. Один из туземцев вынес тело женщины, очень похудевшее в последние дни, на руках, другой принял и посадил его на приготовленный стул. У покойницы ноги были согнуты в коленях и связаны. Их завернули в женские «наи», а около головы по сторонам воткнули ветки Coleus'а с разноцветными листьями.

Между тем на площадку перед хижиной высыпали пришедшие из Горенду и Гумбу туземцы, все вооруженные, с воинственными криками и жестами. При этом говорились речи, но так быстро, что было невозможно понять сказанное. Моте продолжал свою пантомиму горя и отчаяния; только теперь он был одет в новый маль, а на голове у него был модный «катазань» (гребень с веером перьев, который носят только тамо-боро, т. е. отцы семейства); большой гун болтался под мышками, и, как и утром, на плече у него был топор. Он расхаживал как прежде, приседая. Это был род пляски, которую он исполнял в такт под свою плаксивую речь и завывание женщин.

Что все это была комедия, которую присутствовавшие считали необходимым исполнять, было ясно и прорывалось по временам. Когда Моте среди своих монологов (он хороший оратор), войдя в азарт, стал неистово рубить топором кокосовую пальму, то одна из женщин,—кажется, сестра его,—которая также выла, вдруг прервала свои отчаянные вопли, подошла к Моте и заметила ему самым деловым тоном, что портить дерево не следует; после чего Моте, ударив еще раза два, но уже менее сильно, отошел прочь и стал изливать свою горесть, ломая старый, никуда негодный забор. Когда стал накрапывать дождь, Моте выбрал себе сейчас же место под деревом, где дождь не мог испортить его нового маля и перьев на голове.

Пришли несколько друзей Моте из Гумбу и принесли, чтобы изъявить свое сочувствие, подарки (табиры), которые были положены перед входом в хижину умершей. Табиры были сейчас же разобраны членами семьи. Весь день продолжалось вытье Моте, и даже вечером, в сумерках, он расхаживал и тянул свою песню, начинавшуюся словами: «аламо-амо». Насколько я мог понять, он говорил приблизительно: «уже солнце село, а ее все нет, уже темнеет, а она не приходит; я зову ее, а она не является» и т. д. Покойницу принесли снова в хижину, и снова множество женщин окружили нары, на которых она лежала. Женщины поочередно выли, поддерживали огонь и болтали.

Зайдя в Бонгу ночью, я застал ту же сцену; женщины сторожили внутри хижины и у входа ее, мужчины — на площадке у костра. Несколько раз ночью я слышал барум, на звуки которого отзывался дру-

гой, где-то далеко, в горах (как я узнал потом, то был барум деревни Бурам-Мана).

31 мая

Придя утром в Бонгу, я застал очень измененное настроение. Люди оживленно болтали, следя за приготовлением угощения («инги»), которое, судя по числу горшков, стоявших рядами на длинном костре, и по груде шелухи таро, ямса и т. п., над которой трудились, жадно хрюкая, несколько свиней, должно было быть значительным. Сам Моте сегодня уже не хныкал. Все приготовления к угощению были сделаны ночью; мне сказали, что люди Бурам-Мана, откуда была родом покойница и где жили несколько близких ее родственников, должны притти «гамбор-росар» (связать корзину) и что их теперь ждут. Я отправился в хижину, где увидал, что труп был уже упакован женщинами в коробку из «губ» (пальмы), но голова была еще видна. Подойдя к «гамбору», я заметил, что все украшения, ожерелья и т. д., которые были навешаны на покойницу при вчерашнем выставлении ее тела, теперь сняты; даже новый маль не был оставлен, и кроме нескольких ветвей ничего не было положено в гамбор.

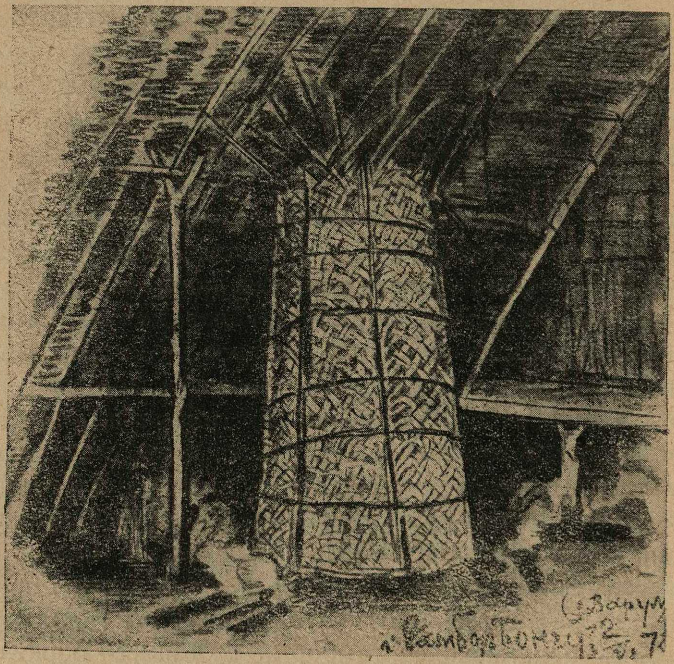
Я вышел из хижины, услыхав страшные крики. То была ватага жителей горной деревни Бурам-Мана, которые с криками и воинственными жестами явились со всех сторон на площадку, как вчера люди Горенду, но еще с бóльшим шумом и азартом. Вслед за ними появился ряд женщин Бурам-Мана, которые направились прямо в хижину покойницы, причем завыли самым усиленным образом. Так как люди Бурам-Мана должны были вернуться домой сегодня же,

то жители Бонгу поторопились распределить для каждого из них долю угощения, которое не полагалось есть здесь, а нужно было взять с собой. Для этого в каждый табир были положены банановые листья, а на них вареные «инги» и куски свинины так, что было удобно связать их в большие свертки; затем к каждому свертку, число которых соответствовало числу пришедших мужчин (почти все родственники умершей), были приложены разные вещи, как-то: табиры, гун, мали и т. п.

Между тем двое из туземцев Бурам-Мана вынесли из хижины гамбор с покойницей, причем вой женщин очень усилился, как и толкотня около гамбора. Мужчины занялись завязыванием корзины с телом. Она была привязана к бамбуку, концы которого двое мужчин держали на плечах, а двое других, не скупясь на ротанг, увязывали корзину, доведенную, вследствие этого стягивания, до весьма небольших размеров. Женщины, не переставая выть, стали кружиться и плясать кругом. По временам они останавливались, продолжая выделывать средней частью тела свои обычные движения; некоторые скребли и терли руками гамбор, как бы лаская его, причем причитали на разные голоса. Эти группы постоянно менялись, пока, наконец, гамбор не был внесен обратно в хижину и подвешен при помощи перекладины в углу ее. В это время люди Бурам-Мана, нагрузив жен своими долями угощения и наследства, поспешили отправиться домой и сошли со сцены с гораздо меньшим шумом, чем когда приходили.

На другой день утром я застал всех туземцев, от мала до велика, с вычерненными лицами. У некоторых, кроме лица, грудь была также натерта черной

краской; у других, кроме груди, руки и спина, а Моте, муж покойницы, имел все тело испещренным черной краской или «куму». Мне сказали, что это было сделано уже вчера вечером и что сегодня все ту-

Папуасский гроб—„гамбор"

Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

земцы Бонгу, Горенду и Гумбу оставались в своих деревнях и никто не ходил на работу. Мужчины были заняты питьем кэу и едой из табиров, женщины возились около хижин. Все были испачканы «куму», не имели никаких украшений и походили на трубочистов.

Подойдя к Моте, я спросил «куму», который мне и был сейчас же подан. К величайшему удовольствию обступивших меня туземцев я, взяв мизинцем немного «куму», сделал себе на лбу небольшое черное пятнышко. Моте стал пожимать мне руку, приговаривая: «е-оба», «е-оба», и со всех сторон стали слышаться одобрительные возгласы.

Я вошел в хижину Моте и увидел большой цилиндр из кокосовых листьев метра в два вышиною как раз в том углу, где был повешен гамбор. Раздвинув немного листья, я убедился, что гамбор висел, как и вчера, на перекладине, а цилиндр был сделан вокруг него. В хижине горели два костра, что было целесообразно, так как запах от разлагавшегося трупа был очень сильный.

Июнь 1877 года

Сидя за ужином на барле, около хижины Коды-Боро в Богатим, я прислушивался к разговору, который вел мой хозяин, сидевший на пороге своей хижины, со своим сыном Уром, только что вернувшимся из другой деревни. Они говорили не громко и жевали при этом бетель, так что я почти ничего не понял из их разговора, хотя мог расслышать несколько раз мое имя.

Когда я кончил ужинать, слез с барлы и намеревался пройтись по деревне, Коды-Боро удержал меня, схватив за рукав.

— Маклай, ты не ходи в Гориму (деревня, лежавшая милях в четырех от Богатим по берегу).

— Я в Гориму не иду; я завтра вернусь в таль-Маклай.

— Это хорошо, — сказал Коды.

— А отчего мне не ходить в Гориму? — спросил я.

— Да люди Горимы — люди нехорошие, — объяснил Коды.

Я на этот раз удовлетворился этим ответом, так как до наступления темноты я хотел взять несколько пеленгов для определения положения некоторых вершин хребта Мана-Боро-Боро, который был хорошо виден в этот вечер. Когда стемнело, я обошел несколько костров и поговорил с разными знакомыми. Вернулся к буамрамре, где должен был провести ночь. Коды-Боро хлопотал у костра. Я разостлал одеяло на барле и, найдя бамбук, на который положил все, что мог снять, приготовился к ночи, то есть снял башмаки, гамаши и т. д. Затем позвал Коды-Боро и спросил его:

— Отчего люди Горимы борле (нехорошие)?

Коды замялся. Я сунул ему в руку несколько кусков табаку.

— Ты скажи, Коды, а то я вернусь домой, возьму шлюпку и поеду прямо в Гориму.

— О Маклай, не езди в Гориму! Люди Горимы скверные.

— Ты скажи, почему. Что тебе сегодня сказал Ур?

Видя, что я не оставлю его в покое, Коды решил сказать, что слышал. Ур, вернувшись из деревни, куда ходил к родителям жены, рассказал, что встретил там двух туземцев из Горимы, которые говорили обо мне, что у меня много вещей в доме, что если бы люди Бонгу убили меня, то могли бы взять все, и т. д. Что двое из жителей Горимы хотят нарочно приехать в таль-Маклай, чтобы убить меня и взять,

что могут, с собой. Вот почему Коды называл людей Горимы «борле» и просит Маклая не ездить в их деревню.

— А как зовут этих двух людей Горимы, которые хотят убить Маклая? — спросил я.

— Одного зовут Абуи, другого — Малу, — ответил Коды.

Я дал ему еще кусок табаку и сказал, что хочу спать. По мере того, как Коды говорил, у меня составился план относительно того, что делать в этом случае. Я был удивлен, что после такого долгого знакомства со мной (правда, люди Горимы только один раз, во время моего первого пребывания, были у меня, так что, разумеется, очень мало знали меня) находились еще люди, говорящие, что хотят меня убить. На это они имели уже довольно времени и случаев. Я, в сущности, не верил, что они говорят серьезно, и был убежден, что при самых подходящих обстоятельствах эти люди не посмели бы напасть на меня открыто; бросить же копье из-за угла, подкараулив меня около хижины, или пустить стрелу — на это я их считал вполне способными. Худшим обстоятельством, мне казалось, было то, что они сами говорят об этом, так как это может подать подобную же мысль кому-нибудь из моих более близких соседей. Кто-нибудь может подумать: «зачем ждать, чтобы люди Горимы убили Маклая и взяли его вещи? Я попробую сделать это сам, и вещи будут мои». Засыпая, я решил отправиться сам в Гориму, даже, пожалуй, и завтра, если буду чувствовать себя достаточно свежим.

Проспав хорошо всю ночь, я был разбужен до рассвета криком петухов в деревне; встав, я нашел.

что чувствую себя в расположении итти в Гориму. Недопитая вчера бутылка холодного чая и несколько кусков холодного таро, оставшегося от вчерашнего ужина, послужили мне завтраком.

Я оставил бо́льшую часть моих вещей в буамрамре и на всякий случай перевязал белой ниткой крест-на-крест небольшой ранец с разными мелкими вещами. Забрав только одеяло и несколько кусков таро, я отправился в путь. Так как все это происходило в буамрамре, то меня никто не видел, и вышел я из буамрамры прямо к морю, не пройдя по деревне. Хотя я и не знал дороги в Гориму, но надеялся добраться до нее, идя берегом, что будет вероятно немногим дальше, но зато таким образом я не могу миновать деревни, лежащей у моря. Один из жителей деревни Богатим, исправлявший что-то в своей вытащенной на берег пироге, спросил меня, куда я иду. Я отвечал: «К реке Киор», что не было неправдой, так как для того, чтобы дойти до Горимы, мне надо было перейти реку Киор.

Не стану вдаваться в описание пути. К одиннадцати часам солнце стало печь весьма сильно. Пришлось перейти в брод реку Киор, где вода доходила мне до пояса, и еще другую, более мелкую. Снять башмаки я боялся, сомневаясь, можно ли будет надеть их снова, так как они могли быть промочены насквозь. Мелкие камни, сменявшие в некоторых местах песчаный берег, делали ходьбу босиком положительно невозможной. В одном месте я пошел по тропинке в лесу, полагая, что она проложена параллельно берегу, но тропинка так углубилась в лес, что мне пришлось свернуть на другую, а затем и на третью. Я уже думал, что заблудился, когда при сле-

дующем повороте я вдруг снова увидел море. Был уже третий час, и я решил отдохнуть в этом месте и съесть взятое с собою таро. Горима была недалеко, но мне не хотелось притти туда раньше пяти часов.

Я вспомнил одно обстоятельство, очень для меня неудобное, которое я совершенно упустил из виду, именно, что диалект Горимы был мне абсолютно неизвестен и что там навряд ли найдутся люди, знающие диалект Бонгу. Возвращаться, однако ж, было поздно, оставалось только рискнуть. Отдохнув, я пошел дальше.

Деревня Горима расположена на мыске, так что людям, ходившим или стоявшим в это время около берега, мое приближение заметно было еще издали. Навряд ли я попал бы в тот же день в деревню, так как по берегу на значительном пространстве росли мангровые деревья. К счастью для меня, на берегу лежала вытащенная пирога, и слышалось несколько голосов в лесу, почему я и решил подождать их возвращения. Не легко было бы описать выражение удивления туземцев, когда они вернулись и увидели меня. Мне показалось, что они готовы были убежать, почему я поспешил сейчас же подойти к самому старому из трех.

— Вы люди Горимы? — спросил я на диалекте Бонгу.

Туземец приподнял голову, — жест, который я счел за утвердительный. Я назвал себя и прибавил, что иду осмотреть Гориму и что мы поедем вместе.

Туземцы имели очень растерянный вид, но скоро оправились, и так как им, вероятно, и самим надо было домой, то они, повидимому, были даже рады

отделаться от меня так дешево. Я дал каждому из них по куску табаку, и мы отправились. Расстояние оказалось гораздо более далеким, чем я ожидал; солнце было совсем низко, когда мы подъехали к деревне.

Мою белую шляпу и такую же куртку жители заметили еще издали, почему многие собрались встретить меня, между тем как другие то выбегали к морю, то опять возвращались в деревню. Дав еще табаку и по одному гвоздю моим спутникам, я направился в деревню, сопровождаемый туземцами, встретившими меня у берега. Ни один из них, однако, не говорил на диалекте Бонгу, а я сомневаюсь, чтобы кто-либо даже достаточно понимал его. Пришлось поэтому прибегнуть к первобытному языку — жестам. Я положил руку на пустой желудок, затем указал пальцем на рот; туземцы поняли, что я хочу есть; по крайней мере, один из стариков сказал что-то, и я скоро увидел все приготовления к ужину. Затем, положив руку под щеку и наклонив голову, я проговорил: «Горима», — что должно было означать, что я хочу спать. Меня опять-таки поняли, потому что сейчас же указали на буамраму.

Я не мог объясняться, а то с моей стороны первым делом было бы успокоить жителей, которых, кажется, в немалое смущение привел мой неожиданный приход. За себя я был очень рад, так как мог быть уверен, что не лягу голодным и проведу ночь не под открытым небом (на что я решаюсь только в самых крайних случаях из опасения лихорадки). Я так проголодался, что с нетерпением ожидал появления табира с кушаньем и почти не обратил внимания на приход человека, хорошо знавшего диалект Бонгу.

С большим ожесточением принялся я за таро, которое мне подали туземцы, и полагаю, что это была самая большая порция, которую я когда-либо ел в Новой Гвинее.

Утолив голод и припомнив главную причину, которая привела меня в Гориму, я подумал, что теперь как раз подходящее время поговорить с туземцами, имея под рукой человека, способного служить переводчиком. Я его скоро нашел и сказал, что желаю переговорить с людьми Гориму и узнать, что они мне могут сказать. Я предложил ему созвать сейчас же главных людей Горимы. Пока же я занялся устройством своего ночлега.

У входа в буамрамру собралась значительная толпа людей, созванных моим переводчиком. Последний объявил мне наконец, что все тамо-боро Горимы в сборе. Обратившись к переводчику, я велел, чтобы в костер подбросили сухих щепок для более сильного освещения буамрамры. Когда это было сделано, я сел на барум около костра, освещавшего лица присутствующих. Первые мои слова переводчику были:

— Абуи и Малу здесь или нет?

Перед тем, забыв эти имена, я должен был пересмотреть мою записную книжку, так как я записал их вчера вечером в полутемноте. Когда я назвал эти два имени, туземцы стали переглядываться между собою, и только через несколько секунд мне ответили, что Абуи здесь.

— Позови Малу, — было мое распоряжение. Кто-то побежал за ним. Когда Малу явился, я встал и указал Абую и Малу два места около самого костра, как раз против меня. Они с видимым нежеланием

подошли и сели на указанные мною места. Затем я обратился с короткою речью к переводчику, который переводил по мере того, как я говорил, то есть почти слово в слово. Содержание речи было приблизительно следующее.

Услышав вчера от людей Богатим, что двое людей Горимы, Абуи и Малу, хотят меня убить, я пришел в Гориму, чтобы посмотреть на этих людей. (Когда я стал смотреть поочередно на обоих, они отвертывались каждый раз, как встречали мой взгляд.) Это очень дурно, так как я ничего не сделал ни Абуи, ни Малу и никому из людей Горимы; теперь, пройдя пешком от Богатим до Горимы, я очень устал и хочу спать; я сейчас лягу, и если Абуи и Малу хотят убить меня, то пусть сделают это, когда я буду спать, так как завтра я уйду из Горимы.

Договорив последние слова, я направился к барле и, взобравшись на нее, завернулся в одеяло. Мои слова произвели, кажется, значительный эффект. По крайней мере, засыпая, я слышал возгласы и разговоры, в которых мое имя было не раз повторяемо. Хотя я не хорошо спал и просыпался несколько раз, но это происходило не из опасения перед туземцами, а, вероятно, по причине моего тяжеловесного ужина, которого я обычно избегаю.

На другое утро я был, разумеется, цел и невредим, и перед уходом из Горимы Абуи принес мне в дар свинью почтенных размеров и, вместе с Малу, непременно пожелал проводить меня не только до Богатим, но и в таль-Маклай. Этот эпизод, рассказанный и пересказанный из деревни в деревню, произвел значительное впечатление.

Июль 1877 года

5 июля

Экскурсия в деревню Телята. Моя шлюпка была слишком мала для помещения провизии на несколько дней и разных вещей (стола, складного табурета, гамака и т. п.), необходимых для многодневной экскурсии. Кроме того, она была слишком плоска (низка) и легко могла быть залита водой при большом волнении. Поэтому я нашел ее неудобной для экскурсии в Телята и решил воспользоваться одним из больших «ванг» Били-Били.

Эти пироги, как я уже говорил, имеют довольно поместительную хижину на платформе, так что в одной из таких пирог я мог не только уместить все мои вещи, включая даже и висячую керосиновую лампу, но нашел место для стола и для моего небольшого кресла. В хижине же другой пироги поместился Сале со всеми кухонными принадлежностями.

Каждым вангом управляло двое людей: один — парусом, другой — рулем. Один ванг принадлежал моему старому приятелю Каину, другой — Кисему, очень энергичному, но, к сожалению, чересчур болтливому жителю Били-Били. Люди этой деревни из поколения в поколение по нескольку раз совершают путешествия вдоль северо-восточного берега до деревни Телята. Они изучили эту местность, господствующие ветры, периодичность течений, удобные пристани вдоль берега и т. д. Поэтому было вполне естественно, что я предоставил моим спутникам всю мореходную часть экспедиции, уговорившись только, что мы будем останавливаться в каждой деревне столько времени, сколько это будет для меня необходимо. Каин и Кисем объяснили мне, что все пере-

ходы из деревни в деревню вдоль берега мы будем делать по вечерам или по ночам, пользуясь береговым ветром, который дует равномерно каждую ночь, начинаясь через час или два по заходе солнца и продолжаясь до рассвета. В продолжение дня нам невозможно было бы бороться с противным юго-восточным ветром, который иногда бывает очень свеж.

Итак, часов в восемь вечера туземцы Бонгу помогли людям Били-Били спихнуть оба тяжеловесных ванга в море. Ветер был незначительный, так что мы стали подвигаться вперед очень медленно. Так как я уже знаком с этим берегом, то лег спать, вполне полагаясь на опытность Каина и Гассана. В некотором отдалении двигалась за нами и другая пирога с Кисемом, его сыном и Сале в качестве пассажира.

6 июля

На рассвете мы проходили мимо мыса Риньи, который туземцы называют Тевалиб. Мыс этот состоит из поднятого кораллового рифа, возвышающегося футов на пятнадцать—двадцать над уровнем моря, в виде черноватой, изъеденной прибоем стены, над которой в свою очередь поднимается первобытный лес. Пройдя мыс Тевалиб, мы очутились у песчаного берега, за деревьями которого виднелись хижины покинутой деревни Бай. Немного спустя мы прошли отмель, около которой вода сильно волновалась и пенилась.

По мере того, как мы проходили, несколько туземцев бежали по берегу, стараясь рассмотреть, кто могли быть эти странно одетые люди (я и Сале), плывущие на вангах Били-Били. Пройдя устье реки

Говар,[1] мы должны были вытащить наши ванги на берег, так как наступил штиль.

С этого места открывался красивый вид на горы: но мне пришлось недолго любоваться им, так как большие белые облака закрыли горы и долины. Здесь на берегу когда-то существовала деревня, но вследствие нападения неприятелей была перенесена в лес на довольно далекое расстояние от берега по правую сторону реки Говар.

У меня был впереди целый день, и я пошел с Каином и Гассаном в деревню Бай. Мы шли, не спеша, все по лесу, представлявшему для меня большой интерес своей разнообразной растительностью, и только после полудня пришли в деревню. Около некоторых хижин, — все они были совершенно новые, — были посажены бананы и много табаку; кокосовых пальм, за исключением одной, не было вовсе. Это обстоятельство, как мне объяснили, произошло оттого, что туземцы боялись, чтобы пальмы, вырастая, не послужили приманкою для неприятелей. «Дарем» с особенными украшениями был единственной хижиной, отличавшейся от других своей постройкой. Мы приютились в ней, скрываясь от солнечных лучей. Тут же нам подали угощение, состоявшее из таро и вареной курицы.

Ночевал на ванге, вытащенном на берег.

7 июля

Разбудил людей очень рано. Мы продолжали путь в темноте. В одном месте Каин указал мне, что

[1] Жители других деревень называют реку Гуан или Вай. *Примечание Миклухо-Маклая.*

тут находилась деревня Мендир, но что она была сожжена и покинута жителями, которые переселились в другое место. Когда стало светать, мы плыли вдоль берега, окаймленного скалами. Здесь на значительном протяжении не встречается ни одного «улеу», почему нет и береговых деревень. Когда совсем рассвело, мы подъехали к деревне Мегу, где, по словам Каина, почти все жители вымерли. Несколько рак-рак (пироги, сделанные из невыдолбленных стволов) виднелось у берега. Так как дул довольно умеренный юго-восточный ветер, то мы, благодаря очертаниям берега, могли продолжать наш путь. Пройдя деревню Лемчуг и устье Сарекак, мы обогнули мысок, за которым показался другой, густо поросший кокосовыми пальмами. Это был Бан (деревня Сингор) — одно из значительных селений этого берега.

Мы подошли к его улеу около пяти часов пополудни. Большая толпа туземцев ожидала нас у берега и, подхватив наши ванги, вытащила их высоко на берег. Я отправился в деревню. Она оказалась сравнительно очень большой. Тип людей и их постройки ничем особенно не отличались от моих соседей.

Костюмы мужчин были совершенно одинаковы с людьми Били-Били; замужние же женщины закрывали грудь, надевая на шею небольшой мешок, спускавшийся до пояса. У девушек одежда походила на легкий костюм девочек Били-Били, то есть кроме небольших кисточек из бахромы спереди и сзади, висели несколько рядов полукругом опускающихся нитей раковин и собачьих зубов. Вообще здешние туземцы в избытке носят украшения из раковин. Здесь также главное место выделки больших украшений,

носимых туземцами на груди, так называемых «сюаль-боро», очень ценимых повсюду на Берегу Маклая. Мне хотелось приобрести один экземпляр этого украшения, почему я предложил большой нож и множество различных безделушек в обмен за

Папуас с украшениями в носу и во рту
Рисунок Н. Н. Миклухо-Маклая

«сюаль-боро». Но этого оказалось недостаточно; прибавив еще один нож, я, наконец, получил желаемое. Повсюду валялись большие раковины, из которых вытачиваются «сюаль-боро»; тут же лежали

большие точильные камни, на которых вытачиваются эти украшения. К сожалению, я не видел, каким образом они изготовляются. Множество орехов кенгара лежало в шелухе на цыновках. Орехи выставляются таким образом два или три дня на солнце, после чего мясистая оболочка их делается очень мягкой, и орехи легко от нее отделяются.

Хотя деревня была большая, однако ни площадка ее, ни хижины не содержались в чистоте. Туземцы также не показались мне особенно чистоплотными. Эту ночь я предпочел спать в гамаке, подвешенном мною между деревьями, близ берега моря. Стол, кресло, складной табурет, висящая над столом лампа, а затем появившийся ужин и чай — все это было рядом сюрпризов и причиной ежеминутно увеличивавшегося изумления жителей деревни Сингор, видевших белого и его обстановку в первый раз в жизни. К моему удовольствию удивление их выражалось не шумно, а ограничилось вкладыванием одного или двух пальцев в рот, прищелкиванием языком, причем некоторые прикладывали себе к ноге сжатый кулак левой руки. Одним словом, непосвященному европейцу, увидавшему эти странные жесты туземцев, никак не пришло бы на ум, что они служат выражением удивления. Особенно лампа, свет которой я мог усиливать и уменьшать по желанию, привела всех в неописуемый восторг. Также немало удивляло их, что Маклай запивает свои «инги» горячей водой.

Толпа не расходилась до тех пор, пока Сале не убрал все со стола, и я, написав мой дневник, не снял башмаков и гамашей и не влез в койку. Тогда явился Сале и объявил через посредство Каина, что сейчас потушит лампу. Это заставило туземцев уда-

литься. Они увели Каина с собою, надеясь, вероятно, узнать от него многое о том, что они видели около моего бивуака и что осталось для них загадочным.

8 июля

Песчаный берег около Сингор состоял собственно из крупного гравия и мелкого булыжника, так что всю ночь море разбивалось с большой силой о каменный вал; шум от набегавших и удалявшихся волн был очень силен и не раз будил меня в течение ночи.

Я проснулся, когда было уже совершенно светло, и посмотрел на часы; было уже половина седьмого. Посмотрел кругом — ни один из моих людей еще не встал; все они спали крепким сном. Не желая долго ждать завтрака, я решил их всех поднять зараз, выстрелив из двустволки, привезенной мною для охоты. Трудно описать, как быстро вскочили мои люди и принялись уверять меня, что оглохли на одно ухо. Я их успокоил и сказал, чтобы они скорее помогли Сале разводить огонь и готовить завтрак для всех. Мой выстрел привлек жителей деревни, которые прибежали осведомиться, что случилось. Каин воспользовался этим случаем и набросился на бедных жителей Сингора.

— Как это? — завопил он. — Маклай-тамо-боро-боро, Караам-тамо, тамо-русс — приехал сам в Сингор, и эти люди не принесли еще ни свиньи, ни поросенка, ни даже аяна!

Каин так расходился, что угнал всех обратно в деревню. По прошествии пяти минут стали появляться из деревни туземцы: кто с аяном, кто с курицей, кто с поросенком, с бананами и мешками кенгара.

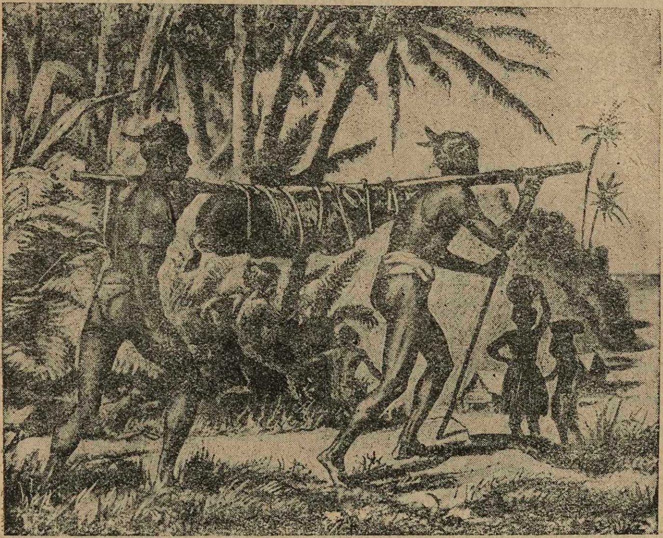
Двое пришли сказать, что так как свиньи уже разбрелись, то их можно будет словить только вечером, когда они вернутся в деревню. Пока длились все эти переговоры, две из принесенных куриц выпорхнули из рук, державших их, так что на берегу состоялась в высшей степени курьезная погоня туземцев за курами. Она окончилась тем, что куры исчезли в лесу и были принесены только через несколько времени, обе пронзенные стрелами. Порода кур здесь очень маленькая, и они сохранили все привычки полудикой птицы.

После завтрака я пошел осмотреть деревню и нашел, что за нею на юго-востоке море образует довольно значительную, хотя и мелкую бухточку с многочисленными коралловыми рифами. На противоположном мыске, отличающемся скалистой грядой, выдающейся из моря, расположена другая большая деревня — Телята, цель моей экскурсии. Этим обстоятельством я был неприятно удивлен, так как знал, что никакими обещаниями или подарками мне не удастся уговорить моих спутников отправиться дальше этой местности; а путешествие в туземных пирогах, с туземными переводчиками, благодаря которым меня всюду ожидал хороший прием, пришлось мне очень по нраву. При помощи бинокля я мог рассмотреть несколько деревень, расположенных вокруг бухты.

Я решил переправиться в деревню Телята, что можно было сделать довольно удобно даже и при помощи весел, так как в этот день господствовал на море почти-что мертвый штиль.

Мои люди из Били-Били были недовольны мной за то, что я не взял большой свиньи, обещанной

людьми Сингора; но они успокоились, когда я заявил, что они могут взять ее от моего имени при следующем посещении этой деревни, съесть ее на месте или отвезти в Били-Били. Когда мы подъезжали к одной из деревень в бухте, нам навстречу выехало

Папуасы несут свинью, предназначенную для пиршества

Рисунок О. Финша

несколько пирог, приняв нас за людей с острова Тиары. С этим островом здешние жители имеют постоянные сношения, проводя на нем иногда по нескольку месяцев, и жители Тиары также приезжают сюда в гости на долгое время.

У следующей деревни — Аврай — мы зашли за риф, тянущийся вплоть до самой деревни Телята. Когда ванги наши были вытащены на берег, я при-

казал выбрать из них все мои вещи, так как полагал, что, живя в деревне, мне удобнее будет видеть ежедневную жизнь туземцев и иметь их под рукою для постоянного наблюдения. Дарем или буамрамра для такой обширной деревни, как Телята, представлял собою довольно небольшое здание и был, как я узнал к великому моему удивлению, единственным даремом во всей деревне. Для меня одного, впрочем, этот дарем был достаточно велик.

Пока переносили мои вещи, я увидел среди обступивших меня людей первого совершенно седого папуаса, то есть такого, у которого все волосы до одного были белы. У половины мужчин, которых я знал, волосы были черные с проседью; у некоторых было и порядочно седых волос, но у этого человека все волосы на голове и бороде были совершенно белые. Туземцы здесь обыкновенно скрывают седину, постоянно напитывая и смазывая себе волосы черной краской (куму) и выдергивая себе седые волосы из усов и бороды; этот же старик, напротив, как бы гордился своей белой головою и не только не мазал ее никакой краской, но даже содержал ее очень чисто. Я сперва подумал, что имею дело с случаем альбинизма, но, осмотрев старика поближе, нашел, что он сед от старости, а не от чего-либо другого. Через Каина я спросил старика, видел ли он когда-либо белого человека и слыхал ли что о белых людях. Он без запинок ответил «нет» на первый вопрос; на второй же сказал, что люди ему говорили о Маклае, который живет в Бонгу и Били-Били.

Убедив старика, что я и есть именно тот Маклай, о котором он слышал, я подарил ему нож, к большой зависти остальных, и дал ему большую порцию

табаку. Данный старику нож произвел странное действие: всем туземцам вдруг захотелось иметь по ножу; но так как у них не было совершенно ни седых волос, ни каких-либо других характерных особенностей, то я объявил первому из просящих, что дам ему нож в обмен на ожерелье «бульра»; другому обещал дать нож за большой табир; третьему — за каменный топор и т. д. Все эти вещи явились в продолжение дня, и каждый получил в обмен за них хороший стальной нож. Как и в Сингоре, туземцы здесь повсеместно сушили на солнце орехи кенгара; свежие орехи, собираемые в это время года, очень вкусны и очень богаты маслом.

Отдохнув немного, я прошелся по деревне, за которой сейчас начинаются большие плантации, чего мне до сих пор не приходилось видеть в деревнях, расположенных вокруг бухты Астролябии. На этих плантациях росло особенно много бананов, но так как плодов на них еще не было, то я и не мог видеть, сколько разновидностей разводят здешние туземцы. Бананы здесь едят недозрелыми и варят их как овощи, так что и впоследствии мне не удалось познакомиться с разновидностями этих плодов.

Пройдя через плантацию, я вышел к морю и очутился перед обширной открытой бухтой, тянувшейся на запад. Благодаря биноклю, мне удалось рассмотреть хижины трех деревень; но здешние туземцы не находятся в сношении с тамошними, так что я даже не мог добиться названия тех деревень.

Вечером я имел долгое совещание с Каином, уговаривая его отправиться дальше; обещал ему один и даже два топора, ножей, красного коленкору, бус, — одним словом, несметные для него богатства, но он

стоял на своем: «нет», «нельзя», «убьют», «всех убьют», «съедят» и т. д., вот все, что я мог от него добиться. Я указывал на мой револьвер. Он хотя и попросил его спрятать, но все-таки продолжал говорить: «убьют», «Маклай один, а людей там много». Часа два бился я с ним таким образом и все-таки не уломал его. В досаде на его возражения я повернулся к нему спиною и заснул, вероятно, прежде чем он договорил.

9 июля

Отправился по широкой, хорошей тропинке, пролегавшей в лесу, в деревню Аврай. Повсюду поднимались высокие стволы кенгара; их здесь так много, что, полагаю, они были насажены предками теперешних жителей. Орехами кенгара туземцы ведут меновую торговлю с соседними деревнями. На рифе, который можно было видеть с дороги, множество женщин собирали морских животных, пользуясь отливом.

Деревня Аврай представляет собою живописный уголок в лесу; только весьма немногие, мелкие деревья были вырублены и заменены кокосовыми и арековыми пальмами, бананами и разными кустами, большие же деревья все оставлены, так что везде на площадках, вокруг которых живописно ютились небольшие хижины, была тень и прохлада. Дарема не оказалось, почему я и пришедшие со мною люди из Били-Били и Телят расположились на цыновках, на площадке. Я положительно отказался от всякой еды, кроме кокосовой воды и свежих орехов кенгара. Однако туземцы непременно хотели поднести мне что-нибудь, хотя бы курицу. Чтобы поймать ее, ту-

земцы устроили род ловушки, состоящей из петли, которая была затянута, как только одна из кур неосторожно ступила в круг, где были набросаны несколько кусочков кокосового ореха.

Я видел в деревне Аврай несколько очень больших табиров, замечательно правильной овальной формы. Трудно себе представить, каким образом достигается такая правильность, так как известно, что туземцы не имеют других инструментов, кроме осколков кремня и разных раковин. Это можно объяснить единственно тем, что на выделку каждой вещи туземцы посвящают очень много времени, уж не упоминая о том, что они обладают очень верным глазом и значительным вкусом.

Один из туземцев принес в деревню два вновь заостренных копья. Я пожелал узнать, каким образом они были сделаны. Было видно, что работа сделана только наполовину; недоставало окончательной полировки и окраски. Каин объяснил мне, что концы этих копий были сломаны при охоте на диких свиней и, чтобы заострить их вновь, их отточили на кораллах. Это обстоятельство меня очень заинтересовало, и я попросил, чтобы один из мальчиков сбегал на риф и принес образчик коралла, употребляемого при этой операции. Мне принесли весьма красивый экземпляр из рода Meandrina, величиной с человеческую голову. На довольно ровной и, вместе с тем, шероховатой поверхности его, с некоторой силою и ловкостью, было нетрудно заострить любую палку. На рифе, кроме того, вода и слизистая оболочка коралла помогают процессу стачивания. Каин сказал мне, что везде на берегу при выделке деревянного оружия употребляется этот метод полировки.

Вернувшись в деревню Телята, я нарисовал группу хижин, которые напоминали собою скорее хижины горных деревень, чем хижины береговых и на островах. Пока я рисовал, Сале прибил к одному из деревьев медный ярлык с моей монограммой.

11 июля

Так как не стоило возобновлять разговор с Каином о поездке дальше вдоль берега, я собрался в обратный путь рано утром. По пути я хотел посетить еще деревню Рай-Мана и взобраться на гору Сируй. Когда мы подошли к берегу, около деревни Биби, берег оказался совершенно пустынным, и в деревне никого не было. Каин объяснил, что все жители ушли в горы: унан-барата-буль-уяр (жечь унан и есть свиней).

Мои спутники из Били-Били почему-то трусили перед горными жителями и в качестве приморцев полагали, что карабкаться по горам — не их дело. Я знал положение деревень Рай только приблизительно, с пироги я мог с помощью бинокля разглядеть в горах группы кокосовых пальм, но все-таки отправился туда в сопровождении моего слуги Сале. Мне без особенного труда удалось добраться до деревень, где горные жители Рай-Мана приняли меня как нельзя лучше; они, по слухам, уже знали мое имя и сейчас же догадались, кто это к ним пришел. Я пожалел, что мы не понимали друг друга, но знаками объяснил, что хочу итти на высокий холм, который находился за их деревней и который они называют Сируй-Мана. Проводники нашлись сейчас же, и мы отправились немедленно.

С вершины Сируй-Мана (около 1200 футов) от-

крывалась красивая панорама Берега Маклая на значительном протяжении. Вернувшись в деревню, я снова был встречен жителями крайне любезно и предупредительно. Я провел ночь в одной хижине и вернулся на другое утро довольно рано к месту, где оставил ванги. Выкупавшись в море, мы пустились в обратный путь и еще засветло подошли к Бонгу.

Встретивший меня Мебли и туземцы Бонгу сообщили мне о смерти Вангума во время моего отсутствия: это был туземец из Горенду, человек лет двадцати пяти. Вангум был крепкий и здоровый мужчина, как вдруг заболел и дня через два-три внезапно умер. Мебли сказал мне, что деревни Бонгу и Горенду находились в сильной тревоге вследствие этой смерти. Отец, дядя и родственники покойного, которых было немало в обеих деревнях, усиленно уговаривали все мужское население Бонгу и Горенду безотлагательно отправиться в поход на жителей одной из горных деревень. Это обстоятельство было очень серьезно, так что я, услышав о происшедшем, решил не допустить этой экспедиции в горы. Я воздержался, однако, от всяких немедленных заявлений, желая сперва обстоятельно узнать положение дела.

15 июля

Я узнал вчера вечером, что жители Бонгу и Горенду никак не могут сговориться насчет того, в которой деревне живет предполагаемый недруг Вангума или его отец, приготовивший «оним», который причинил смерть молодому человеку. Это разногласие они, однако, надеялись устранить весьма простым способом, а именно: напасть сперва на одну, а затем на другую деревню.

Явившаяся ко мне депутация из Бонгу для того, чтобы просить меня быть их союзником в случае войны, получила от меня положительный отказ. Когда некоторые из них продолжали уговаривать меня помочь им, я сказал с очень серьезным видом и возвысив немного голос:

— Маклай баллал кере! (Маклай говорил довольно.)

После этого депутация удалилась.

Затем я отправился в Горенду послушать, что мне скажут там. Людей там я встретил немного; все говорили о предстоящей войне с Мана-тамо. Я вошел в хижину Вангума; в углу около барлы возвышался гамбор; недалеко от него горел костер, около которого на земле, вся измазанная сажей, почти без всякой одежды сидела молодая вдова умершего. Так как в хижине никого кроме меня не было, то она улыбнулась мне далеко не печально. Ей, видимо, надоела роль неутешной вдовы. Я узнал, что она должна перейти к брату умершего.

Не достигнув задуманной цели моего посещения, я отправился домой и дорогой застал отца Вангума, раскладывавшего огонь на берегу под совершенно новой пирогой своего умершего сына, которую последний сделал всего за несколько дней до своей смерти. Пирога была порублена во многих местах; теперь старик хотел покончить с нею совершенно, то есть сжечь ее.

Зная, что я отговариваю людей от войны, затевавшейся по поводу смерти его сына, старик еле поглядел на меня.

Прошло несколько дней. Экспедиция в горы не состоялась. Впрочем, я не приписываю этого моему

вмешательству, а просто обе деревни не сошлись на этот раз в мнениях.

23 июля

Около трех часов я сидел на веранде за какою-то письменной работой; вдруг появляется Сале, весь запыхавшийся, и говорит мне, что слышал от людей Бонгу о внезапной смерти младшего брата Вангума. Опасаясь за последствия смерти обоих братьев в течение такого короткого времени, я сейчас же послал Мебли в деревню узнать, правда ли это.

Когда он вернулся, то рассказал мне следующее. Утром Туй, девяти- или десятилетний мальчик, брат Вангума, отправился с отцом и другими жителями Горенду ловить рыбу к реке Габенау. Там его ужалила в палец руки небольшая змея; яд подействовал так сильно, что перепуганный отец, схватив ребенка на руки и бросившись почти бегом в обратный путь, принес его в деревню уже умирающим.

Собрав в одну минуту все необходимое, т. е. ланцет, нашатырный спирт, марганцево-кислый калий и несколько бинтов, я поспешил в Горенду. Нога у меня сильно болела, почему я очень обрадовался возможности воспользоваться пирогой, отправлявшейся в порт Константина, так как она могла довезти меня в Горенду. Около Урур-И мы узнали от бежавших из Горенды, сильно возбужденных Иона и Намуя, что бедняга Туй только-что умер, и что надо итти жечь хижины Ямбало-тамо.

Послышались несколько ударов барума, возвещавших смерть мальчика; когда я вышел на берег, меня обогнали несколько бегущих и воющих женщин.

В деревне волнение было сильное; страшно возбу-

жденные мужчины, почему-то все вооруженные, воющие и кричащие женщины сильно изменяли физиономию обыкновенно спокойной и тихой деревни. Везде только и было слышно, что «оним», «Кумана», «Ямбал-тамо-барата». Эта вторая смерть, случившаяся в той же деревне и даже в той же самой семье, где и первая, в промежуток каких-нибудь двух недель, произвела среди жителей обеих деревень настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха... Даже самые спокойные, которые раньше молчали, теперь стали с жаром утверждать, что жители которой-нибудь горной деревни приготовили «оним», почему Вангум и Туй умерли один за другим, и что, если этому не положить конец немедленным походом в горы, то все жители Горенду перемрут, и т. п.

Война теперь казалась уже неизбежной. О ней толковали и старики и дети, всего же больше кричали бабы; молодежь приготовляла и приводила в порядок оружие. На меня в деревне поглядывали искоса, зная, что я против войны; некоторые смотрели совсем враждебно, точно я был виноват в случившейся беде. Один старик Туй был, как и всегда, дружелюбен со мною и только серьезно покачивал головою.

Мне не оставалось ничего больше делать в Горенду; люди были слишком возбуждены для того, чтобы выслушать меня спокойно. Пользуясь лунным светом, я прошел в Бонгу наикратчайшею тропинкою. Здесь тревога хотя была и меньше, но тем не менее значительная. Саул старался уговорить меня согласиться с ним в необходимости похода на Манатамо. Аргументы его были следующие: последние события — результат «онима»; затем, если они (то

есть тамо-Бонгу), не побьют Мана-тамо, то будут побиты последними. Вернувшись домой, я даже и у себя не мог избавиться от разговоров об «оним»; Сале сказал мне, что на острове Яве «оним» называется «доа», и верил в значение его. Мебли сообщил, что на островах Пелау «олай» — то же самое, что «оним», и также не сомневался в том, что от действия «оним» люди могут умирать.

24 июля

Утром отправился в Горенду. Туземцы имели более спокойный вид, чем накануне, но продолжали быть очень мрачными; даже Туй был сегодня в пасмурном настроении.

— Горенду-баса! (конец Горенду), — сказал Туй, протягивая мне руку.

Я пожелал, чтобы Туй объяснил мне, в чем именно заключается «оним». Туй сказал, что Мана-тамо как-нибудь достали таро или ямса, недоеденного людьми Горенду, и, изрезав его на кусочки, заговорили и сожгли.

Старик Туй уговаривал меня приготовить «оним Маклай», чтобы сильное землетрясение разрушило все деревни в горах, но не делало бы ничего прибрежным жителям.

Вечером этого же дня я услыхал звуки барума в Горенду, и вернувшийся оттуда через несколько времени Мебли, который зачем-то ходил в деревню, разбудил меня и таинственно сообщил, что война с Мана-тамо (вероятно, с Теньгум-Мана) решена. Но было положено ничего не говорить о ней Маклаю.

Войны здесь хотя и не отличаются кровопролитием (убитых бывает немного), но зато бывают очень

продолжительны, переходя часто в форму частных вендетт, которые поддерживают постоянное брожение между общинами и очень затягивают заключение между ними мира. Во время войны все сообщения между многими деревнями прекращаются. Преобладающая мысль каждого: желание убить или страх быть убитым. Мне было ясно, что на этот раз мне не следовало смотреть сложа руки на положение дел в деревне Бонгу, находившейся всего в пяти минутах от моего дома. Мое молчание при моей постоянной оппозиции войнам, когда только несколько дней тому назад я восстал против похода, — было бы странным, нелогичным поступком.

Мне не следовало уступать и на этот раз, чтобы не быть принужденным уступить впоследствии. Мне необходимо было оставить в стороне мою антипатию к вмешательству в чужие дела.

Я решил запретить войну.

На сильный эффект следует действовать тоже эффектом, но еще более сильным, и сперва необходимо разрознить единодушную жажду мести. Следовало поселить между туземцами разногласие и тем способствовать охлаждению первого пыла.

25 июля

Я долго не спал, а затем часто просыпался, обдумывая план моих будущих действий. Заснул я только к утру; проснувшись и перебрав вчерашние размышления, я решил избрать план действий, который, по моему мнению, должен был дать желаемые результаты и который, как оказалось, подействовал еще сильнее, чем я ожидал. Главное, не надо было торопиться. Поэтому, несмотря на мое нетерпение, я

выждал обычный час (перед заходом солнца), чтобы отправиться в Бонгу.

Как я и ожидал, в деревне всюду шли толки и рассуждения о случившемся. Заметив, что туземцам очень хочется знать, что я думаю, я сказал:

— Вангум и Туй были молоды и здоровы. Старик-отец остается теперь один. И все-таки Маклай скажет то же, что говорил и после смерти Вангума: войне не быть!

Весть о словах Маклая, что войны не должно быть, когда все готовятся к ней, мигом облетела всю деревню. Собралась большая толпа, но в буамрамру, где я сидел, вошли только одни старики. Каждый из них старался убедить меня, что война необходима. Рассуждать о неосновательности теории «онима» было бы невозможно: ввиду ограниченности в моих знаниях языка туземцев, — это во-первых; во-вторых — я только даром потратил бы время, так как мне все равно не удалось бы никого убедить; а в-третьих, — это было бы большим промахом, так как каждый стал бы перетолковывать мои слова на свой лад. Тем не менее я выслушал очень многих; когда последний кончил говорить, я встал, собираясь итти, и обыкновенным моим голосом, представлявшим сильный контраст с возбужденной речью туземцев, повторил:

— Маклай говорит — войны не будет, а если вы отправитесь в поход в горы, с вами со всеми, с людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье.

Наступило торжественное молчание; затем посыпались вопросы: «Что случится?», «Что будет?», «Что Маклай сделает?»

Оставляя моих собеседников в недоумении и пре-

доставляя их воображению найти объяснение моей угрозы, я ответил кратко:

— Сами увидите, если пойдете.

Отправляясь домой и медленно проходя между группами туземцев, я мог убедиться, что воображение их уже работает: каждый старался угадать, какую именно беду мог пророчить Маклай.

Не успел я дойти до ворот моей усадьбы, как один из стариков нагнал меня, запыхавшись от ходьбы, и едва мог проговорить:

— Маклай, если тамо-Бонгу отправятся в горы, не случится ли тангрин (землетрясение)?

Этот странный вопрос и взволнованный вид старика показали мне, что слова, произнесенные в Бонгу, произвели значительный эффект.

— Маклай не говорил, что будет землетрясение,— возразил я.

— Нет, но Маклай сказал, что если мы пойдем в горы, случится несчастье. Тангрин — страшное несчастье! Люди Бонгу, Гумбу, Горенду, Богатим, все, все боятся тангрина. Скажи, случится тангрин? — повторил он просительным тоном.

— Может быть, — был мой ответ.

Мой приятель быстро пустился в обратный путь, но был почти сейчас же остановлен двумя подходившими к нам туземцами, так что я мог расслышать слова старика, сказанные скороговоркой:

— Я, ведь, говорил, тангрин будет, если мы пойдем. Я говорил!

Все трое почти бегом направились в деревню.

Следующие затем дни я не ходил в Бонгу, предоставляя воображению туземцев разгадывать за-

гадку и полагаясь на пословицу: «у страха глаза велики». Теперь я был уверен, что они сильно призадумаются и военный пыл их таким образом начнет мало-по-малу остывать, а главное, что теперь в деревнях господствует разноголосица. Я нарочно не осведомлялся о решении моих соседей, они тоже молчали, но приготовления к войне прекратились. Недели через две ко мне пришел мой старый приятель Туй и подтвердил доходивший до меня не раз уже слух, что он и все жители Горенду хотят выселиться.

— Что так? — с удивлением спросил я.

— Да мы все боимся жить там. Останемся в Горенду — все умрем один за другим. Двое уже умерли от оним Мана-тамо, так и другие умрут. Не только люди умирают, но и кокосовые пальмы больны. Листья у всех стали красные, и они все умрут. Мана-тамо зарыли в Горенду оним, — вот и кокосовые пальмы умирают. Хотели мы побить этих Мана-тамо, да нельзя, Маклай не хочет, говорит: случится беда. Люди Бонгу трусят, боятся тангрин. Случится тангрин — все деревни кругом скажут: люди Бонгу виноваты; Маклай говорил, будет беда, если Бонгу пойдет в горы... Все деревни пойдут войною на Бонгу. Вот люди Бонгу и боятся. А в Горенду людей слишком мало, чтобы итти воевать с Мана-тамо одним. Вот мы и хотим разойтись в разные стороны, — закончил Туй уже совсем унылым голосом и стал перечислять деревни, в которых жители Горенду предполагали расселиться. Кто хотел отправиться в Гориму, кто в Ямбомбу, кто в Митебог; только один или двое думают остаться в Бонгу. Так как расселение это начнется через не-

сколько месяцев после сбора посаженного уже таро, то я не знаю, чем это кончится.[1]

Август 1877 года

Новый дом, начатый постройкой еще в июне месяце, был окончен в первых числах августа. Размерами он совершенно походит на тот, в котором я живу. Думаю, что, вероятно, я и не буду нуждаться в нем, если только ожидаемая мною шхуна придет раньше конца года; если же нет, то мне придется переселиться в него, потому что крыша моего настоящего дома навряд ли выдержит более 18 месяцев: некоторые столбы и балки сильно изъедены белыми муравьями, так что я ежедневно опасаюсь, как бы они не забрались в ящики с книгами или с бельем. Углядеть за муравьями очень трудно, так как они устраивают крытые ходы от одного предмета к другому, например, от ящика к ящику. Осматривать же ящики каждый день — такая возня, что, действительно, в этом случае игра не стоит свеч. В моем новом доме все столбы и балки сделаны из такого

[1] Покидая Берег Маклая в ноябре 1877 года, я не думал, что жители Горенду приведут в исполнение свое намерение выселиться. Вернувшись туда в мае 1883 года на корвете «Скобелев» и посетив Бонгу, я по старой тропинке отправился оттуда в Горенду. Тропинка сильно заросла; по ней, очевидно, ходили мало. Но придя на то место, где находилась старая деревня Горенду, я положительно не мог сообразить, где я. Вместо значительной деревни, большого числа хижин, расположенных вокруг трех площадок, я увидел только две или три хижины в лесу: — до такой степени все заросло. Куда расселились тамо-Горенду — я не успел узнать. *Примечание Миклухо-Маклая.*

леса, который белые муравьи не трогают. Когда его строили, я нарочно не дозволял брать других видов дерева, кроме упомянутого. Одно из них было темного цвета, другое — очень белое и твердое — носит здесь название «энглам». Постройка хижины отличалась большой прочностью.

Я имел обыкновение часу в шестом вечера отправляться к моим соседям в деревню Бонгу. Сегодня я отправился, зная, что увижу там также и жителей других деревень, которых ожидали из Били-Били и Богатим. Придя в деревню, я вошел в буамрамру, где происходил громкий, оживленный разговор, который оборвался при моем появлении. Очевидно, туземцы говорили обо мне, или о чем-нибудь таком, что им хотелось скрыть от меня.

Заходящее солнце красноватыми лучами освещало внутренность буамрамры и лица жителей Бонгу, Горенду, Били-Били и Богатим. Было целое сборище.

Я сел. Все молчали. Было очевидно, что я помешал их совещанию. Наконец, мой старый приятель Саул, которому я всегда доверял более других, позволяя иногда сидеть на моей веранде, и с которым частенько вступал в разговоры, подошел ко мне. Положив руку ко мне на плечо (что было не простая фамильярность, которую я не имею обыкновения допускать в моих сношениях с туземцами, а скорее выражение дружбы и просьбы), он спросил меня заискивающим голосом и заглядывая мне в глаза:

— Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богатим, Били-Били?

Вопрос удивил меня своей неожиданностью и торжественным, хотя и просительным тоном. Выражение физиономий окружающих показало мне, что не один только Саул спрашивает, а что все ожидают моего ответа. Мне подумалось, что, вероятно, об этом-то туземцы и разговаривали перед моим приходом, и я понял, почему мое появление прекратило их разговор.

На простой вопрос надо было дать простой ответ, но его следовало прежде обдумать. Туземцы знают, убеждены, что Маклай не скажет неправды; их пословица «баллал Маклай худи» (слово Маклая одно) не должна быть изменена и на этот раз. Поэтому сказать «нет» нельзя, тем более, что, пожалуй, завтра или через несколько дней какая-нибудь случайность может показать туземцам, что Маклай сказал неправду. Скажи я: «да», я поколеблю сам значительно мою репутацию, которая особенно важна для меня именно теперь, через несколько дней после запрещения войны. Эти соображения промелькнули гораздо скорее, нежели я пишу последние строки.

Чтобы иметь время обдумать ответ, я встал и прошелся вдоль буамрамры, смотря вверх, как бы ища чего-то (собственно я искал ответа).

Косые лучи солнца освещали все мелочи, висящие под крышей; от черепов рыб и челюстей свиней мой взгляд перешел к коллекции разного оружия, прикрепленного ниже над барлой; там были луки, стрелы и несколько копий разной формы. Мой взгляд остановился на одном из них, толстом и хорошо заостренном. Я нашел мой ответ.

Сняв со стены именно это тяжелое и острое копье, которое, метко брошенное, могло причинить

неминуемую смерть, я подошел к Саулу, стоявшему посреди буамрамры и следившему за моими движениями. Я подал ему копье, отошел на несколько шагов и остановился против него. Я снял шляпу, широкие поля которой закрывали мое лицо; я хотел, чтобы туземцы могли по выражению моего лица видеть, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось. Я сказал тогда:

— Посмотри, может ли Маклай умереть.

Недоумевавший Саул, хотя и понял смысл моего предложения, но даже не поднял копья и первый заговорил:

— Арен, арен! (Нет, нет!)

Между тем, некоторые из присутствовавших бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом от копья Саула. Простояв еще несколько времени перед Саулом в ожидании и назвав его даже шутливым тоном бабой, я сел между туземцами, которые говорили все зараз.

Ответ оказался удовлетворительным, так как после этого случая никто не спрашивал меня: «может ли Маклай умереть? . .»[1]

[1] Это последняя подробная запись в дневнике Миклухо-Маклая за 1877 год. Миклухо-Маклай уехал из Новой Гвинеи 6 ноября 1877 года на зашедшей туда английской шхуне «Flower of Yarrow». *Ред.*

ИЗ ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ОСТРОВАМ МЕЛАНЕЗИИ 1879

На островке Андра

Встреча с островитянами. — Приемы торговли трэдоров. — Людоеды. — Расправа с маленькой воровкой. — Массажистка Пинрас. — Костюм из цыновки. — Осмотр хижин. — Коптилка в «ум-камале». — Приключения ирландца О'Хара на островке Андра. — Бой кутера «Рабеа» с островитянами. — Купанье и обнюхивание. — Тревога. — Баррикады на тропинках. — Несостоявшееся нападение. — Знакомство островитян с луком. — Смерть и оплакивание Панги. — Поход на деревню Рембат. — Первобытные орудия. — Отъезд на остров Сорри. — Малаец Ахмат и его рассказы. — Судьба трэдора Пальди. — Растение «апис». — Этнологические загадки и ошибки.

21 августа

Шхуна „Saddie F. Caller“ лавировала на севере островов Адмиралтейства, которые были в виду, но на значительном расстоянии. К полудню свежий ветерок позволил нам приблизиться настолько, что я мог рассмотреть и узнать контуры гор большого острова Тауи, а по ним определить положение небольших островков, лежащих под самым берегом его.

Мне хотелось повидать моих старых знакомых, жителей островка Андра, с языком которых я отчасти познакомился в 1876 году, а также узнать о судьбе оставшегося там матроса малайца Ахмата,

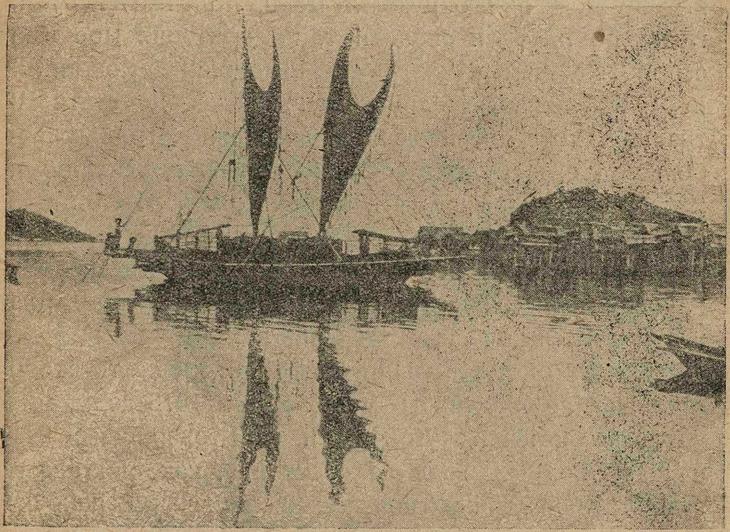
сбежавшего вследствие дурного обращения с ним шкипера шхуны «Sea bird». Мне нетрудно было убедить шкипера В. зайти в порт Андра, сказав ему, что он может рассчитывать там на хорошую добычу трепанга и на порядочную якорную стоянку.

Местность мне была хорошо знакома, и я мог послужить на этот раз лоцманом, что было очень кстати, так как зыбь мешала разглядеть рифы. Я указал шкиперу на западный проход за островок Андра, потому что на восток от него находится много рифов. Шхуна благополучно прошла через бар между рифами, тянущимися один с западной оконечности островка Андра, другой с восточной островка Бонем (или Понем), и легкий ветерок позволил войти в лагуну и бросить якорь на десятисаженной глубине.

Со стороны моря островок этот представляется низким, но покрытым густою растительностью. Нигде между деревьями, смотря с моря, нельзя разглядеть ни деревни, ни даже хижины. Единственно голубоватый дымок, который вился и расстилался в одном месте над островком, доказывал присутствие человека. Но как только мы зашли за риф, то увидали над отлогим песчаным берегом ряды кокосовых пальм, над которыми высился лес, а внизу между пальмами стали показываться крыши хижин; вдоль же берега можно было разглядеть группы туземцев. Некоторые из них приготовляли пироги к спуску, другие спокойно ожидали, пока шхуна не бросит якорь. Дети особенно волновались, перебегали от одной группы к другой, и можно было расслышать их крики и хохот. Женщины стояли и сидели поодаль около хижин; вся обстановка дока-

зывала, что приход европейского судна сделался и здесь явлением довольно обыкновенным. Мой хороший бинокль позволял мне разглядывать все подробности, узнавать хижины, осматривать разнообразные группы туземцев, следить за движениями людей.

Наконец, две небольшие пироги стали медленно

Туземное торговое судно у южного берега Новой Гвинеи

приближаться к шхуне. По разговору и по жестам можно было заметить, что никто на пирогах не узнает шхуны, которая никогда не бывала еще здесь, и что туземцы не видят на ней ни одного знакомого лица. Я был единственным человеком, которого они могли бы узнать. Между приближающимися я и сам не мог признать ни одной знакомой физиономии.

Неожиданно раздавшийся возглас: «Макрай!»[1] — убедил меня, что нашелся один из туземцев, узнавший меня. Между людьми на пирогах завязался оживленный разговор, в котором мое имя часто слышалось. Результатом разговора было то, что туземцы один за другим влезли на трап, а затем на палубу. Все они окружили меня, протягивая руки, гладя по плечу и спине и т. п., повторяя мое имя с прибавлением «уян», «уян» (хороший, хороший) и «кавас», «кавас» (друг, друг). Особенно суетился туземец, который первый узнал меня. Это был небольшой человек, лет сорока, с очень подвижной и хитрой физиономией; его звали Кохем, что он мне сам объявил, ударяя себя по груди. Он убеждал меня сейчас же съехать на берег и, нагнув голову на бок и приложив руку к щеке, показывал, чтобы я отправился ночевать в деревню.

При помощи небольшого словаря диалекта этого островка, составленного мною еще в 1876 году, мне удалось объяснить Кохему и его товарищам, что капитан пришел сюда за «бечтема», как они называют трепанга,[2] за «поэсю» (жемчужными раковинами), за «писпонем» (черепахой) и что, если всего этого найдется много, то «роль» (судно) останется здесь долго, и им будут даны большие и маленькие «самель» (железо, нож), «палюсь» (красная бумажная материя) и «буаяб» (стеклянный бисер).

[1] На островах Адмиралтейства туземцы никак не могли выговорить «Маклай», а называли меня «Макрай» или иногда «Макай».

[2] «Бечтема» не что иное как искаженное французское название bêche de mer (трепанг).

Примечания Миклухо-Маклая.

Моя речь произвела большой эффект и прерывалась только словами: «уян!» (хорошо), «ксанга!» (много), «кавас, кавас!» (друг, друг).

Уверения туземцев, что всего много, и трепанга и перламутра, очень понравились шкиперу, который просил меня сказать туземцам, чтобы на другой же день с раннего утра они стали привозить трепанга и жемчужные раковины на шхуну.

Покончив эти переговоры, я съехал с Кохемом и с другими туземцами на берег и был встречен толпою мальчиков и девочек, которые все кричали; кто кричал: «Макрай!», кто — «уян!», кто протягивал уже руку и орал: «буаяб, буаяб!» (бисер, бисер).

На берегу я узнал нескольких туземцев, с которыми виделся в 1876 году. Я отправился по знакомой тропинке вдоль берега и осмотрел всю деревню, которая показалась мне в этот раз меньше, чем при первом моем посещении. И людей как-то показалось мне меньше.

Сев у одного из «ум-камаль» (общественная хижина для мужчин) и предложив жестом моей немалочисленной свите также присесть, я достал опять мою старую записную книгу и стал громко читать записанные в ней имена жителей деревни. Эффект был изумительный, все вскочили и стали орать:

— Макрай, уян, уян, уян!

Когда они поуспокоились, я снова стал называть имена; некоторые отзывались, но некоторые отвечали: «римат» (умер), иногда прибавляя «салаяу» (неприятель), что значило, вероятно, что человек был убит неприятелями. При некоторых именах окружавшие меня туземцы прибавляли имя какой-

нибудь деревни, что означало, вероятно, что названный субъект ушел туда-то.

Одним словом, туземцы скоро почувствовали, что нашли во мне старого знакомого, который немного понимает их, интересуется ими и не думает причинить им какой-либо вред или обмануть их при торге, которым, как они скоро убедились, я не занимался.

Я роздал взятый с собою бисер женщинам и детям, — каждая или каждый подходили ко мне с листиком с ближайшего куста, на который я отсыпал немного бисера, находившегося у меня в небольшой склянке. Физиономию, украшение, одежду каждого подходящего я внимательно осматривал, а затем записывал его имя, прибавляя, для памяти, какую-нибудь особенность физиономии или телосложения, чтобы потом узнать его. Тем из детей, которых физиономия, расторопность или услужливость мне более нравились, я привязывал поверх локтя по ленточке красной материи, которой дети оставались очень довольны.

Солнце уже зашло, и начало темнеть, когда я вернулся на шхуну.

22 августа

С самого рассвета торг с туземцами на шхуне начался. Когда часам к шести я вышел на палубу, то увидал кучи трепанга разного рода, а также груды жемчужных раковин, которые туземцы в это утро уже успели собрать на рифах.

Была низкая вода, и рифы чернели на далеком расстоянии в море; на них копошились женщины и дети, собирая всякую всячину: трепанга и жемчуж-

ные раковины для продажи, разных моллюсков и маленьких рыбок для собственного стола. Мужчины в пирогах переезжали от рифа к шхуне, сдавая свой груз и получая взамен «самель» (обручное железо). Картина была оживленная и интересная. Я остался на палубе и следил за окружающим. Несколько более ленивых туземцев или таких, за которых работали их жены или сыновья, выехали в пирогах, наполненных разными вещами, которые предлагали купить. На пирогах этих можно было видеть разного рода копья, большие «пуенкай» (деревянные блюда), сети для ловли рыб, глиняные горшки, так называемые «кур» (непромокаемые корзины), разного рода украшения, носимые туземцами, и т. п.

Я обратил особенное внимание на горшки, которые были тщательно сделаны и орнаментированы; они были разной величины и разного назначения: одни — с одним отверстием и с немногими украшениями — для варки; другие — с двумя отверстиями и с орнаментом вокруг них — для пресной воды. Я приобрел один горшок с двумя отверстиями. Туземец, у которого я купил горшок, объяснил мне, что горшки делаются женщинами на большом острове, что в одно отверстие вливают воду, а через другое выливают воду в рот.[1]

Другая вещица, замеченная мною, был кинжал с двумя лезвиями, сделанными из игл большого ската. Иглы эти очень острые, снабженные по краям загнутыми вниз в виде пилы острыми прибавками,

[1] Здесь, как на многих островах Меланезии, воду льют в рот, так что губы не касаются сосуда с водой (горшка, бамбука, скорлупы кокосового ореха и т. д.).

Примечание Миклухо-Маклая.

представляют, при своей ломкости, очень опасное оружие. Всаженные в незащищенное одеждою тело туземца и ломаясь в ране, они могут причинить почти неминуемую смерть раненому. Деревянная ручка этого кинжала представляла примитивно-вырезанную человеческую фигуру.

Кучи трепанга между тем росли на палубе, и шкипер В. потирал себе руки, так как бо́льшая часть привезенного трепанга оказалась очень хорошего достоинства; тонна такого трепанга китайцами, даже и в Куктауне (в северном Квинсленде), оплачивается более чем ста фунтами стерлингов. Шкипер платил за трепанга здесь кусками обручного железа (так называемого ironhoop у англичан). Он сказал мне, что сегодня еще приступит к сооружению Smoke house[1] на палубе и что не уйдет отсюда, не выловив весь трепанг на рифах кругом. Позавтракав и взяв с собою койку и записную книжку, я отправился на

[1] Шхуна „Saddie F. Caller“, как выше уже было сказано, была специально снаряжена для ловли трепанга. Для того, чтобы избегнуть потери времени, сопряженной с постройкой так называемого Smoke house на берегу, и не подвергаться опасности нападения со стороны туземцев, что нередко случается при таком предприятии, шкипер решил поставить Smoke house на палубе шхуны. Этот Smoke house или, как я его называл «к о п т и л к а», состоял из железного домика или, вернее, большого железного ящика, метров семь в длину, такой же ширины и метра три вышины. В этом ящике растянуты многочисленные полки из проволочных сетей, на которые кладется разрезанный и вареный трепанг. Две большие печи с трубами, идущими внутрь «коптилки», топятся днем и ночью, наполняют ее дымом и коптят трепанг, на что, однако ж, требуется не менее трех дней. Коптилка может вместить около тонны трепанга.

Примечание Миклухо-Маклая.

берег. От крика и шума на шхуне у меня разболелась голова, так что, съехав на берег и выбрав подходящее большое дерево недалеко от хижин туземцев, я был очень рад подвесить мою койку и, растянувшись на ней, отдохнуть.

Как только я вышел на берег, ко мне навстречу прибежали трое из отмеченных мною вчера вечером красными ленточками детей; другие работали, вероятно, на рифе. Эти трое были: мальчик Качу и две девочки — Пинрас и Аса. Качу, лет тринадцати, имел энергичную и интеллигентную физиономию; Пинрас, лет двенадцати или тринадцати, могла назваться недурненькою девочкою даже в европейском смысле; Аса, веселая, подвижная и очень услужливая девчонка, лет девяти, не более. Они оставались весь день при мне, а если же и уходили, то скоро возвращались и старались предупреждать малейшее мое желание. Качу очень ловко привязал койку к указанным сучьям большого фикуса и принес мне несколько молодых кокосовых орехов для питья. После шума и суеты на шхуне я положительно наслаждался отдыхом в тени громадных деревьев с красивой панорамой островов, моря и гор; но предаваться долго этому приятному ничегонеделанию оказалось не легко, — все окружающее было так интересно.

Сперва я обратил внимание на жилища туземцев. На островке Андра хижины расположены иным образом, чем на южном берегу большого острова и в деревнях на холмах северного берега. Они не стоят вокруг площадок, как там, а тянутся по сторонам тропинки, идущей параллельно песчаному берегу моря. Около дерева, под которым была подвешена моя койка, находились пять хижин, из которых одна

представляла так называемый «ум-камаль» или просто «камаль», т. е. большую хижину, где мужчины проводят свободное время, едят, принимают гостей и т. п. Камаль служит также спальней для неженатых мужчин и для ночевок посетителей из других деревень.[1] Остальные семейные хижины, называемые «ум», обыкновенно немного меньше камаля, но гораздо ниже (не более трех метров вышины). Семейные хижины имели четырехугольную форму с небольшим двориком, так называемым «сарри», обнесенным высокою изгородью перед входом. Кроме высоких нар, на которые садятся мужчины во время еды, на двориках находится очаг, состоящий из трех специально для этой цели выбранных камней, между которыми разводится огонь и ставятся горшки. Дворики устроены главным образом для того, чтобы избегнуть назойливости свиней, которых не мало бегает в деревне. Крыши хижин спускаются чуть не до земли, так что боковых стен почти не видно с внешней стороны хижины. У хижин сидело несколько старух и детей; меновая торговля отвлекла к шхуне и на риф всех мужчин и многих женщин.

Повседневная жизнь туземцев здесь, вследствие нередких посещений европейских судов, потеряла уже ту первобытность и отчасти монотонность, которые мне так нравились на Берегу Маклая. Спокойная жизнь туземцев при приходе торговых судов сменяется лихорадочной работой: каждый старается

[1] Такие общественные хижины, преимущественно для одних мужчин, находятся, как известно, почти на всех островах Меланезии; их часто путешественники, мало знакомые с жизнью туземцев, принимали за «храмы», что, конечно, неверно. *Примечание Миклухо-Маклая.*

наловить больше трепанга, жемчужных раковин, чтобы получить лишний наперсток бисера, лишний кусок обручного железа, лишний кусок красной бумажной материи и т. п. Туземцы удовлетворяются пока этим, но скоро они станут требовать ножей, стальных топоров, а затем пожелают и ружей, пороху и т. д.

Новые требования и стремления к наживе упрочат, разумеется, торговые сношения с европейцами, которые не замедлят познакомить туземцев с табаком и спиртными напитками. До сих пор еще ни то, ни другое не вошло в употребление на островах Адмиралтейства, несмотря на то, что разным шкиперам очень хотелось научить туземцев пить и курить. Табак и водка — дешевые товары, которые европейцам слишком выгодно сбывать.[1] Что это губит туземцев, — шкиперам и торгашам мало дела.

Возгласы нескольких женщин, которым их мужья или сыновья привезли со шхуны бисер, прервали мои размышления о взаимодействии рас в Тихом океане. Большинство женщин занялось нанизыванием бисера, только одной из них не досталось ничего. Так как она была татуирована и не казалась

[1] Несомненный факт, что шкиперы некоторых судов, ежегодно торгующих на островах западной Меланезии, где употребление спиртных напитков еще не очень распространено, даром угощают туземцев водкою, надеясь, что со временем, когда спиртные напитки войдут в употребление, их либеральность будет богато вознаграждена. Они назначают для раздачи водки туземцев, которые, прожив несколько лет с белыми, уже сделались пьяницами: такие люди очень красноречиво расхваливают действие водки, сами показывают пример и ловко соблазняют новичков.

Примечание Миклухо-Маклая.

особенно пугливой, я послал мальчика Качу за ней; хотелось рассмотреть внимательно здешнюю татуировку и нарисовать портрет женщины. Несколько стеклянных бус приманили ее к моей койке. Ее лицо, руки, грудь, живот, спина и верхняя часть ног были испещрены перекрещивающимися рядами линий, состоящих из шрамов от небольших надрезов. Описывать расположение татуировки было бы длинно и сложно, и я принялся рисовать портрет женщины, намереваясь особенно тщательно нарисовать именно татуировку.

Исполнить это мне, однако же, не удалось. Послышался зов с приближавшейся пироги, и оригинал моего будущего рисунка вскочил и бросился к берегу. В пироге находился, как оказалось, муж этой женщины, вернувшийся из деревни с большого острова Адмиралтейства. Он привез с собою разные вещи, вероятно подарки приятелей, к которым он ездил, а также большое «поэку» (деревянное блюдо для кушания) с вареным таро. Вид последнего и во мне возбудил аппетит, и я направился к группе, расположившейся около входа одной из хижин. Любезный муж, возвращаясь с хорошего завтрака, не забыл своей молодой жены. Он привез ей остатки своего завтрака.

Когда я подошел ближе, то увидал, что женщина держала большую кость в руках и зубами отрывала куски еще кое-где висевшего мяса. По форме кости мне легко было признать ее за верхнюю половину человеческого бедра. Это был первый раз, что я увидал собственными глазами на островах Адмиралтейства бесспорный пример людоедства.

Женщина, казалось, ела с большим аппетитом

и передала, наконец, почти голую кость другой женщине, своей сестре, уже ожидавшей очереди поесть мяса и не трогавшей большого куска таро, который находился у ней в руке. Стоявший рядом ребенок, девочка лет трех, следил за старшими завистливыми глазенками. Через час времени, приблизительно, я заметил в руках этой маленькой девочки ту же, но уже совершенно очищенную кость.

В „поэку“, между таро, находилось несколько кусков темного мяса, вероятно человеческого: они были слишком велики для кусков мяса кускуса и без всякого жира, чтобы оказаться мясом свиньи.

Татуированная девушка

Не купив таро, я вернулся к своей койке, надеясь докончить начатый портрет. Как и утром, ко мне подошли несколько женщин и детей, но между ними татуированной женщины не было. Видя, что я интересуюсь татуировкой, одна из женщин достала откуда-то кусок обсидиана и плоским камнем отбила несколько маленьких осколков. Выбрав один и заметя, что я внимательно слежу за нею, она вздумала показать мне свое искусство на одной

из сидевших около нее девочек, которая, однако ж, убежала. Тогда я протянул ей мою руку и указал ей на место выше локтя. Она резнула меня несколько раз, что причинило весьма незначительную боль.

Операция эта была прервана очень шумной сценой, привлекшей общее внимание. Одна из девочек, лет шести или семи, воспользовавшись тем, что женщины обступили мою койку и были очень заняты осмотром ее и разговорами, стянула из кокосовой скорлупы щепотку бисера, принадлежащего одной из старух. Хотя похищение было сделано проворно, и маленькая воровка быстро скрылась, но она все-таки была замечена одной женщиной, которая поспешила сообщить об этом собственнице оставленных «буаяб» (бисера). Девочка между тем, спрятав украденное, как ни в чем не бывало, приблизилась к нашей группе и стала с любопытством разглядывать меня и мои вещи. Внезапно налетела на нее сзади разъяренная рослая худощавая старуха. Она держала в руке довольно длинную, плоскую деревянную дощечку. Мигом свалила она девочку на землю, повернула ее спиною вверх и очень ловко подсунула тело ее под себя, таким образом, что голова и руки девочки очутились сзади, а зад и ноги спереди. Разогнувшись и переводя дух, старуха стиснула свою жертву между ногами. Выражение лица старухи было замечательно злое: рот полуоткрыт, брови подняты, лоб весь в морщинах. Она заговорила что-то очень скоро, потом, нагнувшись и откинув назад недлинную кисточку, которые болтаются у девочек сзади и составляют половину их костюма, стала немилосердно бить свою жертву

плоскою дощечкой. Девочка сперва взвизгнула раза два, а затем замолкла. Старуха, устав, снова выпрямилась, перевела дух, а затем, опять нагнувшись, продолжала экзекуцию, но этот раз стала бить другую сторону тела. Девочка ежилась, болтала ногами, но не кричала. Вероятно удары плоской и гладкой дощечки по мягким частям не могли быть очень чувствительны. Старуха, умаявшись, выпустила наконец свою жертву, которая не замедлила убежать; старуха же, оправившись немного, села и занялась серьезным рассматриванием моего столика, причем лицо ее приняло обычное, даже доброе выражение.

Я описал довольно подробно эту сцену потому, что она меня не мало удивила, так как подобные экзекуции очень редки на островах Меланезии. Родители и вообще взрослые обращаются с замечательной мягкостью и добротою с детьми и почти никогда их не наказывают.

Однако ж, несмотря на разнообразные наблюдения, голова у меня попрежнему болела, и я по временам прикладывал руку ко лбу и закрывал глаза на несколько секунд. Это было замечено туземцами. Я мог понять, что они говорили обо мне и головной боли. В заключение разговора одна из женщин почти насильно подвела находившуюся вблизи Пинрас, девочку, о которой я уже упоминал.

Убедившись, что приходится исполнить общее желание старших, девочка подошла ко мне и, схватив обеими руками мою голову, стала сжимать ее периодически изо всех сил. Я предоставил свою голову в полное ее распоряжение. Сдавливание перешло в растирание кожи головы двумя пальцами, причем массажистка выдавливала растираемое место, на-

сколько могла. Когда правая рука ее устала, она стала делать это и левой, причем я заметил, что сила пальцев левой руки ее не уступала силе правой. Ощущение было приятное: я при этом как бы перестал чувствовать боли, и даже не подумал о кокосовом масле и охре, которыми были смазаны ее руки.

Когда Пинрас закончила, я ей насыпал, к ее большому удовольствию и великой зависти остальных женщин и девочек, полную пригоршню мелких бус из склянки. Несколько девочек стали предлагать мне массировать голову, но из взрослых женщин ни одна, вероятно из страха перед мужем, не рискнула предложить мне свои услуги. Солнце уже садилось, и пироги одна за другой подходили к отлогому песчаному берегу.

Группа около моего бивуака изменилась в составе: все женщины исчезли, и вместо них расположились мужчины. Они громко болтали, жевали бетель и показывали друг другу разные вещи, которые получили в обмен за трепанга и жемчуг. То были: куски обручного железа различной длины, большие и малые ножи, бусы, бисер и куски красной бумажной материи, так называемой turkey-red. Эта жиденькая материя, если не ошибаюсь, специально изготовляется для торговли с туземцами Африки, Азии и островов Тихого океана; кроме своей непрочности, она очень быстро линяет от солнца и воды. Туземцы ее все менее и менее ценят.

У одного туземца нашелся кусок витого американского табаку, о котором он прочел остальным целую лекцию. Табак перешел все руки, но никто не вздумал попробовать покурить.

Следя за разговором туземцев, которых я понимал

только отчасти, я старался пополнить и проверить небольшой словарь здешнего наречия, записанный мною в 1876 году. Мне удалось записать несколько новых слов и, между прочим, уловить очень важное для меня выражение: «ланган-се?» (как зовут?).

Пинрас, благодарная за полученный от меня бисер, не отходила от койки и следила за выражением моего лица, стараясь предупредить каждое мое желание. Этот пристальный взгляд девочки не понравился ее отцу, который сказал ей что-то, заставившее ее удалиться. Уходя, она несколько раз оглядывалась, вероятно досадуя, что приходится послушаться.

Мне жаль было вернуться снова на шхуну, но у меня не было ничего теплого с собою, а я боялся сырости и холода ночи на берегу; к тому же на другой день я собирался посетить большой остров Тауи, что было удобнее предпринять со шхуны.

Шкипер В., завидя мое приближение к шхуне, поспешил встретить меня у трапа, чтобы крепко пожать мне руку за то, что я привел его сюда, — так доволен он был результатом дня. Торг, как он мне объявил, шел без перерыва весь день, и, несмотря на многочисленность экипажа шхуны (более сорока человек), нехватало рук, чтобы забирать привозимых трепангов и раковины. Столяр с двумя помощниками почти-что окончили сооружение коптилки, которую шкипер хочет затопить завтра же.

23 августа

Я хотел взять на берег фотографический аппарат, и мне необходимо было иметь с собою когонибудь, кто понимал бы, что некоторые вещи евро-

пейцев очень ломки и нести их надо с большой осторожностью. Все мое знание туземного языка было бы недостаточно, чтобы объяснить это обстоятельство моим знакомцам с островка Андра; к тому же все туземцы были заняты торгом, ловлей и т. п. Я попросил шкипера В. позволить одному из людей его шхуны отправиться со мною, на что, по нашему уговору, я имел право. Он предложил мне выбрать, кого захочу. Я сказал матросу Стиву, туземцу Австралии, что он должен отправиться со мной на берег. Я его выбрал, так как он хорошо понимал английский язык и очень порядочно говорил на нем. Стив сперва согласился, но когда я вынес вещи мои из каюты, он попросил меня, под предлогом нездоровья (просто струсил), взять кого-нибудь другого. Я заменил его туземцем острова Лифу по имени Джо, веселым и не трусливым малым, который, хотя и говорил по-английски, но очень плохо и, побывав в Новой Каледонии, так же коверкал и французский, но все-таки понимал оба языка достаточно, чтобы исполнять мои приказания.

Не без разговоров и уговоров разного рода удалось мне найти туземную пирогу, чтобы перевезти меня на большой остров, так как почти все пироги около судна были заняты оживленным торгом или перевозкой трепанга с рифа на шхуну.

Перенесши осторожно камеру и другие принадлежности фотографического аппарата в пирогу, мы отправились в Пургасси, одну из ближайших деревень на берегу большого острова. Джо выпросил у шкипера револьвер и гордо прицепил к поясу. Я сперва не хотел позволять ему брать револьвер, так как знал, что он стрелять не умеет, но когда он заявил,

что револьвер не заряжен и патронов у него нет, я не захотел лишать его удовольствия носить безвредное оружие только для вида.

Мы причалили к пристани в глубине небольшой бухточки. В этом месте выдвигались из земли несколько поднятых коралловых глыб, почти закрытых песком. По обеим сторонам мыска, или пристани этой, росли мангровые деревья. Один из туземцев островка Андра, бывший в пироге, пожелал отправиться со мною, от чего я не отказался, так как при большом числе тропинок я мог бы попасть далеко в лес и, пожалуй, не найти деревни. О присутствии ее со шхуны можно было догадаться единственно по верхушкам кокосовых и арековых пальм.

Собрав все вещи, я отпустил пирогу и в сопровождении Джо и туземца из Андры направился по тропинке, около которой, кроме других деревьев, росло немало саговых пальм; далее, по мере подъема на холм, растительность была разнообразнее, тем более, что повсюду можно было заметить влияние человека. Кроме хлебного дерева, кокосовых и арековых пальм, виднелись кусты китайской розы с цветами разных оттенков, разных видов Codium с пестрыми листьями, возвышались красивые верхушки с красноватыми узкими листами Colodracon; это все были растения, листьями которых туземцы любят украшать себя.

Когда завиделись первые крыши, я был удивлен тишиной в деревне; кроме крика нескольких птиц не слышно было ничего — ни говора мужчин, ни перебранок женщин, ни крика и визга детей. Войдя на площадку деревни, мы действительно не увидели никого, кроме очень тощей высоконогой свиньи, кото-

рая с хрюканьем убежала, и черной собачонки с белыми пятнами, с сердитым визгом последовавшей за свиньей. Я направился по узкому проходу между густою растительностью ко второй площадке. Вдруг из-за одной хижины выскочило двуногое существо (не знал тогда — мужчина или женщина), весьма странно упакованное в цыновку таким образом, что, кроме ног ниже колен, тела не было видно. В профиль это курьезное существо имело вид прямоугольника из цыновки на двух ногах; оно быстро пробежало через площадку и скрылось за одной из хижин в лес.[1]

Несколько кур, очень маленьких, взлетели на крыши хижин и на ближайшие деревья, когда мой спутник из Андры начал во все горло сзывать жителей деревни. На зов послышались в ответ отклики, и скоро появилось несколько мужчин, очень смущенных, как мне показалось, моим присутствием в их деревне. Розданные бусы и куски железа привели их в нормальное и даже веселое настроение. Я пожелал осмотреть «камаль», в который не хотел войти во время отсутствия хозяев. Камаль здесь вообще ничем не отличался от подобных построек в деревне Андра; крыша его опускалась по сторонам до земли, вход был спереди, хотя и низкий (нельзя было войти не нагибаясь), но довольно просторный. Войдя в камаль, надо было обождать несколько секунд, чтобы примениться к свету, так как свет проникал единственно через двери. Когда я мог разобрать окружающее, то кроме длинных нар увидал несколько «мраль» (большие деревянные барабаны),

[1] Я узнал впоследствии, что таким образом должны здесь одеваться подростки-девушки в определенный период и женщины, недавно родившие. *Примечание Миклухо-Маклая.*

два или три «кеду»[1] и довольно разнообразную коллекцию вещей, подвешенных под крышу или лежащих на полках вдоль стены; тут были деревянные блюда различной величины, горшки, копья различной формы и длины и т. п. На веревочке было нанизано несколько небольших черепов, висевших гирляндами между почерневшими от дыма стропилами. Эти черепа, тоже коричневые от дыма, некоторые совсем черные, оказались при осмотре черепами кускуса. В углу были также и человеческие черепа, но поломанные и очень черные, при виде которых мне вспомнился виденный вчера пример людоедства. Я выбрал один из черепов кускуса для более тщательного осмотра; человеческие же оставил, так как они были поломаны, а главное потому, что о происхождении их, при моем незнакомстве с языком, я не мог бы узнать ничего достоверного. Так как никто из жителей деревни не приходил, то я ограничился еще осмотром одной из семейных хижин. В ней не оказалось ничего замечательного, кроме очень большого блюда с поломанной ручкой. Выходя из хижины, я заметил под навесом, перед дверью ее, продолговатое пространство, покрытое старой цыновкой, на которой лежало по углам несколько камней. Почему-то я подумал, что это должна быть могила, но расспросить туземцев не умел.[2]

[1] «Кеду» — род небольшой широкой низкой скамейки, на которой может поместиться только один человек. Такой образец примитивной, но довольно удобной мебели я встретил только на островах Адмиралтейства.

[2] Через несколько дней я убедился, что мое предположение было верно.

Примечания Миклухо-Маклая.

Другой тропинкой мы спустились к морю, где, однако ж, пироги из Андры не оказалось. Пришлось ждать, пока мои новые знакомые снарядили другую, и на ней я добрался до шхуны, где меня встретил чад коптилки, хохот, прерываемый бранью подгулявших трэдоров, крики туземцев и т. п. Собрав несколько вещей — койку, складной стол и скамейку, ружье, одеяло, консервы, медный чайник и небольшую корзину с необходимой посудой и т. п., я поспешил убраться от этого гама на островок Андра. Там я расположился довольно удобно, заняв половину «ум-камаля». Пользуясь лучами заходившего солнца, я вскипятил еще воду и приготовил себе чай; эта операция заинтересовала в высшей степени туземцев, с удивлением смотревших, как «Макрай ест горячую воду». Я не раз замечал, что даже теплая вода кажется туземцам горячей и они делают вид, что обожглись, дотронувшись до нее.

Белые трэдоры со шхуны приехали поздно вечером и сообщили мне, что шкипер В. крайне беспокоится о моей безопасности на берегу и просит непременно вернуться на шхуну. Уходя, в сопровождении одного туземца, они прибавили, с очень таинственным видом, что вернутся через час и что надеются найти меня готовым отправиться ночевать на шхуну. Я отвечал, чтобы они не беспокоились, что я сейчас лягу спать и прошу меня не будить, когда вернутся к шлюпке.

24 августа

Первую половину ночи я проспал хорошо в койке, подвешенной мною в хижине. К утру же говор и шум туземцев, которые собирались на риф, про-

будили меня рано, но я не захотел подняться и заснул снова, как только пироги ушли. Когда я проснулся во второй раз, солнце уже стояло высоко.

Я вздумал выкупаться в море. Надев купленные в Макассаре (на острове Целебесе) малайские штаны (очень похожие на общеевропейский костюм мужчин-купальщиков), я вышел на берег и, объяснив туземцам, что мне нужно будет много «ва» (пресной воды), и обещав им за нее «буаяб» (бисер), вошел в воду. Так как я не умею плавать, то мне пришлось быть весьма осторожным, чтобы не попасть в какую-нибудь яму; но берег был отлог, и вода очень прозрачна. С большим удовольствием пробыл я минут десять или пятнадцать в воде и нехотя вышел на берег, заметив, что целая вереница женщин и детей с раковинами,[1] наполненными пресной водой, ожидает меня. Я показал им знаками, чтобы они одна за другой выливали воду мне на голову, плечи, грудь, спину и т. д. Эта процедура очень рассмешила женщин. Они, смеясь, исполнили мое желание и, вероятно, остались довольны, так как я наделил всех щедро бисером.

Выпив кофе, я поспешил отправиться на охоту; убил только двух голубей. Будь не так поздно, моя добыча была бы больше, потому что голуби, переночевав на островках, улетают скоро по восходе солнца на большой остров и возвращаются оттуда к заходу солнца.

Вернувшись в деревню, я встретил там трэдоров.

[1] Большие раковины из рода Cassis с ручкой из плетеного ротанга употребляются здесь как ведра для переноски воды. *Примечание Миклухо-Маклая.*

Они снова стали уговаривать меня не ночевать на берегу, говорили об опасениях шкипера, так что я счел нужным написать последнему записку, чтобы успокоить и вместе с тем напомнить ему один из параграфов нашего обоюдного уговора.[1] Передавая записку одному из трэдоров, я попросил его сказать шкиперу, чтобы он спал спокойно, что со мною на берегу ничего не случится, разумеется, если и он на шхуне ничего не сделает ни одному из жителей Андры.

Посланный мною в деревню Соу на большом острове Кохем вернулся с известием, что Ахмат, матрос-малаец, о котором я выше упоминал, находится в другой деревне, дальше, внутри страны, но что жители Соу передадут Ахмату мое желание видеть его.

25 августа

Моя записка не только, кажется, ободрила и успокоила шкипера, но навела его на мысль устроить вторую коптилку на берегу, так как железная коптилка на шхуне была совершенно переполнена, а количество трепанга не убавлялось. Он прислал одного из трэдоров нанять хижину на берегу, которую он полагал возможным, закупорив все отверстия и скважины, приспособить к копчению трепанга.

Хижина, которую туземцы согласились предоста-

[1] Параграф 4-й письменного документа, подписанного шкипером В. перед нашим отплытием из Сиднея, был следующий: «В случае, если г. Миклухо-Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обещает не делать никаких насилий относительно туземцев под предлогом наказания». *Примечание Миклухо-Маклая.*

вить для этой цели, была именно «ум-камаль», в котором я помещался. Заметив, что предложение шкипера нравится туземцам, я со своей стороны не хотел делать затруднений и сейчас же стал приискивать себе другое помещение. Кохем был очень рад предложить мне свою хижину, и, найдя ее только немногим меньше, чем «ум-камаль», я распорядился, чтобы мои вещи перенесли в новое помещение. В одном отношении хижина Кохема была даже удобнее «ум-камаль», — это было частное жилище, и меня не могли в нем так часто беспокоить разные посетители, которых из общественной хижины я не считал себя в праве выпроваживать без дальнейших церемоний.

Устройство моего нового помещения заняло несколько часов, так как хижину пришлось фундаментально вычистить: обмести паутину и толстый слой копоти под крышей и по стенам; вымыть нары и т. п. Перенесенные из «ум-камаль» вещи я расположил довольно удобно. Я повесил фонарь-лампу над столом, и вечером было достаточно света, чтобы писать дневник.

26 августа

Встал рано, чтобы отправиться на охоту; убив несколько голубей и желая сократить путь в деревню, я пробирался по заросшей тропе, которая, по моему расчету, должна была прямо привести меня к морскому берегу. Я вышел, действительно, к берегу, но довольно далеко от деревни.

Местность, в которую я попал, показалась мне знакомой. Мало-по-малу я убедился, что в 1876 году я не раз бывал здесь, узнал не только дерево, но

и сучья, к которым я привязывал тогда мою койку. Недалеко от этого дерева строился тогда домик для трэдора, который был оставлен здесь шхуной «Sea Bird» в 1876 году. Я поспешил в этом убедиться и, пройдя несколько шагов, увидал, действительно, развалины хижины, несколько свай и остатки крыши, лежавшей на провалившемся полу. По обрубкам стволов было видно, что место это было когда-то расчищено, но зеленеющие молодые побеги свидетельствовали о том, что прошло достаточно времени с тех пор, как место это было покинуто.

Расположившись удобно на срубленном пне, я вспомнил весь эпизод знакомства моего с ирландцем О'Хара, его высадкой и поселением в этой хижине, а затем печальный конец его предприятия.

Этот человек, родом ирландец, получивший в Европе, сначала в Англии, потом где-то на Рейне, а затем во Флоренции, очень порядочное образование, был сперва, если не ошибаюсь, учителем где-то в Индии, занимал потом какую-то должность в колонии ссыльных на Андаманских островах, был одно время главным сотрудником, чуть ли не редактором, английской газеты в Пуло-Пинанге. Попав, наконец, в Сингапур, он вошел там в сношения с торговою фирмой Ш., которая вела меновую торговлю на островах Тихого океана. Ему вздумалось попытать счастия на островах, и он согласился отправиться в качестве агента, или трэдора, для меновой торговли с туземцами. Чтобы пополнить число агентов своих на островах Тихого океана, фирма эта отправила в 1876 году на острова Меланезии четырех трэдоров на английской шхуне «Sea Bird». Двое из них должны были быть высажены на островах Адми-

ралтейства, один трэдор на островах Луб, а четвертый должен был быть оставлен на островах Каниес или Каниет. Итальянец С. Пальди и ирландец О'Хара были назначены на острова Адмиралтейства. Они были, как и я, пассажирами на шхуне «Sea Bird», и я был знаком с ними в продолжение трех или четырех месяцев, то есть во все время перехода из Явы до островов Адмиралтейства. Пальди был оставлен в июне 1876 года в деревне Пуби, на южном берегу большого острова, О'Хара остался на островке Андра. Оба они, как люди образованные, обещали мне собрать значительный материал по этнологии местностей, в которых остались. Я передал обоим короткие инструкции и список вопросов по антропологии и этнологии, на которые я желал иметь ответы.

Ни одного, однако ж, мне не пришлось более видеть: Пальди был убит туземцами, а о судьбе О'Хара я узнал случайно, при моем возвращении с Берега Маклая в 1877 году, от одного человека, который встретился с ним около года спустя после того, как О'Хара поселился на островке Андра. Этот человек был тогда пассажиром на небольшом кутере «Рабеа» под американским флагом.

Приблизившись к островку Андра, но не желая бросить якорь, шкипер Х., много лет проведший на островах Тихого океана, занялся меновой торговлей, которая шла очень успешно.

Множество пирог окружило кутер. Шкипер случайно обратил внимание на человека с очень светлой кожей, в изорванной шляпе, без рубашки, сидевшего в небольшой пироге и как будто не дерзавшего приблизиться к кутеру. Это заинтересовало шкипера; он окликнул на английском языке незнакомца, пригла-

сив его на кутер. Незнакомец ответил также по-английски, что сделать этого не может, так как боится, что туземцы на пирогах не пропустят его к кутеру. Тогда шкипер поворотом руля (кутер лежал в дрейфе) и движением вперед прочистил дорогу для пироги незнакомца. Когда последний приблизился, то многие на кутере узнали его: это был не кто иной, как О'Хара, но очень изменившийся. С величайшим трудом взобрался он на палубу, — ноги его оказались очень опухшими, и он сильно дрожал, вероятно, от возбуждения при встрече с европейцами. Костюм его состоял единственно из грубого холщевого мешка, который обхватывал самым неуклюжим образом его талию, и из дырявой грязной соломенной шляпы. В нескольких словах рассказал он шкиперу X., что вскоре после ухода шхуны «Sea Bird» жители Андры, угрожая ему смертью, забрали все товары для меновой торговли и все его личное имущество, платье и белье, не оставив ему ничего, кроме старого мешка от риса и шляпы; что он уже много месяцев живет у одного старика-туземца, который, сжалившись над ним, дал ему угол в своей хижине, кормил его и при приближении кутера дал О'Хара свою пирогу, чтобы добраться до судна.

О'Хара умолял шкипера отвезти его на южный берег большого острова Адмиралтейства, где он надеялся встретить Пальди. Так как шкиперу было почти все равно, где торговать, то он согласился исполнить просьбу О'Хара и направился на восток, чтобы обогнуть восточную оконечность большого острова.

Кутер «Рабеа» был очень небольшое судно, всего тридцать пять тонн вместимости. Экипаж состоял из шести человек матросов, четырех малайцев из Ма-

ниллы, одного негра и одного туземца с островов Ниниго.

Подойдя утром на другой день к селению Пуби на южном берегу большого острова, где в 1876 году был оставлен трэдор Пальди, шкипер послал на берег шлюпку с тремя людьми за водой. Двое туземцев островов Адмиралтейства отправились с ними, чтобы указать ближайшую речку или ручей. В это время кутер окружило от сорока до пятидесяти пирог; на некоторых пирогах было более чем сорок человек экипажа. Множество туземцёв забралось на палубу кутера, но Пальди все еще не появлялся. О'Хара вздумал написать ему и отдать записку одному из туземцев для передачи Пальди.

Туземец, к которому он обратился, казалось, хорошо понял, чего от него желают, взял бумагу, свернув ее, вложил в отверстие мочки уха и, не говоря ни слова, направился в свою пирогу, которая сейчас же отошла от кутера, но недалеко. Туземец с запиской в ухе обратился к землякам своим с короткой речью, после которой все туземцы поспешно очистили палубу кутера и слезли в свои пироги. Людям на кутере не трудно было понять, что скоро произойдет. Пользуясь временем, пока туземцы, которых на палубе было множество, перелезали в свои пироги, они сами стали готовиться к защите. Кроме шкипера на кутере оставалось только трое человек матросов (трое других были отправлены за водой) и два белых трэдора. Итак этим шестерым пришлось вступить в борьбу с несколькими сотнями туземцев.

Никто, разумеется, не оставался на палубе; шкипер Х., будучи замечательно хорошим стрелком, взял всю стрельбу на себя, предоставив остальным заря-

жать ружья, из которых некоторые были магазинные. Шкипер расположился у входа в каюту, так что нижняя половина его туловища находилась у самой каюты, а верхняя была несколько защищена небольшими дверцами каюты.

Первое копье брошено было человеком с запиской О'Хара в отверстии мочки уха, который, казалось, распоряжался атакой, а за ним последовал град копий, направленных в полуоткрытые двери и маленькие окна кутера. Шкипер, вооруженный отборным скорострельным ружьем, принялся за свое смертоносное дело. Он стрелял, только хорошо целясь, и стрелял почти без промаха. Первым убитым со стороны туземцев был человек с запиской. Несмотря на меткость выстрелов, туземцы с замечательнейшею храбростью и яростью продолжали нападение. Число копий было так велико, что после боя никому не пришла мысль пересчитать их: их было так много и все они были так поломаны (наконечники их сделаны из осколков обсидиана, материала очень ломкого), что их, чтобы очистить палубу, смели в море. Многие из копий пробили насквозь толстые двери каюты; два окна, несмотря на массивную медную проволоку и толстое стекло, тоже оказались пробитыми. Шкипер, выставивший неосторожно руку, был ранен копьем, что, однако, не помешало ему, перевязав наскоро рану платком, продолжать свою стрельбу в цель.

Очевидец происшествия этого рассказывал мне, что при каждом выстреле один из туземцев на пирогах валился мертвым или раненым. Туземцы не отдавали себе, кажется, полного отчета в действии ружей. Один туземец, например, бросив копье, под-

нял лежавшую у ног его цыновку, как бы желая укрыться от пули, которая недолго заставила ждать, свалив несчастного мертвым за борт. Шкипер полагал, что число убитых или раненых им в тот день было около шестидесяти и никак не менее пятидесяти.

Через полчаса боя туземцы решились уступить, прекратили метание копий и двинулись по направлению к берегу. Как раз в это время шлюпка с водой находилась на пути к кутеру; нужно было поэтому прикрыть ее возвращение. Две пироги отделились было от флотилии по направлению к шлюпке, но несколько метких выстрелов заставили их оставить шлюпку в покое.

Кроме шкипера, двое из бывших в каюте оказались также ранеными копьями, проникшими через разбитые окна, но все три раны были незначительны. Главный парус, которого не успели убрать, был изорван копьями и превращен в лохмотья.

Кутер, однако же, направился к берегу и приблизился к деревне Пуби настолько, что все хижины были ясно видны. О'Хара узнал ту, в которой поселился Пальди, но забора вокруг нее, построенного по желанию последнего людьми шхуны «Sea Bird», не существовало.

После такой стычки с туземцами о торговле с ними, разумеется, нельзя было и думать, почему шкипер X. отправился далее. О судьбе Пальди я узнал впоследствии, о чем упомяну в свое время.

Возвращаюсь к моему дневнику.

Я вернулся по ближайшей тропинке в деревню и услыхал там неожиданную новость, что «менова» (искаженное английское название Man of war, воен-

ное судно) приближается. Я так мало верил этому известию, что не захотел сопутствовать Кохему, который тащил меня на северный берег островка, чтобы показать мне «менова», а остался в деревне, где занялся осмотром большой акулы, пойманной на рифе при собирании трепанга. Ее привезли в деревню, и мне хотелось определить, к какому виду она принадлежит, перед тем как туземцы распластают ее.

Известие о приближающемся судне, однако ж, оправдалось, но, как часто случается, слон оказался мухой.

«Военное судно» было не что иное, как очень небольшой, довольно безобразный пароходик, по имени «Alice», под германским флагом. Он принадлежал фирме братьев Гернсгейм и был на пути с острова Герцога Иоркского (между Новой Британией и Новой Ирландией) в группу Луб, где жил трэдор этой фирмы.

Я отправился на пароходик передать несколько готовых писем в Европу и Австралию, так как знал, что между островом Герцога Иоркского существует довольно правильное почтовое сообщение с Куктауном в Австралии.

На пароходике мне сообщили, между прочим, что недавно был убит некий шкипер Л. своими же людьми. Этот человек несколько десятков лет был известен на островах Тихого океана своим бесстыдным и жестоким обращением с туземцами; жалеть было нечего, и оставалось только принять к сведению, что на островах Тихого океана одним дрянным белым человеком стало меньше. Отдав мои письма, я поспешил вернуться на берег, где мне хотелось допол-

нить мои заметки об акуле; вернулся я, однако ж, слишком поздно: акула оказалась изрезанной на куски и уже варилась в горшках на обед жителям островка Андра.

Вздумав купаться в море, я опять предложил женщинам приготовить для меня пресной воды, чтобы смыть соль с кожи. Раздевшись в хижине, надев мои короткие малайские штаны и сандалии с деревянными подошвами, я вышел на площадку, где туземцы с криками встретили меня и сбежались, чтобы осмотреть меня поближе. Что выражали эти крики,— изумление ли, удовольствие или неудовольствие — я не мог решить. Полагаю, что первое чувство было преобладающим. Белизна кожи и волосы на груди и ногах особенно удивляли их.

Несколько женщин пробились вперед и вздумали (странно сказать) обнюхивать мою грудь и спину. Это мне показалось очень курьезным, и я, закинув обе руки на голову, минуты две предоставил себя обнюхиванию. Мне кажется, все женщины деревни сбежались, и я решил войти в воду, чтобы избавиться от них.

Качу и несколько других мальчиков и девочек последовали за мной. Я любовался их ловкими движениями в воде, и мне стало досадно, что я не умею плавать. Я убежден, что туземцы не верили, что я не умею, и не могли представить себе, как это может быть. Качу особенно тащил меня в глубокую воду. Я насилу отвязался от него и, выйдя на песок, поднял кусок дерева и камень. Бросив в воду дерево, которое поплыло, я назвал его — Качу. Бросив затем камень, пошедший ко дну, я назвал его — Макрай. Это наглядное объяснение понравилось очень окру-

жавшим меня, которые стали повторять: «Качу — дерево!.. Макрай — камень!».

Обмывшись пресной водой, я вернулся в хижину, чтобы избавиться от двух-трех старух, которые не были здесь перед моим купаньем и ждали, чтобы я вышел из воды, желая должно быть проверить рассказы других женщин.

27 августа

Коптилка на берегу вышла удовлетворительной. Трэдорам и пяти людям острова Лифу, которые поселились в деревне, удалось очень плотно заткнуть все отверстия хижины, так что, когда в ней сегодня утром были разложены два больших костра и двери плотно закрыты, дым почти что не проходил через крышу, а оставался в хижине и коптил трепангов Недалеко от коптилки в двух больших полукруглых железных котлах варились трепанги, которых привозили уже готовыми для варки со шхуны.

Я отправился на охоту, которая здесь очень легка, так как птицы не знакомы с огнестрельным оружием. Еще не наученные опытом птицы подпускают охотника на близкое расстояние, часто не улетают после выстрела, не обращая даже внимания на падение одной из них на землю.

Я уронил нечаянно мой старый нож с ручкой в серебряной оправе, и хотя заметил потерю его скоро и вернулся к тому месту, где обронил его. но не нашел его. Вероятно нож поднял и присвоил один из туземцев, сопровождавших меня. Я предложил два, даже три ножа тому, кто найдет потерянный, но никто не пришел, и мне пришлось заменить потерян-

ный другим. Это был первый случай воровства, замеченный мною на этих островах.

При возвращении в деревню капитан Б., один из белых трэдоров, сказал мне, что в то утро перебывало около коптилки очень много людей, вероятно, из других деревень, так как большинство физиономий были для него новыми. Все они осматривали европейские вещи с большим интересом и видели их, кажется, в первый раз.

Я пожалел, что меня не было в деревне, потому что я пользуюсь всяким случаем для антропологических наблюдений, и отправился к моей хижине докончить начатый портрет одного из туземцев. Не успел я приняться за работу, как капитан Б. явился снова прочесть полученное им письмо со шхуны «Sa die F. Caller» от шкипера В. Последний писал, что с самого утра он замечал пироги, которые одна за другой направлялись к небольшой бухточке большого острова, недалеко от островка Андра; что в настоящее время там находится целая флотилия пирог с сотнями туземцев, что движения туземцев кажутся ему очень таинственными и подозрительными и что, по его мнению, нападение на нас, живущих на берегу, а может быть и на шхуну, очень вероятно. Ввиду этого он желает, чтобы мы непременно вернулись на шхуну. Капитан Б. был очень встревожен и, не зная, что предпринять, обратился ко мне с вопросом, что я стану делать.

— Я останусь здесь, — отвечал я, — потому что страх шкипера В. мне кажется неосновательным.

Капитан Б., с одной стороны, боялся не послушаться шкипера, с другой — ему не хотелось показаться трусом, почему он объявил мне, что если шки-

пер настоит на перевозке людей на шхуну, он, разумеется, их отправит со всеми вещами, но сам останется со мною. Выслушав мое заключение, что мне никого не нужно и что ничего серьезного не произойдет, он отправился на шхуну переговорить со шкипером; я же — в хижину, чтобы отдохнуть и обдумать наше положение.

Я положительно не верил, что жители Андра осмелятся напасть на нас, но отчасти допускал возможность такого глупого поступка со стороны жителей других деревень, союзников людей Андра. Не додумавшись ни до чего, я задремал, и было уже темно в хижине, когда послышался в третий раз голос капитана Б. у дверей. Капитан Б. сказал мне, что шкипер согласился оставить людей на берегу с условием, чтобы никто не спал ночью и все было готово к отражению нападения. Кроме бывших на берегу четырех ружей системы Шнейдера, он прислал еще два той же системы и несколько фальшфейеров для сигналов.

Капитан Б. отправился совещаться со своими людьми; я же сел у моря подышать свежим вечерним воздухом и полюбоваться последними лучами солнца. Б. опять подошел ко мне, но уже с менее радостной физиономией, чем за минут пять перед тем, и знаком предложил мне следовать за ним. Не было еще так темно, чтобы не видеть довольно ясно предметов.

Хижины, как я уже сказал, стояли в деревне Андра группой и были обращены передними фасадами на довольно неправильную площадку. Несколько тропинок, четыре или пять, вели к ней, и все они были обыкновенно довольно открыты и заметны. Ка-

питан Б. привел меня к одной из них, и я увидел, что тропинка была завалена высокою кучей колючего хвороста. Подошли ко второй — то же. К третьей — то же. Только четвертая и пятая, ближайшие к берегу, оставались открытыми. Оба мы знали положительно, что никогда этого прежде не бывало. Зачем это было сделано? Когда и кем? Мы не знали. Эти баррикады показались мне странными, а в пылком воображении капитана Б. рисовалась целая картина атаки, засад и т. п. Я предложил ему не показывать и виду наблюдавшим за нами туземцам, что мы придаем большое значение этому обстоятельству. Капитан Б. сообщил мне, что распределил своих пятерых людей по вахтам: два человека по два часа, сам же не будет спать всю ночь.

— Напрасно, — сказал я, — если что и случится, то случится это не вечером и не ночью, а под утро; к тому времени я буду к вашим услугам, а теперь я отправляюсь спать, чтобы приготовиться на всякий случай.

Мне все еще не верилось, что люди Андра рискнут на серьезное нападение. Я не стал пить чаю, который всегда действует на меня возбуждающе и не дает мне спать. На всякий случай я вытащил мое ружье Шнейдера из чехла, зарядил его, вложил дюжину патронов в пояс и осмотрел патроны револьвера, которые оставляю иногда по неделям невынутыми в револьвере, потому что смотрю на этот инструмент, как на крайность, а не как на игрушку для стреляния в цель, ради забавы. Револьвер мой оказался очень ржавым; пришлось разобрать его на части, вычистить их и смазать, а также вложить новые патроны. Кончив эту операцию, я был рад лечь

наконец и не захотел встать, когда Кохем, которого я не видал весь день, явился и разложил небольшой костер в очаге.

28 августа

Я проспал отлично до трех часов утра и, услышав голос Б. и людей Лифу на площадке, вышел к ним и нашел всех на ногах. Б. было как будто досадно, что я проспал напролет всю ночь, а он без толку бодрствовал. Позвав его в хижину, я предложил ему для подкрепления сил выпить чашку кофе, который при помощи экстракта кофе мог быть приготовлен очень скоро. Требовался единственно кипяток.

— Теперь,—сказал я, когда мы напились кофе,— если туземцы затеяли что-нибудь против нас, то мы узнаем это очень скоро. Прикажите людям Лифу быть наготове и исполнять наши приказания безотлагательно.

Капитан Б. вышел распорядиться, а я стоял в раздумье, что предпринять — лечь ли снова, писать ли дневник, или выйти на площадку.

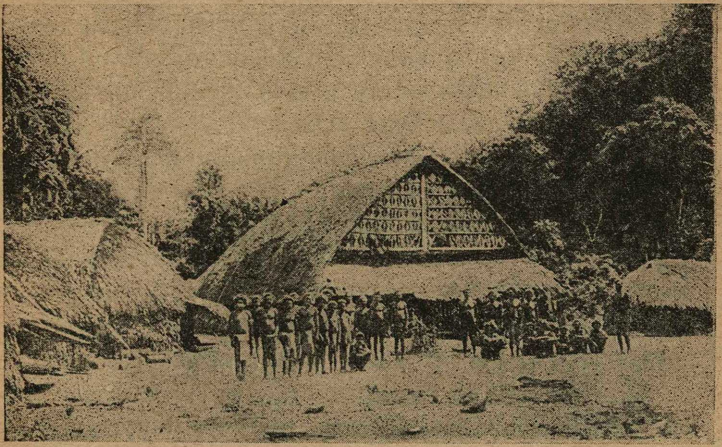
Вдруг послышались невдалеке отчетливые звуки «мраля» (деревянного барабана), как будто с пироги у берега, а затем на самой площадке возгласы жителей Андра: «Уссия, уссия!» (неприятель, неприятель).

Схватив ружье и фальшфейер, я выскочил на площадку, где, к моему неудовольствию, заметил немало людей Андра. Мне почему-то подумалось, что эти люди останутся нейтральными до тех пор, пока определится исход схватки, которая теперь казалась неминуемой. Я не сомневался в том, что они с удовольствием бросятся доколоть и ограбить нас, когда

главное дело будет сделано людьми, которых они называют «уссия». В группе туземцев я заметил и Кохема. «Мраль» и говор вдали послышались снова.

Я подошел к Б. и людям Лифу, которые стояли, вооруженные ружьями, около потухающего костра.

— Что теперь будем делать? — спросил Б. —

Мужской общественный дом на островах Адмиралтейства

Не зажечь ли фальшфейер? (Это должен был быть сигнал, что мы находимся в опасности.)

— Оставьте шкипера В. спать, мы и без него управимся, и я вам сейчас скажу, что делать.

В критические минуты мне иногда приходит какая-нибудь счастливая идея, исполнение которой приводит натянутое, а иногда и опасное положение к благоприятному исходу.

Потухающий костер в этом случае дал мне эту идею.

— Дайте мне факел, — обратился я к людям Лифу, — и бросайте на костер все, что может гореть.

Загорелся великолепный костер. Звуки «мраля» усилились, и крики были слышны очень близко.

Терять время было нельзя.

Я зажег факел и сказал громко, чтобы все меня слышали, вероятно значительно коверкая туземный язык:

— Уссия идут, Маклаю и людям шхуны надо много огня, чтобы видеть, в кого стрелять. Кохем, скажи женщинам и детям выйти из хижин, потому что Маклай будет сейчас жечь их...

Капитан Б. и люди Лифу поняли мою мысль и стали вооружаться факелами; я же был готов поджечь ближайшую хижину. Мои решительные слова и возможность в несколько минут лишиться жилья и имущества очень озадачили Кохема и его земляков. Я заметил, что некоторые убежали, вероятно, предупредить уссия; Кохем же и несколько других поспешили ко мне с уверениями, что уссия еще далеко, что уссия вероятно не придут, и просили не жечь хижин.

— Если уссия не придут, то хижин жечь не будем, — успокоил я некоторых, между тем как другие уже суетились, торопясь вынести разные драгоценности из своих хижин.

Рассвело, и шлюпка с десятками людей отвалила от шхуны. Махинация Кохема и компании на этот раз не удалась.

— Что сталось с баррикадами? — спросил я у Б.

— Исчезли, — ответил он, — как только туземцы заговорили, что уссия не придет.

После эпизода, который я описал, мне показалось не особенно удобным оставаться в хижине Ко-

хема, где я находился совершенно как бы в руках туземцев, которые доказали, что не заслуживают большого доверия. Не долго думая, я поставил мою палатку, которую на всякий случай привез с собой, на краю деревни под большим деревом, где прежде подвешивал койку. Мое помещение при этом выиграло тем, что стало светлым; в хижине и днем при открытых дверях господствовал полумрак. Палатка представляла спальню; в ней были сложены все мои вещи; около палатки я поставил складной стол и скамейку. Немного расчищенное место вокруг служило для приема посетителей-туземцев. В палатке я только спал или отдыхал, но писать и есть мне приходилось у стола, с трех сторон открытого для взоров любопытных; впрочем, я так привык не стесняться десятков глаз, следящих за каждым моим движением, что давно уже стал к этому совершенно равнодушен и нередко совершенно забывал о присутствии посторонних. Качу, который попрежнему готов был всегда услужить мне, за что я со своей стороны отплачивал от времени до времени небольшими подарками, я приставил охранять мои вещи, когда я уходил куда-нибудь в деревню, на охоту или когда купался. Моя остальная свита, человек шесть или семь мальчиков и девочек, понемногу отстала, появляясь редко, на короткое время, и то только для того, чтобы выпросить что-нибудь.

Расхаживая по деревне, я наткнулся в одной из хижин на торчащий между «атапами»[1] крыши

[1] «Атапами» по-малайски называются особенным образом плетеные цыновки из листьев кокосовой и других пальм, употребляемые для крыш, стен, заборов и т. д.

Примечание Миклухо-Маклая.

небольшой лук, который, судя по размерам, собственно был не что иное, как детская игрушка. Эта находка была интересна, потому что нигде на островах Адмиралтейства употребление лука, как оружия, неизвестно. Ни один из путешественников, посетивших эту группу до меня, о луке не упоминает, а многие удивляются его отсутствию. До сегодняшнего дня я и сам нигде не видал луков на этих островах. Я сейчас же позвал одного из более толковых туземцев, указал на лук и прибавил: «ланган-се?» (как зовут). Вытаскивая лук, он назвал его «осокай» и, приискав где-то под крышей несколько легких стрел, названных им «поренгун», он пустил одну в море, прибавив: «уян!» (хорошо).

Итак лук — правда, как детская игрушка, — известен на островах Адмиралтейства. Отчего он не вошел в общее употребление, не стал действительно важным для туземца оружием на войне и при охоте, не берусь решить.

Может быть, кто-нибудь из посетителей островов Адмиралтейства, европеец, как я, или житель других островов, где употребление лука известно, показал здешним людям именно этот «осокай» как новую штуку.

Пример подобной возможности я видел на днях: как-то утром пришла шлюпка со шхуны; через несколько времени я заметил толпу детей, между которыми находились и взрослые, окружавшую матроса Джо, туземца из Лифу. Я подошел к толпе и увидел, что Джо обучает туземцев Андры употреблению так называемого «сепа», небольшого приспособления, при посредстве которого жители островов Лояльти бросают свои копья на гораздо большее расстояние

и с большею силою, чем если бы бросали простою рукою. При помощи «сепа» Джо перещеголял в метании легких детских копий всех своих конкурентов. Жители Андры скоро переняли у Джо умение делать «сеп», и я каждый день замечал у мальчиков этот новый инструмент, и имя «сеп» вошло в общее употребление на островке Андра.

Услужливый Джо, научив туземцев употреблению «сепа», хотел выучить их делать и «эте» (пращу), употребляемую в Новой Каледонии и на островах Лояльти. Полагая, что у туземцев здесь и без «эте» довольно смертоносного оружия, я сказал Джо, считающему себя усердным христианином, что показывать людям, как убивать друг друга, большой грех. Это сильно смутило Джо, он чуть было не заплакал и обещал, разрывая на части начатую пращу, больше этого не делать. Чтобы развеселить Джо и потупившихся жителей Андры, которым мое вмешательство не понравилось, я предложил Джо показать туземцам пляску Лифу, так называемую «пилу-пилу», до которой Джо был большой охотник и плясать которую был мастер.

Несколько сильных ударов в «мраль» (деревянный барабан) в одной из ближайших хижин, пронзительные крики и завывания женщин заставили нас всех оглянуться. Туземцы все разбежались. Я направился с Джо к моей палатке, не понимая, в чем дело. Мимо нас пробежала, крича и воя, пожилая женщина, вся измазанная небрежно черной краской (а может быть просто углем). Пробежав около нас, она стала еще сильнее кричать и голосить и вдруг со всего размаха бросилась на землю и начала кататься по ней. Там, где она бросилась на песок, тор-

чало несколько острых кораллов, так что она поранила себе тело до крови во многих местах. Было неприятно смотреть на это самоистязание. Она схватила лежащий обломок коралла и принялась бить им выбритую голову, лицо, грудь. К ней подошли несколько других женщин, вероятно утешить ее; но она только вскочила и, завопив еще громче, во второй раз, плашмя, как стояла, бросилась на землю. Я все еще не знал, в чем дело. Подошедший Качу тихо сказал мне:

— Панги римат (Панги умер).

Я понял тогда, что женщина эта была одной из жен старика Панги, которого я уже несколько дней не видал. Женщина между тем, теперь вся покрытая песком, окровавленная, почти голая, вскочила, побежала дальше и скрылась между хижинами.

Я направился к хижине покойника. Меня никто не остановил, и я влез в узкую дверь семейной хижины, где увидал следующую картину. Недалеко от двери, на земле, покрытой «кадьяном»,[1] лежал покойник, окруженный несколькими женщинами, тянувшими заунывную песню, между тем как две или три громко, что имели сил, рыдали. Свет из дверей прямо падал на совершенно голое тело умершего. Вдруг одна из женщин, страшно воя, бросилась обнимать умершего, прильнула к груди его и рукою стала гладить лицо его; другая бросилась обнимать колена его. За задней дверью послышались крики женщины, которую я видел на берегу. На ней еще виднелся песок, и кровь текла из ран на лице, груди и руках.

[1] «Кадьян» — цыновка из листьев пандануса. «Кадьян» название малайское. *Примечание Миклухо-Маклая.*

При виде трупа она снова пришла в сильное волнение: с пронзительным криком, срывая с себя последний клочок одежды, она принялась выплясывать какую-то странную пляску, напевая самым жалостным голосом непонятные для меня слова. Я приютился, сев на старый «мраль» в углу хижины, и следил за происходящим.

Во всех завываниях, жестах, телодвижениях можно было, однако, заметить много искусственного, заученного. Обычай этого требовал, чувство отступало на второй план. Что я не ошибался в этой оценке, доказала происшедшая передо мною сцена, немного в стороне от покойника и главных действующих лиц. Как только главная жена отошла от трупа и была заменена другою, она непосредственно перешла от самых бешеных криков и жестикуляций к простой болтовне; она достала горшок с водой и жадно напилась; уместившись поудобнее, все время болтая с близ сидящими женщинами, она стала очищать себя от грязи и угля. Она производила впечатление актрисы, сошедшей со сцены.

Заметя общее утомление, я подумал, что некоторое время ничего не произойдет замечательного, и вышел поэтому из хижины на свежий воздух. Войдя полчаса спустя, я застал небольшую группу около умершего. То были, вероятно, самые близкие родственники и друзья его. Выражение горя на лицах было глубоко и трогательно. Не было театральных жестов и поз, не было крика и воя; по лицам всех текли обильные слезы, и кроме тихих всхлипываний я ничего не слыхал.

Выходя из хижины, я прошел мимо женщины, сидящей у берега. То была, вероятно, сестра или одна

из молодых жен умершего. Из ее закрытых глаз текли ручьем слезы, губы что-то бормотали; бессознательно водила она по песку руками; иногда, как ребенок, нагребала она песок в кучки, потом снова сравнивала все рукой. Я прошел мимо, затем остановился и простоял довольно долго, глядя на нее, но она меня не видала и не слыхала.

31 августа

Утром большинство мужского населения острова стало собираться в поход на деревню Рембат. Эта экспедиция находилась в прямой связи со смертью Панги.[1] Ко мне и капитану Б. туземцы обратились с просьбой принять участие в предпринимаемой экспедиции. Мы, разумеется, отказались.

Женщины снаряжали мужчин, таскали копья в пироги, провизию, воду и т. д. Отправилось одиннадцать пирог, на каждой было от семи до девяти человек.

Отправляясь на охоту, я проходил мимо колодца, находящегося почти посредине островка. У колодца можно было всегда почти встретить женщин и детей, приходящих за водой с самыми разнообразными сосудами из дерева, кокосовых орехов, раковин, бамбука. Сегодня я был удивлен гамом нескольких десятков крикливых женских голосов. Я сперва хотел пройти, но остановился, заметив среди толпы двух

[1] Туземцы большинства островов Меланезии не верят в естественную смерть, а считают ее следствием колдовства врагов умершего. Смерть туземца сопровождается часто походом на одну из враждебных деревень, в которой, полагают, живет причинивший заговором смерть туземца.

Примечание Миклухо-Маклая.

женщин, лежащих на земле, которых били, топтали ногами и т. п. Против этих несчастных двух было, как уж я заметил, несколько десятков женщин, и некоторые из них были вооружены почтенными палками. Сопровождавший меня Качу объяснил мне, что это женщины из Рембат, именно той деревни, с которою жители Андра отправились воевать.

Это истязание показалось мне несправедливым, и я направился в середину свалки. Гам и побои продолжались, голос мой был заглушен всеобщими криками. Необходимо было поэтому прибегнуть к энергичным мерам. Оба дула моего ружья были заряжены дробью. Я выстрелил вверх над головами беснующихся баб. Все разом притихли, большинство разбежалось; но несколько особенно озлобленных старух не хотели выпустить своих жертв. Увидя полную раковину с водой, я схватил ее, подошел к самой разъяренной из мегер и плеснул все содержимое раковины ей прямо в лицо. Она, разумеется, не ожидала от меня такого успокоительного средства. Выпустив из рук дубинку, она с руганью убралась.

Крики в деревне заставили меня направиться туда. Экспедиция в Рембат вернулась, но без раненых или убитых, и не убив никого из противников. Все ограничилось воинственной комедией.

Я посвятил сегодня несколько часов на приобретение коллекции первобытных туземных орудий, которые очень быстро вытесняются европейскими. Первое место между этими орудиями каменного века занимает «реляй», или большой топор, — орудие действительно примитивное; оно состоит из деревянной палки (около 80 сантиметров длины), один конец которой гораздо толще другого. В этом толстом конце

сбоку выдолблено углубление, в которое плотно вставляется отточенный кусок базальта или другой вулканической породы (чаще треугольной, редко продолговатой формы) или подходящим образом отломанный кусок раковин Hippopus или Tridanca. Только один край куска раковины бывает отточен, остальная поверхность его остается без обделки.

Ножами служат куски обсидиана, вправленные в деревянные ручки, а чаще отточенные молодые раковины или продолговатые обрезки больших жемчужных раковин. Отточенные на камне, края этих раковин могут быть сделаны очень острыми: ими режут веревки, клубни корнеплодных растений и т. д. Для резания мяса, однако, туземцы употребляют ножи из бамбука.

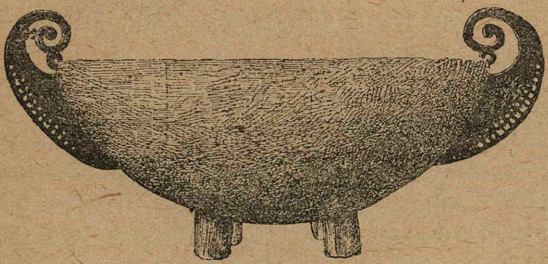
Резьба украшений и орнаментов разного рода на дереве — например, на красивых ручках больших деревянных блюд, на деревянной оправе копий, а также на бамбуке и на раковинах — производится главным образом осколками кремня. Для полировки дерева употребляются обломки разных раковин или куски пемзы, которая по временам в значительном количестве приносится приливом к берегу. [1] Осколки обсидиана служат для бритья, татуировки и разных хирургических операций.

Туземцы охотно расставались со своими топорами, меняя их на железные топоры, ножи и даже обручное железо. Последнее они очень ценят потому, что куски его им нетрудно приделывать к ручкам их топоров, вместо отточенных раковин.

[1] Между островами на юг от большого острова Адмиралтейства находятся несколько островов с действующими вулканами. *Примечание Миклухо-Маклая.*

Обручное железо служит также жителям островков и береговых деревень большого острова удобным средством обмена при сношениях их с жителями материка.

Ножи, большие гвозди, топоры ценятся туземцами гораздо более, чем бусы, красная бумажная материя и т. п. До сих пор еще, к большому удо-

Деревянная чаша с резными ручками для варки мяса (острова Адмиралтейства)

вольствию и большой выгоде шкиперов и трэдоров, туземцы не открыли различия между железом и сталью. Я попытался объяснить разницу некоторым, но они, кажется, меня не поняли.

Одиннадцать четырехугольных парусов туземных пирог показались в проливе между большим островом и островком Понем, — то были пироги с островка Сорри. Все они окружили скоро шхуну, куда и я отправился. Там я узнал, что новоприбывшие приглашали шкипера отправиться к ним, обещая ему трепанга, жемчужных раковин и черепаховой скорлупы вдоволь. За последние дни туземцы Андра были слишком заняты собственными делами, так что добыча трэдоров была незначительна. Шкипер ре-

шил поэтому уйти и предложил мне вернуться завтра же на шхуну.

Я поспешил на островок к себе в палатку. Множество вновь прибывших жителей Сорри находились в деревне и приготовляли себе ужин. Лунная ночь была великолепна, и я долго просидел с туземцами на берегу моря, стараясь дополнить словарь диалекта Андра. При этом мне удалось записать также много слов диалекта островка Сорри, который не одинаков со здешним.

Туземцам очень нравилось мое желание знать их язык, и они с удовольствием отвечали на мои вопросы.

1 сентября

Люди Сорри утром собрались в обратный путь. Некоторые из пирог были значительной величины, и знал бы я наверное, что шхуна отправится прямо туда, я с удовольствием рискнул бы перебраться в Сорри на одной из пирог; но слову шкипера я уже привык не доверять и, не зная языка Сорри, не рискнул на такое предприятие. Когда пироги Сорри ушли, я стал собираться на шхуну.

На прощание Кохем и несколько других туземцев сочли своим долгом наделить меня и капитана Б. подарками. Мне были даны свинья и тридцать один кокосовый орех; капитан Б. получил несколько больших рыб и дюжину кокосовых орехов. Дети — Качу, Аса и другие — все принесли мне по какому-нибудь небольшому подарку. Я также не поскупился и убежден, что они сохранят по мне добрую память.

При последних лучах солнца, пользуясь задув-

шим береговым ветерком, шхуна вышла за риф в открытое море.

. .

4 ноября

Наш курс лежал очень близко от островка Андра, и, на этот раз без моей просьбы, шкиперу вздумалось заглянуть туда и захватить, если возможно, еще немного трепанга.

К пяти часам вечера мы бросили якорь на старом месте. Один из первых явившихся был Кохем. Известие, слышанное нами в Сорри, подтвердилось: островок Андра выдержал набег «Салаяу»,[1] причем из жителей Андра было убито семь человек, в том числе и Греги, отец Качу. Очень выразительной мимикой Кохем показал, что Греги вместе с другими убитыми был увезен неприятелем и съеден.

5 ноября

На берегу в деревне, куда я отправился утром, я нашел значительную перемену. Вместо «ум-камаля», который послужил шкиперу для устройства коптилки, стояли теперь целых три небольших «камаля» рядом. Двери их выходили на песчаный морской берег. Крайний из них, самый отдаленный от деревни, понравился мне по своей чистоте и уединению, и я занял переднюю часть его. Я подвесил койку таким образом, что мог видеть все, что происходило на берегу.

[1] Значение слова «Салаяу» я не мог уяснить; может быть, это название какой-нибудь местности, деревни или острова; быть может, означает, как и «уссия», «неприятель» вообще. *Примечание Миклухо-Маклая.*

Несколько девочек, от трех до двенадцати лет, купалось на берегу, и, заметив, что я обратил на них внимание, они очень долго занимались этим делом: то выходили из воды и ложились на теплый песок, то с криком бежали в воду и барахтались на мелком месте. Температура воды (30° Ц) и воздуха (31,2° Ц) делала, разумеется, это препровождение времени весьма приятным, и скоро примеру девочек последовало множество детей. Я нарочно не показывался, чтобы не нарушать их забав.

В деревне я видел одного из пленников, забранных во время недавней схватки жителями Андры. Участь этих людей, как я узнал потом, не особенно завидная. Во всякое время они могут опасаться быть убитыми и съеденными. Им приходится много работать и быть в полной зависимости чуть ли не от каждого жителя деревни, где они находятся в плену.

Я уговорился с Кохемом и другим туземцем отправиться завтра в деревню Суоу, где, как мне сказали, находится в настоящее время Ахмат, малаец, о котором я уже не раз упоминал. Мне было интересно поговорить с этим человеком, прожившим здесь между туземцами более трех лет и могущим поэтому разъяснить многое для меня загадочное, а также послужить мне переводчиком. Имея эту экскурсию в виду, я предпочел вернуться ночевать на шхуну.

Шкипер потирал себе руки. Результатом сегодняшнего дня была покупка за несколько десятков фунтов обручного железа и несколько фунтов стеклянного бисера не менее тонны трепанга, ценностью, при самом умеренном расчете, не менее ста фунтов стерлингов.

6 ноября

Считая поездку в Суоу предприятием довольно рискованным и не желая подвергнуться расспросам и советам, я предпочел никому из белых на шхуне не говорить о моем намерении. На всякий случай, однако, я оставил записку капитану Б., в которой сообщил, куда и зачем я отправляюсь, прося его, в случае моего невозвращения, настоять на точном исполнении шкипером В. нашего уговора.

Часов в девять я отправился на большой остров в пироге Кохема; с нами был также и мой старый знакомый Подако, житель деревни Суоу. Без приключений пристали мы к пристани деревни Суоу. Я предпочел остаться в пироге и послал Подако в деревню, находящуюся на холме, поручив ему привести Ахмата сейчас же.

Не прошло и пяти минут, как Ахмат, который, вероятно, ожидал меня, окруженный толпою жителей Суоу, подошел к пироге. Хотя на нем был костюм туземцев, то есть простой пояс, но светлый цвет кожи и отросшие прямые волосы резко отличали его от прочих темнокожих и курчавоволосых туземцев. Ахмат робко подошел ко мне и сперва не смог ничего сказать — не знаю, от робости ли, или возбуждения. Несколько малайских слов, сказанных мною, ободрили его. Он мне ответил, что его содержат здесь вроде пленника и что он желает, если только возможно, отправиться со мною; что это будет, однако же, зависеть от меня, так как туземцы Суоу не отпустят его без выкупа, а что у него ничего нет. Я утешил Ахмата, сказав, что выкуп я заплачу и намерен это сделать сегодня же, не зная наверное, когда шхуна снимется.

Я пошел затем, сопровождаемый всей толпой, в деревню и расположился в том же «камале», где был три года тому назад. Мне несколько раз пришлось останавливать Ахмата, который порывался рассказать мне свои приключения; я сказал ему, что выслушаю его с интересом вечером на шхуне, а что теперь он должен переговорить обстоятельно с туземцами и узнать от них, какой выкуп они за него потребуют.

Для нас, меня и моих спутников из Андра, жители Суоу приготовили завтрак. Я воспользовался этим временем, чтобы сделать несколько набросков, нарисовал между прочим портрет одной из девочек. От смущения и страха при виде белого она сидела совершенно неподвижно, боялась даже моргнуть. Сходство портрета вышло поэтому очень удачное.

От вернувшегося Ахмата я узнал, что за него требуют, обещал ему и жителям Суоу вернуться с выкупом за Ахматом к трем часам и поспешил на шхуну. Ахмат был очень растроган, чуть не плакал, хотел целовать мне руки и т. п. Он просил меня привезти с собою со шхуны пару старых панталон и какую-нибудь рубашку, потому что, говорил он, ему было бы совестно явиться на шхуну в костюме дикарей.

Я сдержал слово и, несмотря на усталость, отправился за бывшим пленником, как обещал, к трем часам. Выкуп за него состоял из следующих предметов: большой американский топор, шесть сажен красной бумажной материи, три больших (полметра длины) ножа, двенадцать больших кусков железа, половину кокосовой скорлупы бисеру, два ящика спичек. Все это я передал Ахмату, который, в свою

очередь, отдал каждый предмет, один за другим, одному из людей Суоу. «Они поделятся в деревне», пояснил мне Ахмат, поспешно переодеваясь в европейские штаны и рубашку. Некоторые из жителей Суоу подошли к нему проститься, потрепали по плечу, сказали несколько слов; Ахмат казался очень равнодушным, оставляя местность, где провел более трех лет.

На шхуне я узнал от него несколько интересных подробностей жизни туземцев (к сожалению, далеко не так много, как ожидал) и несколько дополнений к истории жизни трэдора О'Хары на островке Андра и кое-что об участи другого трэдора, С. Пальди, убитого в деревне Пуби. Вот что сообщил мне Ахмат, отвечая на отдельные мои вопросы.

Власть начальников в деревнях островов Адмиралтейства показалась Ахмату очень незначительной и зависела более от личности и характера начальника, чем от его положения. Хотя Ахмат порядочно знал диалект деревни Суоу, но за все время своего пребывания там он не узнал названия (титула) начальника на туземном языке. Что некоторые туземцы пользуются между своими бо́льшим авторитетом, чем другие, он часто замечал, но это было более вследствие личных качеств этих некоторых.

Людоедство — явление здесь очень нередкое. Туземцы предпочитают мясо людей свинине. Едят его вареным в пресной воде; тело режется на небольшие куски так, чтобы можно было поместить их в горшки. Внутренности, за исключением мозга, сердца и печени, выбрасывают. Человеческое мясо дают есть женщинам и детям. После военных стычек убитых привозят на пирогах или приносят изда-

лека, чтобы съесть их. Ахмат уверял меня, что хотя и был очень много раз свидетелем людоедства, но никогда не принимал в нем участия. Туземцы обыкновенно предлагали ему порцию людского мяса, но не сердились на него, когда он отказывался. Черепа, которые нередко бывают выставлены в «ум-камалях», в большинстве случаев принадлежат людям, съеденным в этих «камалях». Пленников, забранных во время набегов, нередко убивают и съедают, иногда после того, как последние прожили несколько месяцев в деревнях. Исключение из этого правила составляют те из пленников, которые сумеют найти себе в деревнях победителей между молодыми девушками жену.

Ахмат уверял меня, что туземцы здесь не очень разборчивы, какими средствами или каким образом добыть человеческого мяса. Он рассказывал мне случай, которого он сам был свидетелем.

Незадолго до первого прихода шхуны «Saddie F. Caller» в порт Андра (то есть в августе этого года), во время отлива, когда все рифы были оголены, из деревушки Суоу, находящейся на высоком мысе, была замечена девушка, собиравшая там морских животных. Никто из жителей Суоу, обративших на нее внимание, не признал ее за живущую в соседних береговых деревнях, а некоторые подробности ее костюма и украшений свидетельствовали, что она принадлежала к одной из горных деревень. Все же горные деревни находятся во враждебных отношениях к жителям береговых. Это обстоятельство решило участь девочки. С общего согласия один из жителей Суоу отправился за легкой добычей. Ахмат, понимавший в чем дело, остался смотреть,

что будет. С выступа скалы, покрытого зеленью, можно было все видеть, что происходит на рифе, и не быть замеченным оттуда. Житель Суоу выехал в пироге один, как бы на рыбную ловлю. Девочка хотя и заметила его, но не испугалась и продолжала собирать раковины.

Охотник, обогнув риф, чтобы сделать бегство добычи невозможным, вышел на риф и стал мало-помалу приближаться к неосторожной, не подозревавшей ничего девочке. Подойдя к ней, он схватил ее поперек тела и скорыми шагами направился к своей пироге. Добравшись туда, он с силою бросил несчастную на острые кораллы, спиною вниз. Пока она была еще ошеломлена от падения, ушибов и боли, людоед хладнокровно перерезал ей горло небольшим европейским ножом и здесь же на рифе принялся за распластывание своей добычи. Ахмат видел затем, как ее принесли в деревню. Все внутренности были вынуты, но тело было почти цело. Оно принадлежало девочке лет четырнадцати или пятнадцати. «Я бы взял ее себе в жены, — добавил Ахмат, — а не съел бы ее». Не так думали люди Суоу — жена достанется одному, между тем как все жители деревни получили, вероятно, по крайней мере по кусочку от сваренной девочки. Этот пример людоедства, по словам Ахмата, в Суоу не считается ничем особенным. Неосторожные женщины и неопытные дети горных деревень нередко становятся легкой добычей жителей береговых деревень или побережных островков.

О правосудии у туземцев Ахмат рассказал мне следующее: если кто-нибудь убит или что-нибудь украдено, то третье лицо не вмешивается. Сам обиженный мстит, как может. Когда кто-нибудь обо-

краденный находит свое имущество в хижине соседа, он забирает вещь и отправляется в «ум-камаль» бить в «мраль». Если вор молчит — делу конец; если произойдет драка и один убит — посторонние не вмешиваются.

О своей жизни между туземцами Ахмат сказал, что хотя ни разу туземцы не покушались убить его, но что он никогда не чувствовал себя вполне безопасным между ними. Одно казалось ему верным, что его не убьют из-за желания съесть его, так как он не раз слышал от туземцев выражения отвращения есть мясо светлого человека.

О трэдоре О'Хара Ахмат рассказал мне многое, что объясняет плачевную участь этого человека. По уходе шхуны «Sea Bird» О'Хара, которому, как и другим трэдорам, был оставлен небольшой запас красного вина и бренди, находился почти ежедневно в полупьяном состоянии, а нередко и в положении полной невменяемости. Разумеется, такое состояние не могло поставить этого человека высоко в глазах туземцев. От полной фамильярности туземцы мало-по-малу перешли к самым нахальным требованиям. Смотря по состоянию, в котором находился О'Хара, он то упрямо отказывался от исполнения желаний туземцев, то, смеясь, раздавал им больше, чем они требовали. Хижина его была днем, а иногда и ночью, полна народу. В одно прекрасное утро, наконец, полутрезвый О'Хара отправился купаться в море, оставив в хижине и около нее множество туземцев. Когда он вышел из воды, ему представилось зрелище общего разграбления его имущества: без всякой церемонии, как бы не видя его, туземцы вытаскивали ящики с товаром, и каждый брал, что хотел. Когда

О'Хара вздумал что-то сказать, несколько туземцев, схватив копья, так серьезно пригрозили ему, что он не стал больше препятствовать. У него было взято положительно все, и если бы не нашелся между туземцами действительно добрый человек, который сжалился над ограбленным, О'Хара остался бы без крова и пищи. Я поспешил узнать имя этого доброго туземца, приютившего О'Хара, намереваясь познакомиться с ним и дать ему несколько подарков.

— Его имя — Мана-Салайяу, — ответил Ахмат, — он совсем старый человек и живет один; жены его умерли, а дети уже все взрослые. Приютить, кормить и поить О'Хара старику не было никакой выгоды; напротив, над ним смеялись, иногда даже ругали за О'Хара, — прибавил Ахмат.

Так и между людоедами встречаются сострадательные люди.

Об участи Пальди от Ахмата узнал я следующее: спустя немного месяцев (три или четыре) по уходе шхуны «Sea Bird» до деревни Суоу дошла молва, что белый, оставленный в деревне Пуби, на южном берегу большого острова, был убит и все вещи его забраны туземцами. Защищался Пальди перед смертью или был убит во сне, Ахмат не слыхал, знает только, что, когда труп его был раздет и хотели приступить к приготовлению из него разных кушаний, никто не захотел его есть. Тогда голова его была отрезана для сохранения как трофей в «камале», а тело, изрезанное на куски, сложено в пирогу, отвезено и брошено в море на съедение рыбам. Эту историю Ахмат слыхал несколько раз и не сомневался в ее верности.

При этом рассказе мне вспомнился разговор с

Пальди накануне ухода шхуны «Sea Bird» с рейда у деревни Пуби, где последний остался, а потом был убит. Разговор был приблизительно следующий:

— Что вы думаете о моем новом месте жительства, о решении жить здесь между дикими и вероятном результате этого плана? Прошу очень сказать мне совершенно откровенно, — обратился ко мне Пальди.

— Зачем мне вас разочаровывать,—ответил я. — Мои слова будут лишними, так как вы решились остаться здесь.

Пальди стал настоятельно просить сказать, что я думаю.

— Если вам жизнь дорога, если вы когда-нибудь надеетесь жениться на вашей возлюбленной, о которой вы как-то мне говорили, то не оставайтесь здесь, — были мои слова.

— Это почему? — вскричал Пальди.

— Потому, что вы проживете здесь месяц, может быть два, а возможно также только день или другой по уходе шхуны.

— Что же, вы думаете, меня убьют туземцы? — спросил Пальди недоверчиво.

— Да, — ответил я решительно.

— Отчего же убьют меня?.. Вас же не убили папуасы на Берегу Маклая. Почему же меня убьют? Вы же ужились с туземцами Новой Гвинеи. Разве люди здесь другие? — стал спрашивать Пальди.

— Причин тому много. Лучше прекратим этот разговор, — возразил я.

Пальди однако же настаивал, чтобы я договорил, что начал. Он был прав, и я сказал ему:

— Главные причины следующие: вы — горяче-

кровный житель юга, я — северянин. Вы считаете вашим другом и помощником, вашей силой—револьвер; моей же силой на Берегу Маклая было хорошее и справедливое обращение с туземцами; револьвер мне никогда не казался там нужным инструментом. Вы хотите, чтобы туземцы вас боялись благодаря револьверу и ружью; я же добивался и добился их доверия и дружбы. Вот главнейшие различия наших воззрений относительно обращения с туземцами. Есть еще второстепенные причины трудности вашего успеха; вот одна — вы остаетесь жить в самой деревне туземцев, не зная ни их языка, ни их обычаев; не думаете ли вы, что вы будете для них скоро как бельмо на глазу, от которого они постараются избавиться? Оставаясь в Новой Гвинее, я поселился в лесу, в местности, до меня никем не занятой, на которую никто до моего прибытия не предъявлял ни прав, ни притязаний; построил себе хижину в одной миле от одной и двух милях от другой деревни... Есть еще одна серьезная причина трудности вашего успеха: все туземцы, при которых были перевезены ваши вещи со шхуны, знают, какие сокровища, по их мнению, будут находиться в вашей хижине; думаете вы, никому из них не придет мысль, что одним удачным ударом копья все эти сокровища могут перейти к ним?.. Вы скажете: не очень вероятно, чтобы первое пущенное копье попало в цель, что ваш револьвер положит нахала на месте, заставит остальных разбежаться. Согласен, верю даже, что, будучи, как вы говорите, хорошим стрелком, вы положите не одного, а шестерых на месте, что каждая пуля найдет своего человека. Тем хуже для вас. Все разбегутся, но вы прибавите к желанию завладеть ва-

шими сокровищами еще чувство, даже долг (обязательный у туземцев) мести... Но довольно, хотя это далеко не все, что можно бы сказать. Но я сказал нарочно больше, чем хотел сперва, думая, что время еще есть — и вы можете переменить ваше решение.

Хотя мои слова заставили, кажется, Пальди очень призадуматься, но он остался в Пуби.

Убийство его показало, что я был прав; смерть его в глазах туземцев была блистательно отомщена белыми, так как шкипер X. положил на месте пятьдесят или шестьдесят человек...

7 ноября

Отправился с Ахматом на островок Андра, чтобы отыскать туземцев Пакау и Мана-Салайяу, которым О'Хара обязан своей жизнью. Обоим я дал по несколько подарков и при помощи Ахмата, который служил переводчиком, объяснил, что даю эти вещи им, как друзьям О'Хара. Старик Мана-Салайяу очень расчувствовался, даже заплакал.

Проходя через деревню Андра мимо новых хижин и припоминая ночное приключение 28 августа (несостоявшееся нападение «уссия»), мне вздумалось спросить Ахмата, знает ли он что-нибудь о нем.

— Как же, все деревни кругом много говорили о нападении на туан Маклай и людей со шхуны, живущих на берегу. Некоторые хотели даже попытаться завладеть и шхуной; предлагали и мне присоединиться в этом случае к ним, — сказал Ахмат.

— Отчего же это все не состоялось? — спросил я.

— Да оттого, — ответил Ахмат, — что все боялись европейских ружей, которых, говорят, на шхуне

много; а жители Андры боялись, как бы туан Маклай не сжег их деревни.

8 ноября

Шкипер В. послал шлюпку с трэдором к деревне Суоу скупить там кокосовое масло. Я воспользовался этим случаем, чтобы снова побывать там, надеясь с Ахматом, как переводчиком, разузнать о многих меня интересующих вопросах по антропологии и этнологии. Ахмат между прочим сказал мне, что в ум-камале, где меня принимали, сохраняется пять черепов жителей большого острова и что туземцы за несколько кусков железа отдадут мне их. Такую краниологическую добычу, несомненно верного происхождения, не следовало упускать.

Добравшись до деревни, я сейчас же захотел видеть эти черепа. Сперва туземцы немного церемонились, но показанные большие куски железа очень оживили их, и все пять черепов были положены к моим ногам. Через Ахмата я спросил туземцев, указывая на первый попавшийся череп, кому принадлежал он. Взглянув на него внимательно, один из присутствующих ответил, что это был человек из деревни Ругуль, другой был из Рембат, третий из Терлоу, а четвертый и пятый из Терлут. Все эти деревни находятся на северо-восточном берегу большого острова. Каждый из черепов имел кое-какие особенности, так что туземцы вероятно не ошибались, называя их. Все черепа были совершенно черны от копоти. Ахмат дополнил историю происхождения их, сказав, что эти пять человек уже мертвыми были привезены в Суоу и все съедены в этом камале.

Я вспомнил о растении «апис», употребляемом при

выделке корзин, называемых здесь «кур». Ахмат отрядил двух мальчиков принести мне из лесу листья, цветы и плоды «апис». Немного погодя, я получил желаемое за исключением цветов. Один из туземцев принес плотно сплетенную корзину — будущий «кур». Взяв один из плодов «апис» и сдернув ногтями довольно плотную кожу с одной стороны, он принялся натирать корзину мякотью плода, очень волокнистой, но довольно сочной. Сок этот, проникая в скважины плетения, быстро застывал, так что через некоторое время дно корзины, несколько раз смазанное соком «апис», сделалось непромокаемым. На одну небольшую корзину требуется несколько плодов «апис», потому что внутри плода находится большое зерно. «Апис» формой и величиной напомнило мне манго (Mangifera indica), и я захотел узнать, едят ли «апис», на что туземцы, делая разные гримасы, как бы съев что-то очень кислое и невкусное, отвечали «пый» (нет). Мне были показаны «кур» разной величины и формы, и Ахмат уверял меня, что для холодной воды эти сосуды могут быть употребляемы долго, даже несколько лет, если покрывать их новыми слоями сока «апис».[1]

[1] Сохраненные плоды и листья «апис» я препроводил при возвращении в Австралию известному ботанику Ф. Мюллеру в Мельбурне, прося его определить растение. Письмо мое было получено г-ном Мюллером, но приложенные образчики листьев и плода каким-то образом были затеряны в ботаническом музее в Мельбурне. Я полагаю, что «апис» может оказаться важным и для европейской мануфактуры. Ахмат натер по моему желанию мои парусиновые штиблеты соком «апис», — они стали непромокаемы, остались мягкими, и я их проносил года два или даже больше.

Примечание Миклухо-Маклая.

Мне пришли сказать, что шлюпка, на которой я приехал, скоро отвалит, так как все кокосовое масло в деревне скуплено трэдором. Собрав мои покупки, я спустился к пристани и нашел в шлюпке, кроме полного боченка кокосового масла, несколько бамбуков, наполненных им.

9 ноября

Ночью и утром шел сильнейший дождь, почему я остался на шхуне. Торг трепангом продолжался, но последний оказался уже мелким; шкипер неохотно брал его, уговаривая туземцев привозить ему крупного.

У одного из жителей Андры, приехавших на шхуну, я заметил привешенные к его ожерелью из собачьих зубов несколько характерных бус, употребляемых на островах Пелау, как деньги. Каким образом они попали сюда, — был бы хитрый вопрос для этнолога, мало знакомого с новейшей историей островов Адмиралтейства. Эти бусы довольно редки и на островах Пелау, и туземцы там только при крайней нужде расстаются с ними. Здесь же человек, украсившийся ими, не придавал им особенного значения. Загадка уяснилась для меня простым образом. Ахмат сказал мне, что эти бусы были найдены между вещами О'Хары.

Это наглядный пример, указывающий, как следует быть осторожным при рассмотрении этнологических коллекций с островов Тихого океана. Вкусы туземцев, находящихся на одной ступени развития, относительно украшений довольно сходны, и это имеет следствием, что туземцам одних островов нравятся туземные украшения жителей других гораздо

больше, чем европейские изделия. Этим обстоятельством шкиперы торговых шхун и трэдоры давно уже воспользовались, скупая на одних островах разные туземные украшения для меновой торговли с жителями других островов.

Не подумав о возможности такого обстоятельства, член какой-нибудь ученой экспедиции, заходящий на военном судне на несколько дней на какой-нибудь остров, или мимолетный путешественник, попадающий на несколько часов в какую-нибудь деревню, видя одинаковые украшения — может быть, очень характерные — в обеих местностях, иногда очень отдаленных, невольно приходит к разным гипотезам о тождестве рас, сношениях между островами и т. д. Только продолжительное пребывание в одной местности и знакомство с языком могут оградить путешественника-этнолога от подобных «невольных» ошибок.

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСЕЩЕНИЕ БЕРЕГА МАКЛАЯ 1883

Я имел возможность снова посетить Берег Маклая, встретив на пути в Австралию, в Батавии, корвет «Скобелев».

Узнав от адмирала Копытова, что он намеревается посетить некоторые острова Меланезии и, может быть, заедет на Берег Маклая, я предложил адмиралу взять меня с собою, так как благодаря моим знаниям туземного языка и местных условий островов, куда должен был зайти корвет, я мог быть полезным при плавании; а я со своей стороны мог бы вновь посетить знакомые мне места.

Берег Маклая особенно притягивал меня, так как мне хотелось знать, что сталось с моими новогвинейскими друзьями. Адмирал согласился, и я, распорядившись, чтобы мой багаж был отправлен в Австралию на английском пароходе «Chyebassa», на котором я ехал из Порт-Саида в Брисбэн (Квинсленд), захватил несколько необходимых вещей и перебрался на корвет, который снялся на другое же утро.

За неимением свободной каюты, мне было устроено при помощи брезентов и флагов отличнейшее помещение под полуютом. Кроме подвешенной офицерской койки, служившей мне постелью, стол, стул и кресло были помещены в моей временной каюте,

которая, находясь на палубе, была прохладна и светла.

Корвет заходил в Макассар и в Амбоину. Я попросил адмирала приобрести здесь одного бычка, двух телок и коз местной породы, уже акклиматизировавшихся в Малайском архипелаге, — в подарок туземцам Берега Маклая. Мое желание было исполнено, и кроме того на казенные деньги были куплены в подарок туземцам тех островов, на которых мы должны были побывать, разные вещи, как-то: малайские паранги (большие ножи), красная бумажная материя, бусы, небольшие зеркала и т. п. Кроме того мною было приобретено множество семян разного рода, между прочим семян дуриана, мангустана, манго, нескольких видов хлебного дерева, апельсина, лимона, ланзат, кофейного дерева, несколько молодых ананасов и много семян разных других полезных растений и овощей.

Пройдя пролив Буру и Сайгуйэн (между островами Салавати и Батанта), 12 марта мы подошли к северному берегу Новой Гвинеи. По случаю дождя и густых облаков, скрывавших берег, и вообще вследствие дождливой погоды адмирал решил не заходить в Дорэ, а итти прямо к Берегу Маклая. 15 марта мы проходили мимо бухты Гумбольдта в Новой Гвинее. Открывшийся перед нами 16 марта остров Вулкан оказался снова действующим, как и в 1877 году. 17-го утром, пройдя проливом Изумруда (между Новой Гвинеей и островом Кар-Кар), мы медленно прошли архипелаг Довольных Людей около двух часов пополудни и в половине шестого вечера бросили якорь в порту Константина.

Я съехал на берег, на мысок Обсерваций, и, уви-

дав там несколько старых знакомых из Гумбу, сказал им, что я буду завтра утром в Бонгу и что для корвета нужна провизия: свиньи, таро, бананы и т. п. Боясь лихорадки, я не рискнул в тот же вечер отправиться в другие деревни и вернулся на корвет.

18 марта адмирал, несколько офицеров и я съехали на берег около деревни Бонгу. Сопровождаемые туземцами, которые, перебивая один другого, обращались ко мне с расспросами, где я буду жить, когда начать строить мне хижину и т. п., — мы обошли деревню. Она показалась мне на этот раз как-то меньше и запущеннее, чем в 1876—1877 годах.

Припомнив расположение деревни, я скоро обнаружил, что целые две площадки, с окружающими их хижинами, обратились в пустырь. Площадки заросли травою, а на развалинах хижин рос кустарник. На мои вопросы мне объяснили, что из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, а другие выселились.

Сообразно с моими инструкциями, данными при отъезде в 1877 году, — все девушки и молодые женщины были удалены; оставалось только несколько безобразных старух. Помня также мои советы, туземцы явились не только без оружия, но даже и без малейшего украшения.[1] Вид их поэтому был сегодня довольно мизерный (дикие без украшений, лохматые, напоминают одетого в лохмотья европейца), тем более, что почти вся молодежь отсутствовала.

[1] Миклухо-Маклай, очевидно, уезжая с Новой Гвинеи, советовал своим друзьям папуасам остерегаться белых, уводить женщин, не показывать украшений, избегать вооруженных столкновений, которые могли бы кончиться очень плохо для туземцев. *Ред.*

Одни находились в Богатим по случаю происходившего там большого «ая» и «муна» (празднеств), другие, вероятно, были в лесу, охраняя женщин.

Мой старый приятель Саул рассказал мне длинную историю о «тамо-инглис» (вероятно, экспедиции шхуны «Dove») затем о приходе в Гарагасси «абадам Маклай» (брата Маклая), как они, вероятно, называли Ромильи. [1]

Вспомнив, что я еще не видел Туя, я прервал разговор вопросом о нем:

— Туй муэн-сен (Туй умер), — ответил мне Саул. Я очень пожалел о моем старом приятеле.

Я оставил туземцев Бонгу в большом волнении, объявив, что привез им быка, корову, козла и коз. Все повторяли за мной имена этих животных; все хотели их видеть сейчас же.

Я объяснил, что для привезенного скота надо построить изгородь, чтобы он не разбежался. Туземцы много говорили, и никто не принимался за дело.

Сказав, что я приведу быка, корову и коз к заходу солнца, я направился к тому месту, где в 1876—1877 годах стоял мой дом. Придя туда, я почти не узнал местности. Под большими деревьями, которые некогда окружали мой дом, рос теперь всюду густой кустарник; только местами изредка проглядывали между зеленью посаженные мною кокосовые пальмы, бананы и множество дынного де-

[1] Ромильи — английский агент, который был подослан к Миклухо-Маклаю в Австралию в конце семидесятых годов. Узнав от М.-М. некоторое число папуасских слов и получив сведения о быте и нравах папуасов, Ромильи отправился на Новую Гвинею, где и пытался завоевать доверие туземцев, выдав себя за брата Маклая. *Ред.*

рева, которое поднималось высокими стволами значительной толщины.[1] Вместо широких дорожек, содержавшихся всегда в большой чистоте около моей хижины, оказалось теперь две-три тропинки, по которым можно было пробраться только с трудом. Я пошел прямо туда, где прежде стояли оба дома. Между кустами я нашел полдюжины еще стоявших свай, и это было все.

Припоминая, с какими хлопотами я строил себе дом, с каким терпением я разводил плантацию, мне трудно верилось, что каких-нибудь пяти-шести лет было достаточно, чтобы превратить все в глухой уголок густого леса. Это был пример роскошного плодородия почвы.

Времени на размышления, однако, у меня не было, почему я приказал сопровождавшим меня туземцам расчистить то место, где в 1877 году у меня росла кукуруза и где мне показалось, что кустарник был не так част. Я велел выдергивать с корнями небольшие деревца, что при большом числе рабочих рук оказалось вовсе не трудно. Расчищенное место было вскопано матросами, имевшими с собою железные лопаты, на пространстве нескольких квадратных сажен. Я послал туземцев за водой, а сам, с помощью моего слуги из Амбоины, Яна, и обоих матросов, стал рассаживать молодые растения и семена, привезенные из Амбоины. Принесенная в бамбуках вода послужила для поливки вновь посаженных ра-

[1] Вообще я заметил, что дынное дерево (Carica papaya) очень быстро акклиматизировалось на Берегу Маклая. Теперь нет деревни, где бы оно не росло.

Примечание Миклухо-Маклая.

стений. Не посадил я только семян кофе, отдав их Саулу и некоторым другим туземцам для передачи жителям горных деревень, где для кофейного дерева климат подходит больше, нежели на Берегу Маклая.

Туземцы, повидимому, интересовались всей этой процедурой. Я, тем не менее, не был уверен, что мой эксперимент удастся, и даже боялся, чтобы на вновь взрытую землю не явились в тот же день или на другой свиньи и не разрыли новую плантацию; сделать же достаточно прочную изгородь было невозможно. У меня не было времени, чтобы приглядеть за сооружением ее самому, а туземцы были слишком возбуждены приходом корвета и постройкой у деревни забора для скота.

Я отправился лесом по хорошо знакомой тропинке в Горенду; но и тропинка была сильно запущена; невысокий тогда кустарник вырос теперь в большие деревья, так что знакомая тропинка показалась мне совершенно новой. Добравшись, наконец, до места, где шесть лет тому назад была расположена деревня Горенду, я был окончательно поражен ее измененным видом. Вместо значительной деревни оставались только две-три хижины: все заросло до неузнаваемости. Мне стало почему-то так грустно, что я поспешил выйти к морю и отправиться обратно на корвет.

После полдника и короткого отдыха я вернулся на берег и пошел снова в Бонгу. Я чувствовал себя как дома, и мне положительно кажется, что ни к одному уголку земного шара, где мне приходилось жить во время моих странствований, я не чувствую такой привязанности, как к этому берегу Новой Гвинеи. Каждое дерево казалось мне старым знакомым.

Когда я пришел в деревню, вокруг меня собра-

лась толпа. Многих знакомых лиц я не мог досчитаться; многие показались мне совершенно незнакомыми: в мой последний приезд они были еще юношами, а теперь у них самих были дети. Только немногие старики оказались моими прежними старыми приятелями.

Два обстоятельства особенно бросились мне в глаза. Во-первых, мне и всем окружавшим меня казалось, что как будто только вчера, а не шесть лет тому назад я был в Бонгу последний раз; во-вторых, мне показалось странным отсутствие всякой дружественной демонстрации по отношению ко мне со стороны папуасов после моего долгого отсутствия. Подумав немного, я нашел второе обстоятельство совершенно понятным: ведь, я сам ничем особенным не выражал моего удовольствия при возвращении сюда; что же мне удивляться, если и папуасы не скачут от радости при виде меня. Были, однако ж, и такие среди них, которые, прислонясь к моему плечу, всплакнули и, всхлипывая, стали пересчитывать умерших во время моего отсутствия: «и этот умер, — говорили они, — и этот, и этот».

Всем хотелось, чтобы я по-старому поселился между ними, но на этот раз уже в самой деревне; хотели также знать, когда я опять вернусь и что им делать, если «тамо-инглис» снова появятся.

Несколько мальчиков, перегоняя друг друга и запыхавшись, прибежали с известием, что «тамо-русс» с «буль-боро-русс» (большая русская свинья) приближаются в «кобум-ани-боро» (в шлюпке очень большой). Все бросились бежать; я тоже последовал за толпой.

Действительно, большой баркас шел недалеко от

берега. Так как вследствие отлогости берега большому баркасу нельзя было подойти к нему, то офицер, в распоряжении которого находился баркас, скомандовал нескольким матросам, чтобы они, засучив панталоны, соскочили в воду.

Большая толпа жителей Бонгу, Горенду и Гумбу молча стояла вдоль берега, следя за каждым движением людей. Двое из выскочивших матросов держали концы веревок, привязанных к рогам бычка. Из накренившегося на один бок баркаса выскочило молодое животное и, очутившись в воде, направилось сперва вплавь, а затем бегом к берегу, так что матросам было не легко сдерживать его. Бычок побежал вдоль берега и тянул бегущих за ним матросов. Было крайне комично видеть, как около сотни туземцев при виде нового для них животного, казавшегося им громадным — больше дикого кабана, рассыпались во все стороны; некоторые даже полезли на деревья, другие бросились в море. За бычком последовала корова, оказавшаяся гораздо смирнее его. За нею появился козел в сопровождении коз. Всех их матросы вели за веревки, привязанные к рогам. Вся эта процессия направилась в деревню, куда я также поспешил, чтобы распорядиться и приказать туземцам помочь матросам.

В деревне была сооружена изгородь метров пятнадцати в квадрате для бычка и коровы. С некоторыми затруднениями матросы заставили их перепрыгнуть через высокий порог изгороди. Калитка была сейчас же заколочена, так как я полагал, что пройдет некоторое время, пока животные привыкнут к своему новому положению. Несколько матросов с баркаса, пришедшие смотреть на деревню, нало-

мали в лесу молодых ветвей разных деревьев и бросили их за изгородь; повидимому, угощение пришлось по вкусу корове, которая тотчас же принялась жевать ветки. Бычок же был очень неспокоен, он ходил вдоль изгороди, нюхая воздух и как бы ища выхода. Присутствие матросов, которые ухаживали за ними во время переезда из Амбоины, успокаивало животных. Рога были освобождены от веревок, и животные, кажется, почувствовали себя еще спокойнее. Козла и коз за неимением другого помещения я предложил туземцам поместить в одну из хижин и сказал, чтобы женщины принесли им завтра молодого унана. Один из матросов заметил, что нужно было бы показать туземцам, каким образом доят коз. Когда спрошенный мною табир был принесен и матрос стал доить одну из коз, все туземцы сбежались посмотреть на это диво. Возгласам и расспросам не было конца, но никто не отважился попробовать молока, которое и было выпито матросами.

Солнце уже садилось, и я сказал матросам, что им пора собираться на корвет. Оба матроса, находившиеся в изгороди, должны были перепрыгнуть через забор, так как калитки не было. Я продолжал давать туземцам кой-какие инструкции относительно их поведения в случае прихода белых. В это время возгласы туземцев заставили меня обратить внимание на поведение бычка. По уходе матросов он стал очень беспокоен, все бегал вдоль изгороди и, как мне сказали туземцы, хотел сломать забор.

Я поспешил на место и увидел, что рогами бычку удалось разворотить в одном месте верхнюю часть забора. Сбежавшиеся туземцы приводили беднягу в ярость. Он еще раз бросился к забору с нагнутой

головой, и еще несколько палок вылетело из изгороди. Не успел я крикнуть одному из туземцев, чтобы он побежал за тамо-русс, как бычок отбежал от забора, ринулся опять к нему, но на этот раз уже с намерением перескочить через него. Это ему удалось, и он, выбравшись на свободу, как бешеный полетел по деревне. Туземцы быстро попрятались кто-куда. Я остался один и мог видеть, как телке удалось тоже перескочить через ограду и побежать вслед за бычком. Сомневаясь в удаче, я все-таки скорым шагом пошел по тропинке к морю, где был встречен возвращающимися матросами. Я в двух словах рассказал им в чем дело. Они отвечали, что, вероятно, удастся загнать бычка обратно в изгородь, так как он очень ручной.

Когда мы вернулись в деревню, то оказалось, что бычок и телка нашли тропинку, ведущую в лес. Я послал туземцев в обход, чтобы не допустить бычка зайти слишком далеко; матросы же должны были, стараясь по возможности не пугать животных, попытаться загнать их обратно в деревню. Не стану распространяться далее. Вся эта история кончилась тем, что попытка вовсе не удалась, так как, завидев людей, бычок стремительно пустился вперед, а туземцы, разумеется, разбежались в разные стороны. За бычком последовала и телка, и интересная парочка унеслась на ближайшие холмы.

Было уже темно, когда мы вернулись на корвет после постигшей нас неудачи. Я был так утомлен происшествиями дня, что, несмотря на большое желание, не смог исполнить обещанного, то есть вернуться ночевать в Бонгу.

19 марта на рассвете корвет «Скобелев» снялся

и направился к острову Били-Били. Так как предполагалось сделать съемку порта Алексея, то для нас было очень важно иметь переводчиков, потому что диалектов жителей архипелага Довольных Людей несколько, и они мне незнакомы; в Били-Били же я мог рассчитывать найти кого-нибудь из знакомых, которые согласились бы отправиться с нами. Так как глубина в этом месте была достаточна, то корвет направился в пролив между островом Били-Били и материком Новой Гвинеи. Подходя к деревне, мы уменьшили ход и спустили шлюпку, и я направился к деревне. На берегу нас ожидала большая толпа, узнавшая меня и вопившая: «О Маклай! О Маклай! Еме-ме! Еа-ба! Гена!»

Несколько пирог приблизилось к шлюпке. В одной из них находился Каин, в другой Марамай, Гассан и несколько других. Чтобы не терять времени на лишние переговоры, я предложил им всем последовать за мною на корвет, обещая дать табаку и гвоздей. Каин перебрался ко мне в шлюпку и стал предлагать всевозможные вопросы, на которые я, разумеется, не мог отвечать за недостатком времени.

Очутившись на палубе, туземцы были очень смущены и перепуганы шумом машины и множеством матросов. Они сейчас же стали просить меня отпустить их домой. Сказав Каину и Гассану, что мне их нужно для того, чтобы говорить с людьми острова Сегу, куда идет корвет, я роздал остальным очень щедро то, что им было обещано (табак и гвозди) и отпустил их, задержав Каина, Гассана и Марамая, который сам пожелал отправиться с нами. Когда корвет двинулся, я почти насильно должен был удержать Каина; Гассан же, улучив момент, когда я на

него не смотрел, взобрался на полуют и оттуда бросился в море.

Проходя мимо островка Урему, где я в 1877 году посадил несколько кокосовых пальм, я имел удовольствие видеть, что они все принялись и росли хорошо. Каин и Марамай, указывая на них, повторяли мое имя, приговаривая: «нуи Маклай», «мунки Маклай» (остров Маклая, кокосы Маклая), «навалобе Маклай Урему и на тальатар» (современем Маклай прибудет в Урему и построит себе дом).

Туземцам очень хотелось, чтобы корвет прошел через узкий пролив между островом Григером и мысом Бэйле на материке Новой Гвинеи и таким образом направился бы к острову Сегу. Адмиралу, однако, это показалось слишком рискованным, почему мы продолжали путь вдоль островов архипелага Довольных Людей. Мы прошли длинный остров Сегу и увидели пролив между ним и материком, совершенно чистый от всякой опасности. Пройдя пролив, корвет бросил якорь у западного берега острова Сегу. Так как было еще не поздно, то в тот же день было сделано несколько промеров.

Я отправился с несколькими офицерами на паровом баркасе осмотреть бухты обширного порта Алексея. При моем возвращении мне было сообщено, что Каин и Марамай последовали примеру Гассана, то есть воспользовались приблизившейся пирогою, которая забрала их из воды, и больше не возвращались. Хотя я отчасти извинял страх туземцев, но все-таки был сильно раздосадован их поступком, почему, увидев пирогу с двумя туземцами, я приказал рулевому направиться к ней и почти что силою взял одного из них, другой же бросился в воду. Я отвел

моего пленника на корвет, убежденный, что это обстоятельство побудит Каина и Марамая вернуться на корвет. На палубе я начал с того, что убедил знаками (диалект Сегу был мне незнаком) моего пленника, что его не ожидает никакая опасность, а, напротив того, он получит много подарков, из которых многие были вручены ему немедленно.

Перед заходом солнца вид высоких гор с их вершинами, пиками Канта и Шопенгауэра, был великолепен. Двум людям из команды было поручено смотреть за пленником, который, благодаря добродушию матросов, чувствовал себя совершенно спокойно, принимая все, что ему только давали.

20 марта

Был одет в половине пятого, а после завтрака отправился с лейтенантом Б. в бухту Еремпи, которая оказалась гораздо более обширной, чем мы думали, и состояла собственно из трех бассейнов. Глубина воды в бухте совершенно достаточная для больших судов. Берега кругом были покрыты лесом. Мы видели нескольких туземцев, но они побоялись приблизиться к плывшему паровому баркасу, дым которого очень смущал их. На возвратном пути я попросил лейтенанта Б. войти в речку Аю, которая мне была знакома еще с 1877 года. Речка оказалась достаточно глубокой, хотя и узкой. Растительность кругом была роскошная. Одна лиана с пучком лиловых цветов попадалась очень часто. Очень высокие бананники росли у самого берега. Кроме высокого ствола и узких листьев они отличались маленькими несъедобными плодами, полными зерен.

Недалеко от устья речки Аю я заметил небольшое

озеро, которое я видел, отправляясь в деревню Еремпи в 1876 году.

Я решил, вернувшись на корвет, отпустить нашего вчерашнего пленника и поэтому сам отправился с ним в деревню Сегу, которая, однако же, оказалась совершенно безлюдной. В одной из покинутых хижин я увидел два круглых щита, несколько горшков с орнаментами вокруг горла и один очень замечательный телум, представлявший мужскую и женскую фигуры. Наш пленник остался на острове и не отходил от шлюпки до нашего отъезда. Он был бы не прочь вернуться обратно на корвет, где все обращались с ним очень хорошо.

Встретив на обратном пути к корвету несколько пирог, я стал уговаривать туземцев (говоря на диалекте Бонгу, который они, повидимому, отчасти понимали) вернуться в деревню, откуда они выбрались вчера вечером вследствие прихода нашего корвета. Дав им несколько подарков (табаку, красного коленкору и бус), я сказал, чтобы они привезли нам на другое утро кокосовых орехов. Когда стемнело, можно было разглядеть во мраке несколько пирог, возвращавшихся на остров Сегу. Огоньки, замелькавшие там и сям, показали нам, что туземцы послушались и вернулись по домам.

21 марта

До восхода солнца я отправился в деревню Сегу и отпустил шлюпку. Кругом не было видно ни души, но я был убежден, что туземцы скоро покажутся, и не ошибся. Не только мужчины явились ко мне, но от них не отстали и женщины. Каин был между первыми. Очень радостно пожимая мне руку, он сказал,

что вчера он потому только сбежал с корвета, что боялся оставаться среди «тамо-русс» без меня, но что со мною он готов вернуться хоть сейчас и отправиться, куда я пожелаю. Я поймал его на слове и предложил ему отправиться со мною в деревню Бомассия, про которую я только слышал в 1876 году; побывать же там самому мне не удалось.

Кроме Каина я взял с собою еще и моего амбоинца Яна. В небольшой пироге мы отправились к реке Аю; затем через небольшой приток, по имени Маус, мы переплыли маленькое озеро Аю-Тенгай, окруженное лесом. Около тропинки мы вытащили пироги на берег и втроем отправились вперед. Часа через полтора мы пришли к деревне, очень похожей на Еремпи. Жители ее сперва было бросились бежать, но несколько слов, сказанных Каином, успокоили их совершенно. А когда я роздал несколько подарков, вся деревня, как мужчины, так и женщины, сбежалась, чтобы получить от меня что-нибудь; мужчинам я давал табаку и гвоздей, женщинам — бусы и красную материю, разорванную на длинные полосы.

Мне хотелось приобрести несколько черепов, но Каин уверил меня, что жители — людоеды, что мозг обыкновенно варится в самом черепе, а затем, когда все уже съедено, кости выбрасываются в море.

Мне предложили купить здесь очень интересный для меня довольно длинный щит, не деревянный, а сплетенный из ротанга. Этот щит был приобретен туземцами от жителей Кар-Кара (остров Демпир). Владелец щита хотел получить за него топор, которого у меня не было с собой, и не хотел доверить его мне и подождать уплаты при посредстве Каина, а самому ему не хотелось итти на корвет, где он мог

получить топор. Поэтому мне пришлось отказаться от приобретения щита. Тем не менее, мне удалось приобрести копье, лук и стрелы весьма тщательной работы и этим пополнить небольшую коллекцию папуасского оружия. Наконечники стрел в особенности были вырезаны очень искусно разными зарубками и засечками.

Когда нам подали угощение из вареного таро, я пожелал узнать, имеют ли здешние жители специальные табиры для угощений, на которых бы подавалось исключительно человеческое мясо. Ответ получился отрицательный. Мне сказали, что человеческое мясо варится в обыкновенных горшках и подается тоже в обыкновенных табирах. Так как сегодня меня не угощали мясом, то на этот раз я мог быть уверен, что мне не преподнесли человеческого мяса.

На обратном пути нам пришлось пройти несколько довольно больших и очень хорошо обработанных плантаций. Повидимому, земля здесь особенно плодородна. Мы вернулись на корвет как раз перед самым ливнем. От адмирала я узнал, что он намеревается сняться на следующий день. Это меня крайне удивило и опечалило, так как на карту еще не было нанесено и половины обширного порта Алексея. Все бухточки и якорные места около острова Рио, Тиара, Григер и других, то есть вся южная часть этого порта не значилась еще на карте, сделанной офицерами корвета «Скобелев». Я несколько раз начинал доказывать адмиралу, как было бы хорошо распространить промер и на остальную часть порта. Адмирал, однако, оставался непреклонен, говоря, что уже сделано все необходимое и что лучшей якорной стоянки, чем мы имели около острова Сегу, искать

нечего, что необходимо крайне дорожить временем и т. д.

22 марта

Встав до рассвета, отправился на мостик и сделал эскиз гор Мана-Боро-Боро и архипелага Довольных Людей. Сильный противный ветер помешал нам сняться, почему я отправился на небольшой островок, по имени Мегаспена, покрытый растительностью и представляющий во многих местах некоторые удобства для причаливания шлюпок. Оттуда я переехал на остров Сегу, отыскал Каина и через него спросил туземцев, которые считают остров Мегаспена своим, согласны ли они дать мне этот остров для того, чтобы построить там дом в случае моего возвращения. Все оказались не только согласными, но даже очень довольными, услышав, что я поселюсь недалеко от них.[1]

23 марта

Снялись с якоря в шесть часов, около восьми проходили пролив Изумруда между Новой Гвинеей и островом Кар-Кар. У юго-западной оконечности острова мы заметили несколько парусных пирог.

[1] Миклухо-Маклаю не удалось возвратиться на Новую Гвинею. Эта поездка была его последним путешествием. *Ред.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции . 5

Н. Н. Миклухо-Маклай. *Вступительная статья А. Б. Пиотровского* 9

Первое путешествие на Новую Гвинею (1871—1872) . . . 55

Второе путешествие на Новую Гвинею (1874) 327

Третье путешествие на Новую Гвинею (1876—1877) 389

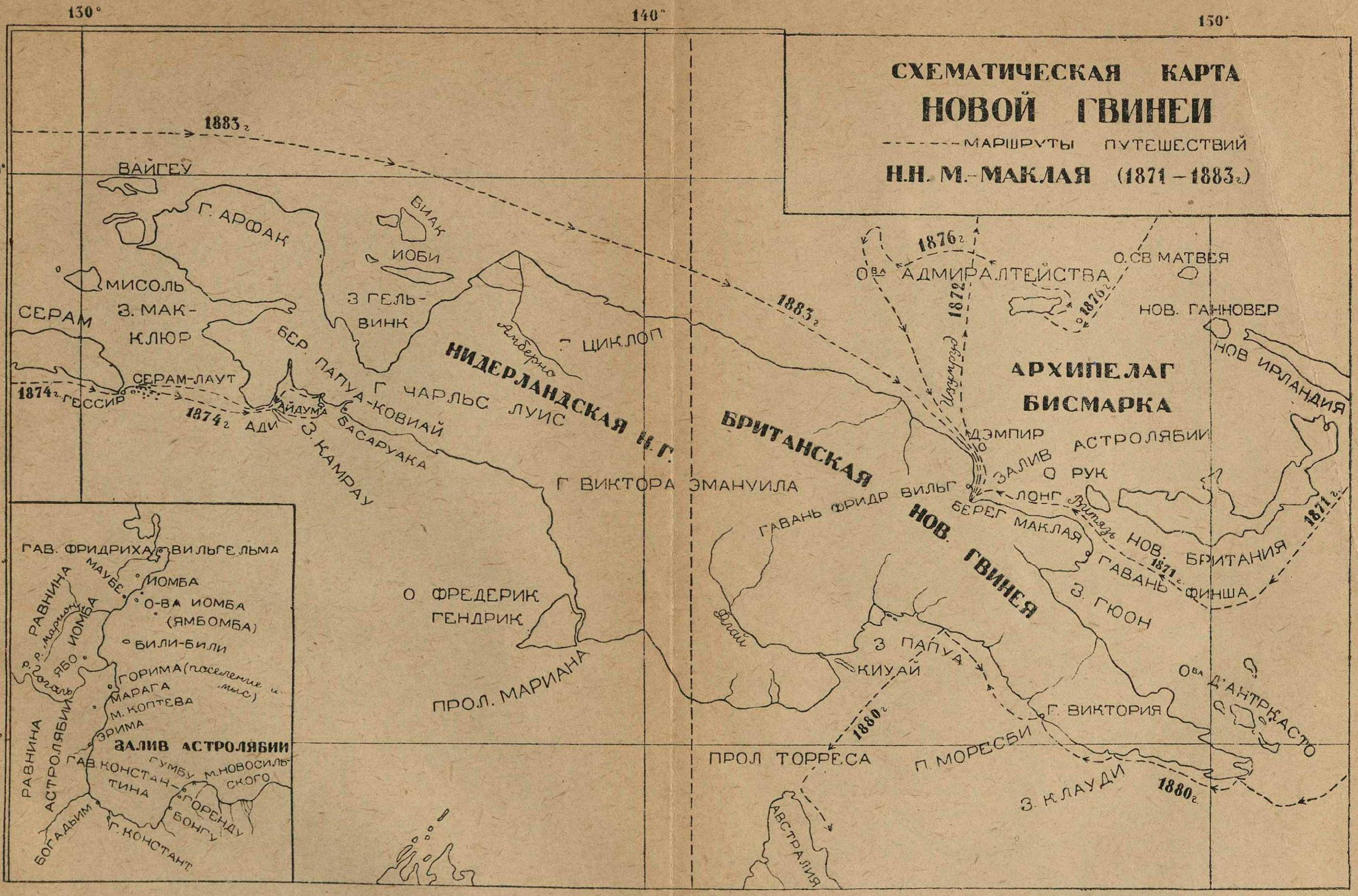
Острова Адмиралтейства 391

Берег Маклая . 430

Из дневника путешествия по островам Меланезии (1879) . . 497

На островке Андра 499

Последнее посещение Берега Маклая (1883) 565

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
НОВОЙ ГВИНЕИ
-------МАРШРУТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ
Н.Н. М.-МАКЛАЯ (1871 – 1883 г.)
130°
140°
150°
0°
10°
1883 г
1876 г
1872 г
1874 г
1871 г
1880 г
ВАЙГЕУ
Г. АРФАК
БИАК
ИОБИ
З ГЕЛЬВИНК
МИСОЛЬ
З. МАККЛЮР
СЕРАМ
СЕРАМ-ЛАУТ
ГЕССИР
АДИ
АЙДУМА
З. КАМРАУ
БАСАРУАКА
БЕР. ПАПУА-КОВИАЙ
Г. ЧАРЛЬС ЛУИС
Г. ЦИКЛОП
НИДЕРЛАНДСКАЯ Н.Г.
БРИТАНСКАЯ
НОВ. ГВИНЕЯ
Г. ВИКТОРА ЭМАНУИЛА
О ФРЕДЕРИК ГЕНДРИК
ПРОЛ. МАРИАНА
О-ВА АДМИРАЛТЕЙСТВА
О. СВ МАТВЕЯ
НОВ. ГАННОВЕР
НОВ ИРЛАНДИЯ
АРХИПЕЛАГ БИСМАРКА
ДЭМПИР
ЗАЛИВ АСТРОЛЯБИИ
О РУК
ЛОНГ
ГАВАНЬ ФРИДР ВИЛЬГ
БЕРЕГ МАКЛАЯ
НОВ. БРИТАНИЯ
ГАВАНЬ ФИНША
З. ГЮОН
З ПАПУА
КИУАЙ
О-ВА Д'АНТРКАСТО
Г. ВИКТОРИЯ
П. МОРЕСБИ
З. КЛАУДИ
ПРОЛ ТОРРЕСА
АВСТРАЛИЯ
ГАВ. ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА
МАУБЕ
ИОМБА
О-ВА ИОМБА (ЯМБОМБА)
БИЛИ-БИЛИ
РАВНИНА ИОМБА
ЯБО
ГОРИМА (поселение и мыс)
МАРАГА
М. КОПТЕВА
ЭРИМА
ЗАЛИВ АСТРОЛЯБИИ
ГАВ. КОНСТАНТИНА
ГУМБУ
М. НОВОСИЛЬСКОГО
ГОРЕНДУ
БОНГУ
РАВНИНА АСТРОЛЯБИИ
БОГАДЫМ
Г. КОНСТАНТ.

8 p.

2020125473